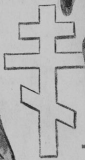

ТА
Л
Е
Р
Г
О
Ф
С
К
І
Й

А
Л
Ь
М
А
Н
А
Х
Ъ

1930

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.
ТАЛЕРГОФЪ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ТАЛЕРГОФСКІЙ АЛЬМАНАХЪ.

ПРОПАМЯТНАЯ КНИГА

австрійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и
насилій надъ карпато-русскимъ народомъ
во время всемірной войны 1914 — 1917 г. г.

Выпускъ четвертый ТАЛЕРГОФЪ

Часть вторая.

РАДА МУЗЕЮ
ЛЕМКІВСКОЙ КУЛЬТУРИ
В ЗИДРАНОВІ
38-454 ТИЛЯВА

== ЛЬВОВЪ, 1932. ==

■ Изданіе „Талергофскаго Комитета“. ■

SPOŁECZNA RADA MUZEUM
Kultury Lemańskiej
i Pamięci Wojennej
w ZYI ORANOWEJ
38-454 Tylawa, woj. Krośne

ПЕРЕПЕЧАТКА ВОСПРЕЩЕНА.

РАДА МУЗЕЮ
ЛЕМІНСЬКОЇ КУЛЬТУРИ
В С. ВІДЛАНОВІ
38-454 ТИШЕВ

Тилографія Ставролигійського Інститута во Львовѣ, ул. Бляхарская № 9.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ IV. ВЫПУСКУ

Согласно заявленію въ предисловіи къ III-му выпуску Талергофскаго Альманаха и предлагація, четвертый выпускъ его — также под редакціей С. Ю. Бендасюка — весь отведенъ собственно Талергофу, т. е. заполненъ исключительно матеріаломъ, относящимся къ страданіямъ, перенесеннымъ узниками изъ русскаго Прикарпатя въ талергофскомъ лагерѣ.

Большую первую половину выпуска занялъ Дневникъ о. І. Машака, вторую же записки о. Генриха Полянскаго и другихъ талергофцевъ, помѣщенный же въ концѣ книги текстъ распоряженія австрійскаго военно-охраннаго вѣдомства отъ 9-го ноября 1914 года является документальнымъ показателемъ-истолкователемъ отношенія высшихъ астр. властей къ талергофскимъ узникамъ, своимъ русскимъ подданнымъ вообще и всему тому, что въ талергофскомъ аду происходило и творилось.

Обидѣ подученнаго и находящагося теперь въ распоряженіи матеріала, имѣющаго непосредственное отношеніе собственно къ самому Талергофу, заставило редакцію перейти на шрифтъ меншей того, которымъ были напечатаны всѣ три предыдущихъ выпуска, болѣе убористый и емкій, изъ иллюстрацій помѣщать преимущественно портреты талергофцевъ, значить, фотографическіе снимки „винятнаго“ развѣра, отказаться отъ желательныхъ, быть можетъ, объясненій и ссылокъ, и вообще принять рядъ мѣръ и сокращеній, съ цѣлью уплотненія печатаемаго и помѣщенія возможно больше манускрипта. По этимъ же соображеніямъ отступлено отъ даннаго въ предъид. выпускѣ обѣщанія помѣстить полный списокъ талергофцевъ и отложено его печатанье къ послѣдней части „Талергофа“, что и практичнѣе, ибо тогда только онъ можетъ быть наиболѣе полнымъ и точнымъ. Все же исчерпать этого матеріала не удалось, въ виду чего слѣдующій (пяты) выпускъ явится дальнѣйшей частью „Талергофа“.

Талергофскій Комитетъ, возглавляемый нынѣшнимъ сеніоромъ Ставропигійскаго Института, Антономъ Осиповичемъ Гузловъ, и оставшійся въ своемъ прежнемъ составѣ, указанномъ нами въ предъид. выпускѣ, продолжаетъ свою дѣятельность и исполненіе обязанностей и задачъ, возложенныхъ на него памятнымъ Талергофскимъ Съѣздомъ 31-го октября 1928 года, хотя изъ-за общаго тяжелаго экономическаго кризиса, неимѣнія необходимыхъ матеріальныхъ средствъ и совпаденія др. крайне неблагоприятныхъ условій и обстоятельствъ, находится въ чрезвычайно трудномъ положеніи и по необходимости ограничилъ свою дѣятельность къ тому, что сдѣлать въ силахъ.

Состоявшееся 1-го ноября 1929 года заседание т. зов. расширенного Талергофского Комитета, съ участием свыше 60 лиц, вынесъ рядъ постановленій и преподалъ указанія и порученія тѣснѣйшему Талергофскому Комитету, какъ неподлнтельному органу, по заданію увѣковѣченія памяти русскихъ героевъ-мучениковъ вообще и изданія талергофскихъ матеріаловъ въ частности. Этимъ же заседаніемъ единодушно вынесенъ рѣшительный протестъ противъ возмутительной напасти со стороны перемышльскаго епископа, рываго украиномана, Іосафата Коцляовскаго, который въ своей епархіи запретилъ духовенству участвовать въ поминальныхъ богослуженіяхъ по талергофцамъ и въ талергофскихъ торжествахъ.

Въ перемышльской епархіи, по поводу этого епископскаго запрещенія, въ другихъ же двухъ епархіяхъ (львовской и станицлавовской) по собственному рвенію, священники-украиноманы не разрѣшали служить въ церквахъ панихиды по талергофцамъ (Куляковъ, Перемышль и др. м.), а подстрекаемая ими мазепинская толпа недопускала русскихъ къ устройству торжественныхъ шествій съ пропаянтнымъ крестомъ на кладбище, насильственно, дикимъ нападеніемъ, разстраивала и разбивала такое шествіе, не давала возможности посвятить этотъ крестъ, а въ нѣкоторыхъ селахъ уже, было, выкопанный талергофскій крестъ, ночью ли, днемъ ли, откапывала, ломала и выбрасывала (Словичъ, у. Золочевъ, и др.) — словомъ — совершала „подвиги“, перенятые и живьемъ въ XX столѣтіе перенесенные изъ далекаго мрачнаго средневѣковья. Описанія ихъ сплошь и рядомъ встрѣчаются въ русской и чужой періодической печати.

Вообще приходится установить и записать прискорбный, трагическій фактъ, что наши мазепинцы преслѣдуютъ своей лютой и сабной ненавистью русскихъ талергофцевъ и въ могилѣ. Злодѣйски и страшно измѣнивъ и родивъ и родному народу, сами они почему-то, точнѣе сказать, именно потому, не могутъ ни простить, ни забыть этимъ невиннымъ жертвамъ своего, мазепинскаго, доносительства, ихъ вѣрности родивъ-Руси и родному народу, ихъ величія, геройства и непобѣдимости въ мученіяхъ и смерти, до конца, до послѣдняго вздоха. Чуютъ въ нихъ себѣ осудительный приговоръ и мстятъ имъ за это даже за гробомъ, тревожатъ ихъ вѣчный покой, кощунственно посягаютъ на ихъ священную память.

Тѣмъ дороже эти жертвы намъ, русскимъ. Тѣмъ скорѣе, охотнѣе, щедрѣе и дружнѣе должны мы откликаться на эсъ призывы къ сооруженію имъ всенароднаго памятника, достойнаго и ихъ искупительныхъ страданій, правдиваго героизма и праведной кончины и нашего къ нимъ пѣтизма.

Львовъ, ноябрь м., 1931 г.

Дневникъ о. Іоанна Мащака

(изъ Липицы дольной, у. Рогатинъ)

(Черновыя записи химическимъ карандашомъ въ 4 тетрадьхъ въ 16^о л.,
карточки нумерованы.)

Декабрь 1914 г.

3. дек. — Морозъ. Вчерашнія предположенія относительно пушечныхъ выстрѣловъ оправдались: Бѣлградъ палъ.

4. дек. — Легкій морозъ. Узнали, что прусская армія подъ Г. понесла большой уронъ. В-рръ сказалъ, что до сихъ поръ еще не было такого страшнаго погрома.

По баракамъ разносятъ и продаютъ: водку, чай, сахаръ, папиросы, иголки, нитки, бумагу и пр. Курятъ и въ баракѣ.

Говорятъ, что 14. дек. выселятъ всѣхъ насъ изъ талергоф. бараковъ и переведутъ куда-то въ другія мѣста.

Явилась комиссія. Есть г. Вейсъ, г. Смудка, нашъ полковникъ и др. и адвокатъ Ганкевичъ изъ Коломыи, какъ мужъ довѣрія. Допрашиваютъ прежде всего мазепинцевъ, затѣмъ вообще стариковъ и др. Образованы разныя комиссіи по исполненію работъ. Какой-то ротмистръ и др. созывали Zimmer-комендантовъ и офицеровъ, обратились къ намъ: „Мы къ вамъ имѣемъ дѣло — ваши люди должны помочь намъ сдѣлать причы (нары) и новые баракы; мы хотимъ устроить такъ, чтобы вамъ здѣсь было лучше жить и спать. Помогающіе при работѣ получаютъ $\frac{1}{2}$ хлѣба больше“.

Характерно, что допрашиваемому о. Юркевичу изъ Роздоля, заявили, что онъ еще 20 авг. освобожденъ и какъ же это вышло, что онъ еще до сихъ

поръ здѣсь сидитъ? Изумилась комиссія и еще больше самъ о. Юркевичъ.

5. дек — Морозъ держитъ дальше. Днесь комиссіи нѣтъ уже за то явились аудиторы. Дождались и госпиталя. Въ другой серіи бараковъ выдѣленъ одинъ баракъ подъ госпиталь. Тамъ есть полъ и кровати. Больныхъ перевели туда, между прочими совѣтника Литынскаго, адвоката изъ Галича Копыстьянскаго, помѣщика Жаровскаго и др.

Въ 4 ч. дня стоящій на посту, виѣ барака, солдатъ выстрѣлилъ въ переѣзавшаго черезъ заборъ крестьянина, но въ него не попалъ, но вмѣсто этого пуля черезъ стѣну барака попала въ другого, какъ разъ тогда молящагося крестьянина и, задѣвъ верхнюю часть легкаго, убила. Убитый называется Иванъ Попикъ изъ села Медыничъ, отецъ 7 дѣтей. Выстрѣлившій солдатъ называется Hauptmann. Стоявшій напротивъ другой солдатъ крикнулъ ему: не стрѣляй! (это былъ чехъ по національности) но напрасно.

Весьма скоро, ибо такъ вечеромъ того же дня, т. е. въ 2 часа послѣ убійства, убитаго крестьянина похоронили. Опасаясь демонстраціи, приказали, чтобы только 4 человекъ принесли покойника на кладбище, но вопреки этому запрещенію, собралось на похороны очень много народа. Хоронилъ о. Владимиръ Венгриновичъ, съ хоромъ отслуживъ панихиду. Покойника перенесли

ближе къ рѣшеткѣ, о, Владиміръ прочиталъ Евангеліе отъ Матѳея... „гонимы будете имени моего ради и убіють въ“ и т. д. Эти слова Евангелія потрясающимъ образомъ подѣйствовали на слушателей. За рѣшетку вышучено только 4 людей нести гробъ далѣе, но хоръ продолжалъ стоять у рѣшетки и пѣть: „со святыми упокой“...

Сообщили намъ отрадное извѣстіе, а именно, что, наконецъ, пришла конгруа (священническое жалованье). Мнѣ признано по 31. дек. 458'12 копѣй. Священники повеселѣли, такъ какъ въ виду слуховъ, что ихъ куданибудь переведутъ только подъ надзоръ, надѣются, что у нихъ уже будутъ кое-какія средства къ жизни.

Съ депозитами дѣло неладно: отбрали деньги и не возвращаютъ ихъ, несмотря на многочисленныя настойчивыя письменныя и иные запросы и требованія.

Кто-то изъ здѣшнихъ сдѣлалъ на коменданта 4-го барака, о. Сѣлецкаго, доносъ прокурору. Вотъ подлость. Даже здѣсь, въ тюрьмѣ, и то эти мерзавцы продолжаютъ заниматься своимъ отвратительнымъ ремесломъ.

6. дек. — Сегодня ровно 4 мѣсяца тому, какъ меня арестовали. Морозъ легкій. Воскресенье.

Въ 12 ч. „дзядзьо“, (о. Дольникій) сообщилъ, что въ часъ 30 м. онъ убѣждаетъ въ Грацѣ. Всѣхъ насъ эта вѣсть обрадовала, а старикъ былъ взволнованъ. Въ часъ и 15 м. въ баракѣ, мы съ нимъ распростились. Комендантъ, нотаріусъ Телесникій, прощаль его отъ имени находящихся въ баракѣ, желая счастливаго возвращенія на родину, на закатѣ лѣтъ. Старикъ прослезился. Отъ духовенства я его прощаль.

— Мы, младшіе, сказалъ я между прочимъ — особенно больно были поражены 31-го августа, когда увидѣли, что между нами находится арестованный также такой глубокой старикъ и все недоумѣвали, почему онъ здѣсь, но затѣмъ узнали, что и это по велію Божію такъ вышло на то, чтобы мы, видя геройское терпѣніе и бодрый духъ старика, легче сами переносили тяготы узилища. Поистинѣ самый видъ Вашъ

всегда же всегда упованіе и духовный подъемъ въ наши неразъ падающія сердца. Богъ да будетъ съ Вами, а Вы помните о насъ въ молитвахъ Вашихъ.

Затѣмъ сказалъ прощальное слово его старій знакомый о. Ник. Малинякъ. Отвѣтилъ „дзядзьо“ просто, сердечно, трогательно. Велѣлъ намъ въ ежедневныхъ молитвахъ уповать на помощь Пр. Богородицы и по крайней мѣрѣ, вздохнуть въ трудную минуту испытанія призывомъ: Пресвятая Богородице, спаси насъ. Пропѣлъ даже краткую молитву ко Пр. Богородицѣ по итальянски, собой на досугъ сочиненную. Потомъ о. Кор. Сеникъ попрашалъ его отъ имени крестьянъ, которые привыкли всегда видѣть и слушать съ умиленіемъ старичка-священника во время богослуженія.

Послѣ привѣтствій, мощный хоръ сталъ пѣть нашимъ галицко-рускимъ напѣвомъ: Многая дѣта! Безъ команды, какъ то сами собой многие стали въ 2 ряда, вдалѣ которыхъ старикъ сталъ медленно идти къ воротамъ, до 2000 человекъ сопровождали „дзядзьо“ до рѣшетки въ то время, какъ хоръ грянулъ свое громовое: „во здравіе, во спасеніе“. Свыше тысяча шапокъ поднялись въ воздухъ и долго еще были въ движеніи, пока старикъ пропалъ изъ виду.

Явились 2 офицера, врачъ и солдатъ, у д-ра Вл. Могильницкаго и спрашивали о подробностяхъ убійства солдатомъ Попика, а затѣмъ пошли на мѣсто искать пулю, но не нашли ея.

Узналъ изъ Лемковины, вотъ что: Въ арестный домъ при окружномъ судѣ былъ заключенъ польскій ксендзь изъ м. Дембсвицы возлѣ Ясла. Въ той же камерѣ сидѣли оо. В. Курылло, Качмарчикъ, Вл. Мухнацкій и др. Онъ разсказалъ, что копилъ себѣ пару голубей, которыхъ ему принесли двое мальчиковъ, и вдругъ кто то сдѣлалъ доносъ, что будто это почтовые голуби. Сейчасъ жандармы арестовали его и этихъ 2 мальчиковъ, какъ заподозрившихъ въ шпіонствѣ. Онъ разсказывалъ, что по прибытіи русскихъ войскъ, русскіе офицеры въ Яслѣ вели себя въ полномъ смыслѣ слова по джентельменски. На

ратушѣ города сейчасъ былъ водруженъ русскій флагъ. За все, что получали, платили исправно, сейчасъ и сполна. Кушали въ ресторанахъ, платя золотомъ. Впоследствии явились у городского головы съ просьбой, чтобы имъ выдать удостоверение въ томъ, что ихъ поведение было корректно и всё дѣла въ порядкѣ. Гостили также у него, ксендза, и онъ не находить достаточно словъ, чтобы высказать самую высокую похвалу по адресу офицеровъ такого отличнаго воспитанія и поведения.

7 дек. — Вечеромъ привели въ баракъ польскаго ксендза, російскаго подданнаго, нѣкоего Винкентія Замойскаго, члена келецкаго капитула(?), какъ говорятъ.

Днесь уходятъ 14 человекъ обоего пола и разнаго возраста, почти всё — мазепинцы.

(Примѣчаніе) Въ Славскѣ о Евстахій Качмарскій держалъ въ церкви, передъ отъездомъ изъ своего прихода проповѣдь, съ характерной малорусской хитростью. Советовалъ своимъ прихожанамъ поступать такъ: придуть мадяре — вы скажете, що вы украинцы, придуть москали — вы скажете что вы староруссы. „Я самъ такъ зробишь бы — заключилъ твердо и убѣдительно — та боюсь тѣхъ старорусскихъ селянъ, шобы мене не здрядили“. Характеръ!

Примѣч.: Въ Сосницю, у Ярославъ, 12 окт. пришли мадяре и схватили 6 крестьянъ за то, что они, слушався казакоевъ, перевели имъ изъ помѣщичьяго двора скотъ и перевезли съно. Схваченнымъ приказали вырыть себѣ могилы и тутъ же этихъ крестьянъ повѣсиди и сейчасъ же ихъ, еще теплыхъ, въ этихъ могилахъ похоронили. Имена и фамиліи этихъ несчастныхъ: Иванъ Шусточка, Илько Якимецъ, Илько Яворскій, Николай Снѣгуровскій, Андрей Гордѣй, Иванъ Кошка

8 дек. — Легкій морозъ. По баракамъ раздають причы (нары) Днесь ходили къ рапорту всё, кто писали Majestätsgesuche (прошенія на высочайшее имя). Полковникъ принялъ ихъ очень вѣжливо и заявилъ, что прошенія не посланы командѣ потому, что много

требованій и такъ уже улажено, а тѣ, которая еще не улажены, суть распоряженія, впрочемъ же прошенія должны ити по почтѣ, а не официалнымъ путемъ. Кто хочеть, можетъ и теперь еще такое прошеніе послать по почтѣ. Сообщилъ, что тѣ, которые считаются полтъческіи неблагонадежными и кото-

Свщ. о Іоаннъ Машакъ,

настоятель прихода Липица дольня, уѣздъ Рогатинъ, въ Галичинѣ, авторъ помѣщеннаго здѣсь дневника.

Снимокъ сдѣланъ въ Талергофѣ и, подобно дневнику, вѣрно свидѣтельствуеть о тяжеломъ положеніи заключенныхъ въ Талергофѣ. Всякій, кто зналъ о Іоанна Машака до войны, его полный здоровый и бодрый видъ, жизнерадостное лицо, приятныя и скорѣе мечтательныя глаза, пораженъ перемѣной запечатлѣнной на этомъ снимкѣ и происшедшей въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ пребыванія въ Талергофѣ.

Родился въ 1861 г. Уже задолго до войны выдающийся галицко-русский общественный дѣятель, народный писатель и организатор. До войны долгодѣйный членъ верховной политической галицко-русской организации „Русскій Народный Союзъ“ и членъ правления политич. О-ва „Русская Рада“ во Львовѣ, членъ всѣхъ центральныхъ гал.-рус. организаций и О-ва. Авторъ популярной иллюстрир. Библии, народныхъ разсказовъ и поучительныхъ и политическихъ статей въ гал.-рус. изданияхъ. Талантливый проповѣдникъ и ораторъ на богослуженіяхъ и совѣщаніяхъ общихъ (генеральныхъ) собраній на родно-просвѣтительнаго О-ва им. М. Качковского во Львовѣ. Доблестный и неустрашимый борецъ за права родного народа подъ лютымъ австрійскимъ владычествомъ.

Р. Дубякъ.

рыхъ какъ „руссофиловъ“ представилъ старостѣ, останутся здѣсь до конца войны, дабы случайно не попали на театр военныхъ дѣйствій и не нанесли вреда своей родинѣ, „освобожденные“ же будутъ отпущены на свободу (не въ Галичину, разумѣется). Проф. д-ръ Николай Антонецъ жаловался полковнику на то, что все время, особенно вначалѣ, обращались съ нами, какъ съ обыкновенными преступниками и угрожали намъ разстрѣломъ. Полковникъ извинялся, заявляя, что онъ былъ такъ сформированъ, и потому не виноватъ въ строгомъ обращеніи съ нами.

Примѣч.: Михаила Дубянскаго изъ Майдана липовецкаго (у. Перемишляны) одинъ солдатъ укололъ 6 сент. въ грудь штыкомъ на поляхъ Талергофа. Онъ затѣмъ вычелся и самъ мнѣ это разсказывалъ.

Изъ Самбора, 6-го сент. фхаль транспортъ арестованныхъ въ Угорщину. Въ Лавочномъ, на станціи, вошелъ въ вагонъ фенрихъ (прапорщикъ). Въ вагонѣ фхали: оо. Северъ Ясиницкій, Гр. Билинскій, Монастырскій, г. Гмытрикъ,

Куцкій, студ. унив. Скворонь¹⁾, крестьяне изъ окрестностей Борыслава, нпр. Лютикъ и др.

Конвоирующій ихъ въ вагонѣ воинъ не хотѣлъ фенриха влустить. Но фенрихъ сказалъ, что онъ хочетъ только посмотреть, и какъ - то втиснулся внутрь и, не говоря ни слова, перваго о. Севера Ясиницкаго со всего размаха ударяетъ кнутомъ по головѣ. Шляпа съ священника слетѣла на землю, фенрихъ ударилъ еще разъ кнутомъ, а потомъ ударилъ рукой по лицу съ обѣихъ сторонъ. На это о. Северъ успѣлъ только сказать: Gott wird uns richten (Богъ намъ судья). Эти слова привели фенриха въ крайнее бѣшенство, онъ еще злобѣе сталъ бить, крича: Was, Gott, Gott, Gott! и ударяя при каждомъ словѣ кнутомъ. Только послѣ того, какъ о. Северъ сказалъ, что самъ служилъ нѣкогда въ арміи вольноопредѣляющимся, и былъ офицеромъ, фенрихъ пересталъ бить его, а бросился бить другихъ арестованныхъ. Фенрихъ очевидно не нѣмецъ (говорилъ хорошо по польски). Такія же истязанія арестованныхъ продолжались и въ Марошъ Ляборъ (въ Угорщинѣ). Поѣздъ остановился и заключенные выходили изъ вагона и подходили къ ужину и тогда ихъ били всѣхъ, даже женщинъ. г-жу Странку, жену о. Севера Ясиницкаго и др., поочередно. Устроили это такъ, что оставили 4 солдата съ палками и солдаты били несчастныхъ, кгда они проходили. Тогда о. С. Ясиницкій выходилъ изъ вагона послѣднимъ. Солдатъ мадьяръ кокнулъ (ударилъ ногою) его сапогомъ такъ сильно, что свалилъ наземь, затѣмъ схватилъ его за шиворотъ, вывелъ передъ находящуюся на вокзалѣ публику и представилъ, показывая пальцемъ: попь! попь! ударилъ

¹⁾ Какъ въ семь случаевъ, такъ и въ др. нѣкоторыя фамиліи ялиже названія мѣстностей, могутъ оказываться неточными. Карандашный почеркъ подлинника кое-гдѣ неразборчивъ, такъ, что несмотря на всѣ старанія при его разборѣ и переводѣ, могутъ вкрасться неточности и ошибки, объ исправленіи которыхъ читатели просимъ. *Р. Дубякъ.*

его со всей силы въ зубы, потомъ билъ его въ спину. Одинъ солдатъ билъ о. Хомицкаго полвномъ, а другой большимъ камнемъ, держимымъ въ рукѣ.

9. дек. — Морозецъ. Въ 9 ч. утра прибыли 150 русскихъ плѣнныхъ солдатъ. Приведенные своимъ подполковникомъ, выстроились передъ баракомъ, бойко и складно съѣли русскую пѣсню, затѣмъ на команду: шляпу долой! открыли головы и съѣли стройно и важно: Отче нашъ. Присутствующіе австрійскіе офицеры и солдаты также сняли шапки. Передъ завтракомъ (супомъ) съѣли речитативомъ. „Отче нашъ“. Все это производитъ на нашихъ крестьянъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Они глубоко тронуты, говорятъ: вотъ видимъ теперь, чья вѣра твердша. Русскіе плѣнные — это мастера (столяры, плотники и др.), командированные сюда строить новые бараки, дѣлать „причи“ въ баракахъ и т. п. У нихъ есть топоры, долота, пилы и др. снаряды.

Днесь многихъ допрашиваютъ аудиторы. Нѣкоторые пишутъ прощенья. Кое-кто отпущенъ на свободу. Мы снова собираемся составить Majestätsgesuch. Послѣ обѣда были мы, вдвоемъ съ о. Сеникомъ, у судебного слѣдователя Фида. Заявилъ намъ, что приказано намъ отправиться въ Вѣну, въ гарнизонный арестный домъ, и тамъ будетъ разбираться „дѣло“ всѣхъ членовъ „Народнаго Совѣта во Львовѣ“. Это заявленіе обезпечило меня и о. Сеника. Въ то время какъ другіе ждутъ скорого освобожденія, нѣкоторые же понемногу и въ самомъ дѣлѣ выходятъ (совѣтникъ суда Вл. Костецкій уѣхалъ вчера), мы идемъ на судъ! Черезъ 7—8 дней должны мы туда отправиться. Съ финансами у меня крайне круто: конгруи все еще не получилъ, денегъ нѣтъ. Разстанусь съ Янкомъ (см. выше) и не знаю, гдѣ потомъ найду его.

Господи, что же то насъ ждеть еще впереди? Такъ беспокоюсь... Д-ръ Николай Павловичъ (Глѣбовичій), какъ юристъ, успокаиваетъ меня всячески, дай ему Богъ здоровья, которое, къ со-

жалѣнію, въ послѣднее время у него что-то портится.

Вечеромъ плѣнные русскіе воины долго пѣли свои чудныя пѣсни стройно и мощно, но намъ прислушиваться съ близка уже нельзя: караульные гонять насъ не только отъ рѣшетки, но даже съ гофа (двора) въ бараки. Вотъ злоба!

10. дек. — Спалъ съ полуночи до утра плохо. Все кручина. Аппетитъ палъ совсѣмъ.

Распоряжено, что 10 нашихъ баракровъ должны дать 400 чел. на работы. Работникамъ обѣщано дать двойной столъ и 20 гел. въ день, но, хорошо зная, что это значитъ, наши крестьяне не хотѣли идти, потому посты стали выгонять ихъ всѣхъ изъ баракровъ на гофъ и тамъ сами стали изъ присутствующихъ выбирать подходящихъ. Постовой выгналъ и о. Скоморовича, еще больного отъ недавняго воспаления легкихъ и не помогло то, что другіе за него заступались, ажъ когда узналъ объ этомъ вахкомендантъ, послалъ солдата, чтобы его воротили. Нѣкоторые караульные стали даже бить крестьянъ. За нихъ заступился о. Ст. Яворскій и сказалъ: „Такъ то выглядять тѣ дѣлты, которыя намъ обѣщаль г. полковникъ! А вѣдь онъ бить запретилъ“. За произнесеніе этихъ словъ солдатъ тутъ же записалъ о. Ст. Яворскаго къ рапорту на завтра.

Днесь я бось: далъ въ починку башмаки, подкинулъ подметки. Ужась, какъ грабить насъ одинъ сапожникъ изъ Вучача: за само подшиваніе подметокъ беретъ по 4 кроны, съ меня, конечно, сорветъ больше, ибо мои башмаки шире.

Свозять очень много строительныхъ матеріаловъ и должны будто бы построить еще 30 баракровъ. Форменный городъ изъ баракровъ выростеть въ Тадергофѣ. Плѣнные русскіе солдаты работаютъ какъ столяры и плотники, но намъ строго запрещено обмѣняться съ ними словечкомъ. Нашимъ работникамъ выплачено за день по 20 гел., а плѣннымъ по 60 гелл. Они строятъ бараки по русскому образцу, вкапывая въ землю.

На жалобу о. Съленкаго, что по-
стовые гонятъ священниковъ на тяже-
лая физическія работы, капитанъ зая-
вилъ, что этого больше не будетъ и
что Wache (стража) получить за это вы-
говоръ. Мы успокоились.

11. дек. — Всю ночь лиль дождь.
Я немного успокоился относительно мо-
его переѣзда во Вѣну. Да будетъ воля
Твоя, Господи, я ни въ чемъ не вино-
вентъ.

Утромъ, кромѣ уже установленнаго
числа работниковъ, даваемыхъ нашимъ
баракомъ, требуютъ еще 10 работни-
ковъ добавочно. Все это да и обраще-
ніе съ этими работниками вообще —
одно издѣвательство. Вотъ и видимъ,
какъ помогло заявленіе капитана! Чер-
то опять бьются. Мы замѣтили, что съ
поры какъ мы взяли нашъ Majestätsge-
such обратно, съ нами обращаются ху-
же прежняго.

На дворѣ настала ужасная, непро-
лазная грязь, всѣ сидимъ въ баракахъ,
многіе недомогаютъ и лежатъ, воздухъ
спертый, скука, нудьга (тошнота).

Пришелъ. Іосифъ и прочиталъ пись-
мо отъ сына Ивана: онъ въ Бѣльскѣ,
съ женою и ребенкомъ. Пишетъ, что
Борыничи разрушены, его домъ въ Хо-
д ровѣ ограбленъ, онъ безъ одежды,
недостатокъ средствъ къ существованію
и пр. под.

Въ 10 ч. тронулось похоронное
шествіе; подняты 3 гроба: свящ. о. Спры-
са, одного инженера и одного крестья-
нина. Печальный видъ! Хоръ пѣлъ, мед-
ленно двигаясь черезъ „гофъ“, маршь
Бетговена. Молитвенно трогательное на-
строеніе. Людей пошло немного, ибо
слякоть. Когда шествіе проходило ми-
мо плѣнниковъ, всѣ они снимали шап-
ки, стояли смирно и чинно, почтитель-
но, не такъ, какъ это водится у воен-
ныхъ у насъ, что однажды австр. офи-
церъ привелъ солдатъ въ польскій ко-
стель, развалился въ послѣдней скамей-
кѣ и все время за богослуженіемъ те-
ребилъ (шелкалъ) орѣхи. Знаменательно!
(Особая зам.): По 11. дек. 163 успо-
шихъ, 16 проколотыхъ, одинъ застрѣ-
ленъ.

Вечеромъ разошлась вѣсть, что въ
3-й серіи бараковъ нѣкоторые заболѣли
тифомъ и ихъ забрали въ госпиталь ба-
рака. Навѣрно и у Василя Мартынюка и
Франка Горянского и др. (прихожене о.
Матіея) развѣнется тифъ послѣ извѣст-
ной и незабвенной вшивой бани... вотъ
издѣваются надъ людьми!

12 дек. — Грязь и топь и лужа и
слякоть. Всѣ сидимъ въ баракахъ, воз-
духъ спертый.

Вчера я внесъ дополненія къ мо-
имъ показаніямъ, на руки сов. суда Фи-
ды, передалъ официалу. Днесь ожида-
ютъ яки комиссіи, освобождающей отъ
дѣльныхъ заключенныхъ, быть можетъ
явится и Фида, пойду къ нему и еще
разъ съ нимъ потолкую.

Быль у меня Антоній Б., подарилъ
ему пару чулокъ. Сказаль, что у нихъ
тифа нѣтъ, что слухи, кажется, невѣр-
ны, хотя, правда, послѣ купанья дѣйстви-
тельно много людей заболѣло.

Днесь допрашивала комиссія о. Ев-
генія Хиджа изъ Мервичъ. Комиссаръ
Смудка спросилъ, за что арестованъ.

— Не знаю, за что, — отвѣтилъ
о. Евгений.

— А какая читальня у васъ?

— Общества им Качковского.

— А вы состоите ея членомъ?

— Разумѣется.

— Ну, вотъ за это и арестованъ!
— заключилъ комиссаръ рѣзко.

Всѣ священники вносятъ въ комис-
сію прошеніе, чтобы были допрошены
всѣ вмѣстѣ и въ одинъ день.

13. дек. — Всю ночь лиль дождь.
Капало съ крыши на лица спящихъ,
ихъ берлогу и платье. Человѣкъ отъ
этихъ холодныхъ каплей просыпается и
еще больше чувствуетъ всю безпомощ-
ность и безнадежность своего положенія.

Слышно, что „дзядзя“ (о. Долин-
каго) забрали въ Грацъ, въ монастырь.
Тамъ старичку-праведнику все таки бу-
детъ, думаю, сносно и уютно и покой-
но. По крайней мѣрѣ отаѣляется отъ
вшей и спать будетъ спокойно.

Нашъ Majestätsgesuch подписали
первыми: д-ръ Н. П. Глѣбовицкій, о. д-ръ

Н. Малинякъ и др. Днесь долженъ быть отправленъ по почтѣ.

Днесь воскресенье. Люди не захотѣли идти на работу. Вдругъ изобрѣтательный капитанъ Шмидъ велѣлъ призвать всѣхъ насъ, священниковъ, къ воротамъ и воззвать насъ повлѣять на народъ, чтобы шель на работу. Ска-заль, что вы молъ, многіе здѣсь терпите невинно, подобно первымъ христіанамъ въ древнемъ Римѣ, терпите изъ-за ложныхъ доносовъ разныхъ „Schuff-овъ (негодяевъ) но потерпите еще, ибо что подблаете? и т. п. Часть людей все же пошла на работу.

Отправляющій здѣсь свою должность официалъ полиціи называется Тымчукъ. Этотъ папъ пришелъ сюда днесь уладить дѣло Шепедюка и выразился о заключенныхъ: „Mistvieh“ (скотъ), худоба“ и т. п.

Въ Перемышлѣ, идя чрезъ рынокъ, офицеръ вынулъ саблю и замасхнулъ ударить идущаго подъ конвоемъ о. Макара. Конвоирующій жандармъ (русинъ), заявилъ, что онъ теперь въ службѣ и со словомъ „спрячьте саблю“, вытянулъ противъ офицера штыкъ.

14 дек. — Грязь ужасная. Снѣгъ исчезъ, люди барахтаются въ болотѣ. Въ баракахъ многіе составляютъ разныя „поданья“ (прошенія) безъ малѣйшей надежды на успѣхъ. Особенно усердно секретарстауютъ о. Діонисій Кисѣлевскій, адвокатъ д-ръ Н. П. Глѣбовицкій. Говорятъ, что нужно бы просить объ интернированіи во Вѣнѣ, ибо тамъ будутъ теперъ квартира и столъ дешевле. Мнѣ предстоитъ поѣздка во Вѣну. Я приготовился, я не виновенъ ни въ чемъ. Жизнь въ гарнизонномъ арестѣ, говорятъ знатоки, въ сравненіи со здѣшнимъ теперешнею жизнью, куда лучше. А только много хлопотъ и возни съ тѣмъ, какъ мнѣ достать слѣдующую мнѣ конгруу, захотятъ ли выплатить ее Янку замѣсто меня. Надо таки гдѣнибудь что то занять, ибо крайняя бѣда.

Полеживаю — нездоровится. Возлѣ меня лежитъ нотаріусъ Телесницкій. Все думаю о своей близкой поѣздкѣ въ Вѣну Вернусь ли я еще въ Талергофъ? —

не знаю. А быть можетъ, тамъ, во Вѣнѣ, придется и умереть.

Пишу эти записки и передамъ ихъ нотаріусу Телесницкому, одну же часть передамъ Нестору Шмбнику на хранение У Телесницкаго есть, кромѣ записокъ, списки Majestätsgesuch'a, прошение въ нунціатуру, телеграмма кардиналу Пиффлю (во Вѣнѣ) и пр., и также 18 картинокъ изъ нашей талергофской жизни, составленныхъ Іоанномъ Михайловичемъ Вербицкимъ. Въ союзники по изданію принялъ я д-ра Николая Глѣбовицкаго. Если бы я умеръ, а онъ могъ разобрать-ся въ моихъ запискахъ, прошу передать ихъ ему, пусть онъ потрудится, сбережетъ ихъ и перевезетъ на родину.) Писать въ гарнизонной тюрьмѣ не будетъ возможно. При ходѣ туда отнимаютъ у человѣка все — значить, уцѣлѣть можетъ только то, что здѣсь я записаль.

Думаю, что Богданъ (сынъ) не прѣхалъ въ Галичину, но остался въ М. Boleslav. Какъ ему тамъ живется, догадываюсь, навѣрно не весело. Денегъ у него нѣтъ, бѣдствуетъ... Но Господь поможетъ ему перенести это лютое время. Даль бы я не знаю что за вѣсточку изъ Липицы.) Что тамъ теперь происходитъ? Здоровы ли и невредимы всѣ мои дражайшіе? Моя жена, предобрая, любая Антося, мои дѣти: Соня, Вѣра, Николка, Дозикъ, мой дорогой, любимый и праведный зять Θεодосій (adv. d-ра Ѳ. С. Залцъ) и его дѣтки? Ахъ, кабы я зналъ, что всѣ вы живы? Вѣсть эта укрѣпила бы мой унывающій духъ.

Надѣется выхъать туда нотаріусъ Телесницкій изъ Делятина. Прошу его уѣдомить ихъ въ Липицѣ о моемъ здоровьи. Онъ надѣется поѣхать въ Румынію и по пути побывать въ Делятинѣ. Подай ему, Господи, силъ и исполни его желаніе. Онъ тоже отецъ и мужъ и подобно мнѣ болѣеть и страждетъ, томясь неизвѣстностью относит. дѣ-

1) Судьба распорядилась иначе: авторъ записокъ вернулся на родину и нынѣ живъ, хотя и боленъ, а д-ръ Н. П. Глѣбовицкій умеръ въ Талергофѣ. *Прим. ред.*

2) Авторъ записокъ — настоятель приходъ да Липица дольная. *Прим. ред.*

тей и жены. Таких как онъ и я у насъ теперь сотни, тысячи... А что и говорить о 70-80-лѣтнихъ старикахъ? Не перенести имъ вышшей бури событий и тяготъ своей жизни, а все таки имъ хочется еще жить и хоть бы увидѣть, что дальше наступитъ. Не дай Богъ помереть здѣсь, на чужбинѣ! Ежедневно молось: „христіанскіи кончины живота нашего, безболѣзненны, непостыдны, мирны“ (а мысленно добавляю: „дома, въ кругу родныхъ“) и т. д. Можетъ быть, Господь услышитъ мя грѣшнаго и въ добавку къ столь многимъ благодарѣніямъ, отъ Него мною полученнымъ, не откажетъ мнѣ и въ этой милости, дабы сугубо сердце мое было въ долгу предъ Нимъ, преисполненное благодаренія и любви!..

Я сталъ много-много набожнѣе здѣсь, начиная съ 6-го августа 1914 г., того рокового дня. И хранила меня рука Господня до сихъ поръ и милость и благодать Его почилъ на мнѣ. Изъ Рогатина во Львовъ конвоировали меня 2 жандарма, добрые люди, обращались со мной хорошо. И въ тюрьмѣ во Львовѣ было мнѣ, какъ узнику, сносно. И даже въ страшный день 31-го августа, во время нашего шествія будто бы на Голгофу, никто не ударилъ меня. Перенесъ всѣ истязанія и издѣвательства, со стороны конвоирующихъ насъ солдатъ въ вагонѣ и „публики“, т. е. обѣснующейся черни, на станціяхъ, съ 31-го августа по 4-ое сентября, я прѣхалъ въ Талергофъ благополучно. Тутъ, нечуя въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, можно было не разъ простудиться. Можно было много разъ попасть подъ „колыбы“ (приклады ружей) солдатъ „вахи“ (стражи), которая съ перваго же дня брала лишь однихъ священниковъ на тяжелья физическія работы: рубку дровъ, къ насъ, привозу воды и т. п. А меня все это миновало. Затѣмъ ходилъ и я, но мало, 2 — 3 раза всего. На всякомъ шагу благодать Божія была на мнѣ. Порой не имѣлъ при себѣ ни геллера, и находились и тутъ добрые люди, которые давали мнѣ взаимны, и надѣюсь, дали бы и въ будущемъ. Могу сказать, что наши русскіе люди относятся ко мнѣ съ ува-

женіемъ и это уваженіе мнѣ всегда оказываютъ. Не думалъ даже, что такимъ почетомъ пользоваться въ русской средѣ. Самые близкіе — это мои Schlafkammeraden (товарищи по нарамъ): Богданъ Богдановичъ Дѣдицкий, о. Діонисій Кисѣлевскій, г. Теофілъ Костецкій, нотаріусъ Телесницкій и др. съ одной стороны, а съ другой: оо. Каленюкъ, Гр. Прошакъ, Ісаниъ Винницкій и др. Шурья же: Вик. Красицкій обращается со мной холодно, а „Инцифоръ“ демонстративно холодно, а почему — не знаю. Даже малый Яролавъ Красицкій, какъ будто сторонится отъ меня. До сихъ поръ ни разу не заговорили мы о семейныхъ отношеніяхъ ни вообще о чемъ бы ни было, какъ если бы все было извѣстно и говорить не о чемъ. Охладѣли семейныя чувства, братъ брату сталъ чуждъ. Такое время, такой мнѣ теперь — всякъ про себя.

Замѣчу еще одно: Записки составляю по малорусски, боясь ревизіи (обыска), а то если бы я писалъ ихъ общерусскимъ языкомъ¹⁾ то читая это, сказавали бы: вотъ, видите, какой „руссофиль“! Слово это страшно звучитъ для нѣмецкаго уха и попадаютъ люди, которые въ испугѣ отрещиваются отъ всего „руссофильства“, хотя это слово — одно курьезное недоразумѣніе, ибо какъ русскій человѣкъ можетъ не быть „руссофиломъ“, да и вообще онъ не „руссофиль“, а просто русскій, а „руссофиль“ можетъ быть чехъ, полякъ и т. д. Чудно все это! Но не признавая русской націи у Карпаты, приходилъ въ ужасъ отъ „руссофильства“ ея предста вителей. И все же приходится серьезно толковать о „руссофильствѣ“ и даже оправдываться. Будучи допрошенъ въ львовской тюрьмѣ, я на этотъ воп-

¹⁾ Вопреки этому постановленію я желанію на дѣлѣ авторъ составилъ свои записки не по малорусски, а по русски, т. е. русскимъ литер. языкомъ, съ тѣми лишь незначительными отступленіями, какъ то, что у него окончаніе неопред. наклон. — ты, оконч. предлагат. — ого, ня и т. п., т. е. съ тѣми же формами, которыми въ Галичѣ, до войны, русскіе обходили запретъ австрійской администраціи писать и подавать властямъ что набуди на чистомъ русскомъ литерат. языкѣ. *Прим. ред.*

рось отвѣтилъ, что у насъ не разбираются въ русской идеологии или въ этомъ самомъ — какъ кому-то называть угодно — руссофильствѣ. У насъ есть — сказала я — четверное руссофильство. И такъ:

1) *политическое*, которое только въ самое послѣднее время нашло себѣ представителей;

2) *религиозное*, которое вылилось въ послѣдніе 3 года въ переходъ отдѣльныхъ нашихъ селъ въ православіе;

3) *національное* и

4) *культурное*.

Два послѣднихъ представлены у насъ издавна многочисленнѣе и съ ними ничего не подѣлаешь. Это руссофильство явно выступаетъ съ 1848 г., оно было провозглашено бл. п. о. Юанномъ Наумовичемъ въ 1866 г. въ львовскомъ сеймѣ. О немъ говоримъ мы на всѣхъ собраніяхъ и пишемъ во всѣхъ газетахъ и книгахъ и никто насъ не обвинилъ, что мы ipso facto питаемъ также политическое и религиозное руссофильство. У насъ не разбираются въ этомъ, и разъ кто-нибудь указалъ на меня, какъ руссофила, то меня считаютъ уже изъ-за этого и измѣнникомъ державы и церкви. А это не такъ. Такъ быть не должно. Судья выслушалъ меня внимательно и отмѣтилъ въ протоколѣ мою принадлежность, т. е. приверженность, вѣрность, національному и культурному руссофильству.

Послѣ обѣда развлекала меня немного полученная интересная вѣсть, именно д-ру Собину написалъ изъ Новаго Тарга его меценатъ, между прочимъ, что „война клонится къ концу“. Даль бы то Господь!

Совѣщался я двѣсь съ о. Сенникомъ. Дѣло въ томъ, что мы не желали бы ѣхать подъ штыками. Постановили просить капитана, чтобы соизволилъ самъ или же повліялъ на полковника выдать распоряженіе, чтобы насъ сопровождали безъ ружья воины-подъ-офицеры. Не знаемъ, удастся ли намъ добиться этой маленькой уступки. Попробуемъ. Тяжело ѣхать подъ штыками. Вдоволь до сихъ воровъ, въ теченіи 4½ мѣсяцевъ насмотрѣлись мы на эти штыки, опроти-

вѣло до крайности. Предполагаемъ мы также, что съ южнаго вокзала во Вѣнѣ нужно будетъ взять автомобиль, ибо разстояніе большое, а у меня нѣтъ теплаго платья и могу простудиться, а въ автомобиль прѣдемъ въ гарнизонную тюрьму быстро и замерзнуть не хватитъ времени. Тамъ, въ гарнизонѣ, будетъ произведенъ у насъ строгій обыскъ и отнимутъ у насъ послѣдній клочокъ бумаги, такъ что тамъ продолжать своихъ записокъ не смогу. Беру съ собой лишь мое дорогое Св. Писаніе и моли-

Свщ. о. Исидоръ Дольницкій изъ Львова,

родился въ 1830 г., въ мѣстечкѣ Залощахъ, у Бродъ, въ Галичинѣ. Талергофскій снимокъ.

Посѣщала гимназію въ Бродяхъ, но уже послѣ окончанія 2-го класса и на 12 г. жизни вывезенъ былъ въ Римъ и отданъ на воспитаніе и образованіе въ тамошнюю гр.-кат. духовную семинарію (т. н. Athanasianum), послѣ окончанія которой тамъ же поступилъ на высшій богословскій факультетъ.

Рукоположенный въ іереи, состоялъ священникомъ - сотрудникомъ при кафедральномъ храмѣ св. Георгія во Львовѣ въ теченіе 4 лѣтъ.

Вызванный въ Римъ снова сталъ въ той же гр.-кат. духовной семинаріи духовникомъ и учителемъ церковнаго устава и церк. пѣнія. Послѣ 30 лѣтъ былъ снова переведенъ во Львовъ и до самого начала войны былъ преподавателемъ церк. устава и пѣнія въ гр.-кат. дух. семинаріи. Какъ профессоръ считался лучшимъ знаткомъ церковнаго устава и пѣнія и церковно-славянскаго языка.

Лѣтомъ 1914 г. провондаль канікулы въ монастырѣ СС. Васиіанокъ въ Словитѣ, уѣздъ Перемышляны, гдѣ и застала его война. Отступая передъ наступающими русскими войсками, австрійскія военныя власти внезапно арестовали его на полѣ какъ „шпіона“ и заставили его пѣшкомъ идти вмѣстѣ съ отступавшимъ авст. военнымъ отрядомъ. Когда послѣ продолжительнаго марша старикъ въ изнеможеніи падалъ на дорогѣ, его посадили солдаты на пушку и везли, строго приказавъ ему, какъ „шпіону“, чтобы смотрѣлъ все время на ослѣпительное (августовское) солнце и не смѣлъ разглядываться по сторонамъ. Привезли его во Львовъ, откуда съ транспортомъ въ 800 человекъ, другихъ арестованныхъ русскихъ, былъ онъ вывезенъ въ Талергофъ.

Послѣ 3-мѣс. заключенія былъ освобожденъ и поселенъ на нѣкоторое время въ Грацѣ а затѣмъ во Вѣнѣ. По окончаніи войны, вернулся во Львовъ и жилъ въ духовной гр. кат. семинаріи, затѣмъ совѣмъ немощнымъ старикомъ пробылъ послѣдніе годы въ монастырѣ СС. Васиіанокъ во Львовѣ, гдѣ и скончался въ 1924 г., на 94-омъ году жизни.

твословъ. Быть можетъ намъ тамъ призвать чигать книги изъ гарнизонной бібліотеки. Надѣюсь, что пробуду тамъ 4 недѣли не болѣе и что къ процессу меня не привлекутъ, за мной вѣдь никакой вины нѣтъ.

На днесь, къ вечеру, нашъ баракъ (VIII) заказалъ себѣ хоръ съ концертомъ. Собрали для него 4 кр. 20 гел. на чай. Вотъ пропсютъ рядъ пѣсенъ и развеселятъ и ободраютъ насъ немножко.

Прогрессъ у насъ здѣсь. У насъ уже есть госпиталь. Да. И съ 2 сестры милосердія И вотъ какой случай днесь произошелъ: Приходить 70-лѣтній старикъ Алекс. Полянка и раздѣвшись, положилъ пальто на стулъ. Входить сестра милосердія, сбрасываетъ это пальто на землю и кричить: „что ты хотѣлъ бы мнѣ завшить комнату?“ — Другой случай: Пришелъ о. Дроботъ, желая поѣхать больного іеремонаха о. Козаркевича. Входитъ сестра милосердія и кричитъ о. Дроботу (въ рясахъ): „маршъ отсюда, что, ты не знаешь, когда назначено время для поѣзженія больныхъ?“ Вотъ это католическія сестры милосердія, монашенки! Къ гр.-католи. священникамъ, онѣ обращаются не иначе какъ чрезъ „Du“ (ты), грубо, гнѣвно и вызывающе. И это западная культура! Изъ что-то подобное у насъ не осмѣлился бы и пьяный бродяга, а тутъ, кто? — женщина, нѣмка, сестра милосердія, монахиня. Бѣдные тѣ больные, за которыми ухаживаетъ такая „сестра милосердія“, лучше было бы имъ безъ нея.

Группѣ въ 51 чел., прочитали освобожденіе отсюда, именно однимъ полное освобожденіе, а другимъ частичное — будутъ конфинированы въ Леобенъ, въ числѣ послѣднихъ 3 судьи: Бачинскій, Челнокъ и Дѣдицкій. Отпускаютъ уже кое-кого и изъ нашей партіи. Объявили свободу и о. Свисгуну; онъ въ первый моментъ обрадовался, но затѣмъ отказался отъ этого благоволенія. Дѣло въ томъ, что его семья насчитываетъ 8 душъ и жить на собственный счетъ, не имѣя 2000 кронъ дохода невозможно, у него доходовъ нѣтъ, вотъ онъ и остался дальше въ Талергофѣ и сидитъ вмѣстѣ съ несвобожденными.

Узналъ, что о. Сенікъ переговоривалъ съ поручикомъ Пехтоломъ, прося его о томъ, чтобы насъ обоихъ конвоировали солдаты безъ штыковъ и чтобы намъ была выплачена вся конгура.

Есть виды на то, что можно будет чего-то добиться.

Вечеромъ нашъ хоръ далъ намъ чудный концертъ. Пѣли славно, а когда запѣли: „На чужинѣ загиблю, марно житье йде, за родиновъ споглядаю, ахъ, где жъ она где?“ а затѣмъ „Родимый краю, село родиме“, полились слезы изъ многихъ глазъ, каждый мыслями, духомъ и сердцемъ полетѣлъ далеко-далеко на родину и позабылъ на мгновение о томъ, что находится въ баракѣ, въ Талергофѣ, на истертой вшивой соломѣ. Премило провели мы сей вечеръ, какъ будто бы тамъ, у себя.

15 дек. — Болото. Грязь непроходимая. А на „гофѣ“ работа кипитъ. Всю эту грязь сгребаютъ лопатами и чѣмъ попало, телѣгами свозятъ шебенъ и урамбовываютъ дорожки — движение большое. Пришелъ совѣтникъ суда Фида и я съ о. Сенникомъ были у него и результатомъ совѣщаній мы довольны. Говорилъ о. Сеникъ съ полковникомъ, прося, чтобы конвоировалъ насъ под-офицеръ. Не общался еще, но изъ его заявленія выносимъ благосклонно къ этой нашей просьбѣ. Дай Богъ, а то тяжело ѣхать подъ штыкомъ.

Возвратился изъ Граца, изъ разбирательства въ судѣ своего дѣла, о. Ромавъ Крушинскій. Сообщаетъ, что свящ. о. Баковичъ сидитъ уже долгое время въ гарнизонной тюрьмѣ въ Грацѣ и съ испуга и мани преслѣдованія сошелъ съ ума. Обвиняютъ его въ томъ, что будто бы онъ во время св. исповѣди, склонялъ солдатъ, чтобы стрѣляли въ воздухъ. Вотъ до чего дошло доносительство!

Обнаружилась еще одна мерзость. Чиновникъ податного вѣдомства въ Перемышлѣ, нѣкій И—ичъ, состояшій на на услугахъ полиціи провохаторъ, оклеветалъ здѣсь своими доносами, между прочими (о. Сеника, д-ра Крушинскаго, Войтовича), совѣтника суда Литынскаго, а такъ какъ сов. Литынской боленъ и лежитъ въ нашемъ госпиталѣ, то аудиторъ былъ вынужденъ придти къ нему для допроса и выслушать его и И—ича, который въ доносѣ заявилъ

свою готовность сыграть роль свидѣтеля. Но затѣмъ раздумалъ и убоился и сталъ приговариваться больнымъ, желая такимъ образомъ избѣгнуть судебного слѣдствія. Такъ допросили сов. Литынскаго, а когда приступили къ допросу И—ича, то онъ отказался давать показанія подъ предлогомъ, что онъ тя жело боленъ. Призвали къ нему врачей, которые установили, что онъ совершенно здоровъ. Послѣ этого сов. Литынскаго освободили, а И—ича обвинилъ въ клеветѣ самъ аудиторъ. По крайней мѣрѣ этотъ попался. „Котюзъ по заслузѣ“.

Получилъ 158 кронъ 12 гел., а въ депозитѣ въ Грацѣ осталось 300 кронъ. Купилъ себѣ щетки и другія крайне необходимыя въ гарнизонѣ вещи. Долги платить оставляю Янку, мнѣ нужны деньги тамъ. Записки передаю о. А. Юркевичу, онъ ихъ ввезетъ благополучно въ Вѣну, а оттуда въ Галичину. Купилъ себѣ на память изображение страстей Христовыхъ подъ стекломъ, заплатилъ 1 крону, хорошая вещь, многимъ понравилась. Эта память — замѣчательный трудъ и шедевръ нашего мужичка-художника.

16. дек. — Болото. Тепло. Работа въ болотѣ идетъ во всю. Прояснилось. Показалось солнышко. Привезли огромный котель для „русской бани“, которую строятъ русскіе военнопленные. Лошади не были въ состояніи дотащить этотъ котель и сотни людей изъ всѣхъ силъ подталкивали и помогали лошадямъ перевести его отъ шоссе на мѣсто въ баракахъ.

Сильно болить меня въ поясницѣ да и почки даютъ о себѣ знать. Куплю себѣ баночку меду. Ахъ, нѣтъ около меня моего ангела-хранителя, моей дорогой жены, моего настоящаго доктора. Тутъ же каждый больной и съ какой бы ни было болѣзнью одинаково безпомощенъ и оставленъ на произволъ судьбы. И когда конецъ этому будетъ, Господи?

Объявляли о тифѣ, а оказалось, что 11 человекъ бѣдняжекъ просто за-ѣли вши.

На мѣстѣ, гдѣ были похоронены двое первыхъ мучениковъ Талергофской трагедіи, и гдѣ былъ поставленъ небольшой крестъ, теперь устроена яма на извѣсть, а этотъ крестикъ совершенно выброшенъ. Такъ теперь и затерялось мѣсто, гдѣ похоронены эти первыя дѣя жертвы здѣшняго нашего заточенія и ни ихъ фамилій ни принадлежности никто не знаетъ.

Изъ 18 го барака должны были отойти 100 Flächting-овъ (бѣглецовъ), прочіе же завтра.

Всѣ мои записки (4 пакета) передавъ я о. Аванасію Юркевичу, который уѣзжаетъ завтра. Говорятъ, что и насъ русскихъ разгонятъ отсюда, съ изъятіемъ меня, который переѣду на жительство въ гарнизонъ во Вѣну. Ахъ, если бы Господь милосердный, рѣшилъ иначе... да будетъ воля Его!

Былъ у портного, хочу дать ему укоротить мою блузу и ульстеръ, чтобы походили на шитатское платье, ну, и надо ихъ починить, особенно блузу, такъ какъ въ гарнизонѣ неудобно будетъ, быть можетъ.

Если бы удалось, хотѣлъ бы въ Вѣнѣ купить новое платье, мое старое ужасно изношено.

17. дек. — Сегодня св. великомученицы Варвары. Примерзло. Сухо наконецъ. Пошелъ пройтись, затѣмъ отчиталъ правило. Вышли отсюда наши люди днесь въ 10 ч. (а вчера въ 9 тоже уѣхали крестьяне въ Каринтію какъ исекіиер—ы), между пр. о. А. Юркевичъ, Семеновичъ, ученикъ изъ Болшова, умеръ, у него была чохотка. Портной изъ Журавна починилъ мнѣ блузу и ульстеръ, буду похожъ на „цивиля“.

Лѣвая почка сильно меня беспокоитъ, утромъ еле еле ходилъ. Ахъ кабы то домой поскорѣе! Свѣтаетъ — надѣются люди. Подай, Господи, миръ всему міру!

Днесь капитанъ Strick велѣлъ плѣнному подьофицеру призвать всѣхъ русскихъ военноплѣнныхъ подъ ворота. На команду: „русскіе сюда къ воротамъ!“ сбѣжались всѣ плѣнники, а за ними и наши галицко-русскіе работники съ лопатами.

— А вы русскіе? — послѣднихъ спросилъ капитанъ по чешски.

— А що жъ? — отвѣчаютъ они, — мы такі русины, ая!

Капитанъ посмотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ, а затѣмъ вынулъ изъ кармана новую книжечку и что-то себѣ записалъ.

18. дек. — Морозно. Поясница болить, лѣвая почка очень даетъ себя чувствовать, еле хожу. Комиссія прѣѣхала (3-й разъ съ поры какъ назначена). Многіе надѣются сегодня — завтра очутиться на свободѣ. Подвозили котлы, русская баня должна быть къ 1-му янв. готова.

Мнѣ говорятъ, что меня не позвуютъ въ Вѣну, но я этому не вѣрю. Радъ бы я добиться хоть частичной свободы пожить сносно.

Комиссія выслушала 185 чел.

Канунъ праздника Св. О. Николая. Вечеромъ г. Телесницкій держалъ передъ собравшимися рѣчь. Помянулъ родной край, гдѣ какъ разъ теперь устранились всегда по городамъ вечеринки для русскихъ дѣтей. Пожелалъ д-ру Малиняку, д-ру Глѣбовичу и другимъ Николаямъ здоровья, бодрости и скорого освобождения. Хоръ пропѣлъ во здравіе. Отъ имени всѣхъ Николаевъ поблагодарилъ за поздравленія и пожеланія и пѣніе о. д-ръ Малинякъ, затѣмъ отслужилъ по нашей „панской“ улицѣ вечерню съ литією. Въ виду того что съ крыши каплетъ, былъ раскрытъ зонтикъ надъ лампою, что бы отъ воды стекло не лопнуло. Оригинальная картина, сама нашивающіяся на снимокъ!

19. дек. — Суббота, день Св. О. Николая. Я спалъ хорошо, хотя перерачиваться не могъ изъ-за сильной боли въ поясницѣ и днесь лежу преиму шественно. Утромъ выпилъ чорный кофе, затѣмъ Янко принесъ мнѣ $\frac{1}{4}$ л. сливокъ и я выпилъ съ вечернимъ кофе. Въ 10 ч. о. Малинякъ отслужилъ литургію. Пѣлъ хоръ. Привѣтствовали много и изъ другихъ баракровъ. Ромко за мной ухаживаетъ, принесъ мнѣ $\frac{1}{2}$ л. молока и 4 булки, а мою „менажу“ (казенную пищу) возьметъ себѣ.

Русские плѣнники празднують, заявили, что, если бы ихъ и кололи, то днесь не пойдутъ работать, а наши все таки вынуждены были пойти на работу.

Сильно распространяется тифъ. Не одного изъ насъ овладѣваетъ страхъ и радъ бы всякій вырваться на волю по скорѣе, пока еще не заболѣлъ. Я все думаю о гарнизонѣ и желалъ бы хоть этимъ путемъ разстаться съ Талергофомъ.

Врачъ запретилъ хождения людей къ о. Макару, чтобы не разнесли тифъ.

Говорятъ, что П. (Перемышль) палъ. Отношусь сдержанно къ этому извѣстію, неразъ уже эти слухи распространялись, а не оправдывались.

Чудный человекъ этотъ нашъ врачъ д-ръ Вл. Могильницкій. Способный Эскулапъ, честенъ, трудолюбивъ, самоотверженъ, щепетилень. Истинный самаритянинъ. Съ утра до поздней ночи занятъ. Стоитъ зайти въ амбулаторію и посмотреть на его работу и его выносливость и терпѣніе. А все таки и его оклеветали и хотѣли отъ насъ забрать, но это врагамъ не удалось.

Послѣ обѣда поднялся и отслужилъ акафистъ Св. О. Николаю, а по полудни вечерню, но скоро слегъ въ постель снова. Былъ у меня д-ръ Могильницкій, установилъ у меня ревматизмъ мускуловъ. Вечеромъ Ромко меня натеръ, принесъ обдѣяло, укрыли меня на ночь хорошо, я принялъ порошокъ аспирина.

20 дек., воскресенье. — Лежу, но чувствую себя немного лучше.

Одинъ тифомъ зараженный баракъ уже приказали опорожнить, солому изъ него сожгли, а обитателей его съ вещами переводятъ въ другой. Но развѣ эта мѣра достаточна для устранения эпидеміи? Въ баракахъ налаживаютъ электрическое освѣщеніе, уже въ трехъ баракахъ есть электричество.

Въ Kleine Zeitung днесь написано немножко иначе чѣмъ вчера. Повторяется слухъ, что Перем. палъ но я все еще не вѣрю. Отслужена у насъ обдѣяница. Ромку удалось достать немного бульону и подогрѣть для меня. Я съѣлъ съ 2 булочками и настолько съгъ, что отъ „менажи“ отказался.

Узнали, что наши посты на войну уже не идутъ, а говорили все время, что скорѣе пойдутъ. Но есть ли это предвѣстіе приближающагося мира? Ахъ, человечество никогда такъ не умѣло понять и оцѣнить всего глубокаго смысла этого великаго слова „миръ“, какъ въ настоящее время. „Слава въ выш-

Снщ. о проф. д-ръ Михаилъ Людкевичъ изъ Перемышля.

родился въ 1846 году, умеръ въ 1914 году въ Талергофѣ. Докторъ богословія, ординарный профессоръ пастырскаго богословія въ греко-католич. духовной семинаріи и членъ епархіальной консисторіи въ Перемышлѣ, воспитатель цѣлаго ряда выпускъ гал.-рус. священниковъ, отзывчивый и дѣятельный членъ русскихъ организаций. Человекъ сильной воли и твердыхъ русскихъ національныхъ убѣждений, любимецъ молодежи

нихъ Богу и на земли миръ“ возвѣщаетъ всему міру наша Церковь съ Рождествомъ Христовымъ.“ „О мирѣ всего

мира" молимся на литургии, такъ часто, а такъ мало вниманіемъ обращаемъ на него, такъ трудно намъ уяснить себѣ всю возвышенность этой молитвы.

21. дек. — Ночью шелъ дождь, днемъ падаетъ снѣгъ, все сидимъ въ баракахъ. Слышимъ, что въ насъ будутъ выпускать противотифозную сыворотку. Днесь пришелъ Василь, долго не видѣлъ его. Его баракъ былъ подь карантинномъ. Въсти съ поля боевъ неуѣшгильны, не сулятъ скорого мира. Снилось мнѣ, что будто постановлено меня во Вѣну не переводить и что за меня заступился нѣкій Омскій и пр. под.

Вчера былъ у насъ генераль на ревизіи, о Свѣцкій вручилъ ему отъ насъ 21 письменную жалобу. Днесь капитанъ Штрикъ заявилъ о Свѣцкому, что жалобы составлены correct.

Мнѣ невозможно полегчало и я всталъ на нѣкоторое время. Принялъ слабительное, со вчера Ромко все надоѣдаетъ мнѣ что сварить мнѣ консервы и пшениный супъ. Я неотхоно согласился. И удивительно, супъ оказался мнѣ полезнымъ и Ромко доволенъ. Въ виду этого успѣха онъ обещалъ сварить консервы, капуснякъ. Увижу, что будетъ. А для бѣдныхъ нашихъ людей эти консервы рѣдкая, великодняя (пасхальная) ѣда.

Полудни дали распоряженіе производить всеобщую прививку въ первой серіи бараковъ. До 6 ч. вечера сдѣлали прививку всѣмъ въ 9 баракахъ, лишь т. наз. „фамильный“ баракъ отложили на завтра. Я также не пошелъ, ибо не могъ пойти. Вечеромъ Янко и свать подогрѣли мнѣ кирпичъ и я приложилъ его къ поясницѣ. Ромко принесъ мнѣ супъ, но такъ какъ я не былъ голоденъ, то сдѣлать свать.

22. дек. — Тѣ, которымъ сдѣлана прививка, чувствуютъ себя вѣчески: одни жалуются на боль въ той самой рукѣ, у другихъ уже жаръ, врачи же говорятъ, что жаръ будетъ продолжаться 3-6 дней, а прививка является предохранительнымъ средствомъ на 5 лѣтъ.

Я еще (до 11 ч. утра) не ходилъ къ прививкѣ. Еще ее днесь не дѣлають да и говорятъ что вообще больше ее

дѣлать не будутъ. Увидимъ. Я ложился въ бровкахъ и башмакахъ, чтобы въ каждый моментъ быть готовымъ самому пойти къ прививкѣ. Были и такіе, которые не хотѣли къ ней пойти. Въ 11 ч. утра отслужена обѣдница.

Ogłoszenie: Wszystkie skargi o obrazę czci i honoru będą oddane sądownie ścigane. Obrazony mają zrobić doniesienie, naprowadzić świadków i mi przedłożyć (naturalnie w krótkich zarysach wszystkie okoliczności naprowadzić) Ludzie które nie są do raportu przeznaczone, mają zawsze o godzinie 9-tej rano przed bramą I-szą być zestawione (sic) to przez komendanta i zawsze mają być przytem oskarżony i świadkowie. 22 go grudnia 1914 r.

Такое объявленіе издалъ официалъ Тимчукъ, который тутъ играетъ большую роль. Полицейскіе отбирають у насъ всѣ заявленія. Не лучше ли было бы намъ имѣть дѣло съ военными, чѣмъ съ такими Тимчуками?

Пошли и изъ другихъ бараковъ къ прививкѣ и я съ ними. Мнѣ почему то дважды втыкали шприць и рука сгела сеѣчасъ болѣтъ. Пошли также изъ „фамильнаго“ барака (около 100 женщинъ), а тутъ какъ разъ поднялся снѣжная туча и дождь, подь ногами грязь. Простояди очень долго передь баркомъ, въ которомъ производилась прививка, померзли, и только послѣ того, какъ заступились д-ръ Войговичъ я и др., военный врачъ (Маеръ) позволилъ женщинамъ войти внутрь барака. Вотъ и нѣмецкая галантность! Заставляють женщинъ изъ нашей интеллигенціи ждать долго предолго, стоять на снѣгу въ грязи, хотя баракъ просторенъ и пустъ. Издѣвательство.

Вечеромъ засвѣтили электрическія лампочки, впервые стало въ баракъ свѣтло. Ночью у меня былъ жаръ. Поясница все еще болитъ. Ромко сдѣлалъ мнѣ массажъ, а Янко доставилъ мнѣ жаркій кирпичъ.

23. дек. — Я лежу. Падаетъ мокрый снѣгъ и дождь въ перемежку. Всѣ сидятъ въ баракахъ. Говорятъ, что на 14 дней установятъ на нашъ баракъ карантинъ, что значитъ, что въ теченіе 14 дней никто не выѣдетъ никуда отсюда

ни вообще из Талергофа. Но и такъ быть можетъ, что послѣ этихъ 2 недѣль продолжать карантинъ еще на недѣлю-два. Много нашихъ людей больныхъ тифомъ, тифомъ будто бы. А болѣзни пошли отъ перваго незабвеннаго варварскаго купанья, повторяющагося впрочемъ и теперь съ незначительными измѣненіями: съ людей снимають платье и бѣлье для дезинфекціи, а голые люди подолгу стоять на открытомъ мѣстѣ, на голой влажной и холодной землѣ, и мерзнуть и выжидаютъ, пока смилосердятся и возвратятъ имъ ихъ бѣлье и платье. И каждый разъ послѣ этого заболѣвають все новые и многіе и нѣкоторые и умираютъ. Кромѣ того наши бараки всегда холодны не прикрыты какъ слѣдуетъ, крыши дыравы, каплетъ съ нихъ на наше платье и на насъ, каждому на лицо, вслѣдствіе чего ночью спать невозможно...

Я все лежу. Съ поясницей у меня бѣда. Что-же, подожду. На миръ — поскольку на грязці газеты можно полагаться — надежды мало. Ахъ, Господи, спаси и помилуй!

24. дек. — Сегодня польская війна. Ксендзь Зелинскій далъ своихъ 5 кронъ въ складчину на общую вечерю. Днесь грязь ужасная. Я лежу, спалъ эту ночь отлично, какъ рѣдко случается. Вчера меня Ромко массоваль, а сватъ грѣлъ кирпичъ. Прививку перенесли у насъ благополучно. Меня рука болитъ. Померло 16 чел. кажется, на тифъ. В—въ написалъ прошеніе о выдѣлѣ депозита, обещалъ придти и взять себѣ, но до сихъ поръ (10 ч. у.) еще его нѣтъ. Михась Ч. пошелъ въ больницу, и онъ боленъ тифомъ, кровь ему пускалась, еще готовъ минутся, жаль! Не гогикъ на войнѣ, такъ придется въ Талергофѣ.

Вчера пришелъ о Сенникъ и принесъ купонъ почтоваго денежнаго перевода, съ припискою К—на, уѣхавшаго недѣлю тому назадъ во Вѣну, что папскій нунцій заявилъ, что хлопочетъ о томъ, чтобы на тѣхъ упустили въ Галичину, лишь бы министерства войны и внутреннѣхъ дѣлъ дали на это свое согласіе. Большое ликованіе! На обѣдъ получили мы днесь капустнякъ съ мясомъ —

невиданное диво на Талергофской долині! А какъ всѣмъ и мнѣ также быть вкусенъ, несмотря на то что и въ 10-той долѣ не такъ изготовленъ, какъ въ Липицѣ готовила Вѣрочка. Организмъ жаждетъ кислаго и вотъ, на польскую „видлію“ намъ съдали сюрпризъ. Только капусты было мало, а побольше юшки (жидкости), ну и всѣ заявили, что капуста не достаточно кисла. Ромку я далъ носки. Ходить бѣдняжка въ какихъ-то тряпкахъ, которая называется чулка ми. Хлопотунъ такой, а держится бодро, выносливъ.

Пришелъ Янко и сказалъ, что, встрѣтившись, „Фенрихъ“ спрашивалъ его, здоровъ ли онъ. — Да, — отвѣтилъ Янко, — лишь немного ревматизмомъ страдаю. — Это ничего, — былъ отвѣтъ.

Янко боится, не позовутъ ли его на военную службу. Вотъ-те доля. Высиди 4 мѣсяца въ Талергофѣ, а затѣмъ иди на войну и перенеси всѣ превратности военной службы и судьбы! Да хранить его Господи.

Меня и о. Сенника какъ то во Вѣну не вызываютъ. А теперь, разъ установленъ карантинъ, и подавно, быть можетъ, не поѣхали бы мы изъ-за санитарной предосторожности. Говорятъ, что, можетъ быть, вообще не поѣду, что возможно, что слѣдователь пришелъ къ убѣжденію, что противъ меня не удастся составить обвинительнаго акта такъ и отступить заблаговременно отъ обвинения. Дай такъ Господи! Съ другой стороны жизнь въ гарнизонѣ все таки легче нашей здѣшней. А впрочемъ, знаетъ ли человѣкъ чего хочетъ и просить, и что ему выйдетъ въ пользу, а что во вредъ? Да будетъ воля Твоя, Господи!

25. дек. — Днесь я всталъ, но обуться въ башмаки не былъ въ состояніи, призывалъ на помощь Ивана Гриба (крестьянина, которому часто даю свою „менажку“). Вышелъ, было, пройтись, но скоро былъ вынужденъ вернуться и лечь снова. На дворѣ грязь, валитъ мокрый снѣгъ, хотя пока что тепло. По нуждѣ всѣ сидятъ въ баракахъ. Былъ Василь и пошелъ, вечеромъ

заглянул Ромко и сдѣлал мнѣ массажъ. Говорятъ о предстоящемъ нашемъ возвращеніи.

Въ графской газетѣ написано, что Римъ высылаетъ особое посольство къ христіанскимъ державамъ съ протестомъ противъ злоупотребленій Россіи при введеніи православія въ Галицію въ отсутствіе тамъ нашего клира. Это сообщеніе находится въ связи съ тѣмъ, о чемъ говорилъ о. К.

Мы готовимъ проектъ по дѣлу еврея изъ Бродовъ Deutscher-a, общезвѣснаго мошенника и мерзавца, давно ему слѣдовало скрутить голову за всѣ имъ причиненныя неизчислимымъ людямъ страданія.

Вечеромъ у насъ возникла и обсуждалась мысль выслать телеграммы: въ кабинетную канцелярію, нуниціатуру и министерство войны съ просьбой объ освобожденіи. Hilf, wer helfen kann! (спасій, кто можетъ).

Если бы Господь позволилъ намъ, священникамъ, поскорѣе вернуться на родину, такъ и нашимъ дякѣмъ вѣстѣ съ нами ровню же, а то безъ нихъ нечего и думать о совершеніи богослуженій.

Днесь о трупахъ какъ-то ничего не слышно. Въ нашемъ баракѣ всѣ держатъ хор-шо.

26. дек. — Мороза нѣтъ. Съ самаго утра составляютъ телеграммы императору, нуницію, министру. Одну со ставилъ д-ръ О. Крушинскій, другую о. Дюн. Кисѣлевскій и другіе инныя.

Узнаемъ, что ночью сюда къ намъ привезли 19 поляковъ изъ-подъ Кракова. Говорятъ, что все пространство по Тарноувъ — одно пепелище. Ходятъ слухи, что власти готовятся 1200 чел. отпустить на свободу.

Мнѣ днесь лучше, спать хорошо. Былъ Василь, вытрепалъ мою постель. Янко купилъ мнѣ меду и булку. Аппетитъ у меня есть. Пришелъ Илько Гепаль, сказалъ, что у его сына былъ жаръ до 40°, и занялъ у меня 1 крону на лимональ.

Жизнь въ баракѣ: Ulrich разноситъ то румъ, то сливовицу и продаетъ по 14—16 гел. за стаканчикъ. Народъ пьетъ

съ горя. Разносятъ и продаютъ и другіе товары: папиросы, спички, нитки, сахаръ, пуговицы и т. п. мелочи. Еврей Траш торгуетъ галсгухами, чулками и пр. Цѣлый хлѣбецъ продается по 16 гел. за штуку. Кто остро голодаетъ, отправляется на работы и получаетъ двойную порцію харча и 20 гел., но, конечно, тогда быстрѣй изнашивается и такъ убогое платье и рискуетъ стать голымъ совершенно.

Кто въ баракѣ хочетъ что-то написать, просить другого поддержать надъ нимъ зонтикъ, ибо иначе сверху каплетъ и испортитъ все написанное ..

Говорятъ, что уже свирѣпствуетъ пятнистый тифъ въ другихъ баракахъ, это грозное извѣстіе подѣйствовало на всѣхъ крайне удручающе.

Въ 2 ч. явился д-ръ Маеръ съ удивленнымъ физикомъ изъ Граца. Были въ баракѣ у одного больного, зашли и ко мнѣ (кто-то, не д-ръ ли В. Могильницкій? сказалъ имъ, что въ VIII баракѣ есть больной священникъ), посмотрѣли на прививку на моей рукѣ и — ушли. Я успѣлъ сказать имъ только, что болѣнь ревматизмомъ мускуловъ (такъ опредѣлилъ мою болѣзнь д-ръ Могильницкій). Возможно, что перевелъ меня въ госпиталь. Тамъ несравненно лучше чѣмъ въ баракѣ.

Въ 3 ч. была у насъ отслужена ве черня.

Днесь умерло человекъ десять (точное число умершихъ обычно узнать трудно).

Вечеромъ шли у насъ сообщенія о томъ, чтобы завтра пойти двоимъ или троимъ изъ насъ къ рапорту и высказать администраціи наши требованія.

Вечеромъ же возвратили намъ нашъ Majestätsgesuch (прошеніе къ императору), посланное 12 с. декабря. Оно вовсе не было выслано по назначенію, но за то дерзнули вскрытъ его и цензурировать, что на конвертѣ и отмѣчено: Zensurirt M. A. подпись ohne Anstand. Этотъ конвертъ теперь у меня. Офицеръ-почтмейстеръ указалъ, чтобы вложить прошеніе въ новый бѣлый конвертъ, ибо „при вскрытіи конвертъ былъ разорванъ и теперь такъ высылать нельзя“. Зая-

виль даже свою готовность принести только, послѣ столькихъ мытарствъ это-
намъ завтра свой конвертъ. Мы, одна- му нашему прошенію, такъ и не удалось

ТАЛЕРГОФЪ.

Группа конфинированныхъ русскихъ галичанъ въ Passau
родлѣ Граца. Сидятъ съ дѣтя на право, I. рядъ: о. Евгений
Хлякъ, Мих. Ивасъика, о. Юаннъ Долгій, Николай Алек-
сѣевъ Гужевичъ, II. рядъ: о. Алексѣй Конст. Гужевичъ, проф.
д-ръ Николай Ив. Антоновичъ, о. Панчакъ, стоятъ: о. Юли-
анъ Шахъ, г-жа О. Гачко, Иванъ Панчакъ, деканъ о. Вос-
песч, г-жа Мардаровичъ и о. Илія Мардаровичъ,

ко, послѣ совѣщаній, вложили проше- ніе въ новый, нами заадресованный кон- вертъ и отвнесли на почту. И подумать
дойти до императора. Очень возможно, что правда то, что говорятъ, что импе- раторъ ничего не знаетъ о томъ, что

въ Галичинѣ арестовано такое огромное число русскихъ священниковъ, мірской интеллигенціи и интеллигентнаго крестьянства и мѣщанства и что военные круги это предъ нимъ скрываютъ.

27. дек. — Болото хотъ утопиль. Я спалъ хорошо и мнѣ значительно лучше. Утромъ былъ Василь. Я самъ, безъ посторонней помощи, смогъ у себя привести все въ порядокъ. Намъ заявили, что почта въ течение 14 дней не будетъ намъ выдавать ни ничего отъ насъ принимать, изъ-за карантина, видите-ли. Безголовые и мошенничество!

На письма наложили карантинъ! А изъ каждого барака ежедневно люди ходятъ на работу и тамъ сходятся съ людьми изъ другихъ барачковъ, но это ничего, ибо тутъ дѣло въ томъ, чтобы даромъ, въ холодѣ и голодѣ работали. Даже нѣтъ распоряженія, чтобы по крайней мѣрѣ люди одной серіи(10) барачковъ не сходились съ людьми другой серіи. А развѣ этимъ господамъ важна наша жизнь, наше здоровье? Развѣ они не дали доселѣ и не даютъ и днесь своими распоряженіями, заявленіями и дѣйствіями, сотни примѣровъ и доказательствъ, на то, что они были бы довольны, если бы мы всѣ здѣсь до одного погибли? Въдѣ же скученность и антисанитарія барачковъ, тѣснота, холодъ, грязь и пустота внутри барачковъ, отсутствіе врачебной опеки и лѣкарствъ, невозможная пища и ея скудость, отсутствіе самыхъ необходимыхъ вещей въ помѣщеніяхъ, гдѣ содержится сотни и тысячи человѣческихъ существъ въ заключеніи, — явно показываютъ, что все это рассчитано на скорѣйшее истребленіе всѣхъ насъ. Въдѣ же въ барачкахъ нарочно не изолируютъ больныхъ отъ здоровыхъ. Все это прямо бьетъ въ глаза. И мы совершенно безпомощны и беззащитны. Впрочемъ куда и къ кому апеллировать? Мы вѣдѣ перешли здѣсь собственно подъ власть наместничества въ Грацѣ, а тутъ идетъ все по военному мошенничеству и безголовью!

Здѣшнимъ русскимъ плѣнникамъ австрійскіе офицеры раздають по мазинскіи напечатанныя: брошюры „Царі, попи і люди. Женева. Українска друкарня,

1903“. Брошюры эти социалистическаго содержанія, запальчиво выступаютъ противъ русскихъ царей и поповъ за то, что они до сихъ поръ ничего не сдѣлали для народа, и взываютъ пролетаріатъ къ организаціи и бунту.

Только что пошелъ „свать“ за горячимъ супомъ, упалъ, какъ-то спотыкнувшись, опарилъ себѣ обѣ руки и теперь терпитъ. Столько всякой бѣды — этого еще не доставало!

Мнѣ лучше, но я лежу, чтобы не ухудшилось. Пошелъ бы въ больницу, если бы взяли. Тамъ лучше, говорятъ.

Ажъ теперь мнѣ уже и Вѣна и гарнизонъ не страшны. Хотѣлъ бы даже попасть туда, чтобы только вырваться изъ проклятаго Талергофа, изъ этой зараженной эпидеміями долины. Въ каждый моментъ можно заразиться и погибнуть, а такъ хотѣлось бы еще жить, увидѣть свою семью. Все жду момента, когда отправятъ меня въ дорогу.

Пишутъ изъ Вѣны (о. П.), что, молъ, „мы на дняхъ ѣдемъ въ Галичину“. Кто это мы? Священники въ Вѣнѣ или же и всѣ мы здѣсь?

Говорятъ опять о мирѣ, что будто говорятъ о немъ во Вѣнѣ и — упованіе вступаетъ въ души наши. А тутъ приблизились наши праздники Рождества Христова и не одинъ надѣется, что на „свята“ поѣдетъ домой и радуется впередъ такъ, что врьдъ ли кто изъ нихъ такъ ридовался, когда былъ мальчикомъ-школярикомъ и собирался поѣхать домой на „свята“. Такъ и вчера, вотъ, послали мы нунцію телеграмму того содержанія, что, вотъ, идутъ наши Рождественскіе праздники и потому, если есть милость отпустить насъ, то подходящимъ было бы особенно и непременно передъ праздниками и т. п. А тутъ, смотри, карантинъ — и телеграммъ не послали! Ахъ, какъ жестоко, безчеловѣчно терзать и мучить насъ способны эти швабы! А мы, наивные, всегда ихъ ставили въ примѣръ, хвалили ихъ точность, корректность, добросовѣстность, порядочность, величали ихъ культурой!.. Днесь только и то здѣсь открылись намъ очи и мы увидѣли ихъ настоящую физиономію.

Вернулись ходившіе къ рапорту делегаты. Полковникъ принялъ ихъ вѣжливо и заявилъ, что рѣшеніе многихъ нашихъ требованій будетъ зависѣть отъ санитарной комиссіи изъ Вѣны, которая должна на-дняхъ сюда прѣѣхать. Карантина еще нѣтъ и почта еще дѣйствуетъ. Что же касается Majestätsgesuch-a, выяснилось, что цензурировали это наше прошеніе на высочайшее имя — офиціалъ Тимчукъ! Этотъ почти неграмотный и злостный „шпицель“ является цензоромъ прошеній къ императору и отъ него зависитъ, дойдутъ ли они къ императору или нѣтъ! Впрочемъ офицеры сами заявили, что во всякомъ случаѣ такой Majestätsgesuch въ руки императора не попадетъ, на-выше можетъ дойти развѣ до кабинетной канцеляріи. Почему-то боятся эти предрержащіе, чтобы императоръ не узналъ ничего о насъ ни о томъ, что творится въ Талергофѣ.

(*Особ. прим.*) Ходимъ въ канину, гдѣ помѣщается подобіе ресторана. Тамъ за деньги можно получить кое что съѣсть, но никогда тамъ нашего человѣка не впускаютъ внутрь а только позволяютъ ему на дворѣ, безъ стола, стоя, съѣсть полученное. За свои деньги приходится нашимъ людямъ переносить и это униженіе. На каждомъ шагѣ, во всемъ и всегда оскорбленія.

По просьбѣ о. Вл. Венгриновича Телесницкій сталъ уговаривать, чтобы въ складчину что-то собрать для нашихъ больныхъ крестьянъ. Поддержалъ этотъ призывъ какъ разъ подошедшій д-ръ В. Могильницкій. Собрано между нами 105 кронъ и передано ихъ на руки д-ра Могильницкаго для больныхъ крестьянъ.

28. дек. — Болото я здоровъ. Боль въ поясницѣ ослабѣла. Слава Богу, я поднялся, ходилъ днесь по всѣмъ баракамъ и осматривалъ тѣхъ изъ нихъ, которые будто бы для насъ назначены. Хотятъ насъ перевести въ баракъ № 22, а первую серію (нашу) бараконъ отдать работникамъ. Во всѣхъ тѣхъ баракахъ находятся двойныя нары и въ одномъ баракѣ помѣстятъ около 400 человѣкъ.

Послѣ обѣда полковникъ призвалъ тѣхъ, которые подписали Majestätsgesuch (о. Д. Кисѣлевскаго, о. Сѣлецкаго,

д-ра Н. П. Глѣбовицкаго, о. Гайдукевича д-ра О. Крушинскаго) для объясненій.

— Какъ вы могли писать къ императору —заявляя онъ, — что всѣ 7000 человекъ невинны? Вѣдь же тѣ немногіе, которые (свобождены отъ размотра ихъ дѣла въ военномъ судѣ, все таки предстанутъ передъ гражданскій судѣ. Прочіе содержится и должны здѣсь оставаться по политическимъ соображеніямъ и мотивамъ. Или же какъ вы могли написать, что солома, выданная вамъ, не перемѣнялась уже 4 мѣсяца. — Это неправда. Хорошо, я пошлю телеграмму, что это не отъчащаетъ истинѣ.

Изъ этого можно бы заключать, что наши 6 телеграммъ пошли или пойдутъ. Повидимому, полковникъ недоволенъ тѣмъ, что мы посылаемъ телеграммы, и вѣроятно будутъ противъ насъ примѣнены разныя обостренія. Противъ насъ интригуетъ фельдфебель Пиллеръ и офиціалъ полиціи Тимчукъ. Сдѣлалъ намъ полковникъ выговоръ также за то, что мы будто бы подговариваемъ народъ, что бы не ходилъ на работу. Все это ложь.

Ожидаемъ теперь прибытія изъ Вѣны сюда санитарной комиссіи, о которой сказала намъ вчера полковникъ. Мы должны и ей представить наши требованія, ибо переносить все дальше, какъ теперь есть, нѣтъ ни силъ ни возможности.

Я днесь почувствовалъ желаніе закурить и, встрѣтивъ Ромка, взялъ у него табаку, свернулъ папироску и закурилъ. Днесь изъ за бол та и мрака такая хандра находить на человѣка, что можно и распиться. И я пью водку изрѣдка, хотя не пилъ до сихъ поръ. Ни риши сносноі нѣтъ здѣсь, ни овошей, фруктовъ такъ долго не видѣлъ, ни ничего кислаго никогда не достанешь, берешь что-нибудь пожевать, покурить... Пошелъ и купилъ себѣ табаку за 32 гел.

(*Особое прим.*) Свящ. о. Драчинскаго арестовалъ жандармъ и когда шелъ съ нимъ мимо в. к. староства (уѣзднаго начальства) въ Выжницѣ, о. Драчинскій сказалъ: „Постуимъ въ староство на минутку, староста меня хорошо знаетъ и можетъ меня освободить“. Но жан-

дармъ на это отвѣтилъ: „Старостѣ теперь никакого дѣла ко мнѣ быть не можетъ, и ничего мнѣ не можетъ приказывать!“ Повидимому жандармамъ предоставлена высшая власть чѣмъ начальственнымъ надъ ними старостамъ.

Карантинъ официально еще не установленъ. Что то крутятъ. Говорятъ, что строящіеся бараки должны быть готовы къ 1-му января 1915 года, но въ виду того, что времени осталось очень мало и не справятся, то придумали поднять шумъ изъ за карантина и оправдываться тѣмъ, что, молъ, работниковъ невозможно было брать на работу и дѣло затянулось. А то, вотъ, вечеромъ дѣлаютъ людямъ прививку, а на другой за тѣмъ день утромъ гонятъ тѣхъ же людей на работу, совершенно не обращая вниманія на то, что ихъ очень болитъ лѣвая рука и они работать не въ силахъ.

(*Особ. зѣмля.*) Въ Ланцутѣ судебный officialъ Стефанъ Скочилясь рассказывалъ, что его жена родила. Присутствовавшая врачъ установилъ, что роды тяжелы и что предстоитъ операція. Вдругъ входитъ жандармъ и его (С. Скочилясь) арестуетъ. Арестуемый проситъ пощадить его и оставить, указываетъ на свое и жены тяжелое положение, врачъ также заступаетъ, но все это напрасно. Жандармъ съ арестованнымъ ушелъ, жена скончалась и на квартирѣ осталось ихъ двое дѣтей-сиротокъ, лишившихся разомъ и отца и матери.

29 дек. — Одинъ больной этой ночью вырвался и пошелъ къ воротамъ. Поставой трижды „гальтовалъ“ его, но видя, что идущій не обращаетъ на это вниманіе, выстрѣлилъ въ него и ранилъ его. Раненый попросилъ къ себѣ о. Вл. Венгриновича, чтобы исповѣдывалъ его.

Дождь. Грязь. Я чувствую себя совершенно здоровымъ.

Въ 10 ч. зашелъ къ намъ капитанъ Штрикъ по слѣдующему дѣлу: Онъ желаетъ узнать, что нужно православнымъ священникамъ для совершения ихъ богослуженій. Они ему сказали, что ихъ запрещено служить на томъ же престолѣ и даже въ той же церкви, что и католикамъ. Въ отвѣтъ на это капитанъ за-

явилъ, что можетъ быть одинъ престолъ (собственно только скрыня) для греко-католиковъ, а другой для греко-оригинальныхъ (православныхъ). Относительно того, что нужно нашему клиру, кое-что у него въ тетрадкѣ уже было отмечено, навѣрно въ другихъ баракахъ ему уже сказали.

Вотъ и дождемся здѣсь наконецъ церкви и престола и возможности служить богослуженія, какъ полагается, исполнять наши душпастирскія обязанности въ заключеніи. А наши церкви тамъ, въ родномъ краю, спустѣли. А наши престолы въ нихъ долго ждуть нашего возвращенія, и сердце каждого изъ насъ жаждетъ и ждетъ тоскливо того времени, когда мы сможемъ тамъ, въ своей церкви и передъ своимъ престоломъ, служа литургію, вознести руки и души горѣ

Днесъ посѣтилъ я о. Сеника. Онъ лежитъ, страдая болью зубовъ и головы. Мы заговорили о предстоящей намъ побѣдкѣ и оба согласились въ томъ, что въ настоящей моментъ считали бы ее истиннымъ благодѣянiемъ, ибо наши власти здѣсь могутъ и дальше мучить насъ всячески, примѣняя самую строгія мѣры карантина (закрытіе кантинъ, прекращеніе почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній, запрещеніе взаимныхъ посѣщеній обитателей отдѣльныхъ бараковъ и т. п.). Но вопросъ только выдадутъ ли насъ, когда насъ потребуютъ во Вѣну? Не отдѣлаются ли и въ этомъ случаѣ указаніемъ на карантинъ?

Ночью поставой прокололъ одного крестьянина.

30 дек. — Сверху солнце, внизу грязь. Д-ръ Могилиничій заявилъ, что крестьяне переносятъ брюшной тифъ въ общемъ легко, а пятнистаго нѣтъ. Хвалитъ Господа! Всѣмъ намъ полегчало, когда это узнали, и бодрость вселилась опять въ сердца наши.

Нѣкоторые семьи переходятъ въ 30-ый баракъ и я хотѣлъ туда перейти съ Янкомъ и сватомъ. Ходилъ къ Коломйцу, но его не засталъ, просилъ брата, неудалось бы и намъ получить одну каюту, но это кажется, не удастся. При-

дятся ждать завершения постройки другого барака. Въ Вѣну не вызываютъ.

Въ первой серіи (десять бараконъ) состоялся врачебный осмотръ (ревизія). Побезпокоено и насъ. Всѣ вышли перелъ баракъ и стали четверками. Весь этотъ осмотръ производится, повидимому, такъ, чтобы подорвать и подавить въ людяхъ всякое чувство стыда. У нѣкоторыхъ субъектовъ взаправду огурили нравы. Поведеніе нѣкоторыхъ (обоего пола) таково, что при ихъ видѣ невольно спрашиваешь, не интересно

при обыскѣ у него было найдено много чужихъ вещей, денегъ и пр. Арестованы также и его сообщники или, какъ онъ самъ называлъ ихъ, „золотыя канарейки“. Спасибо и признательность за это о. Гумецкому, который собралъ весь обвиняющій Deutscher а матеріалъ и свидѣтелей и въ старательно и въско обособленной жалобѣ предложилъ его прежде всего капитану Штрику, съ тѣмъ, чтобы, съ нимъ ознакомившись, передалъ его полковнику, а, если бы это сдѣлать ему было неприятно, возвратилъ его ему

Internierten-Lager Thalerhof.

№ 1182

Name des Internierten:

Küminiska Margonid

Baracke № (XXX) XVII

ТАЛЕРГОФЪ.

Легитимация интернированныхъ въ Талергофѣ.

ваны ли они здѣсь съ той цѣлью, чтобы вносить разложение и деморализацию среди заключенныхъ, подобно какъ съ другой цѣлью доносчики и „шпицли“. Къ этому повидимому, ведутъ и на это расчитаны и постоянныя униженія и оскорбленія, которымъ подвергаются узники, и ругательства, и тѣснота и скученность въ баракахъ и разрывъ семействъ, и общія отхожія мѣста для мужчинъ и женщинъ и мн. др.

31. дек. — Полковникъ приказалъ Deutscher-а замкнуть послѣ того, какъ

(о. Ю. Гумецкому). Но жалоба затѣмъ пошла правильнымъ путемъ и въ результатѣ Deutscher, настоящій палачъ и истязатель невинныхъ людей, попался. Его „канарейки“, въ ихъ числѣ студенты-мазепинцы, были комендантами преимущественно въ III серіи бараконъ и притѣсняли и преслѣдовали безнаказанно много невинныхъ людей долгое время и только теперь вмѣстѣ съ его пораженіемъ, спотыкнулись

Говорятъ, что императоръ распорядилъ абслюцію, т. е. прекращеніе уго-

ловнаго преслѣдованія интернованныхъ, но не знаемъ, вѣрно ли это. Если бы это было вѣрно, я не поѣхалъ бы въ Вѣну.

Тифозная эпидемія ослабѣваетъ, покойниковъ бываетъ ежедневно по 3—5 человекъ, заболѣваютъ простые люди и интеллигенты, но случаевъ смерти среди послѣднихъ бываетъ меньше.

Составилъ днесь телеграмму въ Младый Болеславъ на адресъ фирмы слѣд. содержания: Drahtet wo und ob gesund Bohdan. Maszczak (Телеграфуйте, где и здоровъ ли Богданъ). Отвѣтъ я уплатилъ. Телеграмма пойдетъ завтра. Очень хотѣлъ бы узнать, что съ Богданомъ.

Мошенничества Deutscher-а (румынскаго еврея): По уходѣ изъ гангара Витошинскаго, какъ Zimmer-комеданта, занялъ его мѣсто Deutscher и сразу же началъ его злодѣянія. Занялъ у о. Евгенія Хилляка 5 кронъ и взялся за операцію съ тютюномъ. Покупалъ табакъ и продавалъ его находящимся подъ его надзоромъ людямъ по 1 кронѣ. При выдачѣ лица были щедрѣмъ по отношению тѣхъ, которые дали ему взятку и обижать остальныхъ. При полученіи заключенными одежды, больше чѣмъ другіе получали тѣ, кто у Deutscher-а окупался. Онъ получалъ для раздачи крайне нуждающимся одеяла и коцы, но имъ ихъ не передавалъ, а продавалъ. Составлялъ и представлялъ администраціи ложные списки нуждающихся. Непокорныхъ, протестующихъ и жалующихся на эти злоупотребленія и притѣсненія, билъ безъ милосердія. Послушными помощниками у него были такіе палочки, которые по его жесту бросались на человека и избивали до полусмерти. Бывали случаи, что эти его палочки поздней ночью кидались какъ звѣри на спящаго узника и били и душили (давили) его. Не одинъ изъ заключенныхъ отъ этихъ побъ евъ вскорѣ и умеръ. Приводилъ блудницъ, насаждающихъ деморализацію, особенно невозможно было поведение одной румынки. Съ таковой одной онъ самъ развратничалъ на глазахъ окружающей среды, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что съ одной стороны тутъ

же лежалъ и умиралъ больной, а съ другой также сблизка смотрѣли два мальчика (А. и К.). Если подковникъ давалъ заключеннымъ нѣкоторыя льготы, Deutscher опаздывалъ съ объявленіемъ объ этомъ. Такъ когда подковникъ позволилъ всѣмъ кто хочетъ, курить, то Deutscher объявилъ объ этомъ въ гангарѣ только недѣлю спустя, а за это время усиленно торговалъ. Впрочемъ перечислить всѣ его продѣлки нѣтъ никакой возможности, ибо тѣ, кто находились подъ его властью, сообщаютъ все новыя и новыя.

Январь 1915 г.

1. янв 1915 г. — Былъ ночью морозъ и мы имъ довольны — можемъ разъ наконецъ по-суху пройтись. Въ грацкихъ газетахъ тонъ бодрый, хотя замѣтно что слово „Friede“ (миръ) попадаетъ все чаще.

Вчера приходилъ Иванъ Федиковъ и просилъ его днесь исповѣдать. Очень осунулся старикъ и кажется, что сложить свои кости въ Талергофѣ. Я попросилъ о. Вл. Венгриновича принять его исповѣдь, что онъ сегодня и сдѣлалъ. Узналъ я, что Василь заболѣлъ. Я попросилъ д-ра Могильницкаго ухаживать за нимъ и самъ уплачу. Настроеіе у всѣхъ насъ все болѣе и болѣе подавленное приближается сочельникъ и каждый изъ насъ чувствуетъ, что онъ долженъ бы быть отпразднованъ нами не здѣсь, а въ родномъ краю и въ своей семьѣ.

Днесь узналъ я, что третьяго дня умеръ 14-лѣтній мальчикъ сынъ о. Юліана Барановскаго изъ Скоморохъ новыхъ. Онъ бѣдняга попалъ въ гангаръ и поздно перешелъ въ послѣдніе бараки. Лишенный теплой одежды и денежной поддержки — погибъ. Вотъ еще одна жертва своеволія нашей жандармеріи. Отгорвали мальчика отъ родителей, лишили всякой опеки и убили. За что? — ничего, по дикой прихоти. Даже ни разу никогда его не допрашивали, не навели никакихъ о немъ справокъ, не сказали ему, недозрѣваютъ ли его и въ чѣмъ.

2. января. — Легкий примороз, потом оттепель, а вечером дождь. Вечером о. Крушинский, комендант VI барака, огласил фамилии 46 лиц, выпущенных на свободу.

Померь Иванъ Федиковъ. Надъ покойникомъ о. Венгриновичъ и я отслужили панихиду (онъ лежалъ еще на постели). Петро К. прислуживалъ дыякомъ. Возвращаясь съ панихиды, я поступилъ въ 17-ый баракъ, къ Василию Мартынову — онъ боленъ, весь въ жару. Я прислалъ д-ра Могильническаго присматривать за нимъ. Посѣтилъ его вчера и днесъ, хотя днесъ жаръ, кажется, чуточку ниже, но больной горитъ, весь почервонѣлъ. Сказалъ ему, что буду у него и завтра, принесу лимонъ на лимонадъ.

3. янв. — Всю ночь лилъ дождь. До обѣда опять прочли 58 фамилій освобожденныхъ крестьянъ.

Послѣ обѣда купилъ 4 лимона и сахару и отправился въ 17-ый баракъ. По пути встрѣтился съ д-ромъ Могильнискимъ. Онъ сказалъ, что Василъ особенно тяжело страдаетъ, ибо у него кроме тифознаго жара и невралгія одной половины лица. Около больного Василя на-одятся Франко Горянка, Павелъ Людкевичъ, Михаилъ Лотошій, Юрій Токаръ и Ілія Гопаль. Я постоялъ у его постели нѣкоторое время, угѣшалъ какъ могъ и, поручивъ его опеку окружающихъ ушелъ.

Писалъ о. Юркевичъ, что былъ въ испанскомъ посольствѣ, передалъ наше письмо и просилъ чрезъ русское правительство увѣдомить наши семьи въ Галичинѣ о нашемъ мѣстопребываніи и здоровья. Даль бы то милостивый Господь, чтобы все наши тамъ скоро узнали о насъ, а то они убиваются и скорбятъ, ничего не зная о нашей судьбѣ уже такъ долго.

Телеграмму въ Младый Болеславъ къ Лазарю и Клементю можетъ быть завтра удастся выслать. спрашиваю въ ней, живъ ли и гдѣ Богданъ; отвѣтъ уплаченъ.

Вечеромъ прибылъ новый транспортъ узниковъ отъ Горлицъ на Лемковщинѣ. Говорятъ, что вся Лемковщина занята русскими войсками, что около

Граба 25.000 австр. солдатъ попало въ плѣнъ, а что и какъ есть на дѣлѣ, точно узнать невозможно.

4. янв. — И въ эту ночь лилъ дождь.

Днесъ въ 12 ч. внезапно скончался на ударъ сердца о. Сѣлецкій. Пошелъ вмѣстѣ съ Гисовскимъ въ кантину достать вина, такъ какъ врачъ позволилъ ему и прописалъ пить вино. Кантинерка не хотѣла ему продать и набросилась на него съ бранью, что «такимъ измѣнникамъ, которые посылаютъ жалобы, вино не продается!» Слыша это, о. Сѣлецкій, впадъ въ такое волненіе, что покачнулся и палъ на землю мертвымъ. Впрочемъ, его уже вчера вечеромъ страшно потрясла роковая вѣсть, сообщенная новоприбывшими людьми съ транспортомъ отъ Горлицъ, что его приходъ до тла разоренъ и сожженъ. Всю ночь не спалъ и былъ крайне разстроенъ. Мы ѣли обѣдъ, когда о. Олимпъ Полянский пришелъ и извѣстилъ объ этомъ зятя покойнаго, о. Ст. Гаиду. Вѣсть эта всѣхъ насъ больно поразила, ибо покойнаго все уважали и любили. Вотъ и жизнь чедовѣческая!.. Покой его доброй душѣ! Вѣчная ему память!

Вечеромъ изолювали VI баракъ, такъ какъ тамъ одинъ заболѣлъ тифомъ. Опять все мы въ уныніи. Продлится карантинъ, прекратится почтовый обмѣнъ и движеніе, а тѣ, которымъ уже объявлено освобожденіе и даже выданы легитимациі, будутъ вынуждены здѣсь дальше оставаться и ждаты, ждаты безъ конца.

Читалъ я свѣжія газеты (между прочими Zeit), узнаемъ, что въ Угорщинѣ хлѣба (жита и пшеницы) очень мало. Похоже на то, что воюющая противная сторона пригласитъ на помощь Японію. И какіе же тутъ виды на близкій конецъ войны?

5. янв. — Мороза нѣтъ. Болото, тяжело перейти. Просимъ Бога о хорошей погодѣ, тогда вѣроятно и болѣзни прекратились бы.

На похороны о. Сѣлецкаго пошли мы и хоръ. Съначала полковникъ распорядилъ, чтобы похороны о. Сѣлецкаго состоялись, какъ всякаго другого заключеннаго,

то значить безъ участія постороннихъ, а только въ присутствіи ближайшихъ родственниковъ и еще кое-кого. Но въ дѣло вмѣшался капитанъ Strick, который очень любилъ покойнаго, и по настоянію капитана, полковникъ разрѣшилъ участіе хора и другихъ заключенныхъ.

Общій карантинъ „Вахи“ (стражу) отъ насъ забираютъ, кантины сносятъ и предпринять цѣлый рядъ другихъ мѣръ на подобіе тѣхъ, которыя предпринимаются во время холеры. Вотъ каковы намъ будутъ праздники Рождества Христова!

Но кажется, что карантинъ долго длиться не сможетъ. Дѣло въ томъ, что изъ-за него и офицерамъ нельзя отсюда ѣздить въ Граць и они будутъ весьма заинтересованы въ томъ, чтобы эта изоляція была отмѣнена.

Номеръ могилы о. Сѣлецкаго 264.

Изъ нашего барака освобождены три священника, оо. Черкавскій, В. Гургула и Коростенскій, съ отмѣкою на ихъ легитимацияхъ, что они должны находиться далеко отъ прифронтовой полосы.

6. янв. — Навечеріе Рождества Христова — нашъ Святъ-Вечеръ!

Морозъ. Ясно. И такъ, мы всѣ надѣялись, что на Рождественскіе праздники, мы не будемъ въ Талергофѣ, а вернемся въ Галичину. Ходили слухи, что насъ, священниковъ, отправятъ на родину, но все это — обманъ. Горько, жалко и тяжело на душѣ. Каждый душой и сердцемъ въ той родной мѣстности, изъ которой вырванъ внезапно и насильственно. Каждый чувствуетъ и знаетъ, что тамъ у его родныхъ и близкихъ, также днесь — печаль, скорбь и горечь. Тамъ теперь наши жены и дочери готовятъ, вѣроятно, кое-что на вечерю и — заливаются слезами, а другія, быть можетъ, и не въ своей хатѣ, а гдѣ-то у чужихъ слоняются и онѣ тоже плачутъ, оплакиваютъ свою горькую судьбу, вспоминая лучшее, счастливейшее прошлое, когда такъ уютно, тихо и покойно жилось въ своей семьѣ и такъ свѣтло и весело праздновался

Святъ-Вечеръ... Га, что-жъ подбѣлаешь? такъ, видно, Богу угодно было!

Что же, мы убиваемся и терзаемся, а наши сыновья на поляхъ сраженій гибнутъ отъ пуль, ранъ, мороза и голода. Кто все это увидитъ, прочувствуетъ, мысленно объемлетъ, разберетъ? А когда туда полетишь мыслями, и вообразишь себѣ, что находишься на ихъ мѣстѣ, купно съ ними страждешь, переносишь всѣ тяготы, опасности и переживанія, падаешь мгновенно подкошенный и въ невыносимыхъ страшныхъ мученьяхъ кончаешь свою жизнь въ такой какъ тамъ обстановкѣ, то вздохнешь и скажешь: все таки мнѣ здѣсь лучше!

Съ утра я ходилъ. Около 9 ч. Янко пошелъ въ кантину и принесъ селедку (за 30 гел.) и булку за 44 гел. — вотъ и все на наши праздники. Вчера я купилъ швейцарскаго сыра на 1 крону. Подѣлился съ Янкомъ. Ни яблокъ, ни чего другого крайне необходимаго, не доставили намъ наши кантинары. Мо жетъ быть, всему помѣшалъ карантинъ.

Въ 11 ч. отслужили ми царскіе часы. Объявлено о выпускѣ 100 человекъ на свободу (теперь ежедневно объявляютъ), завтра они получаютъ легитимации.

На обѣдъ получили мы густые макароны, помазанные, конечно, не масломъ, а чѣмъ-то инымъ, куероломъ, что-ли.

Къ вечеру Телесницкій обратился къ собраннымъ со словомъ свѣд. содержания: Судьба рѣшила, что мы должны провести праздники Рождества Христова здѣсь, въ тюрьмѣ. Но вѣрность и служеніе великимъ идеямъ требуютъ и великихъ жертвъ. Со скорбью въ сердцѣ будемъ днесь одни (священники) служить, другіе (міряне) слушать великое поечеріе съ литіею, послѣ которыхъ каждый изъ насъ получить участіу поблагословеннаго хлѣба и шиеницы и, вкушая ихъ, вспомнить наши Рождественскіе праздники на родинѣ. Грустно здѣсь намъ и тамъ нашимъ роднымъ, оплакивающимъ, быть можетъ, насъ и считающимъ насъ погибшими. Въ нынѣшнихъ здѣшнихъ условіяхъ и обстоятельствахъ не могу сказать вамъ по обычаю, что желаю вамъ веселыхъ

праздниковъ, но я вамъ желаю здоровья, силъ, терпѣнія и мужества перенести побѣдно всѣ выпавшія намъ испытанія и удары и дожидаться скорого освобожденія и возвращенія на родину.

Слова эти многихъ тронули до слезъ.

Купилъ за 70 гел. „струдель“ (родъ пирожного) — вотъ теперь и будетъ больше по праздничному!

А вѣсти получаютъ невеселыя. Выпущенный на свободу и проживающій

Рахмиструкъ (камеральный дьякъ изъ Черновецъ) лишился днесь и сливовицы и рома и паль духомъ совсѣмъ. Да и другимъ невесело. Чаю удалось намъ раздобыть да и то маленечко. Въ 4 ч. подали чай.

Въ 5 ч. 30 м. въ баракъ поставили столецъ (низкій столикъ), положили на него немножко соломы (вмѣсто сѣна), прикрыли обрусомъ, поставили пару свѣчекъ, 5 хлѣбцевъ, миску сваренной пшеницы, чашку вина и баночку оливы и

ТАЛЕРГОФЪ. Дѣтскій баракъ.

теперь во Вѣнѣ о. Круликовскій пишетъ, что ему не выплатили всей конгруи за прошлые мѣсяцы, а выдали ему только нѣкоторый зачетъ, такъ что жить все равно, не-начто. Вотъ-те перспектива! Могутъ такъ же и намъ не выплачивать конгруи и чѣмъ же намъ, если бы мы и были отсюда освобождены и только конфинованы, жить тогда? Миѣ свою малость денегъ нужно беречь, чтобы на всякій случай имѣть при себѣ по крайней мѣрѣ на желѣзнодорожный билетъ.

передъ всѣмъ этимъ отелужены были великое повечеріе и литія. Послѣдовало „мированье“ (елеопомазаніе), совершенное о. Гелитовичемъ, при общей трапезѣ. По очереди каждый со своею ложкою, проходя около столика покусалъ пшеницы и вина и мировался. Хлѣбцы, съ печатками на верху были мелко крошены и розданы всѣмъ въ баракѣ по кусочку. Все это, въ крайне убогой и высокотожественной обстановкѣ, было весьма трогательно и умилительно.

Потомъ пошли взаимныя благожеланія. Другъ друга обнимали и цѣловали, а изъ устъ слышались одиѣ и тѣже желанія: Дай вамъ и намъ, Господи, скоро выйти на свободу и увидѣть родную змлю!

Затѣмъ пошелъ я къ Янку—онъ въ III Zug'ѣ (взводѣ) — на реч.rio. Янко позаботился: канусты, сыра, „москала“—селедку, медъ и булку (Milchbrot), яблоки поставилъ на столчыкъ. Я принесъ свой „струдель“ съ яблоками. Такъ кушали мы и попили чаемъ. Посидѣли мы, поговорили о родинѣ и близкихъ, неразъ задрожалъ голосъ въ горлѣ, но каждый старался владѣть собой, чтобы не разстраивать другого. Въ 8 ч 30 м. я возвратился во свояси. Стали колядовать, а такъ какъ колядника (книжки съ колядами) нѣтъ, то такъ, по памяти, каждый съ коляды по 1 — 2 строфы.

(Отъ брата Иосифа получилъ я теплый коць, который стелю себѣ на сол-му, отчего мнѣ и теплѣй спать).

Вчера газета Volksblatt принесла передовику п з. Die Stellung des Papstes in dem Weltkriege (отношеніе папы къ всемірной войнѣ), въ которой говорится, что папа Бенедиктъ XV прилагаетъ старанія и усилія къ заключенію мира. Тронуло насъ это. Мы б дрѣ пропѣли: „Слава во вышнихъ Богу и на землѣ миръ, во человецѣхъ благоволеніе“ — и маленькая надежда на миръ, какъ святъ-вечерняя звѣздочка засіяла въ сердцахъ нашихъ.

7. янв.—Рождество Господа нашего Иисуса Христа. Морозъ. Всѣ ходятъ съ угра. И въ переулкахъ видно много людей, высказывающихъ благожеланія и лобызających другъ друга. Наши б телеграммъ, которыхъ отправить администрація не хотѣла и возвратила и изъ-за которыхъ полковникъ еще злился, что въ нихъ ложь подана — *днесь отправлены*. Солдатъ-чиновникъ самъ заявилъ намъ, что телеграммы днесь могутъ отойти. Мы обрадовались. Въ телеграммахъ мы просимъ, чтобы насъ пустили на свободу. Въ телеграммѣ къ императору заключается просьба, чтобы издалъ аболіцію для тѣхъ, которые обвинены. Слава

Тѣбѣ, Господи, день Рождества Христова для насъ по-истинѣ радостенъ!

Еще одно: Днесь по телефону спрашивалъ генералъ Курьловичъ изъ Вѣны нашу команду, здоровъ ли здѣсь его братъ Никифоръ. Самъ полковникъ Штадлеръ прибѣжалъ въ 30-ый баракъ къ Никифору посмотришь, здоровъ ли онъ. Знаменательно въ этомъ случаѣ то, что генералъ до сихъ поръ не желалъ признаваться къ родству и не помогъ Никифору, несмотря на его постоянныя мольбы, вырваться изъ Талергофа. Ажъ днесь все таки вспомнилъ.

Отслужили обѣдницу. Хоръ пѣлъ. Послѣ обѣда купилъ я 3 булки (Milchbrot) и апельсиновъ и пошелъ въ 17-ый баракъ, занести заключеннымъ тамъ моимъ прихожанамъ „коляду“. Увы! тамъ караульный солдатъ встрѣтилъ меня своимъ громко рѣзкимъ: zu rück!(назадъ), ибо баракъ попалъ въ число изолованныхъ. Я булки принесъ и отнесъ 2 изъ нихъ Янку, одну же самъ съѣлъ съ кофе.

Д-ръ Могильницкій сказалъ мнѣ, что Василь въ жару — быть можетъ у него тифъ

Вечеромъ опять огласили фамиліи около 60 освобожденныхъ, преимущественно крестьянъ.

8. янв. — Соборъ Пресв. Богородицы, св. Иосифъ. Вчера вечеромъ высказали мы благожеланія нашимъ товарищамъ Иосифамъ. Днесь утромъ, послѣ мированья*я высказалъ пожеланія брату. Былъ легкій морозецъ, около полудня настала оттепель и грязь будетъ до вечера. Отслужили обѣдницу до полудня.

Говорятъ будто Владимира Курьловича пустили на свободу въ Вѣнѣ и что, быть можетъ, это обстоятельство вселило храбрость въ брата генерала спросить вчера по телефону о здоровьи Никифора. Если же Владимира освободили, то предполагаю, что меня не будутъ вызывать во Вѣну, вѣдь же онъ тоже былъ въ Софѣѣ. Дай это, Господи! Велий еси Господи и дивни суть дѣла Твоя и ни едино же слово довольно есть къ похваленію чудесъ Твоихъ.

Вечеромъ роздалъ о. Прелічъ одежду. Всѣ записавшіеся голучили — ни о-

му не отказано. Вышли и курьезы, такъ какъ часто низкіе ростомъ получили штаны большихъ размѣровъ, а высокіе, напротивъ, малыхъ.

9. янв — Морозъ. Холодно. Въ нашемъ баракѣ строятъ печь изъ кирпича. Началъ объявили, что сдѣлать противъ него по Anzeig-у (дону) пристановлено, но интернированными все таки остается! Люди страдаютъ все больше и больше ревматизмомъ. Мой ссѣдъ Теофиль Костецкій стонетъ. Принимаетъ отъ времени до времени аспиринъ, который ему временно помогаетъ. Выпилъ утромъ стаканъ сливокъ (20 тел).

Днесь помѣстили въ наши гангары 6 аэроплановъ для ремонта и издано распоряженіе, чтобы мы, во время ихъ полета, не выходили, а сидѣли въ баракахъ. Вечеромъ сыгралъ я партію преферанса.

10. янв. — Мороза нѣтъ, грязно. Отслужили обѣдницу. Померло 13 человекъ. Испугъ опять пошелъ по баракамъ. Уныніе овладѣло всѣми, тѣмъ болѣе что на дворѣ грязь — неприятно. На театрѣ военныхъ дѣйствій безъ перемѣнъ.

11. янв. — Морозъ, день ясный и приятный. Отъ днесь начинается дѣйствовать наша баня. Днесь должны идти купаться изъ VII барака, а завтра мы, лишъ бы не простудиться!

Уже до полудня было свыше десятка покойниковъ. Ужасъ! Вымретъ здѣсь, на чужинѣ, русскій народъ весь, если Господь надъ нимъ не смилосердится. Нечего и думать о легитимаци и объ освобожденіи.

Съ полудня настала оттепель, грязь, но холодно. Всякій бѣжитъ въ баракъ, а здѣсь тепло и мило, ибо здѣсь ставятъ печь изъ кирпичей. Замѣчательный способъ сооруженія печи безъ „Luft-овъ“ (отдушнн), но у каждой печки труба. Въ печкѣ имѣется вставленный Blatt (плата), такъ что можно варить или пригрѣвать пищу. Послѣ обѣда народъ спитъ по баракамъ. Я сплю въ брюкахъ и теплой жилеткѣ, опасаясь ночной простуды и дѣйствія ревматизма.

Въ Грацѣ снова состоялось будто бы вѣче, на которомъ потребовали снесенія талергофскаго лагеря.

12. янв. — Д-ръ Н. Глѣбовицкій составилъ днесь телеграммы депутатамъ Гормузакі и Крамаржу съ просьбой, чтобы они ходатайствовали по дѣлу нашихъ телеграммъ, посланныхъ 7-го января императору, нуниці и четыремъ министрамъ. Неизвѣстно, будутъ ли эти наши телеграммы приняты.

До полудни умерло 6 человекъ, одинъ ребенокъ. Штукатуриваніе печи днесь завершаютъ. Купанье всеъ хвалятъ. Съ нетерпѣніемъ выжидаемъ очереди.

До вечера умерли еще 5 чел.

Телеграммы къ Крамаржу и бар. Гормузакі не приняты, но въ то же время телеграмма польскаго ксендза В. Замойскаго принята!

Въ газетахъ пишутъ, что будто „Русское Слово“ писало недавно, что Россія, Франція и Сербія могли бы уже заключить миръ, такъ какъ Англія ѣздитъ на Россіи, какъ ѣздокъ на скаковой лошади.

13. янв. — Морозъ. Утро хорошее, но холодное. Я всталъ въ полов. 7 ч.

Администраціей получена телеграмма изъ Вѣны, что с. д-ръ Масцохъ назначенъ настоятелемъ прихода въ Талергофскомъ лагерѣ. Догадались наконецъ сдѣлать это послѣ того, какъ на талергофскомъ кладбищѣ усыпаны уже 320 могилъ надъ тлѣнными останками тѣхъ нашихъ людей, которые умерли безъ исповѣди, такъ какъ не дано нашимъ священникамъ разрѣшенія на это. Кто же отвѣтитъ предъ Богомъ за души 320 покойниковъ, умершихъ безъ покаянія? А вѣдь же въ свое время, еще въ началѣ октября, обращался д-ръ с. Малинякъ къ грашкому архіепископу съ просьбой, чтобы далъ намъ, священникамъ, диспензу исповѣдывать и совершать надъ больными таинство елеосвященія. Но безъ результата. Никто не откликнулся на нашу просьбу, никто изъ высшей духовной іерархіи не пожелалъ посѣтить насъ здѣсь, выслушать наши пробы, поинтересоваться нашимъ положеніемъ. Никто! Вотъ какъ Римъ ве-

деть себя в таких случаях! Одно у него на словах, а совершенно другое на дѣлѣ! Испытали мы это на самихъ себѣ здѣсь, въ Талергофѣ.

Ежедневно надъ нашими бараками летаютъ аэропланы.

Вчера передалъ я брату Иосифу на карточкѣ фамилии 6 лицъ, желающихъ получить въ новомъ баракѣ для себя отдѣльную кабину. Записаны тамъ: Я, Иосифъ, о. Діонисій Кисѣлевскій, о. Потерейко, судья Теофиль Костешкй (*одна фамилія нечет.*)

Днесь заканчивается Старый Годъ. Послѣ обѣда служитъ вечерня.

Вчера надъ больнымъ о. Иосифомъ Черкавскимъ, священникомъ (оо. Процькы, Плешкевичъ, Ст. Крушельницкй) совершили елеосвященіе. Онъ — 75-лѣтній старикъ.

Померло 20 чел.!

14. янв.—Новый Годъ. Пошли пожеланія: здоровья, освобожденія и мира. Морозъ и сухо, но и стужа порядочная.

Берхгольдъ вышелъ въ отставку. Такъ какъ его считаютъ газеты сторонникомъ и виновникомъ войны то съ его уходомъ надежды на миръ больше. Его мѣсто занялъ Буріанъ.

Вечеромъ скончался о. Иосифъ Черкавскій. Панихиду отслужилъ о. Малинякъ.

15. янв. — Морозъ Воздухъ пріятный. Собралось насъ 15 чел., сложили по 50 гел. и удалось намъ пойти въ баню, не дожидаясь, когда придетъ очередь на нашъ баракъ. Купанье всѣмъ намъ было пріятно: вымылись порядочно и стали и почувствовали себя болѣе здоровыми.

Покойниковъ было 7 чел.

16. янв. — Морозъ. Послѣ купанья спалъ отлично. Ходятъ слухи, что будутъ черезъ 2 — 3 недѣли насъ освобождать. Одинъ священникъ получилъ письмо изъ Вѣны, въ которомъ сообщается, что всѣ священники въ преклонномъ возрастѣ будутъ освобождены.

Говорили мы съ полковникомъ объ устройствѣ водосвѣтیا въ день Бог. явленія. Полковникъ отказалъ вѣжливо въ разрѣшеніи, ссылаясь на то, что теперь въ баракахъ эпидемія.

17. янв. — Морозъ. Чудный день, ясный съ самаго утра. Я гуляю съ утра и пользуюсь свѣжимъ воздухомъ. Писалъ кто-то изъ Вѣны, что о. Филясъ поѣхалъ въ Римъ будто бы въ нашѣмъ дѣлѣ. Вотъ и обманываемъ самихъ себя всякими слухами, вѣстями взятыми — какъ о. Евгенийъ Хиліякъ говорить — aus der Vzduha (глупости) — Zeitung, редакция которой въ VI баракѣ, а отвѣственнымъ редакторомъ о. Крушинскій.

Покойниковъ 14 чел. Скоролостижно померла жена о. Лесчты отъ разрыва сердца. Въогъ и еще одна наша матушка почтѣтъ на талергофскомъ кладбищѣ. Отслуженъ акаѣнствъ къ Покрову Пресв. Богородицы.

Говорятъ, что въ теченіи 14 дней всѣхъ насъ распустятъ. Одинъхъ пустятъ на волю, часть же будетъ конфинована, именно въ Грацѣ тѣ, у которыхъ уже будетъ обвинительный актъ, а всѣ прочіе интернированные будутъ переведены въ иную мѣстность, куда-то 3 — 4 мили отъ Граца. Такую вѣсть получилъ судья Гисовскій отъ офицера. Вѣрно ли это? Ахъ, сколько уже подобныхъ слуховъ было!

18 янв. — Спалъ хорошо. Холодъно. Всталъ рано. Канунъ Богоявленія. Въ 10 ч. отслужили царскіе часы, а затѣмъ о. Гелитовичъ, въ служуниці оо. Іоанна Машака и Сенишина, водосвѣтیا. Вода была въ 3 сосудахъ. Наши люди сдѣлали изъ дерева 3 трикирія, въ которые водружены были свѣчки, какія удалось достать. Водосвѣтیا совершенно было по требнику. Торжественно — многозначительно раздавались произносимая священнодѣйствующими слова: „Великій еси Господи и чудни суть дѣла Твоя и ни едино же слово довольно есть къ восхваленію чудесъ Твоихъ“. Да, „чудныя дѣла“, это видимъ теперь!

По водосвѣтіи о. Гелитовичъ окропилъ баракъ и наши логовища, подавая каждому къ лобызанію крестикъ.

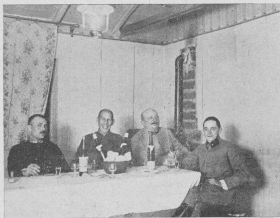
Вечеромъ отслужилъ катихитъ гимназіи въ Перемышлѣ, о. Савчинъ, вечеріе великое съ литією. Положены были просфоры (5, но меньшія чѣмъ на Рождество), вареная пшеница, вино и елей. Затѣмъ состоялось „мированіе“.

Покрошенная просфора была роздана всѣмъ въ баракъ. Никакого самого скромнаго подобія вечери устроено не было. Къ вечеру получили, какъ обыкновенно, кофе.

Чеснокъ дорогъ — головка по 20 гел., правда, довольно крупная, но уже пускающая побѣги. Я ѣмъ его охотно и ежедневно: питаюсь здѣсь постоянно одними и тѣми же кушаньями, организмъ требуетъ отъ времени до времени чего-

Д-ръ Поллякъ объявилъ, что завтра пойдемъ купаться и перейдемъ затѣмъ въ баракъ № 2 (тамъ на нарахъ свѣжая солома). Братъ Юсифъ выхлопоталъ то, что онъ, я, Янко и старшій Потерейко, перейдемъ въ баракъ № 30, на мѣсто семи Проскурницкихъ, которая завтра тоже должна перейти, выкупавшись, въ новый баракъ и затѣмъ отбыть тамъ карантинъ, выйти на свободу.

ТАЛЕРГОФЪ.

Санитарные офицеры-врачи въ Талергофскомъ лагерѣ.

то болѣе острога, да и какъ дезинфицирующее средство чеснокъ годится.

Покойниковъ было человекъ 15.

Состоялось у насъ совѣщаніе о томъ, какъ намъ добиваться все таки измѣненія теперешняго нашего нестерпимаго положенія. Рѣшили, чтобы Гисовскій и о. В. Красицкій поговорили съ капитаномъ Шмидтомъ „Erlöser-омъ“ и эвентуально вручили ему письмо къ президенту министровъ съ просьбой, чтобы разъ уже наконецъ всѣхъ насъ разогнали изъ Талергофа.

Ничего не выйдетъ на завтра. Узнали, что въ банѣ что-то испортилось и завтра купаться нельзя будетъ.

19. янв. — Богоявленіе Господне. Выпалъ снѣжокъ и примерзь. Воздухъ чистъ. Капитанъ Шмидтъ уѣхалъ утромъ рано (такъ дѣло съ нашей депутаціей не наладилось).

Узнаемъ, что вчера вечеромъ арестовали изъ русскихъ военнопленныхъ одного вольноопредѣляющагося, весьма симпатичнаго юношу (нѣмцы говорятъ)

и нашего фельдфебеля, подозревая ихъ въ шпіонствѣ.

Въ 11 ч. служить обѣдницу о. Ульяванскій затѣмъ водосвятіе, какъ вчера.

Состоялось совѣщаніе у насъ о томъ, чтобы пойти къ полковнику по дѣлу нашего положенія, участвовали въ совѣщаніи: оо. Дыгдалевичъ, Сапрунъ, Кисѣлевскій, Процькъ.

Псковниковъ — 22 чел. Изъ нихъ на тифъ умерли немногіе, громадное большинство ихъ умерло на воспаленіе легкихъ. Въ нашемъ баракѣ болѣнь уже нѣсколько дней о. Ст. Крушельницкій. Боимся, чтобы д-ръ Поллякъ не замкнулъ нашего барака. Бана будетъ приведена въ порядокъ черезъ 4 дня.

20 янв. — Морозъ на 5° Ц. Воздухъ пріятенъ. Я гуляю по цѣлымъ днямъ. Коломыйецъ сказалъ мнѣ, что я навѣрно пойду въ баракъ № 30. Выяснилось, что о. Ст. Крушельницкій болѣнь пятнистымъ тифомъ и что днесь будетъ переведенъ въ госпиталь. Еще 3 заболѣли. Баракъ № 4 замкнуть на 3 недѣли.

Днесь покойниковъ — 26 человекъ!

Вчера д-ръ Поллякъ сдѣлалъ предложеніе нашимъ врачамъ (ихъ есть 6 здѣсь: Могильницкій, Галаревичъ, Войтовичъ, Должа, Гизанскій (?) и Дорикъ), чтобы они приняли за службу здѣсь. Они поставили слѣдующія условія: точныя 30 кронъ, столярскій, въ случаѣ смерти, пенсія женѣ, какъ чиновнику 8-го ранга.

Двое врачей: Гиляревичъ и Войтовичъ изъ VI барака выпущены на свободу (хотя баракъ замкнуть еще на 8 дней).

Курьезъ: Въ то время, какъ люди умираютъ десятками, у насъ нашихъ врачей держатъ взаперти въ баракахъ! Д-ра Могильницкаго толеруютъ (терпятъ), онъ все время какъ вольноработаетъ днемъ и ночью, но его предложеній не уважаютъ и не принимаютъ къ свѣдѣнію. Больной не получаетъ ни бульона ни вина и пр., пока лежитъ въ баракѣ, а лежать, т. е. оставаться въ немъ вынужденъ ибо въ госпиталѣ нѣтъ мѣста. Такъ и въ нашемъ баракѣ лежать больные оо. Ст. Крушельницкій и

Горчинскій и не переводятся въ госпиталь, ибо тамъ нѣтъ мѣста. Лежать и значить распространяютъ эпидемію.

21 янв. — Появился днесь у насъ д-ръ Поллякъ, весь надушенный, съ тросточкою, но не вошелъ въ баракъ, а остановился на порогѣ и велѣлъ привести къ себѣ больнаго о. Горчинскаго, чтобы увидѣть пятна на его тѣлѣ и такимъ образомъ установить болѣнь ли онъ пятнистымъ тифомъ. Въ то время были и окна отчищены въ баракѣ. Больной, конечно, не всталъ и не пошелъ, а врачъ — пошелъ себѣ дальше.

Способныхъ людей къ работѣ согласили днесь изъ VI барака передъ баню. Тутъ держали ихъ на морозѣ (это было въ 8 ч. утра) долго партіями купали, а затѣмъ отводили въ новый баракъ. Утромъ же объявленъ былъ приказъ чтобы всѣ за исключеніемъ духовныхъ, судей и адвокатовъ выступили, и ихъ взяли на работы, а потомъ поселятъ ихъ въ особомъ баракѣ какъ работниковъ.

До сихъ поръ еще не догадались, что взяты изъ однихъ бараконъ работники, будучи въ общеніи съ другими работниками изъ другихъ бараконъ, распространяютъ эпидемію по всѣмъ баракамъ. Если бы всѣ работники находились въ одномъ отдѣльномъ баракѣ, этого бы не было.

Вечеромъ забрали изъ барака больныхъ о. Ст. Крушельницкаго, о. Горчинскаго и двухъ мѣщанъ.

Покойниковъ — 24 чел.!

Былъ у о. Коломыйца о. Ст. Маркаръ и видѣлъ у него ту книгу усопшихъ, которую ведетъ врачъ д-ръ Поллякъ. Противъ фамилиі каждого умершаго тамъ отмѣчены только двоюкаго рода причины смерти: одна — это *parastmus senilis* (престарблость), другая — *Herzfiieber* (болѣзнь сердца). И ни о одного случая *Flecktyphus* (пятнистаго тифа)! А на дѣлѣ громадное большинство заключенныхъ гибнетъ отъ простуды и воспаленія легкихъ.

Вѣдь же мы — т. е. огромное насъ большинство, почти всѣ — проводимъ эту зиму только въ лѣтнемъ платьѣ, т. е. въ томъ самомъ, въ которомъ насъ внезапно и неожиданно арестовали жан-

дармы въ первыхъ дняхъ августа. Крайне мало у кого есть зимнее пальто, а только у нѣсколькихъ — на 7000 человекъ! — есть шуба! Какъ же не простудится въ такомъ положеніи въ теченіе уже почти полугода!

Но „эпидемія“ — это звучитъ иначе! Немедленно вводится карантинъ: Мы, изолированные совершенно не докучаемъ начальству депешами, депутациями и просьбами. Тогда нѣтъ и частной корреспонденціи, мы отрѣзаны отъ всего свѣта и даже одни бараки отъ другихъ. Всякій баракъ отдѣльно влечетъ тяжелую жизнь изодня на день.

Есть, однако и другая сторона медали: М ногихъ уже отпустили на свободу Уйдутъ, такъ сократятся доходы, штаты... А эпидемія, карантинъ — такъ всѣ они сидятъ здѣсь и счетъ идетъ полный, по прежнему. Ахъ, придется имъ отвѣтить предъ Господомъ за жизнь столькихъ тысячъ людей!

Другіе дѣлаютъ интересы на поставкѣ сна, овса, хлѣба, одежды и т. л., а здѣсь устраиваютъ свои дѣлишки за счетъ жизни человѣческой!

22. янв. — Ночью выпалъ снѣжокъ. Купалось насъ днесь 16 чел., но вещей не дезинфекціоновали. Завтра надѣюсь перейти въ баракъ № 30.

Переведены сюда изъ гарнизона въ Грацѣ о Дуркотъ изъ Добрусина, съ 2 сыновьями. Онъ разсказываетъ, что власти арестуютъ итальянцевъ и уже ихъ 20 чел. заключили въ гарнизонѣ. Описываетъ какъ грубо съ ними обращаются, бьютъ прикладами и т. д. и вообще третируютъ ихъ почти такъ само, какъ насъ, русскихъ галичанъ. Говорятъ, что будто Италия усиленно готовится къ войнѣ съ Австро-Венгріей. А мы — такъ выжидаемъ скорого мира! Образуми, Господи, всѣхъ воюющихъ и приведи къ примиренію.

Покойниковъ 24 чел.

23. янв. — Вчера упалъ снѣжокъ. Днесь мягко и приятно.

Мы съ утра стали переселяться въ баракъ № 30, а освобождены изъ него Свистуны, Кор... (разобрать оконч. флими не одолжимо) и др. и должны были послѣ купанья перенестись въ новые ба-

раки, т. з. Freiheitsbaracken. Но вотъ, когда уже были готовы купаться и разодѣтые выжидали своей очереди входа въ удобный моментъ въ баню, имъ было заявлено вдругъ, что они купаться не будутъ, ибо бараки для нихъ еще не готовы. Такъ они возвратились въ свой баракъ № 30, а мы (я, Янко, старшій Потерейко, вмѣстѣ съ другими) были вынуждены уже со своими узлами вернуться во свояси. Явное издѣвательство! Придется, повидимому, еще подождать 2—3 дня.

Въ газетахъ значится постоянно одно и то же: Die Lage unverändert (положеніе безъ переменъ).

Франку Горянскому далъ 2 кроны, а Василю Мартынюку 2 кроны переслалъ Николой Колтевымъ изъ Рыкова (онъ реконвалесцентъ въ 16 баракѣ).

Покойниковъ 21 чел.

24. янв. — Оттепель. Вчерашняя Tagespost звучитъ мирно: народы оживились, опованіе вступаетъ въ насъ. На чальство совѣтуетъ брить бороды и усы, но не приказываетъ Баракъ № 5 предполагаютъ замкнуть, а 6-ой открыть.

Покойниковъ 19 чел.

Въ баракѣ № 15 одинъ крестьянинъ съ тоски подрѣзался.

25. янв. — Мягко. Снѣгъ падаетъ все время. Днесь получилъ нашъ гал. рус. аптекаръ Котлярчукъ лекарства, которыхъ дождался полныхъ 10 дней!

Давали намъ днесь капустнякъ, всѣмъ былъ очень вкусенъ и ѣли ажъ имъ уши трясали. Ахъ и доволны были наши крестьяне! „Дали собѣ духа“.

Покойниковъ было (зачеркнута поочередно цифры 24,30) всѣхъ 35 человекъ! Ужась!

26. янв. — Оттепель. Снѣгу упало довольно много. Предупредили насъ, что днесь должны мы перейти въ 30-ый баракъ, вдругъ же утромъ говорятъ, что нѣтъ, нечѣмъ топить и огрѣвать бани, ибо нѣтъ угля. Теперь 9 ч., но еще не купаются. Вотъ безголовые!

У насъ заболѣлъ Непотъ тифомъ. Ночью онъ все время суетился, чрезъ сонъ брюзжалъ, меня разстроилъ и я спалъ плохо. И вотъ и умъ все время болѣзнь, боязнь передъ нею. Не дай Го-

споди (молюсь Богу ежедневно) тут умирать!

Въ 11 ч. переселился въ баракъ № 30. Янко со своимъ отцомъ остался еще въ баракъ 8-омъ, потому что отецъ пойдетъ въ баню, гдѣ его веши и часть моихъ будутъ дезинфекцированы. Братъ Юсифъ есть тоже. Въ комнатѣ № 18 встрѣтилъ о. Д. Кисѣлевскаго, моего Schlaikamerad-а, и Дробота. Радуюсь, что перешелъ сюда. Есть здѣсь и нары съ стѣнникомъ и помостъ и столикъ, да и тепло. Есть и кувшинъ и умывальня и бадья. Другая жизнь. Настоящее Эльдорадо, въ сопоставленіи съ тѣмъ, что до сихъ поръ было. Не вижу уже больше истертой соломы, не чувствую, чтобы колело въ почкахъ, возможно, что здѣсь и ревматизмъ меня оставить. Бѣсть дають здѣсь лучше, чѣмъ тамъ давали. Совсѣмъ другая обстановка. Перешли семьи Гнатышаковъ, Качмарчиковъ, Венгриновичей, Гелитовичи, Глѣбовичіе (отецъ и сынъ) и другіе.

По полудни забрали больного д-ра Могилницкаго въ госпиталь № 11. Вечеромъ отслужили ми молебень ко Пресв. Богородицѣ о дарованіи здравія нашему больному, котораго искренне всѣ жалѣемъ. Онъ человекъ идейный, павшій жертвой своего званія. Ни дня ни ночи не было у него свободныхъ, его друзья — это больные.

Мы постелили нашу новую постель, и уложились такимъ образомъ: отъ стѣны Юсифъ, а затѣмъ я, Дроботь, Кисѣлевскій, Янко, старый Потерейко. Приятное чувство. Стало очевиднымъ, какъ я послѣ 5-мѣсячнаго лежанія въ проклятой берлогѣ, отвыкъ отъ обстановки домашнего устройства.

Я получилъ насморкъ. Тутъ слишкомъ тепло. Спалось хорошо, лишь электрической лампочки свѣтъ издѣ нашей кабиной.

Покройниковъ 6 чел.

27. янв. — Спаль хорошо, какъ если бы послѣ долгаго путешествія. Чувствую, однако, какъ будто съ моихъ ногъ испаряется сырость, какъ будто высыхаютъ онѣ теперь, набравъ въ себя за время 5 мѣсяцевъ такъ много влаги.

Проснулся бодрѣмъ (вчера былъ я очень утомленъ — замѣтили это мои товарищи).

На обѣдъ дали намъ капустнякъ. Всеобщее ликование по этому поводу. Капустнякъ и — сравнительно довольно много мяса. Здѣсь дають бѣсть лучше и больше чѣмъ въ другихъ баракахъ.

Изъ серьезнаго источника о. Ст. Яворскій принесъ намъ вѣсть, что полковника Шталлера устранили, а замѣщаетъ его пока что капитанъ Strick. Вотъ пришла наконецъ и ему крышка. Господь благъ и милостивъ и не хотѣлъ больше нашихъ скорбей, мытарствъ и страданій, а убралъ отъ насъ человекъ, который стнудю ничѣмъ не заслужилъ бѣсть на нашу благодарность. Съ его именемъ связаны у насъ самыя тяжелыя воспоминанія. Мы не забудемъ его по нашему адресу часто выкрикиваемая ругательства: verräterische Hunde, Gesindel и разныя др. под.

Къ вечеру настала снѣговница. Въ баракъ гамъ и гулъ, люди колятъ дрова, женщины въ корридорѣ говорятъ громко, а все это здѣсь отражается сильнѣмъ эхомъ, не то что въ другихъ баракахъ. Надо къ этому привыкнуть.

Совѣщались мы, т. е. съ оо. Венгриновичемъ, Ст. Яворскимъ, Кисѣлевскимъ какъ бы намъ поговорить съ капитаномъ, не удалось ли бы какими-то способами и средствами отвернуть отъ нашего народа бѣдствие, нужду и эпидемію. Постановлено отправить къ нему оо. В. Крсицаго, Гумецкаго и г-на Гисовскаго.

Со скуки вечеромъ мы (я, Янко, Юсифъ) играли въ преферансъ.

Покройниковъ было 21 чел.

28. янв. — Снѣгъ падалъ всю ночь. Мягко. Я спалъ лучше.

Сколько человекъ ежедневно умираетъ, теперь провѣрить мнѣ трудно, но говорить, что все же больше чѣмъ бывало по 20 е. Люди слоняются какъ сонныя мары (привидѣнія), отъ безсилія падаютъ въ снѣгъ... Никакой помощи, никакихъ лекарствъ, ни одежды, ни поддержки, а еще солдаты гонятъ на работу уже совсѣмъ изнемогающихъ.

Вчера гналъ солдатъ полунагого крестьянина, чтобы несть гробъ съ покойникомъ на кладбище. Крестьянинъ отказывался плачущимъ голосомъ, что ему распухли ноги и боленъ, но безъ успѣха.

Отчаянное положеніе: Талергофъ превращается въ одно сплошное кладбище. Уже есть свыше 500 могилъ!

Нашъ комендантъ о. Козакъ собралъ днесь отъ каждаго изъ насъ по 20 гел. на издержки для повара и прислуги. Такой сборъ производится ежедневно.

сигъ: Отче духовный! отче духовный! Останавливаюсь и спрашиваю: Кто это? — Камѣнь уже померъ, — слышу въ отвѣтъ, — то я, Николай Быкъ. Ой, я хорый уже другой тыждень. Помогите мнѣ чѣмъ нибудь! — Я далъ ему 2 кроны и велѣлъ не студиться, а идти въ баракъ. Онъ въ жару и завернутый въ одѣяло стоитъ на морозѣ. У него также навѣрно уже тифъ.

Вѣсть о смерти бл. п. Каменя очень поразила меня и Янка. Ахъ, Господи, помоги выдержать это испытаніе и живымъ вернуться на родину!

ТАЛЕРГОФЪ. Санитарныя сестры у баракѣвъ.

Старый Потерейко сушить хлѣбъ, чтобы сохранить его на худшія времена. Пишутъ газеты о предстоящемъ голодѣ, а у насъ здѣсь хлѣба — о качествахъ его лучше не говорить — довольно много и народъ не хочетъ ѣсть. Много хлѣба испортилось и былъ сожженъ. Народъ такъ ослабъ, что теперь и ѣсть не хочетъ.

Покойниковъ 20 чел. (въ томъ числѣ и 3 на тифѣ).

Пошли мы всѣ трое: я, Янко и Юсифъ, въ баракъ-землянку. По пути слышу, кто-то умоляющимъ голосомъ про-

29. и 30 янв — Крѣпкій морозъ. Людей по баракамъ прозяль онъ очень чувствительно. Намъ живется сравнительно хорошо. Новостей никакихъ.

Вечерня отслужена въ корридорѣ. Дръ Н. П. Глѣбовицкій сталъ преподавать русскій литературный языкъ и исторію русской литературы въ нашей кабинѣ.

Покойниковъ днесь 20 чел.

31. янв. — Днесь морозъ еще крѣпче вчерашняго. Люди трясутся и звонять зубами отъ стужи. Въ баракѣ бы-

до всего + 4° С. Недостаток топлива. Въ 1-омъ карантинномъ баракѣ новые заболѣвшіе. Карантинъ для освобожденныхъ установленъ на 21 день.

На обѣдъ капустиняка, чрезвычайно вкусный.

Покойниковъ 24 чел.

Февраль 1915 г.

1. февраля. — И днесь крѣпкій морозъ. Я пошелъ къ Красицкому и предложилъ ему переселиться въ баракъ № 30. О томъ же переговорилъ съ Телесническимъ и часъ спустя онъ перешелъ къ намъ къ общему нашему удовольствію.

Покойниковъ 22 чел.

Съ 30-го января служимъ ежедневно въ баракѣ акафисты и молебны въ 6 ч. вечера.

Телесницкий переселился къ намъ и принесъ съ собой 1/2 литра вина. Пили мы чай съ виномъ. Играли въ преферансъ (ежедневно здѣсь играемъ).

Покойниковъ 19 чел.

2. февр — Слабый морозъ. Комендантъ Коломыецъ переведенъ въ карантинный баракъ, а его мѣсто занялъ Ник. Красицкий.

Конфинованы: о. Глѣбовицкий и его сынъ Николай Павловичъ.

Покойниковъ 16 чел.

Померъ нашъ гал.-рус. молодой врачъ, д-ръ Дорникъ. Событіе это сильно всѣхъ насъ поразило.

3. февр. — Самый сильный морозъ изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ, кажется ок. 20° С., только, спустя нѣкоторое время, туманъ ослабляетъ его остроту.

Хотѣлъ бы добиться переведенія сюда Качалы, говорилъ объ этомъ съ Красицкимъ, онъ обѣщала приложить усилій къ этому.

Топливо вышло совсѣмъ и не откуда достать его. У насъ еще топили въ печи, благодаря тому, что наши послугачи украли матеріала, но въ другихъ баракахъ, гдѣ голый народъ особенно въ теплѣ нуждается, не топлено, а морозъ въ 20° С. Вотъ порядки!

Въ баракѣ № 29 этой ночью померло 6 чел.

Очень холодно. Я весь завернувшись въ кофѣ, сижу на стулѣ и мерзну. На постели сидитъ, скорчившись, Иосифъ. Кричимъ, чтобы топили въ печи.

Узнаемъ, что умеръ днесь ревизоръ кассъ г-нъ Павловскій изъ Галича. Жаль его — дѣльный русскій человекъ.

Днесь 6 людей замерзли.

До 9 ч. вѣч. было покойниковъ 21 чел.

Вечеромъ о. Діонисій принесъ намъ вѣсть, что будто Италия и Румынія послали Австро-Венгріи и Германіи ультиматумъ со срокомъ до 1-го марта с. г. чтобы заключили миръ, иначе объявятъ имъ войну также. Говорятъ объ этомъ и солдаты. Господи, умилосердись надъ бѣднымъ народомъ!

4. февр. — Мягкій морозъ, ночью и днемъ усиливается стужа. Пошелъ утромъ къ Ник. Красицкому. Явился къ нему и Пиллеръ, послѣдній говорилъ, что войнѣ не долго быть.

5. февр — Легкій морозъ. Днесь годовщина моего рожденія. Утромъ, еще въ постели, спящій возлѣ меня Телесницкий пожалъ мнѣ руку и, не желая будить другихъ нашихъ спящихъ товарищей, тихонько высказалъ мнѣ благожеланія многихъ и благихъ лѣтъ.

Добрыя Иосифъ ушелъ въ кантину и принесъ мнѣ оттуда въ подарокъ „ementalera“ (т. е. эментальскій сыръ) и сигары. Первый былъ весьма кстати, такъ какъ я въ пятницу не ѣмъ мяса.

У насъ тутъ иногда устраиваютъ спиритистическіе сеансы. Вчера состоялся также въ кабинетѣ Качмар. Появился будто бы нѣкто Егызм Кусзницъ, умершій въ 1913 г. Предсказалъ, что послѣ Пасхи уѣдемъ въ „Галицію свободную, московскую, гдѣ благо намъ будетъ“, что форты Перемышля разбиты, остались лишь „Ring“ съ городомъ, и недалого уже крѣпость продержится, что половина насъ вымеретъ и намъ предстоятъ еще многія страданія.

Нѣкто Кассіанъ Жаровскій, погибшій здѣсь въ сентябрѣ, въ гангарѣ, отъ штыка австрійскаго солдата, явился будто бы тоже, прося помолиться объ упокоеніи души его. Уходитъ къ своей матери, которая печалится о немъ (конеч-

но, она не знает о его смерти). И днесь устроить такой сеанс. Вчера Кулявчикъ былъ медумомъ.

Собираютъ списки для выдачи намъ крайне необходимаго платья. Я записался для получения ботинокъ, штановъ и куртки. Дадутъ ли увидимъ.

Быль вчера Красицкій и сообщилъ, что выхлопоталъ у врача карточку для Качалы, чтобы могъ переселиться въ нашъ баракъ № 30

Днесь вечеромъ былъ Ник. Красицкій и сообщилъ, что въ новомъ реестрѣ есть 366 фамилій тѣхъ, которые въ понедѣльникъ должны идти купаться (*т. е. такылъ, кот. будутъ колѣнованы — прим. ред.*). Между ними есть много такихъ, на которыхъ есть Anzeig-ы (*т. е. обвиненія*). Между ними есть и о Корн. Се никъ. А меня нѣтъ — и это меня весьма удивляетъ, такъ какъ дѣло его — также мое, дѣло насъ обоихъ, одно и тоже. Что это значить? Быть можетъ, меня вычеркнули (исключили) и мнѣ не предстоитъ никакого процесса во Вѣнѣ. Слава Богу, — скажу я — но вѣмъ ли, о чемъ прошу, будетъ ли это мнѣ въ пользу? Все лучше, что посылаетъ намъ все милостивый Господь.

Днесь по случаю годовщины моего рожения мы (я, Иосифъ, Никола, Телесникій) выпили $\frac{1}{2}$ литра вина. Никола сидѣлъ со Славкомъ и въ 10 ч. 30 м ушелъ.

Мимо наше о барака перейдутъ въ 2 новыхъ барака, т. н. инквизиты, т. е. тѣ, у которыхъ есть Anzeig-ы (обвиненія). Люди беспокоятся.

Говорятъ, что также узники изъ Theresienstadta (Терезина), перейдутъ сюда, а именно тоже тѣ, у которыхъ есть Anzeig-ы.

Покойниковъ 21 чел.

6. февр. — Мягкій морозецъ. Василь Мартынюкъ пишетъ изъ барака № 25, что у него забрали платье совсѣмъ и онъ остался только въ сорочкѣ и подштанникахъ. Проситъ дать ему взаимы 10 кронъ. Такъ я далъ ему 5 кронъ, а другіиъ 5 кронъ далъ Янко.

Днесь забрали въ госпиталь о. Вл Венгриновича. Врачъ констатировалъ у него пятнистый тифъ. Господи, заступи,

спаси и помидуй! Заразился, ходя по баракамъ и исповѣдая многихъ больныхъ тифомъ. На-дняхъ, именно 4-го с. февраля, онъ принялъ исповѣдь около 50 чел. больныхъ въ разныхъ баракахъ и заразился. Фактъ его внезапного заболѣнія всѣхъ насъ глубоко опечалилъ. Его нечаянный уходъ отъ насъ въ госпиталь повергъ въ искренній всеобщій жаль всѣ бараки, ибо всѣ знали и видѣли всегда, что онъ — ревностный и безстрашный труженникъ Христовъ.

Въ общемъ хорошо было бы намъ жить въ баракѣ № 30, лишь бы эта ужасная эпидемія прекратилась. А то все еще ежедневно бываетъ по 20 чел. покойниковъ. Страшно подумать, что съ нами будетъ, если это пойдетъ такъ дальше.

Покойниковъ 13 чел.

7. февр. — Воскресенье. Легкій морозъ. На обѣдъ вкусный капустакъ. Въ нашемъ баракѣ его не хватило (нѣкоторые захватили двойную порцію), потому Zimmerkommandant о. Козакъ сдѣлалъ всѣмъ намъ выговоръ.

Вечеромъ пришелъ Красицкій съ вѣстью, что имѣется другой реестръ съ 219 фамиліями.

Днесь я отслужилъ параклисъ.

Покойниковъ 12 чел.

(*На этомъ обрываются записки второй тетрадки, а въ 3-ей начинаются 10-тыкъ февраля 1915 г. — Ред.*)

10. фев. 1915 г. — Несмотря на то, что болѣнь, вынужденъ самъ себя обслуживать. Вообще на счетъ взаимнаго обслуживания пошли горячіе споры, въ результатѣ которыхъ поочередно стали ходить за „менажей“, по воду и т. д. Есть глубокіе и совсѣмъ немощные старики, которымъ даже такое обслуживаніе самого себя не подъ силу, также больные, но не взятые въ госпиталь, находятся въ такомъ же положеніи. Можетъ быть, всѣ эти распри улягутся какъ нибудъ.

Быль Ник. Красицкій и сообщилъ, что онъ со Славкомъ находится въ реестрѣ конфиннованныхъ (въ Моравіи), въ виду чего посовѣтовалъ намъ подумать объ избраніи подходящаго замѣстителя.

Такъ какъ эпидемія не прекращается, то должно быть будто бы постановлено, что впредь никого не пускать изъ Галергофа (ни даже тѣхъ, которые подъ карантинномъ), пока эпидемія совсѣмъ не исчезнетъ. Такимъ образомъ могутъ здѣсь оставаться всѣ, даже конфино-ваные и освобожденные, долго возможно даже до окончанія войны! Господи, подаждь крѣпость людемъ своимъ!

Днесь покойниковъ 18 чел. Померъ совѣтникъ суда въ отставкѣ изъ Станиславова Корнилій Проскурницкій, который здѣсь интернованъ вмѣстѣ со своею семьею. У него былъ артеріо-склерозъ, а умеръ отъ воспаления легкихъ, сказаченнаго непосредственно послѣ купанія въ банѣ.

Такъ въ одинъ день у насъ умерло 3 людей изъ нашей гал.-рус. интеллигенціи. Тяжелый день!

11. февр. — Мокро, отепель мороза не было. Воздухъ скверный, дымъ. Всѣ сидятъ въ баракахъ.

Утромъ отбылся визитъ врача, въ развѣдшіяся такимъ образомъ, что всякій къ нему вызванный долженъ быть поддоиği и показать языкъ. Говорятъ, что это — дѣло д-ра Доѳи, въ отместку за Криницкую, по адресу Шорша, который передалъ вчера врачу, что Криницкая больна.

Въ 3 ч. пошли мы въ часовню на похороны бл. п. Корнилія Проскурницкаго. Бѣдчяга, послѣ купанья простудился, получилъ воспаление легкихъ и въ госпиталѣ померъ, въ то время какъ, еѳ жена и дѣти остались въ карантинномъ баракѣ. На панихиду по нему разрѣшено явиться. Пѣль нашъ хоръ Но никто не сопровождалъ покойника далѣе воротъ бараковъ Нельзя, запрещено.

Выяснилось, что по днесь умерло 856 чел.!

Днесь было покойниковъ 17 чел.

12. февр.—Праздникъ Трехъ Святителей и день моего тезоименія. Мои сожителі поздравляли меня съ днемъ моего ангела. Вотъ и праздникъ мой въ тюрьмѣ!

Утромъ я пошелъ въ кантину, купилъ лимоновъ, апельсиновъ, сахару и тютюну. Скверный воздухъ, туманно и

облачно такъ, что будто сейчасъ дождь пойдетъ. Вездѣ грязь. Всѣ сидятъ въ баракахъ.

Въ баракѣ напротивъ нашего съ ночи лежить четверо покойниковъ, а перелвчера (третьяго дня) было ихъ 9 чел.! Люди живутъ на двойныхъ нарахъ (около 30 шт.) и эти двойныя нары и являются наибольшей причиною болѣзней. Швабы ажъ теперь въ этомъ фактѣ убѣдились и взялись эти двойныя нары переидѣлывать въ одиночныя. Сотни русскихъ людей заплатили своей жизнью за этогъ примитивной опытѣ швабовъ! У насъ любимой „сокирникъ“ сразу сказала бы, что такія нары ни къ чему, а тутъ строятъ ихъ спеціалисты, одобряютъ и принимаютъ работу генералы, а въ результатѣ вотъ что!

Днесь за ночь покойниковъ 13 чел. Снѣгъ носить ихъ на носилкахъ, такъ какъ снѣгъ растаялъ и везти гробовъ на санкахъ невозможно.

Аэропланы не летаютъ уже нѣсколь-ко дней, улетѣли навѣрно изъ театрѣ во-енныхъ дѣйствій.

Вчера въ газетѣ Tagespost сообщалось, что собралась Государственная Дума и въ ней произносили рѣчи: Горемыкинъ, Сазоновъ, Родзянко, Миллюковъ и др. Всѣ чрезвычайно довольны успѣхами арміи, заявили ей свою признательность. Сазоновъ особо отмѣтилъ и подчеркнул патріотическое поведеніе поляковъ и др. ичородцевъ. Далѣе сообщалось, что въ Японіи собралась 2 дивизіи охотниковъ желающихъ отправиться на помощь русской арміи. Я думаю, что японцы желали бы присмотрѣться техникѣ европейскихъ армій и чему-то научиться. Практически образованный народъ!

Праздникъ Трехъ Святителей принесъ намъ радостную вѣсть: Приходить д-ръ Осипъ Крушинскій и сообщаетъ, что будто въ сегодняшней газетѣ есть двѣ дѣлши о томъ, что Угорщина выдаетъ галицкихъ плѣнниковъ и узниковъ Австріи что экономическое О-во въ Краковѣ, просило министра иностранныхъ дѣлъ объ оказаніи экономическаго поддержки. Министръ совѣтовалъ всѣмъ интернованнымъ usiekieniet-амъ подавать прошенія русскому правительству чрезъ министер-

ство иностранных дѣлъ о разрѣшеніи на высылку всѣхъ ихъ чрезъ Румынію въ Россію и въ Галичину. Извѣстіе это, хотя еще непотвержденное, вызвало у всѣхъ неописуемую радость. Всѣ какъ будто вновь ожили. Въ совѣтѣ было павшія и отчаявшіяся души вновь вселилось твердое упованіе, почти увѣренность въ близкомъ концѣ всѣхъ мѣ-

13. февр. — Дожди, мракъ, болото. Изъ нашего барака померъ въ госпиталѣ молодой о. Несторъ Олимп Полянской. Вѣсть эта новымъ удрученіемъ явилась для всѣхъ насъ. Больныхъ же въ баракъ есть нѣсколько лишь.

Днесъ забѣгли въ госпиталь Ковальскую (мамушку), студента универс Шушкевича и молодого Гнатышака.

ТАЛЕРГОФЪ.

Група заключенныхъ у барака—съ лѣва на право: 1. Петръ Сушкевичъ 2. Владиміръ Ал. Гелитовичъ 3. Ярославъ Ал. Гелитовичъ 4. Іоанна Феод. Дуркотъ 5. Меланья Гмитрычъ 6. Д-ръ Емиліанъ Мх. Вильницій 7. о. Паптелеймонъ Скорморовичъ 8. о. Романъ Крушинскій 9. о. Максимілианъ Дуркотъ 10. о. Іоаннъ Хривостомъ Дуркотъ.

тарствъ и страданій. Изъ тысячъ сердецъ вознеслись ко Господу вздохи облегченія и горячія моленія, чтобы скоро эти вѣсти и наши чаянія осуществились.

Вечеромъ былъ у насъ Ник. Крашицкій и передалъ, что полученъ новый списокъ освобожденныхъ (около 70 чел.), въ ихъ числѣ значится также Качала. Мы угостили его кофеемъ и хлѣбомъ съ масломъ и апельсиномъ.

14. февр. — Іосифъ пошелъ подвизывать свою легитимашію, черезъ нѣсколько дней пойдетъ подъ карантинъ. На днесъ былъ приморозокъ. Коломыещъ тоже заболѣлъ тифомъ.

Д-ръ Войтовичъ константировалъ у о. Дробета брюшную тифъ. Коломыещъ изъ подъ карантина перешелъ въ госпиталь. У него навѣрно тоже тифъ (очень высокая температура). Взяли въ

госпиталь д-цу Куцѣй. У насъ заболѣваютъ часто. Первымъ былъ д-ръ Могильницкій, второй о. Вл. Венгриновичъ.

Вечеромъ ходили мы оба съ Янкомъ къ Красицкому. У него уютно, покойно, и все это припоминаетъ обстановку домашней жизни.

Ходить молва, будто изъ Угорщины присылаютъ сюда 9000 интернованныхъ галичанъ и потому здѣсь спѣшатъ съ постройкой новыхъ бараконъ. Если это правда, то у насъ есть виды на освобожденіе, такъ какъ придется имъ, насъ выпуская, приобрѣтать мѣста для новыхъ обитателей.

Красицкій со Славкомъ и... (нечет.) левичемъ переводятся въ мѣстность Мугаи въ Сиріи. Такихъ мѣстностей для размѣщенія насъ назначено много.

15. февр. — Срѣтеніе Господне. Всю ночь лилъ дождь, а днемъ до вольно пріятно, даже какъ будто уже весной пахнетъ. Я утромъ прошелся вдоль барака, затѣмъ прочелъ Правило. Начался постъ. Мы просимъ чрезъ Красицкаго, чтобы намъ дали обѣдъ безъ мяса. Приходилъ поварь и совѣтовался, что долженъ готовить. Стало на томъ, что будетъ супъ картофельный съ фасолью, но быть можетъ еще переимѣнать. Я хочу воздержаться днесь и отъ набѣла (молочнаго). На завтракъ подали намъ кофе вмѣсто супа.

Одна цыбуля стоитъ 20 гел. Поварь говоритъ, что у нихъ нѣтъ чая, ни картошки, и вообще съѣстные припасы скудны.

Хлѣбъ выдаютъ намъ уже двѣ недѣли такъ, что одинъ день выдаютъ половину, а другой четвертину бухонца (хлѣбца), а положеніе таково что можно предполагать, что будетъ еще хуже.

Газеты писали вчера, будто бы, что австрійскія войска заняли большую часть Буковины и Покутья (Косовъ, Куты, Делятинъ), что Румынія клонится на сторону Австро-Венгрии, что отступление русскихъ можно бы пояснить себѣ такимъ образомъ, что они не хотѣли бы потерять связи съ русской арміей въ Бессарабіи. Ой, не будетъ скорого мира, не будетъ!

Покойниковъ 15 чел.

Приказано вентилировать бараки и одежду.

16. февр. — Сію ночь Янко спалъ плохо и принималъ слабительное. Утромъ всталъ, налилса чего-то и скоро опять ложился. Очень боюсь, чтобы это не было началомъ тифа, который у всѣхъ начинается медленно и развивается именно такимъ образомъ.

Власти призываютъ желѣзнодорожниковъ — видно въ нихъ очень нуждаются.

Газеты приносятъ извѣстія, что будто русскія войска отступили съ Карпатъ и оставили даже г. Коломыю на Покутьѣ. Догадываются, что это только маневръ военной тактики, произведенный съ цѣлью сохраненія связи съ южнымъ крыломъ русской арміи въ Бессарабіи, о чемъ я уже упоминалъ вчера. Кобы лишь изъ-за этого „маглеванья“ (балансируванья) военного фронта не пострадала отъ огня и меча наша Восточная Галичина.

Купилъ 2 коробочки чаю и надѣюсь достать также немного рому, что до сихъ поръ было внѣ сферы возможности.

Посѣтила насъ комиссія, въ составъ которой, кромѣ капитана Strick-a и нашихъ здѣшнихъ военныхъ врачей, вошли какіе-то намъ неизвѣстные и невидѣнные люди. Между ними находится, какъ говорятъ, одинъ Oberstabsarzt (старшій врачъ генер. штаба) и другіе врачи штаба. Были въ нашемъ баракѣ, осматривали его поверхностно и спѣшно (какъ обыкновенно), были и около отхожихъ мѣстъ и ушли, не говоря ни съ кѣмъ изъ насъ ни словечка.

Днесь кончается срокъ карантина надъ заключенными въ одномъ баракѣ тѣми, которые должны выйти на волю, но говорятъ, что этотъ карантинъ продлится еще на 7 дней! Чехарда! Слѣдовательно все такъ складывается, что нельзя будетъ вырваться изъ этихъ бараконъ, ибо можетъ быть и такъ, что въ промежутокъ этихъ 7 дней кто-нибудь заболѣетъ и умретъ и по этому поводу срокъ карантина еще будетъ продолженъ.

Видѣлъ я днесь такую сцену: передъ дверьми барака стоитъ какъ мумія врачъ, съ простынею въ рукъ, напротивъ него въ отстояніи 3 метровъ нашъ крестьянинъ и показываетъ ему языкъ, а затѣмъ открываетъ грудь чтобы вид но было, нѣтъ ли на ней тифозныхъ пятенъ. Такимъ образомъ дѣлается врачебный осмотръ въ баракахъ.

Забрали въ госпиталь д-ра Добію и Крилицкую.

Покойниковъ 11 чел.

17. февр. — Приморозокъ, затѣмъ отпелъ. Янку лучше. На ночь дѣлалъ себѣ компрессы. Утромъ всталъ и дѣлаетъ въ бараки порядокъ, генеральную очередь. Вынесъ всѣ сѣнники и далъ на постель соломы. Поразвѣшивалъ простыни на заборѣ. „Хату“ зашелъ старый Потерейко. Собираемся пойти завтра въ баню.

День пречудный, вполнѣ теплый, можно сказать. Всѣ выходили изъ бараковъ и гуляютъ по двору, мало кто остался въ бараки. Мы прекратили на шу игру въ преферансъ, продолжимъ ее вечеромъ. Прибылъ сюда врачъ изъ Галича, д-ръ Цинсъ (еврей) и взялся немножко энергичнѣе и прилежнѣе ухаживать за больными. Всѣ имъ довольны. Онъ приказалъ дѣлать больнымъ холодные компрессы, давать пить чорный кофе и пр. — всего этого до сихъ поръ не дѣлалось. При болѣе старательномъ уходѣ больные сами выздоравливаютъ въ большинствѣ случаевъ, тѣ именно, кто уже по природѣ крѣпче и выносливѣе.

Смертность понизилась. За послѣднюю ночь было всего 5 случаевъ смерти, а вчера 6 чел.

Согласно сообщеніямъ Extrablatt-a австрійскія войска вытѣснили русскую армію изъ Буковины, дошли до Надворной и Коломыи... Увидимъ, правда ли это.

Взяли въ госпиталь о. д-ра Малиняка.

18. февр. — День уже далеко не такой какъ вчера, — мрачно и холодно.

До сихъ поръ есть еще такіе бараки, обитатели которыхъ еще ни разу не купались.

Узнаемъ, что когда Generalstabsarzt Dr. Palmerich, посѣщая бараки, спрашивалъ ихъ комендантовъ, нѣтъ ли въ нихъ вшей, то позади него стоящіе врачи и др. военные кивкомъ головы давали указанія, чтобы спрошенные давали отрицательный отвѣтъ, т. е. что нѣтъ. Спрашивавшій стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что вши являются распространителями эпидеміи и что, слѣдовательно, ихъ нужно прежде всего истреблять, послѣ чего эпидемія прекратится.

Почему до сихъ поръ не всѣ люди купались, остается загадкой, но, конечно это также показываетъ ярко, каково отношеніе властей къ заключеннымъ.

Хотѣли мы днесь пойти въ баню, но не удалось.

Въ понедѣльникъ и среду первой седмицы поста не ѣмъ мяса (лишь съ набѣломъ). Въ пятницу желалъ бы поститься совершенно. Увы все постное также весьма дорого. Селедка стоимости 8 гел. продается по 30 гел. Ужасно обираютъ бѣдный народъ. Совсѣмъ маленькая головка чеснока стоитъ 20 гел. (прежде по крайней мѣрѣ это были большія головки, а теперь мелочь). Никола принесъ рому.

19. февр. — Приморозокъ, но затѣмъ день хорошій.

По средѣмъ и пятницамъ очень много и здѣсь посѣтятся.

Узналъ, что сюда доставили вчера двухъ мѣшанъ изъ Болшовець. Любопытно узнать, на какомъ положеніи они, интернированныхъ. вѣроятно. Постараюсь узнать, въ чемъ дѣло.

О моей поѣздкѣ ничего неслышно и неизвѣстно.

Говорятъ, что 23 с. февраля непременно уѣдутъ тѣ, кто теперь подъ карантинномъ.

У Коломыйца днесь жаръ 41°6° С., горитъ и бредитъ Бѣднякъ Іосифъ прибѣтъ.

Газета принесла извѣстіе, что австр. войска заняли уже Коломыю и Черновцы, но замѣчаетъ, что недалеко отъ Коломыи находится большая русская армія. Отъ такого новаго перемѣщенія фронта бѣдное населеніе опять страш-

чо пострадаетъ, тамъ навѣрно... голодь, эпидемія и пр. — окончательныя послѣдствія всякой войны.

Днесь день хорошій, около полудня мы прогуливаемся въ легкихъ платьяхъ. Я гулялъ довольно долго.

Д-ръ о. Малинякъ умеръ. Продолжительныя, пузырныя страданія осложнились у него острымъ воспаленіемъ легкихъ, которое быстро и доконало его. Онъ оставилъ завѣщаніе въ рукахъ о. Феодосія Дуркота.

Мы ходили въ баню. Вечеромъ отслужили парастасъ объ упокоеніи души о. д-ра Малиняка.

20. февр. — Въ 7 ч. состоялись похороны о. д-ра Малиняка. Пѣлъ хоръ. Перевезли гробъ съ тѣломъ изъ барака № 11 въ часовню и тамъ оставили до вечера. Покойный завѣщаніемъ оставилъ имущества на 50.000 кронъ и библиотеку. Все это завѣщала имѣющей основаться общинѣ, цѣлью которой было бы содѣйствовать достиженію соединенія Церквей. Пока такая община возникнетъ, все это имущество перейдетъ во временное управленіе О-ва Св. Іоанна Златоуста. Экзекуторами (исполнителями) завѣщанія назначены оо. Дуркоты (Феодосій и Хризостомъ) и о. Гна тышакъ.

Возвращаясь съ похоронъ, я зашелъ къ Красицкому, послѣ предварительнаго заявленія ему, что зайду къ нему вечеромъ поговорить съ нимъ по своимъ личнымъ дѣламъ. До сихъ поръ не было подходящаго мѣста для этого въ пренхнхъ баракахъ.

Находящагося все еще подѣ карантиномъ Никифора Курьяловича, согласно слухамъ, еще прилержать. Говорятъ что будто еще имѣють прилержать его въ связи съ предстоящимъ процессомъ во Вѣнѣ или же изъ-за полученнаго новаго доноса мазенинцевъ.

Ходить слухъ (Шорщъ мнѣ перedalъ это), что будто судебное слѣдствіе противъ о. Сенника приостановлено. Если бы это было вѣрно, такъ въ такомъ случаѣ и мое дѣло было бы приостановлено. Далъ бы это милосердый Господь! Благодареніе Всевышнему и за эту радостную вѣсточку. А впрочемъ —

могу ли я быть увѣренъ, что то, о чемъ прошу, выйдетъ мнѣ въ пользу? Потому и молюсь только: да будетъ воля Твоя святая, Господи! Лишь Ты, Господи, вѣси, что мнѣ во благо, и вся яже воздашь мнѣ, приму съ благодарностью и смиреніемъ!..

Laiss сообщаетъ, что д-ръ Поллякъ померъ.

Изъ делозита получилъ Янко 80 кронъ. Хорошо, что получилъ, а то мои средства совсѣмъ выходятъ. Сейчасъ отправили мы стараго Потерейка въ кантину, купилъ 2 копченыхъ селедки, сливъ, сахару и головку чесноку. Старый озлобленъ на кантину всякій разъ, потому что все дорого, за головку чесноку заплатилъ 20 гел.

Вышло какъ то такъ, что при похоронахъ бл. п. о. д-ра Малиняка очерднымъ н-ромъ оказалась цифра розно 1000.

Быль у Николя, гдѣ встрѣтилъ судью Гуллу. Онъ принесъ изъ барака № 30 пирожки съ мясомъ. Николѣ далъ гуляшъ. Повечеряли мы и выпили 2 бутылки пива, котораго никто изъ насъ не пробовалъ уже 7 мѣсяцевъ, слѣдовательно, было великое пиршество. Вполнѣ заслуживающее быть отмѣченнымъ въ запискахъ. Затѣмъ пришелъ и Янко и тоже выпилъ пива. Посидѣли и поговорили.

Вотъ еще одна изъ трагедій, имъ же у насъ нѣтъ числа: Въ Комарнѣ арестовали мужика Григорія Прухницкаго, который за нѣсколько мѣсяцевъ до этого времени (въ маѣ) овдовѣлъ и остался толькѣ съ однимъ сынишкой, 8 лѣтнимъ мальчикомъ Михасемъ. Когда жандармъ повелъ отца, мальчикъ не хотѣлъ съ нимъ разстаться, а все время, рыдая бѣжалъ съ нимъ рядомъ 8 км. и жандармъ никакъ не смогъ отогнать его. Озлобленный этимъ жандармъ арестовалъ наконецъ и мальчика и такимъ образомъ отецъ и сынъ очутились вмѣстѣ въ Валергофѣ. Здѣсь, однако, на-дняхъ (15. февр. с. г.) померъ отецъ Григорій, а мальчикъ остался круглымъ сиротю. Взяла его здѣсь, поэтому, на свое попеченіе и съ собою въ госпиталь г-жа Кунинская, именно въ

баракъ № 12, а днесь (20. февр.) заболѣлъ и этотъ мальчикъ!

21. февр. — День съ утра облачный. Послѣ завтрака я пошелъ къ Николаю, взявъ себѣ у него зонтикъ (за 5 кронъ 48 гел. — Gelegenheitskauf, т. е.

Крушинскій высказывается о немъ похвально. Увидимъ. Вечеромъ былъ у насъ Никола. Играли, какъ ежедневно, въ преферансъ.

22. февр. — Приморозокъ и хорошья погода. На одномъ только нашемъ

ТАЛЕРГОФЪ.

Православная часовня въ лагерѣ. Въ алтарѣ стоитъ иконостасъ знаменитый православный священникъ о. Димитрій Кирилловскій.

случай я купля) и обсудилъ нѣкоторыя дѣла.

Говорятъ, что капитанъ Strick уходитъ. Онъ будто бы обидѣлся тѣмъ, что не произведенъ въ майоры. Добрый человекъ—дай Богъ, чтобы здѣсь остался и дальше. Сюда приходитъ комендантъ будто бы полковникъ Streicher. Служившій подъ нимъ въ свое время д-ръ

„гофъ“ за ночь уже есть 3 покойниковъ! Ахъ, Господи, помилуй насъ и сохрани!

Газеты пишутъ, что будто австрийцы русскихъ побили и выперли къ Станиславу, но это не прелѣщаетъ близкаго конца.

Янко получилъ днесь письмо изъ Вѣны отъ Кунды, въ которомъ сообщается, что единственный сынъ Скушин-

скаго убить подь Варшавой, а жена Скшинскаго живеть во Вѣнѣ.

Капитанъ извѣстилъ имѣющихъ изъ карантинныхъ бараковъ выйти на свободу, что при ихъ выходѣ у нихъ будетъ произведенъ строжайшій обыскъ. Имъ запрещено брать отъ кого бы ни было изъ здѣсь остающихся какія либо частныя письма или просьбы, жалобы и т. п., съ угрозой, что за это останутся на 8 дней подь арестомъ.

(*Особое примѣч.*). На „гофѣ“ въ I отдѣленіи Стадлеръ воздвигъ позорный столбъ съ желѣзнымъ кольцомъ. Къ этому столбу привязывали, подвѣшывая, виновныхъ, т. е. производили anbinden. Случилось, что кухарка велѣла одному мужику собрать у кухни картофельные отбросы и вынести. Онъ это сдѣлалъ, но, роясь въ нихъ, нашель 4 кроны и спряталъ себѣ въ карманъ, карманульные, однако, замѣтили это и донесли Стадлеру. Онъ приказалъ сейчасъ мужика подвѣсить на этомъ столбѣ.

Случайно проходилъ въ то время русскій военноплѣнный, вольноопредѣляющийся, хорошаго вида и красивый юноша, и обратилъ внимание капитана Шмидта на страшныя страданія подвѣшеннаго на столбѣ крестьянина и не скрывалъ своего возмущенія.

— Но вѣдь же и у васъ въ Россіи примѣняются къ виновнымъ строгія на казанія, — сказалъ капитанъ.

— Да, — отвѣтилъ солдатъ, — но не такія; ужъ лучше было бы ему сразу же пулю въ лобъ, чѣмъ такой позоръ. Что за варварство!

Слово это возмѣлило свое дѣйствіе — этотъ столбъ вскорѣ потомъ убрали. Былъ вечеромъ у Николая — поговорили.

Покойниковъ 14 чел.

23 февр. — Всю ночь падали то дождь то снѣгъ, а настало болото.

Смутныя вѣсти доходятъ изъ Галичины. Говорятъ, что русскія войска собираются отступить къ Гродну, Ковлю и Брестъ-Литовску, а въ такомъ случаѣ, конечно, оставятъ и Галичину... А почему, непонятно. Впрочемъ, что и какъ тутъ знать?

Померъ о. Гмитрыкъ — молодой священникъ, находящійся здѣсь съ женою. Это событіе очень опечалило наст. Вотъ и новая вдова по священникѣ.

Вечеромъ посидѣлъ у Николая, поговорили о будущемъ.

Покойниковъ 9 чел.

24. февр. — Похороны о. Гмитрыка въ 3 ч. пополудни. На мѣсто Николая придетъ Шоршъ изъ нашего барака.

Съ Коломыйцемъ въ госпиталѣ плохо. Бѣднякъ Іосифъ безпокоится, чтобы не померъ. Очень боленъ и д-ръ Добія.

Днесь мощный и морозный сѣверный вѣтеръ.

Вчера возвратился въ баракъ нашъ возлюбленный д-ръ Вл. Могильницкій. Привѣтствовалъ его въ баракѣ Zimmerkommandant Козакъ, за что д-ръ Могильницкій поблагодарилъ сердечно. Онъ еще слабъ и повидимому долженъ еще въ баракѣ вылеживаться нѣкоторое время, чтобы вполнѣ оправиться, и только послѣ этого сможетъ снова взяться за работу — лечение нашихъ больныхъ.

Говорятъ, что во Вѣнѣ мука уже считается Luxusartikel-емъ. Скверно!

Вчера уѣхало много изъ подь карантина освобожденныхъ и конфинированныхъ, но Курыловичъ почему то остался, его задержали, потому что будто противъ него выдвинуто какое-то обвиненіе.

(*Особое прим.*). По госпиталямъ, въ которыхъ лежатъ наши больные крестьяне, показывается врачъ врядъ-ли развѣ въ недѣлю, да и то дѣлаетъ осмотръ только pro forma, почти нигдѣ, ни на минутку, не останавливаясь, больныхъ не о матриваетъ и никакихъ лекарствъ не прописываетъ. Больные лежатъ, оставленные совершенно на попеченіи Zimmerkommandant овъ. Если они чтонибудь получаютъ, то покупаютъ на это для больного молока, булочки и т. п., если же нѣтъ, больной такъ и погибаетъ безъ всякой помощи. Единственное удобство развѣ въ томъ только, что съ больного снимаютъ вшивое платье и одѣваютъ въ чистое бѣлье. Есть много такихъ людей, которые и по днесь еще ни разу не купались. Отъ долговремен-

ной грязи все тѣло какъ будто дегтемъ смазано, ажъ черно.

Въ 3 ч. отслужили надъ тѣломъ пок. о. Гмитрыка панихиду. Пѣлъ хоръ. Но „культурный“ нѣмецъ и въ этомъ случаѣ показалъ себя: во время панихиды на собранную около покойника молящуюся толпу нашей интеллигенции, нахалъ большой тяжело нагруженный возъ съ запряженными къ нему волами, заставляя присутствующихъ на богослуженіи разступаться въ стороны, а затѣмъ капитанъ еще злился на нихъ за то, что богослуженіе по его мнѣнію, совершалось слишкомъ долго и мѣшало свозкъ телегами строительнаго материала и вообще работъ.

Въ газетахъ съ фронта нѣтъ никакихъ извѣстій — это также показательно. 25. февр. — Приморозокъ. Съ самаго утра постоянно гудятъ надъ нами бомбы. Съ ночи болятъ меня днесъ горло.

Автомобилемъ прѣхалъ сюда 23 с. февраля д-ръ Кормошъ и забралъ Мельничуковъ и о. Ольшанскаго. Вчера же (24 с. февраля) прѣхалъ извозчикомъ о. Ст. Микаръ и привезъ отъ „украинскаго“ комитета какую то „запомогу“ (вспомоществованіе), которую и rozdalъ помежу нѣкоторыхъ. Говорилъ, что будто д-ръ Ганкевичъ и др. ходили къ намѣстнику въ Грацъ съ предложеніемъ, чтобы отсюда освободили всю интеллигенцію. Кобы далъ это Господь и вѣнчалось все это успѣхомъ!

(Особ. счетъ зам.):

Депозитъ —	Конгруа	686 86
	488-12	306 86
		<u>380 00</u>

Дня 16/12 1914 — 158-12

„ 25/2 1915 — 20—

за январь и февраль

228 74	Дня 10/3 вд.	178 74
+ 686 86		<u>306 86</u>

Laiss сказала, что съ Коломыйцемъ очень плохо. Бѣдняга Юсифъ опечаленъ. Въ каждый моментъ можетъ наступить кончина.

Вчера собрали мы въ баракѣ для крестьянина Залужнаго почти 10 кронъ.

Онъ составляетъ хороший эпосъ о нашемъ тяжеломъ пребываніи въ Талергофѣ. Особенно ярко вышли описанія казни въ Бригидкахъ крестьянина, а затѣмъ бл. п. о. Максима Сандовича. Выйдетъ хорошая книга, если Господь позволитъ вернуться на родину.

Вчера забрали въ госпиталь дѣвущку Левицкую, суженую студента унив. Пирого и съ о. Корниліемъ Литвиничемъ, взятыми изъ нашего (№ 30) барака, тоже плохо.

Замѣстителемъ Н. Красицкаго, назначенъ старшій учитель изъ Буковины Шоршъ, человѣкъ русскихъ убѣждений (но его сынъ мазепинецъ). Семья его живетъ съ ноября въ Вѣнѣ, но его здѣсь держать Онъ читаетъ газеты, а намъ лишь передаетъ ихъ содержаніе.

По днесъ померло всѣхъ 1074 чел.!

Послѣ кофе пошелъ я къ Николѣ. Олѣ вышелъ мнѣ навстрѣчу съ радостнымъ лицомъ и привѣтствовалъ меня словами: Servus, коллега, поздравляю!

— Ну, что же новаго? — удивился я.

— Сію минуту узналъ, что и ты конфинированъ.

Я обнялъ его и Славака и расцѣловалъ

Вѣсть эта первая прерадостная изъ всѣхъ радостныхъ въ Талергофѣ, сильно подѣйствовала на меня. Я такъ обрадовался какъ никогда прежде въ жизни, кажется, былъ въ особенно приподнятомъ расположеніи духа и не могъ никакъ скрыть этого своего неожиданнаго счастья. Даже окружающіе меня, которымъ я не выдалъ этой тайны, замѣтили у меня чрезвычайное оживленіе и юморъ и приписывали это тому обстоятельству, что у меня зубная боль прекратилась.

Что слышно, однако, съ Яякомъ и его отцомъ, еще не сообщилъ П., такъ я заблагоразсудилъ пока что скрывать предъ ними о сообщенной мнѣ и меня касающейся вѣсти, пока не узнаю и о нихъ, но надѣюсь на Господа, что и они будутъ конфинированы.

Какъ благъ Господь, нѣтъ предѣловъ милосердію и милостямъ Его! Трудно передать хоть приблизительно мои теперешнія мысли о благодати Божіей.

Вѣдь же мое дѣло сложилось, было, совсѣмъ скверно: прежде всего по волѣ Божией, первая моя жалоба пропала въ Рогатинѣ, затѣмъ вышло другое бѣдство — протоколъ со мною совѣтника Фиды. День 9/12. 1914 г. былъ тяжелъ для меня, тогда мнѣ и о. Сенику сообщилъ сов. Фиды, что приказано насъ обоимъ отправить въ Вѣну. Но Господь благъ и многомилостивъ и Пречистая Дѣва Марія выслушала молебны мои... Я послалъ 11/12 1914 г. добавочное заявленіе въ Landwehrgericht во Вѣну и тамъ навѣрно слѣдователь заблагоразсудилъ прекратить противъ меня слѣдствие. До самаго вчерашняго дня ждалъ я все время, что, вогу, молъ, не сегодня — такъ завтра, позовутъ меня подѣ карантинъ, а затѣмъ отправятъ во Вѣну, и вдругъ — нечаянная радость: я буду конфинованъ!

Милостивый Господи, сколько разъ въ жизни своей испыталъ я на себѣ обиліе благодати Твоей! Милость и благодать Твоя всегда были и на мнѣ и на семьѣ моей. Я крѣпко уповаю, я увѣренъ, что коли я здѣсь живъ, то и семья моя тамъ живетъ. Можетъ Господь всѣхъ насъ помилуетъ и дозволитъ вновь сойтись и вмѣстѣ до конца живота благодарить Его за всѣ безконечныя благодѣянія Его. Недостойныя я этого, я грѣшныи рабъ Твой, но помилуй и подай Господи.

Днесь такъ весело мнѣ на душѣ... Вступила въ нее новая надежда, что, можетъ, вырвусь изъ этой недоли безпредѣльнаго человѣческаго горя и слезъ.

Узналъ я вчера, что и Николай Басъ померъ, а очень больны Павелъ Людковичъ и Ник. Быкъ.

26. февр. — Морозъ. День хорошій. Я спалъ, однако, не такъ хорошо, какъ бывало до сихъ поръ. Былъ взволнованъ, просыпался и не могъ уснуть.

Д-ръ Дзьоба померъ днесь. Съ о. Коломыйцемъ, какъ будто немножко лучше.

Узналъ я днесь, что Янко и его отецъ свободны отъ всякаго обвиненія, и слѣдовательно, можно надѣяться, будутъ или освобождены совершенно или же конфинованы. Слава Богу! лишь бы

рѣшеніе властей скорѣе послѣдовало, чтобы не пришлось по нѣскольку недѣль жать очереди, когда позовутъ подѣ карантинъ.

27. февр. — Померъ о. Корнилій Литвиновичъ, т. е. очередной уже 12-ый священникъ, а первый изъ Станиславской епархіи. У него, говорятъ, была, кромѣ тифа, также болѣзнь почекъ.

Днесь я сообщилъ Янку то, что узналъ.

Laisъ сказалъ, что съ о. Коломыйцемъ очень плохо, если доживетъ до завтра, то можно надѣяться, что будетъ живъ. Юсифъ крайне удрученъ, но приготовленъ ко всему.

Я просилъ его спросить Laisъ а касательно моего конфинованья. Недовѣряю, вѣрна ли вѣсть, переданная мнѣ Красицкимъ. Боюсь не обмануло ли огносительное лицо Красицкаго.

Въ 3 ч. похороны о. Литвиновича, идемъ отслужить панихиду въ часовнѣ. Я чувствую сея бодрымъ, есть аппетитъ и сонъ былъ хорошъ.

Очередной н-ръ гроба о. Литвиновича 1105

Вечеромъ былъ отслуженъ у насъ парастасъ по покойникамъ о. Литвиновичъ и д-ръ Дзьобъ (онъ померъ вчера).

Захворалъ острой инпохондріей о. цъ Діонисій Кислевскій. Призывалъ д-ра Войтовича, этотъ ничего не нашель, днесь совѣтовался д-ра Могильницкаго, самъ дѣлалъ себѣ натиранія, примочки, мѣрилъ температуру тѣла, наблюдалъ ударенія пульса и пр. Видя у него такое разстройство, д-ръ Могильницкій посо-вѣтовалъ ему перейти въ обсерваціонный баракъ. Тамъ пробудетъ 1 — 2 дня. Бѣдныи словѣкъ. Передаль мнѣ ключички отъ своего чемодана и деньги.

28. февр. — Морозъ. Я дѣлалъ себѣ компрессъ на горло — помогло мало. По заявленію врачей днесь критическій день для о. Коломыйца. Юсифъ встревоженъ.

Въ баракѣ № 25 помѣщены регонвалесценты, ихъ тамъ находится теперь 380 чел.! Какой тамъ воздухъ! И каково тамъ вообще положеніе этихъ выздоравливающихъ! Многіе тамъ вновь заболѣваютъ. Тамъ и Василь находится.

Днесь передай мнѣ о. Кисѣлевскій изъ своего барака, что у него bronchitis(?) и просиль передать ему иѣкоторыя вещи.

Теперь о. Сеникъ предлагаетъ составить еще разъ полный списокъ священниковъ, не получившихъ конгруи, и послать его въ Бялу, гдѣ теперь находится львовское намѣстничество. За составленіе такого списка съ оти. заявле-

Узнавъ я, что Ант. Курка находится въ Бялой, куда эвентуально отправиться намѣренъ и Іосифъ. Я передаю ему письмо съ тѣмъ, чтобы Іосифъ отыскалъ Курку и похлопоталъ о моемъ и Янка освобожденіи и о выплатѣ конгруи за I четверть 1915 года. Господь вѣдаетъ, удадутся ли эти планы, но человекъ прилагаетъ всѣ старанія и усилія, чтобы добиться освобожденія. Ахъ,

ТАЛЕРГОФЪ. Группа талергофцевъ изъ Знесеня воявъ Львова.

Съ лѣва на право: 1. Ома Семень. 2. Севериъ Биликевичъ. 3. о. Вас. Лончина. 4. Емалія Балликевичъ. 5. о. сов. А. Биликевичъ. 6. Иванъ Тарнавскій. 7. Вас. Наоревичъ. 8. Григорій Копулинскій. 9. Ив. Вацкякъ. 10. Лука Старацкій. (Умершій въ 1916 г. талергофецъ изъ Знесеня Ілья Петровичъ былъ перенесенъ въ эту гробницу 14. апр 1929 г.).

нѣмъ взымалась бы съ каждаго священника отдѣльно плата по 1 кронѣ. Говорятъ, что это слишкомъ дорого.

На обѣдъ подали днесь капустнякъ, мяса было довольно много.

Въ 6 ч. скончался о. Вл. Коломыецъ. Я приготовилъ къ этой печальной вѣсти Іосифа. Онъ завтра идетъ подъ карантинъ. Бѣдняга очень прибить горемъ. Пошелъ узнать, что съ его вещами (золотые часы и деньги).

золотая свобода! Никогда я не зналъ цѣны тебѣ, ажъ теперь!

Быль я днесь еще у Красицкаго. Онъ долженъ завтра, вмѣстѣ съ сыномъ, явиться у бани и перейти въ карантинный баракъ. Хочу еще завтра утромъ — если Господь поможетъ — посѣтить его и проститься съ ними обоими.

Смерть бл. п. Владка станетъ народъ объяснять, какъ наказаніе Божіе за его плохое обращеніе съ людьми!

Мартъ 1915 г.

1. марта. — Тяжелый день! Старый Потерейко что-то недомагаетъ. Утра Иосифъ ушелъ заказывать гробъ, а Янко крестъ у Лаврыша (онъ изготавляетъ кресты для всѣхъ, а окончившій богословіе въ Черновцахъ, Гавринъ Васильевичъ, вырѣзываетъ надписи). Гробъ хотѣлъ купить ему Иосифъ за 150 кронъ, но заявили, что въ нынѣшнихъ условіяхъ нельзя получить металлическаго гроба за такую сумму. Бехтольд приказалъ похоронить покойника въ особой могилѣ — это привилегія, всѣхъ въ домъ хоронятъ здѣсь вмѣстѣ въ одномъ глубокомъ рву.

Утромъ заявилъ намъ д-ръ Вл. Могилницкій, что у о. Кислѣвскаго тифъ. Всѣхъ насъ поразила эта вѣсть. Мы никогда этого не предполагали, но, быть можетъ, онъ ошибается. Днесь зайдетъ къ нему д-ръ Могилницкій и еще разъ провѣритъ. Для нашего барака № (18) это душу и сердце леденящая вѣсть. Далось же намъ днесь это 1-ое марта! Далось всѣмъ намъ, т. е. нашему кружку: я, Янко, отецъ, Иосифъ и Телесницкій.

Знаю уже положительно, что Антонъ Курка въ Бялой. Поручаю Иосифу, чтобы непременно сошелся съ нимъ и предпринялъ шаги и мѣры для нашего освобожденія. Я увѣренъ, что онъ, добрякъ, все, что только въ его силахъ, сдѣлаетъ. Лишь науститъ и укрѣпитъ его Господи, и заступитъ за насъ Мать Пречистая!

Въ 3 ч. отслужилъ о. Гелитовичъ панихиду. Пѣлъ хоръ. Нѣкоторые, однако, демонстративно отказались и не участвовали въ хорѣ (о. Мохнацкій — бастъ, Гелитовичъ). Присутствовалъ Бехтольд и пр. изъ канцеляри. Гробъ металлическій, бѣлый, стоитъ 360 кронъ.

Красицкій рано утромъ пошелъ подъ карантинъ. Его мѣсто занялъ Шоршъ, но помощникъ ему и Уейскому ухаль.

Эпидемія, повидимому, падаетъ, смертность уменьшается.

2. марта. — Иосифъ раненко пошелъ въ баню, а затѣмъ подъ карантинъ. Я далъ ему порученія къ Куркѣ.

Передъ самымъ его уходомъ Laiss принесъ ему отъ сына Ивана посылку, предназначенную для пок. Владка, коньякъ и вино. На прощаніе мы выпили полбутылки Malag-и. Янко уложилъ его вещи и мы оба съ Янкомъ сопровождали его до бани. По пути Иосифъ забралъ еще оставшіяся по пок. Владкѣ вещи, чтобы ихъ затѣмъ дезинфицировать. Разставаясь съ нами, добрякъ Иосифъ подарилъ на память мнѣ перочинный ножикъ, а Янку кошелекъ на деньги.

Возвращаясь затѣмъ, мы спросили въ баракѣ № 17, какъ чувствуетъ себя о. Діонисій Кислѣвскій. У него днесь жаръ въ 39° С. Иосифъ оставилъ мнѣ 2 открытки изъ Karlstein.

Окончательно выяснилось, что у о. Діонисія таки тифъ. Можно быть почти увѣреннымъ, что онъ набрался его въ госпиталѣ, куда пошелъ якобы подъ обсервацию, а его дали въ тифозный. Все это насъ, обитающихъ подъ № 18 весьма обезпокоило.

Ночью нѣкоторые въ нашемъ баракѣ попались коньякомъ и виномъ, оставшимися по только что ушедшимъ. Своимъ пьянымъ крикомъ С. разбудилъ всѣхъ насъ. Къ счастью „постъ“ ничего не слышалъ, иначе ворвался бы въ баракъ и вышло бы бѣдствіе, скандалъ.

Сильный холодный вѣтеръ дулъ весь день и всю ночь. Въ баракѣ ужасно холодно. Мы такъ и зимой, кажется, не мерали, какъ теперь.

3. марта. — И днесь дуетъ вѣтеръ. Студено. Въ бараки сносятъ захваченныя доски и бревна и топятъ ими въ печахъ.

Явился нашъ врачъ. Огласили намъ списокъ освобожденныхъ и конфинированныхъ. Врачъ осмотрѣлъ всѣхъ ихъ, до отправки ихъ въ баню. Въ списокъ значатся преимущественно крестьяне.

Черезъ нѣкоего Ивана Комчука во Вѣнѣ (III, Lerchenfeldstr. 141/1) о. Котайло получилъ письмо, извѣщающее его о благополучіи его семьи.

4. марта. — Мрачно. На дождь собирается.

Врачъ осматривалъ тѣхъ, которые завтра идуть подъ карантинъ. Я посѣтилъ Иосифа и Николу. Узналъ, что

между нашими людьми возникла мысль устроить сборъ пожертвованій на покупку подарка д-ру Вл. Могильницкому, но многие сторонники этой мысли полагаютъ, что лучше и цѣлесообразнѣе было бы устроить это по возвращеніи на родину.

5 марта. — Съ утра переносилъ я вещи въ кабину № 10, а позже въ № 13, куда помѣщены только насъ четверо: я, Янко, отецъ и Телесниціи. Мы кабиной довольны.

Узналъ молодого поэта, гимназиста Нестерака, составившаго здѣсь, въ Талергофѣ, хорошія стихотворенія. Я поощрялъ его продолжать этотъ трудъ, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ у него замѣчательный талантъ.

Передвчера (третьяго дня) передалъ я народному поэту, крестьянину Задужному, собранныя у насъ для него 10 кронъ. Онъ бѣдняжка совсѣмъ безъ средствъ, а пишетъ хорошія элосы о страдальческой жизни узниковъ въ Талергофѣ.

6 марта. — Днесь уже 7 мѣсяцевъ какъ меня арестовали! Печальная годовщина. Но самъ по себѣ день, можно сказать, даже радостный: отъ вчера 8 ч. вечера до 8 ч. утра днесь былъ всего только одинъ случай смерти, а въ течение 2 послѣднихъ дней не было ни одного заболѣванія! Велія милость Твоя, Господи! Но съ о. Діонисіемъ, по мнѣнію д-ра Могильницкаго, не хорошо.

Чудный весенній день. Тепло, особенно до полудня. Всѣ высыпали изъ бараконъ и грѣются на солнцѣ. Неужели весна?

(*Особое прим.*). Въ гангарѣ: солдатъ нарочно бросилъ на-земь бохонъ хлѣба. Максимъ Шумняцкій изъ Исая (Турка) жадно бросился и поднялъ брошенный хлѣбъ. За это тутъ же другой солдатъ прокололъ его въ ребра штыкомъ. Лечился 4 недѣли.

7 марта. — День по истинѣ прекрасный. Настоящая весна. Крестополонное воскресенье.

Съ о. Діонисіемъ плохо. Ахъ, какъ онъ боялся болѣзни, прямо чуть ли съ ума не сходилъ. Всѣмъ намъ дорогой человѣкъ. Можетъ, Господь помилуетъ и спасетъ его. Впрыскивали ему морфій,

съ языкомъ у него плохо, говорятъ, что лицомъ сильно измѣнился.

Нестеракъ былъ вчера у меня и оставилъ свои стихотворенія — надо ихъ списать.

Съѣстные припасы ужасно дорожаютъ. Сушеныхъ сливъ 1 клгр. стоитъ 1 крона 60 гр., яблоки такъ же, 1 клгр. краковской колбасы 6 кр., апельсинъ шт. 14 гел., маленькая черная булочка 4 гел., селедка копченая — 40 гел.

8 марта. — Падаеть мокрый, на лету тающій снѣгъ. Грязь ужасная.

Днесь раздавали намъ одежду: куртки, брюки и ботинки — все самаго дряннаго качества. Для меня не подошли ни одни брюки, ни одна куртка, взялъ только одинъ ботинки и Янко тоже. Дѣлается такъ все эго нарочно, чтобы додать намъ.

На-дняхъ о. Ле ъ Кордасевичъ получилъ письмо отъ дочери изъ Ляховичъ, сданное на почту еще 14-го января с. г. via Брайловъ. Дочь сообщаетъ, что здорова. Тѣмъ же путемъ о. Кордасевичъ намѣренъ отправить письмо и ей, но по тому что теперь карантинъ, писемъ отъ насъ не принимаютъ къ отправкѣ, а только передаютъ намъ полученныя. Письмо помѣчено почтовымъ штемпелемъ 4-го с. марта, значить очень долго шло оно въ Брайловъ. Въ виду того, что изъ-за карантина переписываться не можемъ, о. Кордасевичъ попробуетъ выслать телеграмму, чѣмъ и я съ Янкомъ хотимъ воспользоваться и сообщить о себѣ. Надя содѣствуетъ съ Кордасевичами, такъ ее бы извѣстили, а она должна бы уже отъ себя сообщить въ Лилицу обо мнѣ.

Съ о. Діонисіемъ плохо, но не безнадежно. Да хранить его Господь и подниметь съ одра болѣзни!

По Талергофу расклеены плакаты съ надписью: Gott strafe England!

9 марта. — Три трупа. Съ о. Діонисіемъ лучше, слава Тебѣ Господи! На днесь былъ приморозокъ. Хожу въ ботинкахъ, а куртку взялъ есе таки, чтобы ее передать кому-то изъ нашихъ людей. Гепалямъ или Василию, брюки же совсѣмъ малы и тѣсны. Приобрѣлъ $\frac{1}{2}$ литра сливовицы за 2 кр. 30 гел.

Въ 2 ч. похороны кафедрального дьяка изъ Черновець Рахмиструка.

Продажа масла, какъ Luxussache, запрещена и въ Талергофѣ (сель) нѣтъ больше масла.

10. марта. — Морозный вѣтеръ. Ужасная стужа. Топимъ въ печахъ насколько хватаетъ матеріала. Ночью особенно чувствительно принимаетъ морозный вѣтеръ.

Что будетъ съ о. Діонисіемъ, все еще сказать трудно.

Днесь возвратились изъ карантиннаго барака Кригичъ и молодой Стиранка. Такъ какъ сестра Кригича заболѣла, ее вняли въ госпиталь. Стиранка считается женихомъ д-цы Кригичъ.

Днесь выплачиваютъ конгруу. Мнѣ признано за январь и февраль 228.74 кр., а выплачено только 128.74 кр., а остальное задержано въ депозитѣ. Имѣя 100 кронъ въ банкнотѣ, можно въ Талергофѣ умереть отъ голода, такъ какъ здѣсь даже 10 кронъ не легко раздобыть. Я возвратилъ о. Яворскому занятые 10 кронъ и о. Качмарчику остальные 7 кронъ.

12. марта. — Хорошая погода. Ясно, тепло, — хожу съ утра. Днесь пятница. „Святъ“ купилъ 2 литра молока и эментальскаго сыра. Въ карантинномъ баракѣ заболѣлъ о. Черлуначкевичъ.

Laissъ принялъ телеграмму въ Ляховичи via BraiŃoŃ, — ахъ, Господи, можетъ удался хотя этимъ далекимъ путемъ увѣдомить моихъ, что я живъ еще.

13. марта. — Супъ подають съ каждымъ днемъ разное. Я и „старый“ встали первые. Сплю хорошо. День погожий.

14. марта. — Воскресенье. День хороший. Ничего особеннаго. Посѣтилъ судью Ѡ. Костецкаго, возвратилъ ему 20 кронъ.

(Цитата по польски): Јокај: „Po obiedzie, ogólnie biorąc, każdy jest innym człowiekiem, niż przed obiadem. Stół pakryty równa ludzi, pozycyе, wieku, różnice partyi“.

Detto: „Żem za młoda do kochania,
Mówią mi czasami,
Lecz pytkości tego zdania
Nie pojmują sami.
Głupcy! o tem wszakże wiecie,
Ze i woda łatwo przecie
W małym wre garnuszku,

Więc niech w podziw was nie

Że się miłość łatwo zjawia,
W małym kielichu serduszku“.

15. марта. — День ясный, хороший. Въ газетѣ статья п. з. Kostmangel (недостатокъ пищи) и о мѣрѣхъ предосторожности.

Читаю повѣсть Іокая въ польскомъ переводѣ: „Poruszmy z posad ziemię“. Такъ тепло, что весь народъ высypалъ изъ бараконъ, люди гуляютъ въ лѣтнемъ платьѣ.

„Plus valet favor in iudice quam lex in codice“ (больше значитъ хорошее расположение судьи чѣмъ законъ [статья] въ уложеніи).

(Слѣдуетъ длинная цитата на польскомъ языкѣ изъ соч. Іокая объ отношеніи между конемъ и человекомъ, знаменитъ римскаго епископа (конь), о свв. Мартинѣ и Геролинѣ, изображаемаго на конѣ и т. п.).

16. марта. — День не холодный, но пасмурный. Я и Янко ходили навѣстить Іосифа. Прекрасный русскій крестикъ я отнесъ г. Андрею Лакустѣ, чтобы вырѣзалъ на немъ подходящую надпись. Крестикъ сдѣлалъ мнѣ о. Ст. Яворскій. Въ Орестѣ Копыстьянскомъ позналъ я художника-ваятеля. Сдѣлалъ чудный ларчикъ д-ру Войтовичу и много другихъ вещей, настоящій художникъ.

Всея! Нестеракъ привелъ своего товарища Бандровскаго (оба — гимназисты VIII кл. новосандецкой гимназіи). Бандровскій — живописецъ, общалъ принести намъ днесь кое-что. Все, что досихъ поръ сдѣлалъ, роздалъ.

(Особое прим.): Полякъ Іосифъ Заславскій изъ Новаго Тарга былъ еще въ декабрѣ 1914 г. освобожденъ (freigelassen), но не зная ничего объ этомъ, сидѣлъ по днесь. По приглашенію Уейскаго, пришелъ въ канцелярію помогать ему привести въ порядокъ списокъ успоившихъ и вдругъ, къ своему изумленію, попалъ въ немъ на статью, въ которой значится, что онъ, Іосифъ Заславскій, умеръ! Также образецъ бюрократическаго безголовья!

17. марта. — Опять у насъ, въ 30-омъ баракѣ, заболѣли двое: Куцѣй и о. Стягалевичъ. Врачъ заявилъ, что, если къ

субботѣ не будетъ новыхъ заболѣваній, въ нашемъ баракѣ будетъ произведена дезинфекція и что если окажется нужнымъ, всѣхъ насъ переведутъ въ другой баракъ.

Характерно, что въ нашемъ баракѣ не погасъ тифъ. Это уже 21-ый случай. Но въ общемъ эпидемія падаетъ, больныхъ переносятъ въ другіе бараки. Случаевъ же смерти бываетъ по 3—5 въ сутки. Въ сравненіи съ прошлымъ, это очень мало.

Читаю повѣсть Гокая въ поль. перев. „Poruszamy z posad ziemię“. Хорошая повѣсть и потому бросилъ играть въ преферансъ. Все впрочемъ надоѣдаетъ. А видовъ на скорое окончаніе войны никакихъ.

Писалъ молодой Телесницкій отцу, — днесь письмо получено — что тамъ у него говорятъ, — онъ гдѣ то въ Чехіи окончилъ офицерскую школу — что пойдутъ на войну только въ маѣ. Вотъ те, хорошіе виды!

Днесь караульные сообщили намъ, будто Италия объявила войну Франціи. Мало вѣроятное извѣстіе. А тѣ, кто читали газету, говорятъ, что ничего объ этомъ тамъ не сказано. Видно, это только одинъ изъ тысячи разныхъ слуховъ, къ какимъ мы уже здѣсь привыкли впрочемъ.

Пойду завтра къ Іосифу попросить, чтобы онъ, прїѣхавъ въ Веліцъ, написалъ чрезъ бюро Тенгофа via Бухарестъ письмо въ Липицу и сообщилъ имъ что я и Янокъ здѣсь живы и здоровы. Ахъ, какъ бы я радовался, если бы это удалось, и мои дражайшіе на землѣ узнали обо мнѣ! А можетъ быть, и телеграмма via Вгайловъ дойдетъ до Ляховичъ и этимъ путемъ они все таки скорѣе узнаютъ обо мнѣ?

Меня уже нѣсколько дней подрядъ очень сильно донимаетъ зубная боль, особенно и постоянно вечеромъ, иногда и ночью, не сплю...

Померъ о. Ал. Полянскій.

Вечеромъ опять принесли вѣсть печальную, — пришла будто бы телеграмма — что будто Румынія объявила войну Россіи. Такъ тогда война затянется надолго, повидимому, — намъ

такъ хотѣлось бы вернуться на родину, посмотреть на нее хотя бы и разрушенную! Вѣдь же она родная намъ, искони русская, своя дорогая земля! Да будетъ воля Твоя Господи!

По баракамъ, тамъ, гдѣ у кого то изъ нашихъ людей есть на рукахъ „Изборникъ“, служатъ днесь „Поклоны“. У насъ же прочитали акафистъ къ страстямъ Христовымъ.

18. марта. — День пріятный. Врачъ заявилъ, что мы перейдемъ въ другой баракъ, кажется въ 23-ий, а нашъ будетъ подвергнутъ дезинфекціи. Днесь забрали и судью Криницкаго въ госпиталь.

Вчерашній вѣсти оказались ложными, какъ первая, переданная караульнымъ, такъ и вторая. За распространіе ложныхъ вѣстей, караульное бюро получило здѣсь названіе „бюро Гиса“ (Гисовскаго).

На обѣдъ дали намъ постный „чиръ“ и говорятъ, что лишь дважды въ недѣлю будемъ получать мясо. Начнется голодовка. Бѣдняки крестьяне давно уже голозаютъ, просятъ насъ о подачѣ имъ хлѣба и пици вообще, а у насъ нѣтъ. Прежде у насъ все таки оставалось еще немного хлѣба, такъ что мы могли имъ кое что изъ него удѣлять, именно у насъ было много больныхъ и оставшіяся несѣданными ихъ порціи получали здоровые. Теперь эпидемія падаетъ, больныхъ становится все меньше, а выздоравливающе, очень сильно хотѣтъ ѣсть и ѣдать жадно. Постѣ тифа всегда выздоравливаше ѣдятъ много.

Съ самаго утра ужасно болитъ у меня зубъ.

По упокоившимся оо. Александрѣ Полянскомъ и его сынѣ Несторѣ отслуженъ парастасъ.

19. марта. — Пятница. Пасмурно. Съ утра звѣхали съ насосами и выкачиваютъ изъ отхожихъ мѣсть нечистоты и отравляютъ воздухъ зловоніемъ.

Собираюсь зайти къ Іосифу и попросить его, чтобы далъ портному сдѣлать для меня черные брюки и прислалъ сюда. Ужасно я обносился, хожу обрваннмъ. Было время, когда я вынужденъ былъ неразъ ложиться спать, не

раздвываясь, и это также ускорило процесс распада моего тряпья, но благодаря этому обстоятельству быть может, все таки не разболѣлся ревматизмомъ.

Съ 18 с. марта команду надъ нами обнялъ полковникъ Grimm.

Никто въ нашей кабинѣ не ѣсть по пятницамъ мяса. Поэтому утромъ беремъ обыкновенно фасольнаго супа два котелка больше, подогрѣваемъ его и приправляемъ, поелику это возможно, и особенно старый Потерейко дѣлаетъ себѣ изъ этого „объяденіе“. Но днесь вышло вотъ что: старый купилъ 2 литра сладкаго молока, еще не снятаго, а когда попробовали у насъ скипятить его, то оно внезапно створжилось. И удивительно, получилось изъ него много сыра, такъ Янко влилъ это молоко въ супъ и мы съѣли и нашли даже, что полученное кушанье оказалось довольно вкуснымъ.

Іосифъ и Красицкій уѣзжаютъ завтра послѣ обѣда.

Весна, весна! Здѣсь въ Талергофѣ копаютъ, пашутъ и сѣютъ, хотя кругомъ в горахъ еще бѣлуютъ снѣга.

Уплатилъ днесь 20 кронъ о. Гизовичу. Такимъ образомъ мои счета выровнены.

(*Особ. замѣч.:*) Крестьянинъ изъ Глесо-Богданъ, уѣздъ Рагово, Василій Ретиничикъ, въ жару всегда пѣлъ: „Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя“ и бѣсновался. Вязали его веревками. Позвали наконецъ караульныхъ и они наложили на него кандалы. Утромъ пришелъ въ этотъ баракъ исповѣдывать о. Вл. Венгриновичъ и крестьянинъ, увидѣвъ его идущаго съ крестомъ въ рукахъ, подошелъ въ кандалахъ къ нему, еще разъ воскликнулъ: „Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя“ и поцѣловалъ крестъ. Священникъ покропилъ его священою водою и прочиталъ надъ нимъ молитву и крестьянинъ немного успокоился. Затѣмъ твердо заснулъ и когда затѣмъ проснулся, оказалось, что сталъ совершенно здоровымъ и здоровъ и по днесь.

Вечеромъ узнали мы отъ д-ра Вальницкаго, что Янко освобожденъ. Писалъ объ этомъ Вл. Юркевичъ еще въ январѣ г-жѣ Куининской, но это письмо

только днесь ей доставили! Вотъ какіе порядки! Но здѣсь еще находятся люди, освобожденные еще 3 мѣсяца тому назадъ, и все еще ждуть фактическаго освобожденія, нѣкоторые же изъ такихъ освобожденныхъ уже здѣсь умерли.

20. марта. — Всталъ рано. Днесь уходятъ изъ подъ карантина Красицкій и Качала (онъ освобожденъ). Утромъ поданъ супъ неопредѣленнаго вкуса, пахнетъ тминомъ. Многіе не кушали. Возвращаются прежнія, еще впрочемъ недавнія времена нашей голодовки въ Талергофѣ, лишь съ той разницей, что теперь питаніе насъ такимъ супомъ оправдывается скудостью сѣстныхъ припасовъ и приближающимся голодомъ.

Нашель случай поговорить съ Качалой. Поручилъ ему познакомиться съ Миллеромъ и попросить его о ходатайствѣ у барона Камерланда, чтобы насъ скорѣе освободили. Обѣщаль онъ это сдѣлать, такъ какъ намѣренъ задержаться нѣсколько дней въ Грацѣ.

Янко же не оставитъ своего отца здѣсь, а желаетъ дожидаться его освобожденія.

Что-то непонятное творится въ Талергофѣ. Кому-то какъ будто дѣло въ томъ, чтобы мы здѣсь оставались узниками возможно наибольшее. Вотъ и днесь узнали мы, что о Каленюкъ (онъ тоже днесь уѣзжаетъ) получилъ письмо еще съ января с. г., изъ котораго узналъ, что его братъ Романъ, военный капелланъ, попалъ въ плѣнъ. Вообще только вчера вручено много писемъ лицамъ, днесь уѣзжающимъ. Письма къ намъ навѣрно почиваютъ въ канцеляріи нашей Bewachungskommando и лишь уѣзжающимъ передаются. Въ этой тактикѣ тоже что-то подозрительное.

Такъ какъ Миллеръ лично Качалы не знаетъ, то я хочу предупредить Миллера телеграммой, что Качала у него явится.

Іосифу поручилъ я обязательно отыскать Курку, посоветоваться съ нимъ и выслать его въ Грацъ по нашему дѣлу. Издержки путешествія возвратимъ. Быть можетъ повѣдетъ и братаничъ Янко съ Куркою, а Курка могъ бы похлопотать у д-ра Ганкевича. Увидимъ, дастъ

ли все это какойнибудь результат, но пока что можем надеяться на лучшее.

А тифъ все таки еще не погасъ. На дняхъ впалъ въ рецидивъ (возвратъ) о. Дроботъ и съ нимъ теперь очень плохо.

Построили теперь здѣсь новые госпитали и перевели уже туда больныхъ изъ барака № 14. Тамъ комнаты съ поломъ, опрятны, съ большими окнами, ясная, чистое бѣлье и пр. Нельзя ни чего большаго и лучшаго ожидать и требовать въ Талергофѣ!

Въ часть дня 105 чел. выходцевъ отправились съ узлами. Каждому выдана легитимация, которую читаетъ получившій на сторонѣ, слѣдя за тѣмъ, не значится ли тамъ: *sich fernhalten von dem Operationsterrain* (находись подальше отъ территории военныхъ дѣйствій), конфиннованнымъ не поставлена такая замѣтка. Такъ съ трудомъ двинулись они къ станци Putingau, отдаленной 1 килом., а мы, оставшіеся, долго смотрѣли вслѣдъ за ушедшими и не одинъ изъ насъ спрашивалъ про себя со вздохомъ: когда уже разъ придетъ тотъ день, въ который и мнѣ доведется такъ уйти съ этого мѣста столь многихъ мученій, лишений, болѣзней, тревоги — словомъ — ада.

Ожидаемъ оглашенія слѣдующаго новаго списка выѣзжающихъ, а я и Янко въѣстей около четверга изъ Граца отъ Качалы и др.

21. марта — Воскресенье.

22. марта. — Крѣпкій морозъ.

(Общ. зам.): Разсказываетъ о. Гичко изъ Шандровецъ: Послѣ арестованія о. Гичка, мѣстный помѣщикъ еврей Ааронъ К., посовѣтовавшись съ войтомъ и солдатами-полченцами, согналъ въ воскресенье послѣ обѣда все село на ланы для уборки съ нихъ хлѣбовъ ему, помѣщику еврею. Играя при этомъ роль австрийскаго патриота, велъ себя въ виду крестьянъ дерзко и вызывающе. Но нѣсколько дней спустя явились въ селѣ уже русскіе казаки. Помѣщикъ еврей ухитрился подвести и ихъ, пригласилъ ихъ къ себѣ и угостилъ великолепно, нагрузивъ столы лучшими кушаньями и водкой. Казаки узнали, однако, отъ крестьянъ о недавнемъ подвигѣ

хитреца, набѣзшихъ и попивъ вдоволь, вмѣсто того, чтобы поблагодарить хозяина, растянули его на томъ же столѣ и всыпали ему 15 палокъ на то, — какъ сказали — чтобы на всю жизнь поманилъ побывку и правосудіе казаковъ въ Шандровцахъ.

Съ утра гамъ и шумъ: молодой К—о творитъ безобразія, подражаетъ кошкѣ, передразниваетъ евреевъ, досажаетъ обитателямъ изъ женской кабинѣ напротивъ (тамъ вдова г-жа Г. и дѣвушка Л.). Онѣ обѣ поютъ пѣсни, особенно по вечерамъ (у нихъ хорошая голосъ), но это мнѣ мѣшаетъ уснуть. Такъ я подумаю о своей родинѣ, мечтаю немного кое-о чемъ и засыпаю. Въ баракахъ нѣкоторыхъ овладѣваетъ, ни съ сего ни съ того, порой неестественный ребяческой юморъ, порой же чернѣйшая безнадежность, меланхолия и подавленность до слезъ, до отчаянія. Все это объясняется нашимъ общимъ безотраднымъ и тяжелымъ положеніемъ. Слишкомъ ужъ долго сидимъ мы здѣсь. Тоска и скука одолаваютъ всѣхъ насъ.

Говорятъ (д-ръ Могилинскій), что здѣшніе санитары постановили подавить эпидемію и отмѣнить карантинъ въ течение 10 дней. Понимаемъ, что имъ хотѣлось бы поѣхать въ Грацъ (или вмѣстѣ съ офицерами) на праздники Пасхи. Но на обѣду, какъ разъ третьяго дня въ 1 дворѣ было нѣсколько новыхъ случаевъ заболѣванія.

Газ. Tagespost отъ 20 с. марта принесла замѣчательную передовую такого содержания: Несмотря на то, что Гинденбургъ — знаменитый полководецъ и одержалъ дѣй величайшія побѣды, несмотря на то, что войска дерутся храбро, высадить непріятеля изъ занятыхъ имъ днесь позиций мы считаемъ невозможнымъ и немислимымъ, а мечтать о взятіи Варшавы было бы смѣшно. Въ статьѣ бросаются въ глаза тонкій и изящный по формѣ стиль и остроумная игра словъ.

Одна швейцарская газета помѣстила извѣстіе, что между Франціей и Россіей заключенъ договоръ, по которому Франція поможетъ Россіи взять Константинополь и Дарданеллы, а зато Рос-

сія отобьетъ у нѣмцевъ Эллзассъ-Лотарингію для Франціи. Стало быть, нечего и думать о заключеніи мира до паденія Константинополя. А мы все лелѣемъ надежду на то, что все это въ течение 5 недѣль закончится, что мы къ концу мая м. вернемся на родину.

Есть еще здѣсь много такихъ людей, которые такъ и во днесъ ходятъ безъ рубашекъ! Была вѣдь одна только у нихъ и та распалась, просто сгнивъ на тѣлѣ отъ пота, грязи и вшей.

На-дняхъ (19. с. м.) получила госпожа Кунинская письмо, помѣченное 28. янв. с. г., отъ Вл. Юркевича, который сообщаетъ, что о. І. Потерейко освобожденъ еще въ ноябрѣ. Такихъ освобожденныхъ здѣсь много, но они объ этомъ ничего не знаютъ и сидятъ здѣсь дальше безконечно долго.

Если бы его и его отца выпустили на свободу, а меня конфинировали съ опредѣленіемъ мѣста моего пребыванія, оба они рѣшились бы жить вмѣстѣ со мною.

Жду полученія около субботы извѣстій отъ брата Іосифа или же отъ Янка, его сына, какъ удастся ему его миссія въ Граці.

Вчера дали намъ на обѣдъ капустьякъ, но безъ мяса. Капуста же недоварена и жестка.

Согласно газетнымъ извѣстіямъ во Вѣнѣ выдаютъ карточки и на молоко, а не только на хлѣбъ и муку. Свѣше 200 фирмъ, торгующихъ мукою, закрыто изъ за недостатка муки. Булки изъ пшеничной муки на дрожжахъ дозволено печь только дважды въ недѣлю, да и то изъ черной муки.

Масло до сихъ поръ удается намъ въ кантинѣ доставать, но предчувствуемъ, что вскорѣ его лишимся. Молока все меньше и меньше. Теперь продаютъ кислое по 32 гел. за литръ и народъ покупаетъ, но не мы.

Купилъ открытку изъ Талергофа за 70 гел. отъ о. Сеника. Говорятъ, что онъ купилъ 100 открытокъ по 40 гел. и въ мигъ распродалъ ихъ. Такъ люди торгуютъ, чѣмъ только могутъ. Гисовскій сидитъ въ трафикиѣ и продаетъ табакъ. Изъ-за этой торговли и др. нев-

згодъ нашего здѣшняго положенія ходятъ иногда неприятныя и некрасивыя исторіи. У нѣкоторыхъ этика пошатнулась и пала. Кое-кому вѣроятно послѣ освобожденія будетъ даже стыдно возвращаться на родину.

Трудно, конечно, выяснитъ и установить, что именно сильнѣе и въ какой степени расшатало нравственные устои нѣкоторыхъ лицъ: одно ли только пребываніе здѣсь, или же, помимо него, вызванное войною общее паденіе нравовъ, а только фактъ на лицо — нѣкоторые люди этой нынѣшней огненной пробы не вынесли и пали. Они не боятся ни Бога, ни смерти. Не боятся теперь и здѣсь, когда всякій долженъ быть готовъ и ожидать, что, слегши въ госпитальную постель, больше съ ней не поднимется, внезапно переселится въ вѣчность. Видно ко всему человѣкъ постепенно привыкаетъ даже къ леденящему сердце и душу зрѣлищу многихъ новыхъ гробовъ — а бывало ихъ иногда и по 40 штукъ въ день — и ничего уже его не трогаетъ, такъ какъ и со всѣмъ этимъ освоился уже и окаменѣлъ. Подобно какъ и на полѣ брани привыкаютъ къ виду ужасныхъ раненій, увѣчий, рѣзні, убою, отчаяннымъ стенаваніямъ, воплямъ гибнущихъ и множества разлагающихся труповъ уже погибшихъ.

Въ бараки служимъ ежедневно молебень или акафистъ, чѣмъ огорчены молодые К—ки и Г—ки (попозици!), особенно К—ки ведутъ себя грубо и подрываютъ религіозныя чувства у другихъ. Вотъ, одна часть — правда, къ счастью ничтожная, — нашей молодежи, такой до сихъ поръ всегда благовоспитанной, дисциплинированной, благородной, патриотичной. На такихъ, уже надломленныхъ, не дѣйствуетъ уже увѣщательное слово о патриотизмѣ, даже о православіи, потому что они извѣрились во всемя и отравлены ядомъ безвѣрія. А такъ какъ вообще плохо воспитанъ, скорѣе же вовсе не воспитанъ, то не желаютъ да и не умѣютъ показатъ себя культурными людьми, ни отнестись съ уваженіемъ къ религіознымъ чувствамъ другихъ, ни даже оставитъ въ покоѣ молящихся. Видѣ молящагося ихъ озлоб-

ляеть. Видно, они и дома не привыкли видѣть молящихся, а если это такъ, то въ ихъ поведеніи повинны и ихъ родители.

Но за то есть цѣлый рядъ священниковъ, которые именно здѣсь, въ это время и въ этихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, проявляютъ чрезвычайное

I. ТАЛЕРГОФСКИЕ ТИПЫ.

Рисунки, сдѣланные тамъ же и тогда же карандашемъ талергофцемъ бл. п. д-ромъ Ярославомъ Гелятовичемъ, а послѣ выведенные тушью жинпо. Ст. Томасевичемъ.

Увы, сильно здѣсь опустились и нѣкоторые священники: не заглядываютъ въ молитвословъ, не исполняютъ своихъ священническихъ обязанностей по крайней мѣрѣ про себя и для себя.

душапастырское усердіе. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоитъ здѣсь и свѣтитъ другимъ особенно яркимъ образцомъ самопожертванія и благочестія о. Вл. Венгриновичъ. Выдаются же

и отличаются в числе многих оо. Пантелеймонъ Скоморовичъ, Ст. Яворскій, Гелитовичъ, Дуркотъ, Гр. Процькы, Чекалюкъ, Ф. Ковальскій, Крушинскіе и др.

Благодаря стараніямъ Шорша будемъ отъ днесь получать ежедневно „Neue Freie Presse“ вь полную нашу собственность, за что будемъ платить по 30 кронъ въ мѣсяцъ. У насъ это большой прогрессъ. Доставляющей субъектъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ 60 кронъ.

Вечеромъ померь о. Дроботъ.

Пѣвца Держка замкнули въ одиночное заключеніе на 6 часовъ и заковали его въ т. наз. перекрестные кандалы (Sprangen).

(*Особ. зам.*) Даты отправленія нами личныхъ и общихъ писемъ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ:

Apostolischer Nuntius, Wien, 21/X, 1914.
Cardinal Piffi, ... 30/XI, 1914.
Nuntius, ... 1/XII, 1914.
Cardinal Piffi, ... 12/XII, 1914.

23. марта. — Крѣпкій приморозокъ. Ночью болѣлъ у меня зубъ. Нестеракъ принесъ стихотвореніе, посвященное о. Вл. Венгриновичу. Хорошо оно написано — будетъ оно у насъ на память. Бандоровскій сдѣлалъ къ нему виньетку.

Утромъ Ш. принесъ извѣстіе, что П. (*сремилля*) палъ. Говорятъ, что эта вѣсть вѣрна, такъ какъ и въ газетахъ приведена.

Всѣмъ обитателямъ нашего барака приказано вынести всѣ вещи во дворъ и въ баракъ произведена дезинфекція, опрыскивали всю посуду, постели, одежду, обувь, столы, пѣлъ и т. д. такъ обильно, что даже отъ этого грязь подъ ногами сдѣлалась. Къ счастью, послѣ утренняго приморозка, днесь день хорошей и теплой. Говорятъ, что пополудни всѣ пойдемъ въ баню.

Къ 1-му апрѣля будетъ — говорятъ — карантинъ отбѣненъ. Быть можетъ, всѣ врачи и офицеры страстно желаютъ на Пасху выѣхать въ Грацъ. Увидимъ.

Когда мы возвратились изъ бани, увидѣли, что во всемъ баракѣ ужасная грязь, сѣнники же наши до того мокры, что не знаешь даже, какъ на нихъ намъ

спать придется, лучше ужъ ихъ отставить, а завтра высушить.

Наша Postwache (караульная стража) днесь забавлялась и веселась. Они говорятъ, что паденіе П. (*сремилля*) знаменуетъ, согласно ихъ пониманію и сердечному желанію, близкое окончаніе войны. И имъ, наконецъ, соскучилось и прѣлось. Они — старые сполченцы, дома оставили свои семьи и сильно тоскуютъ. Вотъ, предвѣра (третьего дня) одинъ изъ нихъ получилъ изъ дому письмо съ извѣщеніемъ, что его жена и дѣти погибли съ голода, и затѣмъ пустилъ себя пулю въ лобъ.

Въ 3 ч. состоялась панихида по пок. православному священникѣ о. Дроботѣ въ часовнѣ, служили оо. Маковевичъ и Тофанъ, пѣлъ нашъ хоръ. Всѣ жалуютъ о покойникѣ.

Спали мы на мокрыхъ сѣнникахъ. 24. марта. — Морозъ. Сѣнники и днесь еще сушимъ.

Нашъ крестьянинъ-поэтъ принесъ собою написанное стихотвореніе, посвященное также о. Вл. Венгриновичу. Это — красивое стихотвореніе, написанное по галицко русски.

(*На этомъ записи Дневника въ III тетрадь обрываются, остальнымъ 8 картонкамъ, т. е. 16 страницъ, заполненнымъ епископи оригинальныхъ стихотвореній Нестерака и др. неказанныхъ лицъ, — все на русскомъ языкѣ.*)

(*Четвертая тетра.*) 24 марта. — Днесь начался нашъ трехнедѣльный карантинъ. Говорятъ, что по истеченіи этого срока насъ отсюда разгонятъ.

Д-ръ Могильницкій говоритъ, что въ настоящее время есць всѣхъ больныхъ 1.030 чел., въ этомъ числѣ 90 чел. больныхъ тифомъ, прочіе же считаются выздоравливающими или страдающими иными разными болѣзнями. Бѣтъ нечего говорить д-ръ Могильницкій — и реконвалесцентамъ придется вѣроятно умереть съ голода. Теперь уже нѣтъ даже ячной каши ни „грисника“, а только еще немножко риса.

Съ вчерашняго дня намъ подають утромъ кофей вмѣсто супа, крестьянамъ же подають подобіе супа, т. е. въ сущности воду помойнаго вида.

Вечеромъ у меня сильно разболѣлся зубъ и донималъ всю ночь — мало спалъ я.

25. марта. — Ходилъ въ амбулаторію, но никого тамъ не засталъ. Днесъ латинскій праздникъ (Zwistowanie — Благовѣщеніе) и быть можетъ, по той причинѣ врачи отсутствуютъ.

Вчера читали мы н рѣ „Neue Freie Presse“, съ описаніемъ о слачѣ Перемышля. Тамъ стоилъ корецъ картошки 60 кронъ, одно яйцо 1-50 кр., головка капусты 6 кронъ. Идетъ ожесточенный бой на Ужокскомъ перевалѣ, исхода его можно ожидать днесъ или завтра.

(*Особая записка*): Послѣ арестованія о. Кокотайла и его жены въ с. Туринкѣ, жандармы произвели очень тщательный обыскъ въ его домѣ и на вышкѣ нашли маску чорта, которую употребляли, устраивая любительскіе спектакли во время Рождественскихъ праздниковъ любители актеры. Маска была громадныхъ размѣровъ — цѣлая голова съ рогами. Жандармъ наткнулъ эту маску на штыкъ и какъ *corpus delicti* представилъ старостѣ въ Жолквѣ. Получился такой спектакль: жандармъ везъ на телѣгѣ въ городъ закованныхъ въ кандалы нѣсколькихъ русскихъ крестьянъ „измѣнниковъ“ и сидѣлъ между ними съ высоко поднятой маской чорта на штыку. Когда такъ проѣзжали уллицами Жолквы, выпавшая на улицу толпа не могла вдоволь нарядоваться этимъ зрѣлищемъ, она бѣжала за телѣгой и кричала: „смотри, смотри, нашли російскаго чорта у священника въ Туринкѣ!“ Даже театральная маска стала поводомъ и уликой для арестованія русскихъ галичанъ.

Днесъ двое крестьянъ при извѣстіи о паденіи Перемышля обнаружили въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ свою радость по этому поводу, какой то подлецъ сейчасъ на нихъ сдѣлалъ доносъ и вскорѣ обоимъ несчастныхъ схватили и сдѣлали имъ Anbinden, т. е. подвѣсили ихъ на столбѣ.

Въ 3 ч. состоялись похороны о. Кузьмаки изъ Перемышльской епархіи. Пѣлъ хоръ.

Зубъ пересталъ меня болѣть — слава Тебѣ, Господи, — и я спалъ хорошо.

26. марта. — Пасмурно и вѣтренно. Ожидая вѣсти отъ Іосифа или его сына Янка, если поѣхалъ въ Грацъ.

Говорятъ, что уже третій день лежить въ госпиталѣ сынъ гимназиста д-ра Могильницкаго. Онъ всегда ходилъ безъ шляпы чтобы этимъ „закалить“ себя, и возможно, что простудился.

Днесъ возвратились изъ госпиталя г. Сандовичъ и его сынъ. Оба здоровы.

Нѣкоторые изъ оставшихся здѣсь въ заключеніи дальше, воспользовавшись случаемъ, передали все таки частныя письма выходящимъ на свободу для отправки по адрессамъ. Вышедшіе же были столь неосторожны, что сдали ихъ на почту на ближайшей станціи Лугингамъ, а почта вмѣсто того чтобы отправить ихъ по адресу, передала ихъ въ Zeilting-Thalerhof. Теперь вышли у насъ здѣсь изъ-за этого большія не-пріятности. Допрашиваютъ тѣхъ, кто писали эти письма. Дѣло въ томъ, что у насъ эпидемія, а эти письма не были дезинфекционированы.

Днесъ (пятница) подали намъ только кукурузный „чиръ“ (похлебку). Слышимъ также, что во Вѣнѣ пекутъ теперь лишь кукурузный хлѣбъ, но и такой будто очень дорогъ.

(*Слѣдуетъ на 1^{1/2} стр. текстъ сочиненной поддѣлкимому князю-то изъ заключенныхъ патристической писки, начинающейся: „Эй, Русь Червоная...“ а на слѣд. стр. почти къ первой ея стробѣ*).

Ходятъ слухи, что будто во Вѣнѣ вспыхнули бунты изъ-за недостатка хлѣба. Власти призвали себѣ на помощь войско, которое будто бы стрѣляло въ толпу.

Мясо живого вѣса 1'80 во Вѣнѣ.

Намъ подаютъ супъ почти безъ мяса, а крестьяне и вовсе его не видятъ.

27 марта. — Суббота. Узнаемъ, что въ Прагѣ и Вѣнѣ вспыхнули волненія голодныхъ массъ и что ожидаютъ такихъ же волнений и въ Будапештѣ, куда уже отправлены для ихъ подавленія, 6000 солдатъ изъ гарнизона въ Грацѣ.

Полуполднъ получилъ я письмо отъ моего сына Богдана изъ Младого Бодеслава. Я весь дрожалъ отъ волненія, когда читалъ адрессъ, написанный его

почеркомъ. Письмо помѣчено 24-мъ с. марта 1915 г., писано чужою рукою (не знаю почему), лишь подпись его Bohdan. Онъ сообщаетъ, что 26-го сент. былъ взятъ въ армію, 26-го окт. придѣленъ уже къ своему 55-му полку и былъ даже разъ уже „im Feldzug“, но заболѣлъ катаромъ кончинъ лѣвой половины легкихъ и ему дали отпускъ по 15-е апрѣля 1915. Отъ директора своей фабрики узналъ, что я (кажется въ январѣ) спрашивалъ телеграммой, что съ нимъ случилось, и онъ тамъ узналъ о моемъ мѣстопребываніи и немедленно написалъ. Сообщаетъ, что живетъ „у одной хорошей семьи“. На какія средства?

Письмо это доставило мнѣ много радости. Я же неразъ думалъ, что онъ, быть можетъ, и не живетъ. Но благо и милостивъ Господь. Молюсь я за себя и семью мою, молятся навѣрно и другіе за нее, и Господь вынелегъ нашимъ молитвамъ, и не хватаетъ словесъ и силъ достойно возблагодарить Его за всѣ оказываемыя намъ Его благодѣянія.

Богданъ долженъ 16 апр. явиться въ своемъ полку, расквартированномъ теперь въ мѣстечкѣ Voitsberg ad Graz. Онъ опять пойдетъ на войну, но я вѣрю и уповаю, что, если такъ съ нимъ будетъ, ему по волѣ Твоей, Господи, не приключится ничего худого, и что онъ живъ останется.

28-го марта. — Цвѣтоносная недѣля. Ни одна ваія нигдѣ не замѣтна въ Талергофѣ, а только каждый мысленно и душевно пребываетъ между своими тамъ, на родинѣ, и чувствуетъ, что и имъ тамъ тяжело праздновать сегодняшній день, не видя насъ въ своей средѣ.

Никто, ни Качала, ни Юсифъ, не пишутъ мнѣ! Вотъ и довольны, что сами на свободѣ, и позабыли о насъ.

Я рѣшилъ завтра выслать Богдану по телеграфу 50 кронъ и сообщить, что я здоровъ. Онъ бѣдняжка спрашиваетъ про мамашу и сестеръ, но я самъ ничего не знаю, но предполагаю, въ сильномъ упованіи на милость Божию, что всѣ онѣ здоровы.

Наличныхъ денегъ у меня нѣтъ, есть только депозитъ въ 380 кронъ, по-

тому мнѣ придется занять у о. Вл. Венгриновича.

Мы (четверо сожителей) выписали себѣ медъ (— 5 *аллер?*) жестянка. Стоитъ 10 кронъ а здѣсь, въ розничной продажѣ стоитъ 1 клгр. 6 кронъ.

Говорятъ, что 4-го апр. прекратится карантинъ и что многихъ выпустятъ или на свободу совсѣмъ или на конфинацію, хотя и эта „воля“ теперь даже не особенно заманчива въ виду ужасной дороговизны и голода. Здѣсь мы — разсуждаютъ нѣкоторые — все таки получаемъ какую то пищу, хотя и скверную и въ скудномъ количествѣ, а „на свободѣ“ можемъ, даже имѣя деньги въ карманѣ, голодать.

Когда Господь умилосердится надъ людьми, отвернетъ свою карающую руку и подастъ миръ и покой страждущему человѣчеству?

Д-ръ Собинъ и Ярославъ Гелитовичъ попали въ Einzel-ки (одиночное заключеніе) на сутки за то, что передали письма чрезъ выходившихъ на свободу. Караульные очень бѣсятся, не знаютъ, изъ-за паденія ли Перемышля или же по какому-то другому, намъ еще неизвѣстному поводу. Вообще усилились злоупотребленія и досаждения... Собинъ является офицеромъ и заявилъ это профосу, въ отвѣтъ получилъ: *das macht nichts!* (это ничего!) и повелъ ихъ обоихъ въ одиночное заключеніе.

(Особая записка.) По сообщеніямъ и записямъ, составленнымъ участниками (обвиненными) въ процессѣ передъ военно-полевымъ судомъ въ Новомѣ Санчѣ, 26-го сентября 1914 г.

Обвиненные въ государственной имѣннѣ:

1. Владиміръ Теофиловичъ Качмарчикъ, студентъ юридическаго факультета, род. 5-го іюля 1892 г. въ Бѣлцаревой;

2. Свящ. о. Петръ Васильевичъ Сандовичъ, настоятель прихода въ Брунарахъ выжнихъ, деканъ (благочинный) Мушинскій;

3. Антонъ Петровичъ Сандовичъ, студентъ философскаго факультета;

4. Свящ. о. Влад. Осип. Мохначій, завѣдующій приходомъ въ Чирной, род. 20-го марта 1870 г.;

7. Г-нъ Любоміръ Теофиловичъ Качмарчикъ, нотаріатскій кандидатъ, род. 15-го авг. 1878 г.

Обвинительный актъ гла-
силь:

II ТАЛЕРГОФСКІЕ ТИПЫ И СЦЕНЫ.

Рисунки карандашъ д-ра Я. Гелятовича, репр. тушью Ст. Томасевича
(см. выше рис. I.)

5. Свящ. о. Теофілій Омичъ Качмарчикъ, настоятель прихода въ Бѣлцаревой, род. 23-го окт. 1843 г.;

6. Свящ. о. Василій Степ. Курило, настоятель прихода въ Флоринкѣ, род. 11-го авг. 1861 г.;

Es stehen hier die Angeklagten, lauter Russophilen, die Genossen dieser verätherischen Partei, durch welche hunderte und tausende von unserer Mannschaft in Ost-Galizien zugrunde gegangen sind. Wie die Genossen dieser Angeklagten durch

die Agitation unter der ruthenischen Bevölkerung in Ost-Galizien Grund und Boden für den Ueberfall der Russen vorbereitet haben, so haben die Angeklagten dasselbe in west-galizischen Bezirken getan. Auf Grund dessen stelle ich den Antrag, diese Kreaturen standrechtlich zu behandeln... и т. д. (*Въ переводѣ*: Предстали здѣсь обвиненные, исключительные одни руссофилы, члены той измѣнической партіи изъ-за которой сотни и тысячи нашихъ воиновъ въ восточной Галичинѣ погибли. Какъ товарищи этихъ обвиненныхъ, своей агитаціей среди малорусскаго населения въ восточной Галичинѣ, подготовили почву для русскаго нападенія, такъ эти обвиненные сдѣлали то же въ западно галицкихъ уѣздахъ. На основаніи этого ставлю предложеніе на осужденіе этихъ креатуръ военно-полевыхъ судомъ...)

Свидѣтели:

1. Свящ. о. Василій Смолинскій, настоятель прихода въ Ростокахъ вел.;
2. Свящ. о. Іоаннъ Гринчукъ, настоятель прихода въ Матіевой;
3. Гуцулякъ, нар. учитель изъ Избъ;
4. Евгенія Димитчукъ, изъ Избъ, родственница Гуцуляка;
5. Вознякевичъ, изъ Избъ, родственникъ Гуцуляка;
6. Байстей, изъ Избъ;
7. Свящ. о. Михаилъ Дороцкій, изъ Злоцкаго;
8. Михаилъ Михадъскій, изъ Тылича;
9. Антонъ Гусакъ, учитель изъ Мохначки;
10. Антонъ Юрчакъ, бурмистръ изъ Мушины;
11. Ома Фуртакъ, инспекторъ полиціи изъ Родалина возлѣ Тарнобржега;
12. Франць Баусъ, эксъ-жандармъ изъ Тылича;
13. Яковъ Харина, изъ Матіевой;
14. Димитрій Суличъ, изъ Складистаго;
15. Апполлинарій Нестеракъ, изъ Тылича;
16. Stein, изъ Снѣтницъ;

17. Григорій Баць, вице-вахмистръ жандармеріи;

18. Гольдштейнъ, шинкаръ изъ Перунки.

Показанія свидѣтелей:

Свящ. о. Василій Смоликовскій заявляетъ, что знаетъ обвиненныхъ: священниковъ лично, а мірянъ по слухамъ. Всѣ они причисляются къ руссофильской партіи. Сыновья о. Качмарчика принимали дѣятельное участіе въ открытіи чигаленъ и въ такомъ же торжествѣ въ Ростокахъ вел. Обинная деканальный чинъ, о. Сандовичъ заявилъ въ своемъ окружномъ посланіи къ деканальному духовенству, что какинъ былъ до сихъ поръ, такимъ останется и въ будущемъ, и что будетъ трудиться въ пользу русскаго народа.

Аудиторъ: Почему вы такъ говорите?

Св. о. Смоликовскій: Ибо въ этомъ посланіи о. Сандовичъ написалъ, что будетъ трудиться въ пользу русскаго народа, а слово „русскаго“ написано тамъ чрезъ двойное с („сс“), значитъ, русскаго.

Тутъ о. Сандовичъ заявляетъ, что не помнитъ, написано ли тамъ слово „русскій“ чрезъ одно „с“ или двойное.

Для доказательства сказаннаго тутъ о. Смоликовскій представляетъ списокъ этого посланія.

Гуцулякъ: Всѣ обвиненные причисляются къ руссофильской партіи. Два священника, о. Качмарчикъ и о. Курило, создали въ Снѣтковой собраніе, но сами въ немъ не присутствовали, а сидѣли въ крестьянской хатѣ и тамъ агитировали между крестьянами и такъ ихъ подстрекнули, что крестьяне угрожаи, что меня убьютъ камнями, и потому я изъ собранія удралъ, за что я и постановилъ отомстить имъ обимъ или самолично или же чрезъ моихъ конфидентовъ. Мы слѣдили все время за ихъ руссофильской дѣятельностью, чтобы видѣть, какъ они будутъ отплачивать нашей монархіи, за хлѣбъ отъ нея получаемый. Итакъ узналъ я, что о. Качмарчикъ публично, въ церкви, приводилъ

народъ къ присягѣ на то, чтобы не стрѣлялъ въ „москалей“, а объ этомъ сказалъ мнѣ Юлианъ Ванько изъ Избѣ, слышавшій отъ людей изъ Бѣлшаревой. А о. Курилло подговаривалъ людей во время св. исповѣди и также ихъ „заприсягалъ“ публично въ церкви, чтобы въ „москалей“ не стрѣляли. Объ этомъ говорили мнѣ крестьяне изъ Флоринки, везше мяна.

Гольдштейнъ, шинкаръ, обвиняетъ о. Мохнцкаго въ томъ, что есть россійскимъ агитаторомъ, что собиралъ отъ прихожанъ деньги и посылалъ ихъ въ Россію на военныя цѣли и т. п.

Былъ вчера и другой примѣръ жестокости: За какіе-то мелкіе проступки вызвалъ профось 5 женщинъ и заявилъ имъ по очереди, что приговариваетъ ихъ къ Einzelarrest-у (одиночному заключенію), первую юзя нахъ на одни сутки, вторую на двое сутокъ и т. д., а пятую на 5 сутокъ. Услышавъ такой страннѣйшій приговоръ, послѣдняя, т. е. пятая, улыбулась. За это онъ еще особо и добавочно наказалъ ее подвѣшеніемъ (anbinden). Что за безчеловѣчность наказывать слабую женщину такой пыткой, которую примѣняютъ рѣдко даже къ солдатамъ въ арміи.

Еще одна новая перемена и къ худшему: Нашъ кап. S, котораго мы, было, считали при режимѣ Ш. все таки человекомъ, теперь, повидимому, раздражаетъ ему. Новый полковникъ, видно, нашими дѣлами не занимается, а оставилъ все кап. S. Говорятъ, что старикъ — любезный человекъ.

29. марта. — Страстной понедѣльникъ. Снѣговая туча. Я не спалъ почти всю ночь, зубъ меня болѣлъ. Послѣ обѣда (бѣлъ конечно мясо, ибо нечего бѣсть) выслалъ телеграмму и 50 кронъ B гданю.

(Особая записка — черновикъ телеграммы: 29 — III. — Böhmen Jungbunzlau Bohdan Maszszak Rybnicnagasse 237. — Ich gesund vom Hause (вечер. der Familie) keine Nachricht telegraphisch 50 Kronen schreibe an küsse dich — Johann).

Получилъ письмо отъ Янка Мащака. Пишетъ, что по нашему дѣлу былъ

во Вѣнѣ у о. Филаса и, взявъ у него письмо, поѣхалъ въ Грацъ къ д ру Ганкевичу. Сообщаетъ адресъ Курки, онъ въ Пютрковѣ, она съ дѣтми во Вѣнѣ, былъ навѣрно у ней, такъ какъ сообщаетъ, что она обѣщала дать письмо къ мужу. Увидимъ, поможетъ ли все это хоть кое что.

Слышно, что карантинъ будто еще будетъ продолженъ по 14-ое апрѣля. Цѣлое несчастье! Невозможно куда-нибудь ничего писать. Изъ Галичины получаютъ письма, на конвертахъ которыхъ уже значится русская почтовая стампилья мѣстности отправления и такыя сюда доходятъ. На-дняхъ получилъ о. Левъ Кордасевичъ такое письмо изъ Львова. Лишь мы одни сидимъ и сидимъ, совершенно не зная, извѣстилъ ли кто нашихъ о мѣстѣ нашего теперешняго пребыванія, или нѣтъ и живы ли они. Вотъ вопросъ для насъ самый животрепещущій. Недоумѣваю, какъ такъ они до сихъ поръ не могли намъ ничего написать. Предполагаю, что Дозьво на Львовѣ, а вѣдь же тамъ онъ могъ найти путь, которымъ удалось бы отравить намъ письмо. Разъ мы будемъ на свободѣ, — если Господь позволить — такъ будемъ писать черезъ международное бюро въ Румыніи или въ Копенгагенѣ.

Здѣсь о. Феодосій Дуркотъ устроилъ чтеніе сочиненія Св. Іоанна Златоуста „О священствѣ“. До и послѣ обѣда собирается въ его кабинетъ нѣсколько священниковъ, чтобы это чтеніе послушать.

Стоящій у барака № 30 „постъ“ (караульный) получилъ письмо отъ жены, которая сообщаетъ ему, что она съ дѣтми погибаетъ отъ голода. Заплакалъ бѣднякъ какъ ребенокъ. Мы имъ заинтересовались и одинъ (Шоршъ) пошелъ по бараку и собралъ для него 20 кронъ. Получивъ этотъ подарокъ, „постъ“ — онъ чехъ — поблагодарилъ сердечно и еще сильнѣе расплакался.

30. марта. — Спалъ хорошо. Зубъ не болѣлъ благодаря лекарству, которое мнѣ Стиранка доставилъ.

Чистка бараковъ №№ 27, 28 и 29. Послѣ чистки эти бараки будутъ лизировать, а людей изъ нихъ отправятъ

въ баню. Бѣднякамъ приходится плохо. Днесь очень хо одно и люди мерзнуть, стоя и дрожа весь день на дворѣ. Замѣтить должень, что эти люди еще не были въ банѣ (я былъ уже 5 разъ).

Эпидемія повидимому гаснетъ. Бываютъ уже дни, въ которые нѣтъ ни одного мертвеца.

(*Особ. записк* — черновика телеграмм: 30/III — Joseph Johann Maszczak — Kamitz bei Bielitz — Hotel Werner — Danken herzlich für (зачер. günstige) Nachricht vergesse unser nicht beschleuniget wir gesund fröhliche Ostern — Johann senior et junior, т. е. адресъ и: благодаримъ сердечно за (благоприятное) извѣстие, не забывайте насъ, послушайте, мы здоровы, веселой Пасхи!)

Днесь прочли мы въ „Gratzer Tagblatt“, что власти съ величайшей спѣшностью будутъ строить еще много новыхъ бараконъ въ Талергофѣ и эта вѣсть толкуется теперь нами на всѣ лады.

Днесь занялъ я у о. Вл. Венгрина 50 кронъ. Заявление подписалъ я и Янко. Заявить можетъ еще до отъѣзда Богдана въ полкъ, я смогу еще ему кое-что послать. Ахъ, Господи, кобы онъ избавился отъ этого и не уѣхалъ! А впрочемъ, воля Божія...

Получилъ открытку отъ Н. Крашицаго изъ Tuggach bei Predlitz, Obersteier, изъ которой видно, что тоскуеть по родинѣ (Heimweh), платить по 70 кронъ въ мѣсяцъ и пр.

Laiss чрезъ о. Еднакаго указэль о. Ст. Яв. (орскому), на путь, какъ можно бы сообщить роднымъ о нашемъ здѣсь пребываніи. Довольный о. Ст. отъ правилъ за инструкціей къ о. Еднакому, хочемъ воспользоваться и написать. Дай Богъ, чтобы это увѣчалось успѣхомъ.

31. марта. — Великая среда. Холодно. Снѣгъ налетаетъ.

Померъ о. Сѣнгаевичъ, молодой человекъ, жившій въ нашемъ баракѣ.

Жалуются что теперь никто не ухаживаетъ за больными, съ уходомъ д-ра Zins-a все ухудшилось. Больнымъ не даютъ лекарствъ. Плохо.

Днесь выслали мы оба съ о. Ст. Яворскимъ письмо на родину чрезъ бю-

ро Петръ Тененгофъ въ Бухарестѣ. Вчера о. Стефанъ спросилъ Лайса и онъ указаль путь. Хорошій человекъ. Въ видѣ гонорара, а также на издержки получилъ въ особомъ денежномъ конвертѣ 10 кронъ. Радуюсь, въ предположеніи, что письмо дойдетъ и что получу отвѣтъ. Какой радостный день это будетъ для меня!

Мяса днесь не ѣдимъ. Старый П. купилъ для насъ трюхъ 2 л. молока и бохонецъ кукурузнаго хлѣба за 44 гел., такъ и есть чѣмъ прокормиться. Медъ намъ вкусенъ и минуетъ быстро.

(*Особая записк набр. письма*): Wir wohnen mit Janko und seinem Vater in viere mit Notar Telesnicki zusammen im Internierten Lager im Thalerhof bei Graz und sind alle gesund. Wir (зачер. leben) bekommen Militärkost, ausserdem Kongrua-Gehalt. Bohdan (зачер. bei Militär) gesund in Jungbunzlau. Ich habe ihm 50 Kronen geschickt. Bruder Joseph, Kazala und Nikolaus sind auch gesund. Benachrichtige Nadia soll sie (зачер. vom Inhalte dieses Briefes) an Janko schreiben. Antworte mir (зачер. Kurz deutsch...) mit Nadia und schreibe was zu Hause unter dem... *неразб.* geschieht... *неразб.* bez. legt eigenhändig eure Vornamen. Wasyl ist auch gesund. Ist Dosio noch in Lipica? Wer vertritt mich in der Pfarre? Antworte unter der Adresse: Peter Tenhof Spediteur Bucarest Strada Smarkun (*не разб.*) 15 — Ich küsse Dich, Sonia, Wiera, Dosio und alle übrigen in der besten Hoffnung Euch gesund zu sehen. 31./III. 1915, письмо въ Липицу).

Съ Великаго понедѣльника устраиваетъ о. Феодосій Дуркотъ въ своей кабинетѣ чтеніе твореній Св. о. Іоанна Златоуста. Въ теченіе 2 дней, читаль о. Феодосій „О священствѣ“, а теперь читаетъ „О покаяніи“. Участвуетъ и мірская интеллигенція.

Въ 8 ч. пришелъ Тимчакъ съ солдатомъ и забралъ адвоката д-ра О. Крушинскаго въ Einzelarrest, не сказавъ ни слова о причинѣ арестованія. Это вызвало изумленіе и догадки всякаго рода. Быть можетъ завтрашній день разяснитъ намъ всю эту таинственность. Говорятъ, что Тим. сказаль будто бы д ру К.: wegen (зачер. polit...) russophilen Pro-

pauganda! Говорят, что В. Б. слышалъ въ канцелярии, какъ Т. телефонировалъ въ Грацъ и услыхалъ, что произнесена была фамилия адвоката.

Въ 3 ч. отслужена была панихида по пок. о. Сѣнгалевичѣ.

Апрѣль 1915 г.

1. апр. — Страстный четверг. Слава Богу, зубъ пересталъ болѣть. Спаль хорошо. На дворѣ холодно, пласты снѣга на крышахъ.

(въ золотѣ) какъ плату за Ausfuhr. Хорошій нейтралитетъ, — возмущается — грабительство! Того же самаго можно ожидать и со стороны Италіи. Тамъ тоже идегъ все время перфидная игра съ самаго начала.

Относительно арестованія д-ра Крушинскаго ходитъ молва, что будто какіе-то крестьяне при допросѣ сослались на него, что они-де узнали его (но что?) отъ него и потому, молъ, его арестовали. Слѣдовательно не попусту

III. ТАЛЕРГОВСКАЯ СЦЕНА:

Подъ угрозами и побоями галицко-русскаго уніатскаго (гр.-кат.) священника о. Г. П. везетъ на тачкѣ еврея въ еврейскій Судный день (вѣдьмъ еврей везъ въ тачкѣ его).

Въ алой памяти царствія его архикатолическаго и „апостолическаго“ величества Франца Іосифа I, жестоко издѣвались надъ галицко-русскаго священниками, хотя и уніатами, т. е. догматически привязанными католиками, только за то и потому, что они русскіе, совершенно не считаясь и не стѣсняясь надъ духовнымъ саномъ, а скорѣе напоитивъ, тѣмъ паче, злобѣе, грубѣе и безчеловѣчнѣе.

Изъ Галичины газетныя вѣсти таковы, что австрійская армія вытѣснила русскія войска, ажъ за Новоселицу, а въ Карпатахъ держится стойко и крѣпко, и вообще австро-нѣмецкія войска бодры. Но возмутительно поведеніе перфидной Румыніи! Австрія — какъ было сообщено въ „Grazter Tagblatt“ отъ 30/III — купила въ Румыніи 200 вагоновъ кукурузы, но „нейтральная“ Румынія потребовала по 3.000 франковъ отъ вагона

люди сѣтовали на Тимчака.

Днесь получилъ письмо Express отъ Іосифа. Оно пространно. Онъ доволенъ, что наконецъ вырвался и находится въ средѣ своихъ дѣтей и играетъ со внукомъ Стефаномъ. Желаетъ намъ тоже скорого и благополучнаго освобожденія.

Вчера были заключены въ Einzelku 6 крестьянъ по чьему-то доносу, что они пѣли русскія пѣсни. Это что-то не такъ. Вѣдь-же здѣсь можно пѣть и по-

ють пісні німецькія, італіанскія, польскія, чешскія і др. Діло вбродятно не вь томь, на какомь языкѣ пѣсни пѣлись, а вь томь, какь и что вь доносѣ было сказано о ихъ содержаніи, а что было относительно этого что-то соврано, это видно.

(*Особая записка — черновикъ телеграммы.* 1/IV 1915. — Herrschaft Kurka, Wien VI, Marchetti(?) gasse 1 a, Tür 51. — Erwarten günstige Nachricht und wünschen fröhliche Ostern. — Maszczak Poterejko).

Франку Горянскому далъ взаймы 5 кронъ (вмѣстѣ съ прежними 10 кронъ) Днесь ѣли мы рисовый супъ, а мясо отдали голодающимъ людямъ. Трудно здѣсь голодающимъ изнурять себя еще постомъ.

Намъ заявлено, что завтра у насъ ожидается визитъ какой-то комиссії. Поэтому приказано помыть полъ корридоръ, кабины и пр. Говорятъ, что отъ этой комиссії зависить, будетъ ли отмѣненъ карантинъ караульныхъ солдатъ и будетъ ли разрѣшено нашей т. наз. Bewachungskommando выѣхать (конечно, не вѣзмъ) къ роднымъ на Паску. Вѣдь же у нихъ есть также семьи и они, бѣдняжки, сидятъ здѣсь, оторванные отъ міра, уже свыше 3 мѣсяцевъ.

На дворѣ прояснилось, стало свѣтитъ и даже пригрѣвать солнышко — отраднѣ и на душѣ не одному изъ насъ.

Вечеромъ, въ 7 ч., отслужили мы „Страсти“. Двѣнадцать священниковъ по старшинствъ прочитали Евангелія. Началь о. Іоаннъ Могильницкій, я читалъ пятое Евангеліе, а закончилось богослужение въ 8 ч. 30 м.

2. апр. — Великая пятница. Ожидаемаго визита комиссії не было.

Въ 10 ч. отслужили мы Царскіе часы. На обѣдъ полученъ кукурузный чирь, смазанный цересомъ съ цыбулею. Мы ничего не ѣли до обѣда всѣ вь кабинѣ (а кажется, что и нѣкоторые вь баракѣ). Въ 4 ч. отслужили вечерню. Предложили мнѣ отслужить, но у меня сильная хрипота.

Старый подблалъ вь кантинѣ „свя точныя“ (пасхальныя) покупки: масло

свѣжій сыръ, бохонецъ кукурузной паланички (за 44 гел.) и еще кое что.

Захворалъ вчера о. Θεодосій Дуркотъ. Родъ болѣзни еще не опредѣленъ — кажется, воспаление легкихъ.

Вечеромъ ходилъ я съ другими по-смотриѣть „Божіи гробы“ вь земляныхъ 1-мъ и 2-омъ баракахъ. Видъ этихъ „гробовъ“ весьма красивъ и производитъ на зрителя милое впечатлѣніе. Удивительно, какъ вь такой тяжелой обстановкѣ и крайне тягостныхъ услов'яхъ все таки наши бѣдняки крестьяне, по сколько только способны ихъ изобрѣтательность и фантазія, ухитрились все, что только возможно, сдѣлать, что бы дать достойное выражение своему религиозному чувству и подобающимъ образомъ почтить память страстей Христа Бога. Омаили мѣста зеленою елокъ, поставляли много крестиковъ собственнаго издѣлія, позажигали много лампочекъ съ елеемъ и пр. Вь этихъ баракахъ священники отслужили вечерню и устроили что-то вь родѣ плащаницы, т. е. за немѣвнѣмъ ея, положили на ея мѣсто просто крестъ къ лобзанію.

Сильная вѣра нашего народа и здѣсь проявляется весьма ярко и дивно-трогательно. Здѣсь наши крестьяне понадѣлали искусно изъ дерева много крестиковъ то для себя, то для другихъ „на память“. Многіе у нихъ эти крестики покупаютъ, особенно священники, и такимъ образомъ также даютъ имъ возможность пріобрѣсти деньгу за свой трудъ. Другой народъ вь такомъ положеніи, какъ мы здѣсь теперь, занимался бы выдѣлкой всякихъ иныхъ вещицъ и какихъ нибудь бездѣлушекъ, но русскій умѣетъ терпѣливо нести кресты и дѣлаетъ кресты. Нѣкоторые носятъ такіе самодѣльные крестики на груди.

Дрѣ Крушинскій все еще сидитъ вь Einzelarrest-ѣ. Вчера былъ при рапортѣ у полковника. Можно надѣяться, что это не будетъ безъ результата, — увидимъ.

3. апр. — Великая суббота. Крѣпкій приморозокъ и ясно.

Говорятъ, что отмѣненъ вчера — и такъ оно есть — карантинъ надъ нашимъ гарнизономъ и старшіе карауль-

ные солдаты уехали на родину на Пасху, а их мѣсто заняли молоденькіе рекруты, 18-лѣтніе парни.

Разошлась вѣсть, что будто Н. Красицкаго вызвали изъ Туррахъ въ Грацъ. Бѣдный Николушка! навѣрно кто-то оклеветалъ его. Есть здѣсь такіе, которые получаютъ жалованье изъ краковской полиціи. За что же имъ платятъ? Если бы это была правда, такъ Славко остался бы одинъ въ Туррахъ. Господи, доколѣ же намъ терпѣть, страдать? Призри на ны и помилуй!

На нашемъ дворѣ, стараніями отца Венгриновича, устроены „бары“ для гимнастическихъ упражненій. Подъ его рукозодствомъ ежедневно нѣкоторые упражняются въ шведской гимнастикѣ, чему съ любопытствомъ присматриваются крестьяне.

Голодъ близится. Днясь роздали одинъ бохонецъ хлѣба для четверыхъ! Янко наставилъ варить 10 яицъ на завтра — продаются по 10 гел. Старый принесъ нѣсколько яблокъ (ужасно дороги) и апельсиновъ. Подъ вечеръ Янко купилъ еще 1/2 клгр. ветчины за 4 кроны 50 гел.!

Отъ Телесницкаго получилъ хорошія сигары Морадо въ подарокъ на праздники. Жду письма отъ Богдана.

Нѣкоторые изъ нашего барака ходили въ баню, я нѣтъ.

Въ земляные б-раки отправилось трое священниковъ служить „Воскресеніе“ съ вечера (оо. Скоморозичъ, Гекаленко(?) и Лысякъ). Народъ массою высыпалъ изъ бараковъ и устроилъ вокругъ нихъ шествіе. Впереди несли обрусъ и на немъ крестъ (это представляло плащаницу). Передъ дверью барака отслужено было „Воскресеніе“, а затѣмъ также утренняя. Въ виду того, что у насъ есть все о лишь 3 эпитрахили, такъ въ этихъ баракахъ слѣдовало устроить богослуженіе. Присутствіе овали на богослуженіи и санитарныя сестры, при сматриваясь нашему обряду

(Особ. записъ). Когда перевозили подъ конвоемъ нашихъ узниковъ священниковъ, бывшіе на улицѣ свидѣтели этого, прохожіе кричали по ихъ адресу: złodzieje popie, moskalofil, oddaj

rabie! Пошла потомъ насмѣшливая поговорка, выражающаяся въ томъ, что при какомъ-нибудь случаѣ одинъ обращается къ другому съ шутивымъ окликомъ: отдай рубли!

4. апр. — Великденъ (Пасха). Морозно. Всѣ встали очень рано.

Служеніе въ 6 ч. утра. Свящ. о-щъ Іоаннъ Могильницкій вышелъ вмѣстѣ съ другими священниками, стали всѣ обитатели нашего барака — передъ баракомъ и началось служеніе. На первые звуки пѣсни „Христось вокресе“ стали выбѣгать народъ и изъ другихъ бараковъ въ мигъ собралось на дорогѣ между бараками около 2000 человекъ. Многие тряслись отъ стужи, завернутые въ одѣяла, плакали и отъ стужи дрожащими голосами подпѣвали чудную пасхальную пѣснь: Христось вокресе.

Послѣ утрени отслужена была обѣдница. Затѣмъ прошелъ дорогою о. Вл. Венгриновичъ съ кропиломъ и поблагословилъ „пасхи“, если вообще это слово позволительно въ семь случаѣ употребить. Горестно и тягостно было смотрѣть, какъ наши бѣдняки-крестьяне понаставляли, кто кусочекъ оставшагося отъ вчера хлѣба „комисняка“, кто нарочно вчера недоѣденнаго кусочка иного хлѣба, махонькую крошку разъ вкусить, и держа его въ пальцахъ, протягивалъ съ нимъ руку, чтобы капля священной воды и на него упала. Въ рѣдкихъ случаяхъ кое кто поставилъ для окропления яйца.

Такого убогаго и печальнаго Великодня навѣрно никто изъ насъ не видѣлъ. Каждый же въ сію минуту мысленно и духовно переносился на свою родину, а каждый нашъ крестьянинъ припоминалъ себѣ тѣ, такія теперь страшно далека, кажется, лучшія времена, когда пасху и прочія снѣди къ освященію несъ въ церковь и онъ и жена и дѣти... Вотъ намъ Великденъ на чужби. нѣ, въ неволѣ и тюрьмѣ!

Затѣмъ освятили мы — каждый въ своей кабинѣ — свои хлѣбы. Покрошили на домнышкѣ 2 яйца и съѣли ихъ, дѣлясь и высказывая другъ другу пожеланія и скорого возвращенія на родину и увидѣнія своихъ родныхъ. Мы тѣ

паланички съ масломъ и сыромъ и кусочекъ ветчины съ горчицей и запили „комиснымъ“ (казеннымъ) кофеемъ. Пошли общія благожеланія между ближе знакомыми. Одни заходили къ другимъ, обнимали и цѣловали другъ друга, а всѣ пожеланія сводились къ одному и звучали одинаково: счастливаго и скорого возврата на родину!

На обѣдъ подали намъ капустнякъ — ужасно кислый! — со свиноюю (впервые за все время нашего здѣсь пребыванія).

Послѣ обѣда была отслужена вечерня тоже на дворѣ.

5. апр. — Свѣтлый понедѣльникъ. Утренняя обѣдница въ 11 ч. утра на дворѣ. Служиль я съ оо. Яворскимъ и Васильчакомъ.

Въ 3 ч. пополудни пошли мы смотрѣть на похороны плѣннаго солдата, сошедшаго съ ума и скоропостижно скончавшагося. Его фамилія Архиповъ. Власть не разрѣшила, чтобы священникъ отслужилъ надъ покойникомъ панихиду, такъ прибѣжалъ къ намъ одинъ изъ плѣнныхъ и заявилъ, что власти позволили имъ занять парастасникъ и имъ самимъ, т. е. однимъ только плѣннымъ солдатамъ, совершить „панихиду“ (безъ священника). Но вышелъ иначе. Внесли солдаты покойника въ часовню, одинъ солдатъ принесъ крестъ, а другой увитый изъ вѣтокъ смеречины (пихты) вѣнокъ въ часовню. Тамъ, однако, уже до этого лежало двое нашихъ покойниковъ. Поэтому, о. Вл Венгриновичъ, подъ предлогомъ, что хочетъ служить надъ униатами, сталъ передъ часовнею и служилъ воскресный парастасъ. Но ему перервали служеніе и сперва взяли солдаты гробъ плѣннаго покойника, а затѣмъ и два другихъ гроба. За рѣшеткой стояла выстроенная вся рота плѣтниковъ и они на команду: шапку долой! открыли головы и спѣли хоромъ 3-кратное: Христосъ воскрес, и затѣмъ стали идти за гробомъ колонию. За ними пошла наша „вахъ“ въ составѣ свыше десятка австр. солдатъ. Присутствовали также австр. офицеры. Во главѣ шествія одинъ солдатъ несъ крестъ, а за гробомъ несли солдаты на

плечахъ другой большой крестъ съ надписью „Архиповъ“. Такъ какъ много народа приняло участіе въ похоронахъ, медленно продвигаясь впередъ, этотъ крестъ словно плылъ въ воздухѣ.

6. апр. — Плѣнники явились къ рапорту по причинѣ слишкомъ скуднаго харча. Имъ отвѣтилъ п.(о.ковникъ), что ѣсть нечего. — А какое намъ дѣло, — заявили они, — нашъ государь держитъ австрійскихъ плѣнныхъ и хорошо ихъ кормитъ!

Въ Талергофѣ нѣтъ праздниковъ. Вблизи бараковъ №№ 29 и 28 пахаютъ землю, а нашихъ крестьянъ, между ними и одного гимназиста, запрягли тянуть борону, и такъ они скородили почти весь день.

Вечеромъ, послѣ ходьбы, вынесъ мнѣ Телесницкій кусокъ „бабки“, которую получила отъ Билинкевичей. Они же получили „паску“ изъ Вѣны и угостили Телесницкаго. Ходя съ Телесницкимъ, я съѣлъ бабку и она своимъ вкусомъ напомнила мнѣ нашу бабку въ Липицѣ.

7. апр. — Благовѣщеніе. Туманно и холодно.

Плѣнники отказались идти на работу, заявляя что голодны. Ложжились на полъ и лежать. На обѣдъ подали намъ кукурузный чирь. Весь постъ и даже въ великую седмицу подавали мясо, а днесь дали постный чирь.

Изъ земляныхъ бараковъ работниковъ купаютъ и ихъ куда-то уберутъ, кажется, но куда, узнать нельзя.

Все еще ожидаютъ появленія какой-то комиссії, отъ которой будетъ зависѣть отбѣна карантина.

Янко въ воскресенье простудился и обезопасился, сталъ дѣлать компрессы и подвергъ себя строгой діетѣ въ теченіе двухъ дней, но днесь уже чувствуетъ себя лучше. А о. Дуркотъ еще боленъ воспаленіемъ легкихъ.

Днесь не было ни одного мертвеца! У выходящихъ днесь изъ-подъ карантина 36 лицъ, былъ произведенъ строгій обыскъ и отобрали у нихъ одежду и обувь, которая имъ здѣсь дали. Съ предыдущими транспортами этого не дѣлали.

Богданъ не пишеть ничего — недоумѣваю:

(*Особ. записк.*) Тропарь ко Св. Ангелу Хранителю: Ангеле Божій, хранителю мой святей, животь мой соблюди во срагѣ Христа Бога... (*вечер.*) утверди во истиннѣмъ пути и ко любви горнѣй узви душу мою: да тобою направляемъ получу отъ Христа Бога велию милость.

(*Особ. записк.*) Графъ Герберштейнъ 6 го с. апр. спрашивалъ по телефону пребывающую здѣсь г-жу Гошовскую, которая телеграфическимъ путемъ поздравила его съ праздниками Пасхи, получила ли она его письмо. Она отвѣтила, что не получила. Но вдругъ, въ тотъ же день, это письмо было ей вручено. Оно написано было еще 23-го декабря 1914 года и лежало въ здѣшней нашей канцеляріи!

(*Особ. записк.*) Въ субботу 3-го с. апр. г-жу Левицкую выкупали (она реконвалесцентъ) въ такой горячей водѣ, что съ нею произошелъ нервный ударъ. Вотъ и уходъ за нашими больными!

Въ тотъ же день (3 го с. апр.) перенесены тифозно больные изъ 11-го двора въ новоустроенный госпиталь. Тамъ порядки, уходъ и харчъ значительно лучше.

Вчера и днесь еще разъ дезинфицируютъ бараки 11-го двора. Крестьянъ выкупали, дали имъ сѣнники и приодѣли. Жаль только, что все это сдѣлано слишкомъ поздно. Если бы это было сдѣлано раньше, не померло бы столь много людей.

Нѣмцы стали теперь обращаться съ нами какъ будто вѣжливе и сами оправдываются, что, молъ, не виноваты въ томъ, что раньше обращались съ нами жестоко: всему тому виновникъ — Шт. и административныя власти въ Галичинѣ, которая прислала насъ сюда какъ измѣнниковъ и шпионовъ.

8. апр. — Качала написала, что по наведеннымъ справкамъ М. выясняется, что сѣдствие противъ меня и Потерейковъ еще не закончено. Удивительно. Юркевичъ писалъ, что Явко еще въ январѣ былъ *freigesprochen* (оправданъ) — а тутъ вотъ что, другое издание!

Сообщение это, конечно, не настроило насъ хорошо.

Ходить молва, что кап. Штрикъ уже не вернется съ праздниковъ Пасхи къ намъ.

Рись на обѣдъ почти безъ мяса.

Въ 3 ч. состоялся похороны о-ца Иоанна Сърко изъ (*вечер.*) ...кова, померъ на рака въ желудкѣ.

Всю ночь лилъ дождь, порой съ громами и молніями — впервые въ этомъ году.

Вечеромъ шель у насъ разговоръ о предстоящемъ и приближающемся голодѣ. Совѣтовали, не слѣдовало бы ли отправить депутацію къ полковнику Гримму съ представлениемъ ему положенія и просьбой о помощи.

9 го апр. — Дождь падать пересталъ, но пасмурно.

Утромъ стали мы въ кабинетъ говорить о томъ, что кому силосо. Мнѣ приснились жена и Соня здоровыми и веселыми, братъ же Иосифъ будто у меня, въ какой-то церкви, исповѣдывался. Впрочемъ здѣсь люди довольны и снами по крайней мѣрѣ. До того ужасно стосковались, что дѣтски радуются, когда по крайней мѣрѣ во снѣ увидятъ дорогія имъ лица, заговорятъ и побудутъ мгновение съ ними. Когда же, Господи, умилосердишься и позволишь намъ вновь, на яву и въ дѣйствительности, неразлучно быть съ ними?

Каждый здѣсь проходитъ великую и трудную школу душевнаго обновления. Здѣшнія длительныя наши размышленія (реколекції) выйдутъ, думаю, не одною изъ насъ въ пользу въ будущей жизни. Мы здѣсь узнали, что мы потеряли (только на время — полагаемъ и вѣримъ), кто были для насъ дорогая подруга жизни — жена, наши дѣти. Несомнѣнно въ долгихъ и горестныхъ испытаніяхъ скорби, печали и ударовъ судьбы, наши сердца закаляются и воспитываются сильнѣйшими чувствами привязанности, дружбы и любви къ нашимъ ближайшимъ и дражайшимъ и всѣмъ людямъ. Неся этотъ тяжелый крестъ геройски и со смиреніемъ, мы навѣрно идемъ ко Христу, овѣяны Христовымъ духомъ. Вѣдь и молитва здѣсь стала

истиннымъ кормомъ души и взаправду несокрушимой силой, она несравненно проникновеннѣе и мощнѣй ея теперь очищаетъ, бодритъ и согрѣваетъ, чѣмъ это бывало прежде! Молитесь — я это сознаю и чувствую — дѣйствительно стало для меня наслажденіемъ, средствомъ и путемъ увеличенія внутренней духовной силы въ скорбяхъ и бѣдствіяхъ, моего единенія съ Христомъ Богомъ.

Богданъ не пишетъ: Послалъ бы я ему еще какихъ-нибудь кронъ двадцать до его отъѣзда въ полкъ (15 — IV), но не знаю, какъ и чѣмъ обьяснить себѣ его молчаніе. Вѣдь же деньги отъ меня онъ получилъ, иначе ихъ бы мнѣ возвратили, отсылая обратно. Почему же онъ не пишетъ? Не боленъ ли онъ опять? Все это такъ меня беспокоитъ!.. Ожидая днесь Лайсса, не принесетъ-ли мнѣ письма отъ него.

10. апр. — Отправили насъ въ баню. Заявили, что теперь изъ каждаго барака будутъ ходить разъ въ недѣлю въ баню.

Наша Bewachungskommando ухаживать. Также ухаживать Laiss. Жаль! Всѣ искренно жалѣютъ объ его уходѣ и сохраняютъ его пребываніе здѣсь въ доброй памяти, ибо онъ хорошій человѣкъ. Бехтлофъ (перев.) остается.. Приходятъ сюда ополченцы изъ Feldbach.

Отъ Богдана письма нѣтъ! Не понимаю, что это значитъ.

Василь просилъ дать ему займы денегъ. Далъ ему 2 кроны — нѣтъ у меня больше. Вчера мы писали прошеніе о выдачѣ намъ депозита.

Наша „вахта“ (стража) уходитъ 13 с.м.

У насъ постановлено купить ларчикъ работы о. Ор. Копыстанскаго и поднести его въ подарокъ отъ барака № 30 Laiss-y.

11. апр. — Недѣля Фомина. Зубъ не болѣетъ и я сплю хорошо. Дуется холодный вѣтеръ.

Узнали мы, что въ Талергофъ переводятъ всѣхъ галицкихъ интернированныхъ изъ угорскихъ мѣстъ заключенія (гарнизоновъ будто бы). Прибудутъ ли также и тѣ, которые находятся въ Терезинѣ, — неизвѣстно. Настанетъ но-

вый фазистъ въ жизни талергофскаго узилща. Прибудутъ новые узники, наши соотечественники, пойдутъ рассказы о томъ, что они видѣли, испытали и переживали, и нѣкоторое время будетъ запрятанъ умъ нашъ ихъ новостями и ихъ положеніемъ.

12. апр. — На дворѣ хорошо, Но тоска и скука все крѣпче овладѣваютъ. Каждый день одинаковъ, все время одно и то же, нѣтъ просвѣта ни видовъ на перемѣну.

Приготовили ларчикъ и красивую палку въ подарокъ Laiss-y и ждемъ его прихода (около 11 ч. онъ обычно приходитъ). Ларчикъ съ надписью: „Талергофъ 1914 — 1915“ и моногр.: „M. L.“ тоже на палкѣ — издѣлія также о. Ор. Копыстанскаго.

Laiss-a днесь не было. Отъ Богдана не получилъ письма.

13. апр. — Туманно и холодно. Днесь уходятъ нѣкоторые карантинники — 28 чел. — завтра же пойдутъ подъ карантинъ другіе.

Говорятъ, что рекрутскій наборъ будетъ произведенъ здѣсь на мѣстѣ.

Ваня и молодцы Ульрихи отставлены подъ конвоемъ въ Грацъ.

Послѣ обѣда ушло опять свыше ста человѣкъ.

14. апр. — День хорошій. Ночью былъ порядочный приморозокъ.

Видимъ въ Талергофѣ уже новую Washkommando. Офицеры и подъ-офицеры ходили и осматривали устройство бзраковъ. Есть между ними и славяне. Одинъ оберъ-лейтнантъ говорилъ съ Сколоздрою (казначей податного вѣдомства) по польски.

Трафику отъ Гисовскаго переняли опять швабы, кантину тоже беретъ себѣ нѣмка.

Ждемъ объявленія новой „листы“ и отмѣны карантина.

На 3 ч. назначено оспопрививаніе въ нашемъ баракѣ.

Ахъ, почему эготъ Богданъ не пишетъ ничего, ни изъ дома нѣтъ ни одной вѣсточки? Скука убійственная, можно съ ума сойти. нечѣмъ „ваняться“. Еще утромъ читаю „Правило“, потомъ веду съ кѣмъ-нибудь о чемъ-нибудь раз-

говору, съёмъ что-нибудь, прогуливаюсь, затёмъ обѣдъ, послѣ обѣда вздремлю немного, вставъ, не знаю, что съ собой дѣлать, хандра одолеваетъ... Играемъ въ преферансъ втроемъ (я, Янко, Таелсницкій). Вездѣ по кабинамъ играюгъ. Въ 8 ч. тушатъ электричество во всѣхъ баракахъ и, воть волей-неволей ложись спать. Но до 6 ч. утра есть время выспаться — такъ приходится еще съ часикъ сидѣть въ потемкахъ и только послѣ 9 ч. ложусь спать. Въ коридорѣ другіе развлекаются разговорами, разсказываніемъ анекдотовъ и шутокъ. Особенно подвизаются оо. Кокотайло и Игн. Мохнацкій, хотя и неудачно.

Съ терена военныхъ дѣйствій вѣстей никакихъ. А впрочемъ и получаемымъ вѣстямъ не хочется да и трудно вѣрить. Цѣлые долгіе мѣсяцы идутъ упорные, ожесточенные бои, а результатовъ мало.

Изъ госпиталя возвратился 12 апр. о. Д. Кисѣлевскій и обитаетъ въ кабинетъ № 21. Онъ получилъ письмо отъ семьи, датир.: Черновцы 7 апр. Слѣдовательно, тамъ, видно, австрійская почта дѣйствуетъ и навѣрно туда, въ Буковину, вернулись австрійскія власти вообще..

(Обоная записъ: текстъ сочиненной кль-мо-во Талергофъ писемъ п. з. „Узникъ“)

Наконецъ-то получилъ письма, ажъ два сразу: отъ Богдана и Иосифа. Богданъ писалъ ко мнѣ — какъ значится — два письма, но я получилъ всего только одно, видно другое, не заказное, пропало. Онъ проситъ прислать ему еще 50 кронъ, чтобы могъ уплатить хозяйкѣ или же по крайней мѣрѣ 20 кронъ выслать ему телеграфически до четверга наипозже.

Laiss — очень обремененный передъ уходомъ работою — не хотѣлъ принять отъ меня депеши. Мы вручили Laiss-у въ подарокъ ларчикъ и палку. Онъ былъ тронутъ словами д-ра Могильницкаго, который, между прочимъ сказалъ: „Когда насъ доставили сюда съ клеймомъ измѣнниковъ и шпіоновъ и всѣ отнеслись къ намъ какъ таковымъ, Вы одинъ отнеслись къ намъ, какъ невиннымъ людямъ, гуманно и вѣжливо. Мы этого не можемъ забыть никогда. И днесъ, въ нашихъ тяжелыхъ

условіяхъ (отрѣзанные карантиномъ отъ Граца) желая хоть чѣмъ-нибудь при прощаніи Васъ дать Вамъ доказательства нашего къ Вамъ уваженія и нашей благодарности, просимъ отъ насъ принять какъ скромный подарокъ эти вещицы — издѣлія нашихъ собственныхъ рукъ*. Принимая подарокъ и благодаря, Laiss отвѣтилъ „Меня прислали сюда не на то, чтобы быть надъ Вами судьео, измѣнники ли Вы или нѣтъ, а на то, чтобы сторозжить Васъ, и я эту службу по обязанности,

Сов. суда Антонъ Осиповичъ Гулла.
(Талергофскій снимокъ.)

добросовѣстно исполнялъ, переходилъ вмѣстѣ съ Вами всѣ тягости и опасности эпидеміи и карантина, видѣлъ Ваши страданія и познакомился съ Вами ближе, и проникъ уваженіемъ къ Вамъ и сочувствіемъ. Благодарю Васъ за Ваши добрыя чувства и желаю Вамъ благополучнаго и скорого возвращенія на родину*.

Бывшій въ течение 3 мѣсяцевъ своего рода органомъ связи между интернованными и Laiss-омъ о. Теодоръ Крушинскій и ближе съ нимъ сошедшійся и работавшій, подарилъ ему отъ себя но-

жикъ для разрѣзыванія книгъ и прессы-
папье.

15. апр. — Рѣшилъ 20 кронъ днесь
Богдану не посылать. Все равно это
уже было бы слишкомъ поздно. Онъ за-
явилъ, что поѣтить меня по пути
своей подякъ (55-ый) въ Voitsberg. При
свиданіи я ему ихъ дамъ или же отош-
лю уже въ полкъ.

Еще вчера стала на службу здѣсь
новая Wache — Вельдбахеры. Они —
молодые парни — навѣрно словинцы.
У нихъ вмѣсто штюка, только имита-
ція (подобіе) его, сдѣланное изъ бляхи,
и опоясаны вмѣсто кожанымъ лишь
портяжнмъ поясомъ. До чего дошло!

Старый принесъ бохончикъ хлѣба
за 44 гел., еще меньше вчерашняго. На
базарѣ, въ нормальное время, онъ сто-
илъ бы 8 гел. „Комиснякъ“ (солдатскій)
въ цѣнѣ поднялся еще до 1-20.

Я постановилъ зубъ дать вырвать.
Гулда и о. Игн. Мохнацкій пошли
днесь подѣ карантинъ.

Я таки днесь еще сдалъ 20 кронъ
для пересылки Богдану телеграфиче-
скимъ путемъ. Обѣщалъ мнѣ Laiss от-
править ихъ днесь еще до обѣда. Янко
составилъ телеграмму Іосифу и сдалъ
ее днесь также.

(*Особ. запискѣ*): Больной оспой дол-
женъ находиться въ темной комнатѣ, ве-
черомъ при лампѣ съ краснымъ абажу-
ромъ (указаніе о. Романовскаго).

Непремѣнно дамъ зубъ вырвать.
Попросилъ д-ра Добію и онъ прине-
сетъ изъ амбулаторіи щипчики и выр-
ветъ. Нѣтъ силъ терпѣть дальше.

На 3 ч. назначено оспоприваніе
въ нашемъ баракѣ.

По днесь померло здѣсь въ лаге-
рѣ въ Талергофѣ 1284 чел.!

Днесь ушли подѣ карантинъ преи-
мущественно крестьяне.

Оспопривитію подверглись всѣ у
насъ.

16. апр. — День хорошей, теплой.
Краковская газ. „Nowa Reforma“ писала
на-дняхъ, что Краковъ уже эвакуиру-
ютъ. Такъ это означало бы, что русскія
войска еще продвигаются впередъ!

Днесь послѣ обѣда, пошелъ я въ
д-ру Добію и далъ себѣ вырвать зубъ.

Сильной болью для меня сопровожда-
лась эта операція: появленіе матеріи съ
кровью показало, что у меня воспаленіе
„окостной“, меня болитъ вся сторона
лица и горло такъ, что я съ трудомъ
только проглатываю жидкую пищу.

Laiss доставилъ много давно уже
присланныхъ писемъ. Гнатышакъ полу-
чилъ даже 8 штукъ. Всѣ преимуще-
ственно съ 1914 года! Подобно и дру-
гія датированы весьма давно. Какъ и
чѣмъ объяснить себѣ это? Въдѣ же эти
письма лежатъ здѣсь такъ долго и, въ
то время, когда мы находились подѣ ка-
рантинномъ насъ карали еще и тѣмъ,
что не давали намъ давно уже полу-
ченныхъ писемъ отъ нашихъ родныхъ.
Явное и вопіющее издѣвательство. Но
была ли это вина самого Laiss-а? Кто
знаетъ? Все нынѣ возможно. Сильно
возмущаются люди и по другимъ ба-
ракамъ.

Посѣтилъ меня Ромко Кобрынскій.
Онъ здоровъ и доволенъ собою. Я за-
нялъ у него 20 кронъ. Принесъ мнѣ
г. Андрей Лакуста крестикъ, на которомъ
сдѣлала надпись — сдѣлаано это очень
изящно. Ядалъ ему 2 кроны. У него я
заказалъ себѣ „кашкегъ“.

17. апр. — День хорошей, ясной.
Къ счастью, зубъ пересталъ болѣть.

(*Особ. запискѣ*): Въ Старой Соли хо-
дилъ мѣстный священникъ-мазепан о. Кон-
стантинъ Грицикевичъ съ жандармами
по хатамъ и въ ихъ присутствіи пенялъ
отдѣльныхъ крестьянъ русскихъ убѣ-
ждений приблизительно такъ: Вотъ ви-
дишь, а говорилъ я тебѣ всегда: не будь
кацапомъ! не получай книжечекъ О ва
им. М. Качковскаго! не читай газеты
„Голосъ Народа“! а ты не хотѣлъ слу-
шать... и т. д. Такимъ образомъ и ука-
зывая жандармамъ: сего берите! И
дѣйствительно жандармы забрали что-
то свыше 40 чел., которые и были вы-
везены въ Талергофъ.

18. апр. — Воскресенье. Я служилъ
днесь обѣдницу передъ баракомъ въ
служебни оо. Яворскаго и Стрѣльцева.

Днесь удралъ крестьянинъ изъ-
подѣ карантинна, не желая попасть „на
свободу“, какъ это называется, а въ дѣй-

ствительности въ лагеръ uskienier-овъ, и скрылся въ баракъ.

(*Особ. зап.*) Посылка писемъ въ Галичину: Bureau de Reinseignement international, 10, rue des Terreaux, Lausanne, Suisse.

Богдана не было. Или нельзя ему было, или же ему не было возможности поѣхать меня. Жаль! Увидѣлъ бы его, а кто вѣдь знаетъ, быть можетъ и не увижу его больше. Я далъ бы ему еще 10 кронъ — больше не могъ бы, ибо у меня нѣтъ, да и эти занялъ я у Ромка. Не знаю, получилъ ли онъ тѣ, посланныя ему по телеграфу 20 кронъ. Если эти деньги уже его не зачали на мѣстѣ въ адресѣ, такъ должны бы миѣ быть возвращены.

Сынъ Телесницкаго, находящійся теперь гдѣ-то въ Чехіи, писалъ, что о. Давидовичъ въ Радеховѣ померъ и Юліанъ Бачинскій въ Васючинѣ. Не доумѣваю: ея жизнь висѣла на волоскѣ, а тутъ, вдругъ, онъ умираетъ! А быть можетъ, это ошибка, и вмѣсто него она скончалась? Находить же такія разныя догадки, а узнать толкомъ ничего невозможно... Быть можетъ, онъ погибъ, подобно многимъ другимъ, въ рукахъ озвѣрѣлыхъ мадьяръ еще дѣтствомъ? Вотъ, несчастная дѣти осиротѣли! Что же имъ дѣлать: нѣтъ отца — нѣтъ хлѣба, нечѣмъ имъ жить. Сердце сжимается на одну мысль о ихъ положеніи. Что только не творится теперь ужаснаго и жестокаго на свѣтѣ. А впрочемъ, развѣ я самъ знаю, застану ли своихъ близкихъ живыми и здоровыми? Мою дорогую, предобрую и трудолюбивую жену? Вѣдь же у ней такое хрупкое здоровье, такое расстройство нервовъ, и какъ вынести все то, что принесла вся эта несчастная война! Живы ли всѣ мои дѣти? Хотъ бы миѣ получить одну самую краткую, лаконическую вѣсточку о томъ только, что всѣ они живы и здоровы, и миѣ бы ничего больше не надо было, этого было бы достаточно, чтобы эта тюрьма стала миѣ сносною и легкой. Не можетъ быть, это совершенно исключено, чтобы они не писали миѣ ничего такъ долго, чтобы не знали, что я убиваюсь и терзаюсь неизвестностью...

Навѣрно тутъ входитъ въ игру какая-то человѣческая злоба, дѣйствуетъ какая-то жестокая рука, которая недопущеніемъ до меня, даже такой вѣсточки, мучить, терзаетъ меня!...

Напишу я днесь чрезъ бюро въ Лозаннѣ, но думаю направить письмо во Львовъ, въ адвокатскую контору Добрянскаго и Заяца. Быть можетъ этимъ путемъ добьюсь и дождусь скорѣе отвѣта

Объявленъ намъ новый порядокъ: вставать ежедневно приказано съ 5—6 час. утра, кушать ранній завтракъ въ 7 ч. у., выходить изъ бараковъ на дворъ 7 ч. 30 м. у. и пр., вечеромъ ложиться спать въ 8 ч. Днямъ въ баракахъ окна должны быть все время открыты. Все это — предохранительныя мѣры противъ новой эпидеміи (оспы).

Прививка ярится, свербитъ и жжетъ. Нашъ полковникъ — добрый человѣкъ.

Врачи, Диреръ и Рейтеръ — хорошие люди. Третьяго не знаю, но не слышу про него ничего худого.

Харчъ сталъ немного лучше, да и хлѣбъ въ цѣнѣ чуть-чуть понизился. Работники получаютъ одинъ хлѣбъ на 3 чел.

Хочу отдать мою блузу портному для починки, очистки и пришитія другого воротника.

Говорятъ о злонамѣреніи Италіи — выступить противъ Австро Венгрии. Вотъ вамъ союзница! Союзъ помаленьку превратился въ нейтралитетъ, а теперь нейтралитетъ переходитъ во вражду и нападеніе. Въ каждый моментъ можетъ наступить объявленіе ею войны Австро-Венгрии. Значитъ, близкаго конца боинѣ и рѣзнѣ не предвидится.

А тутъ весна идетъ полнымъ ходомъ, природа оживла, земля покрывается новой пышною зеленью и только ждетъ, чтобы человѣческая рука бросила въ нее зерно, а она умножитъ его десятикратнымъ плодомъ. Но некому съять, да и нечего съять! Бурыяны и хопты выростутъ замѣсто хлѣба... Жаворонки поютъ — такъ жадно вслушиваемся въ ихъ щебетъ... Но тихую грусть наводитъ онъ на душу, лечу мыслями и

мечтами гень далеко на синіє Карпаты, въ наши галицкія села, въ дорогую Липицу, воображаю себя шагающимъ по своему полю, слѣдящимъ за ходомъ весеннихъ работъ на немъ, при этомъ немолчномъ щебетѣ птицъ, вмѣстѣ и одинаково съ человѣкомъ радующихся воскресенію природы, солнцу, его теплу и свѣту.

Но не такъ и не то теперь и здѣсь.. Подумать только, что и въ эти чудные дни весенняго воскресенія, на полѣ брани, люди, забывая Бога, убиваютъ другъ друга и не думаютъ прекратить массоваго убійства. А вслѣдъ за нимъ пойдутъ эпидеміи, мучительное догораніе жизни изувѣченныхъ, массовая погибель отъ голода и нужды, — за что и зачѣмъ? Помилуй Господи, насъ грѣшныхъ!

19. апр. — Днесъ съ утра, отправился я за покупками, досталъ хорошей солонинки и, пригласивъ Телесницкаго, сдѣлали мы себѣ „пирь“. Позавтракали хорошо, выпили сливовицы и погуто-риши.

Вдругъ явился о. Романъ Копы-стянскій и принесъ открытку отъ Нико-лы, написанную 16 с. апрѣля. Видно, что, стало быть пущенные, было, слухи объ арестованіи его, ложны. Слава Богу!

Снился мнѣ о. Кордуба изъ Бережанъ. (Говорятъ, что его мадыяры уби-ли). Я рассказывалъ ему о нашей ужа-сной жизни въ Талергофѣ. Вдругъ яви-лась мнѣ на мигъ и моя Тонця — и я проснулся.

20. апр. — День облачный. Laiss сказалъ, было, что остается, но уже послѣ обѣда заявилъ, что завтра уходить и сейчасъ же распростился съ нами.

21. апр. — Снился мнѣ моя доро-гая Тонця. Была она въ черномъ платьѣ и сильно посѣдѣла, что меня очень уди-вило. Ничего не говорила, но была по-видимому радостна. Я проснулся и всталъ довольный, въ хорошемъ расположеніи духа и объяснялъ себѣ этотъ сонъ та-кимъ образомъ, что, быть можетъ, же-на получила мое письмо. Дай это, Боже!

Въ первомъ дворѣ объявлено, что ратоспособные приглашаются записы-ваться добровольцами въ армію. Такіе должны заявить это своему Zimmerkom-

mandant-у и внести письменное заявле-ніе на руки офицала. Возрастъ опре-дѣленъ: отъ 18 до 42 лѣтъ. Сію мину-ту, когда я это записываю, объявлено уже это и у насъ. Сейчасъ пошли тол-ки, пренія, сенсаціи, ходили одни къ дру-гимъ, съ одного двора въ другой, съ распросами, какъ быть. Вышла большая разногласица, смятеніе. Нѣкоторые за-писались добровольцами, но немногіе. Ість такіе молодые священники, кото-рые заявили желаніе поступить въ армію Feldcurat-ами (полковыми священника-ми). Эта мысль приходила въ голову и Янку.

Вечеромъ прибылъ новый транс-портъ 30 людей изъ гарнизона въ Гра-цѣ. Между ними есть Онуфрій Збѣглей. Боленъ бѣдняжка, чтобы только сохра-ни Господи, не развилась у него чахот-ка. Рассказывалъ, что въ гарнизонѣ си-дять также староста изъ Косова, Вич-ковскій. Попали на слѣдъ, что въ лечеб-ное заведеніе (здравницу) д-ра Тарнавска-го, прѣзжали изъ Россіи шпіоны, которые изучали положеніе въ Карпатахъ. Стар-остѣ будто бы вѣмняють во зло, что онъ былъ мало бдительенъ и усерденъ и не слѣдилъ достаточно зорко за пре-бывающими въ заведеніи гостями. Свя-щенниковъ въ гарнизонѣ допросили, слѣдствіе приостановили и выслали ихъ на конфинацію, остальные же выжида-ють рѣшенія ихъ участи. Судьи-нѣмцы вполнѣ корректно разматривали обви-ненія, напротивъ судьи-евреи придира-лись. Изъ хода всѣхъ процессовъ мож-но дать общее хорошее свидѣтельство о веденіи дѣла аудиторамъ нѣмцамъ, (также полякамъ), но не евреямъ и ма-зепинцамъ.

22. апр. — И въ эту ночь снился мнѣ, дорогая жена, сажала въ огородѣ смородину, но ничего не говорила. Дождь лиль всю ночь. Въ 10 ч. прика-зано всѣмъ намъ идти въ баню.

Вчерашнюю „лембѣшку“ пригрѣлъ Янку, принесъ кислаго молока и на вто-рой завтракъ мы втроемъ съѣли. Здѣсь это вкусно, а дома?.. Не тѣ времена!

Чувствую себя, слава Богу, здоро-вымъ, хотя во всѣхъ все еще теряю, а быть можетъ, именно и потому чувст-

вую себя здоровымъ и легкимъ. Кое-кому альпійскій воздухъ Талергофа помогъ изжить катаръ груди и одышку, даже нѣкоторые старички, не успѣвшіе умереть въ предыдущіе мѣсяцы и вынесшіе зиму благополучно, теперь держатся хорошо и чувствуютъ себя ожившими и бодрыми.

Иосифъ писалъ мнѣ вчера, что онъ чрезъ Тенгофа написалъ въ Липицу. Такъ, значитъ, можно надѣяться, что тамъ навѣрно узнаютъ о моемъ благополучіи и мѣстонахожденіи, лишь бы сами переслали отвѣтъ мнѣ, что съ ними. Ахъ эта вѣснь была бы мнѣ и Янку дороже всего на свѣтѣ!

23. апр. — День туманный, солнечка дожждаться годѣ (трудно). Также этой ночью снилась мнѣ моя жена: будто мы были въ Потуторахъ и на площади возлѣ церкви встрѣтились. Сонъ не ясный. Утромъ, послѣ прочтенія „Правилъ“, прошелся „въ долину“, „на городъ“ — какъ это называется, выпилъ тамъ за 28 гел. кофе, который вкусомъ припомнилъ мнѣ кофе домашній, но безъ хлѣба или булки, ибо въ кентинѣ ихъ не было.

Съ призывомъ „добровольцевъ“ въ армію выходитъ что то неясное: не знаютъ ничего объ этомъ ни Бехтлофъ ни полковой врачъ — говорятъ, что начиншикомъ всего этого дѣла — Тимчакъ!

Ивануса далъ мнѣ прочесть письмо, полученное имъ отъ Теоф. Петровскаго. Узнавъ изъ него, что о. Макаръ тяжело боленъ — страшныя страданія причиняетъ ему желчный камень. Въ письмѣ совѣтуетъ намъ подавать вмѣстѣ со свидѣтельствомъ врача прошенія о конфинаши. Совѣтъ этотъ не новъ и врядъ ли поможетъ бы чтонибудь. Въдъ же въ свое время внесъ такое прошеніе со свидѣтельствомъ врача о. Д. Кисѣлевскій, но не добился ничего. Сдѣлала это и о. Гелитовичъ, но безуспѣшно. Потребовали предложенія подробныхъ метрическихъ и другихъ документовъ (родословныхъ всякаго рода, удостовереній о мѣстожительствѣ и др.), все это было предложено, но безъ результата.

Дождь лиль всю ночь.

24. апр. — Пошелъ утромъ снова „на долину“ вдвоемъ съ Телесницкимъ, купили немного копченаго окорока и, возвратившись, устроили себѣ опять „пиръ“.

Возвратившись, узнали мы, что между тѣмъ оглашенъ былъ новый списокъ освобожденныхъ, но выславшая подробности, заключаемъ, что это былъ списокъ не освобожденныхъ, а только, кажется, такихъ, которые еще должны быть допрошены въ Грауѣ. Между прочими въ списокъ значатся и Телесницкій и о. Сенникъ, а меня нѣтъ!

Свщ. о. Александръ Гелитовичъ
иъ Косова.

(Снимокъ изъ Талергофа).

Днесъ день хорошій, ясный.

Вчера купилъ себѣ Янку у крестьянина изъ Ждыни крещеную часовенку за 8 кронъ. Сдѣлана очень искусно, съ большимъ художественнымъ вкусомъ и чувствомъ. Онъ имѣетъ въ виду подарить ее г. Скржинскому. Я заказалъ себѣ у этого крестьянина также такую махонькую церковьку.

(*Особ. записъ*). Наша почта: Открытка Охничя, сланная на почту 5-го апр. 1915 г. въ Грауѣ, съ поздравленіемъ съ праздниками Рождества Христова и ад-

рессованная о. Ст. Яворскому, получена имъ изъ здѣшней канцеляріи 24-го с. апрѣля, т. е. въ 3 недѣли послѣ Пасхи!

Днесь осматриваю всѣхъ, чтобы узнать, принялась ли у нихъ прививка оспы. Осмотрѣли и обитателей нашего барака.

Письма приказано передавать Уейскому. Мы этимъ недовольны.

Въ газетахъ напечатано извѣстіе, что русскій царь чрезъ Броды пріѣхалъ во Львовъ на нѣсколько дней. Значило бы ли это, что занятіе Галичины русскими войсками прочно?

25. апр. — Мракъ. Послѣ прочтенія „Правилъ“, составляю письмо къ Иосифу.

(*Особ. записк.:*) Бюро Sigurd Hildebrandts Reclamebureau, Nyhavn 38, Kopenhagen.

Einf. Brief — 1 M 20 Pf.

Rekom. „ — 1 „ 60 „

Rückantwort — 1 „ — „

Rekom. — 1 „ 30 „

14 International Scheine

14 Stück

Пребывающій въ баракѣ № 20 агрономъ Стефанъ Боечко вноситъ въ Bewachungskommando прошеніе объ опредѣленіи его куда-нибудь на службу въ большомъ помѣстьи въ Угорщинѣ или въ нѣмецкой провинціи или же въ Чехіи, и клянется Богомъ и даетъ слово чести, что онъ вѣрный и лояльный „австрійскій украинецъ“.

Въ газ. Gratzzerblatt читаемъ сообщеніе, что русскій царь посѣтилъ гор. Львовъ 23-го с. апрѣля и съ балкона намѣстническаго дворца обратился къ населенію съ краткой рѣчью, законченной словами: „Да живетъ единая, недѣлимая, могучая Русь!“

(*Особ. записк.:*) Еще одинъ курьезъ: Днесь, т. е. 25-го апрѣля 1915 г., о. Игнатій Мохнацкій получилъ здѣсь письмо отъ страхового О-ва Phoenix, помѣченное 26. XII. 1914 г., въ которомъ это О-во извѣщаетъ о. Мох., что срокъ мораторія для уплаты его преміи истекаетъ 15. I. 1915. Такимъ образомъ, благодаря нашей администраціи, это письмо доставлено ему тремя мѣсяцами позже истечения назначеннаго срока. Изъ

этого инцидента возникнетъ навѣрно процессъ. Свидѣтелями этого факта являются Ант. Телесницкій и о. Ром. Котайло.

Въ нашихъ госпиталяхъ службу Krankenwächter-овъ исполняютъ евреи (нпр. Greif), и выходятъ такіа сцены: Больной человекъ (и притомъ священникъ) посылаетъ этого Greif-a къ священнику о. Венгриновичу съ приглашеніемъ, чтобы пришелъ въ госпиталь и его, больного, исповѣдалъ. Такимъ образомъ, даже въ такомъ дѣлѣ еврей является посредникомъ!

Въ кухнѣ еврей присматриваетъ за поварами. Бездѣ и всегда онъ дѣлаетъ свой Geschäft. Пресловутый Deutscher опять вкрутился и получилъ постъ Zimmerkommandant-a въ госпитальномъ баракѣ, гдѣ развернулъ свой мошенническій талантъ во всю!

Я пошелъ днесь въ госпиталь исповѣцать больного о. Іер. Куновскаго, но меня опередилъ уже въ этомъ о. Дуркотъ. Всѣ мы прибывшіе къ нему, затѣмъ (оо Венгриновичъ, Монцѣбовичъ, я) больного соборовали.

26. апр. — Нѣкоторые изъ-подъ карантина освобождаются и уѣзжаютъ. Померъ о. Куновскій. Въ 4 ч. его похороня.

Богданъ опять ничего не пишетъ. А въждь же могъ, поступивъ 18-го с. апр. въ полкъ по 26/IV сообщить кое-что о себѣ и своемъ положеніи.

Днесь отправилъ я письмо къ Иосифу.

Маленькій, чисто кукурузный хлѣбъ продаютъ здѣсь по 44 — 46 гел. шт.

Теперешній „комиснякъ“ (казарменный хлѣбъ) тоже кукурузный. Значить, и у насъ теперь здѣсь весенній „передновокъ“.

День совсѣмъ лѣтній, жарко. Я снялъ съ себя душгерѣйку, хотѣлъ даже башмаки снять, но — надо было починить чулки. Бѣлые чулки поштопалъ я бѣлою ниткою. Вижу, что все нашему брату надо бы умѣть сдѣлать. Очутись въ такомъ, вотъ положеніи и, придется использовать приобрѣтенное умѣніе, а то иначе совсѣмъ безпомо-

шень. Здѣсь вѣдь и варять и шьютъ сами мужнины.

27. апр. — Вчера Уейскій пустиль въ ходъ вѣсть, что будго всѣ занесены въ теперешній списокъ, будугъ переведены въ Strafbaracken (карательные бараки) №№ 33 и 34. Заинтересованныхъ это опечалило. Говорятъ, что готовъ уже и другой списокъ и что всѣхъ будетъ около 300 лицъ. Быть можетъ и я между ними должень дожидаться допроса. Пусть будетъ что хочеть — если Господь съ нами, никто на ны.

Ожидаемъ прибытія какой-то высокой комиссії. И это, кажется, вѣрно, ибо по баракамъ пошла основательная лихорадочная чистка и внѣ и внутри. Вотъ какъ дѣйствуютъ комиссії у военныхъ! Впередъ уже за 2—3 недѣли заинтересованные узнаютъ о намѣреніи прѣхать такогото лица на ревизию, ну, и стараются. И какъ послѣ этого, такому высокому посѣтителю не найти всего въ отличномъ порядкѣ?

Днесъ получилъ я съ почты отчасти благоприятную вѣсть: бюро Тенгофъ заявленіемъ отъ 20-го с. апрѣля сообщаетъ, что деньги (10 кронъ) получило и наши письма отправило въ Галичину. Если принять во вниманіе, что письмо изъ Бухареста идетъ 7 дней, то мнѣ можно ожидать только около 10 мая отвѣта изъ Липицы. Все же я доволенъ, зная, что письмо уже отправлено и что — дастъ Господь — оно дойдетъ до рукъ моихъ дорогихъ жены и дѣтей. Воображаю себѣ, какую радость оно въ нихъ вызоветъ.

Старый Лаврышъ сдѣлалъ для Янка красивую крохотную часовенку, но такъ, что мнѣ удобно и надежно можно будетъ скрыть въ ней мои записки. Мы это еще днесъ хорошо устроимъ, послѣ чего я облегченно вздохну и успокоюсь.

Съ „добровольцами“ дѣло застряло и ничего больше о немъ не слышно, а заявилось очень мало.

Отъ русскихъ военнопленныхъ удалось достать балалайку, на которой д-ца Лаврышъ играетъ вчера и днесъ (она и г-жа Гмитрыкъ — сосѣдки наши). Вчера

услуль я подъ нѣжные тихіе звуки русской балалайки.

Вчера выслали мы письмо Юсифу въ Камиць. Сообщаемъ о себѣ, что мы здоровы, что карантинъ отмѣненъ, и просимъ, чтобы похлопоталъ о нашемъ освобожденіи.

Крестьяне дѣлятся „комиснякомъ“ такимъ образомъ, что сдѣлали себѣ вѣсы и, разрѣзавъ хлѣбъ, отвѣшиваютъ и раздають каждому по четвертинкѣ.

Днесъ прѣехалъ сюда ген. Бачинскій. Его обращеніе съ интернирован-

Свяц. Владимір Вєнгриновичъ изъ Лаврикова.

нами, это обращеніе не военнаго начальника, а, можно сказать, отца. Внимательно выслушивалъ каждого, кто къ нему обращался. Въ первомъ дворѣ говорили съ нимъ интеллигенты. Были затронуты жгучіе вопросы: о хлѣбѣ, почтѣ, депозитахъ, злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ со стороны военныхъ. Говорили съ нимъ много крестьяне, жалующая на нехватку хлѣба и вообще на недостатокъ и плохое качество пищи. Его столь вѣжливое и внимательное обращеніе съ нами приводило въ крайнее, съ большимъ трудомъ и еле-еле скры-

ваемое бѣшенство присутствующихъ офицеровъ, которые сидѣли во что бы то ни стало отвлечь его отъ насъ и нашихъ заявленій. Сдѣлалъ выговоръ полковнику, почему интеллигенція лишна возможности читать газеты, вѣль же наши газеты проходить черезъ цензуру — заявилъ. Мы въ баракѣ № 30 ждали его посѣщенія также съ нетерпѣніемъ, но не дождались. Онъ уѣхалъ въ Грацъ, обѣщавъ, однако, вскорѣ прѣхать сюда снова. Офицерамъ сказалъ рѣзко: О, я знаю ваше хозяйничаніе! Этихъ здѣшнихъ 1300 покойниковъ наилучше о немъ свидѣлствуютъ!

Въ народѣ всеобщая радость по поводу этого визита. Господь благъ и милостивъ — вчера насъ ободрилъ и днесь утѣшилъ.

Днесь освободили изъ подъ ареста 7 юношей (преимущественно студентовъ, въ ихъ числѣ есть и Маркусъ), просидѣвшихъ въ заключеніи 28 дней за то, что будто, согласно доносу Ив—вича на нихъ — адвокатъ д-ръ Крушинскій училъ ихъ пѣть русской національной гимнъ! За это адвокатъ просидѣлъ 21 день, а они 28 дней. Слѣдствие выяснило, что адвокатъ не знаетъ ни одного изъ нихъ.

Послѣ отъѣзда ген. Бачинскаго — онъ будто долженъ быть назначенъ инспекторомъ всѣхъ лагерей интернированныхъ — во всемъ лагерѣ всѣ говорить лишь о немъ, его поведеніи во время обхода бараковъ, его заявленіяхъ и отвѣтахъ на жалобы и пр. Всѣ отъ него въ восторгѣ. Особенно большое значение придается его заявленію, что объ ужасной Wirtschaftъ наилучше свидѣлствуютъ 1300 покойниковъ „подъ соснами“, ибо оно показываетъ, что онъ знакомъ съ положеніемъ и знаетъ, что администрація сознательно и злобно своими крутыми и жестокими мѣрами въ теченіе всего нѣсколько мѣсяцевъ изгладила со свѣта столь много людей.

28. апр. — День ясный и теплый. Ожидаемый изъ Theresienstadt-а (Терезина) транспортъ интернированныхъ не прибылъ да и неизвѣстно еще вообще, придеть ли. Нельзя вѣрить никакимъ

сплетнямъ и сенсационнымъ извѣстіямъ, люди, просто отъ нечего дѣлать лгутъ и сплетничаютъ, выдумываютъ и фантазируютъ, а многіе болѣе или менѣе по тѣмъ же причинамъ вѣрятъ такимъ сплетнямъ. Все это у нѣкоторыхъ прямо таки манія, болѣзнь.

Богданъ не пишетъ ничего.

Послѣдствія визита генерала и высказанныхъ ему жалобъ уже сказываются: Въ 3-мъ баракѣ „постъ“ поймалъ писаря изъ Галича какъ закуривалъ себѣ трубку и по приказу полковника наказалъ его истязаніемъ Anbinden въ теченіе 2 сутокъ по 2 часа. До сихъ поръ смотрѣли на такое „преступленіе“ черезъ пальцы и не привлекали за него къ отвѣтственности даже при безпощадномъ режимѣ Штандлера, но теперь не то, такъ какъ изъ III барака вчера особенно многіе выступали передъ генераломъ съ жалобами, то это, повидимому, озлобило полковника и онъ мститъ. Надо еще замѣтить, что полковника до вчера не было еще ни разу въ баракахъ и онъ только вчера, вмѣстѣ съ ген. Бачинскимъ, вынужденъ былъ впервые пройти по нимъ.

(*Особ. записъ*) Крестьянинъ Мартынъ Мазуръ изъ Монастырца очутился въ госпиталѣ. Отобравъ у него и уничтоживъ его собственное бѣлье, его тамъ снабдили другимъ, т. е. дали ему рубаху и подштаники. Но когда впоследствии переводили въ баракъ № 16, у него отобрали и это бѣлье и оставили его голымъ совсѣмъ. Въ теченіи 4 сутокъ онъ и днемъ и ночью оставался обернутымъ въ одѣяло. Еще благодареніе Богу, что крестьянинъ послѣ болѣзни все это выдержалъ и не простудился.

29. апр. — Тепло. День ясный. У насъ появилась гитара. Сначала слушала игру на ней, а потомъ попросилъ Криницкую позволить и я самъ игралъ немного.

А Богданъ такъ не пишетъ. Неправимый мальчишка!

30. апр. — День хороший. Утромъ Заславскій передалъ Янку приказъ, перейти подъ карантинъ. Выяснилось, что Янка отправляютъ въ качествѣ свидѣтеля, не то въ Грацъ, не то въ Вѣну.

Днесь же послѣ обѣда онъ идетъ въ баню. Мы теряемся въ догадкахъ по какому дѣлу придется ему давать свидѣтельскія показанія.

Снилась мнѣ моя дорогая Тошка, но лишь одинъ мигъ видѣлъ я ее. Она очень исхудала и навѣрно — если жива — нынѣшнія переживанія отразятся фатально на ея здоровьѣ и организмѣ.

Газеты пишутъ, что будто Италия окончательно и рѣшительно выступаетъ противъ Австро-Венгрии. Что это, какой-то разговоръ со всѣхъ сторонъ? Поживемъ — увидимъ плоды работы макиавельской!

Май 1915 г.

1. мая. — Вчера поѣхали мы Янка подъ карантинъ — издали, новости съ нимъ разговоръ можно было. Онъ скучаетъ и тяготеетъ теперешнимъ своимъ обществомъ, состоящимъ почти изъ однихъ мирянъ.

Днесь день хороший. Спалъ я хорошо. Снова снилась мнѣ моя дорогая Тошка, въ своемъ будничномъ костюмѣ, хлопочущая, но веселая. Расплакалась, но не отъ горя, а отъ радостныхъ волнений. Ахъ, кабы дожидаться вѣсти изъ дому, кабы увидѣть мнѣ ея почеркъ! Я попросилъ, чтобы на письмѣ всѣ подписались собственноручно, но сдѣлаютъ ли это?

Я остался теперь вмѣстѣ со „старымъ“ и „хозяйство“ наше будемъ вести вдвоемъ съ нимъ, а въ тѣсномъ помещеніи, по уходѣ Янка, стѣло намъ троимъ немного шире. Старый ходитъ утромъ покупать молока, хлѣба, сыра, пригрѣваетъ около 10 ч. вчерашнюю ѣду (кофе или супъ), около 11 ч. завтракаемъ. Теперь онъ (замѣсто Янка) и постель стелить, и такъ будетъ, пока не возьмутъ кого-нибудь изъ насъ (навѣрно Теленицкаго).

Ахъ, какое радостное для меня сегодняшнее 1-ое мая! Я получилъ письмо отъ Богдана. Пишетъ, что находится теперь въ Voitsberg и совершенно здоровъ, что его отпускаютъ изъ арміи и что онъ идетъ на фабрику изготовленія шрапнелей и гранатовъ опять въ томъ же Младомъ Болеславѣ. Слава Тебѣ,

Господи, неисповѣдимы пути Твои. Если бы Богданъ не заболѣлъ осенью, онъ бы не получилъ отсрочки, если бы въ своемъ ученіи не пошелъ по технической части, его бы изъ арміи не отпустили, а такъ имъ нужны работники и приходится ихъ шадить и не отправлять на фронтъ. Пойду и сообщу Янку содержание письма. Отвѣчу Богдану завтра, по его прежнему адресу.

2. мая. — Жизнь находящихся у насъ русскихъ военнопленныхъ: Завтракъ. Пленники садятся, вынимаютъ водку и попиваютъ. Они рассказывали Т, что, идя въ атаку, русскіе солдаты уже не кричатъ: урра! ибо австрийцы тоже кричатъ: урра! а стали кричать: Николай! Есть между ними 5/6 евреевъ. У всѣхъ пленниковъ замѣтны единение и хорошая товарищеская жизнь. Нѣкоторые изъ нихъ зарабатываютъ, нпр. за мазаніе толя по 5 кр., деньги, которыя сдаются ими, однако, въ общую кассу и затѣмъ раздѣляются по-между всѣми. Они дѣйствительно товарищи другъ другу. Не то у насъ, наши всѣ порознь. Куда намъ къ нимъ! У насъ каждый самъ про себя и для себя, эгоистъ, торгуетъ между своими, чтобы нажитьсь.. Такъ нпр. картинки изъ талергофской жизни, одинъ священникъ продаетъ по 60 гел. за штуку, между тѣмъ какъ даже въ кантинѣ здѣсь онѣ стоятъ по 20 гел. шт. Таково и дѣло Косимера, купца изъ Граца, въ которомъ посредничаетъ дръ Л. А сдѣлки М—нка и Т—на всѣ мы хорошо помнимъ. А въ молочной кантинѣ славная „Зося“ такъ мѣритъ молоко, что каждый покупатель получаетъ вмѣсто 1 литра, только $\frac{3}{4}$ литра, подобный-же обманъ на вѣсахъ, при продажѣ масла, сыра и т. д. Всякій промышляетъ для себя и не содрагается его сердце даже на видъ почернѣшаго отъ голода лица крестьянина. Позавтракавъ, одинъ изъ пленниковъ воскликнулъ: Эхъ, кабы пустили меня теперь, не попался я бы уже ни за что въ другъ й разъ въ плѣнъ! И сказавъ эти слова пустился танцовать гопака (въ присяду), а потомъ на звуки сирены (отъ бани) всѣ пошли къ работѣ.

Днесь день ясный, теплый, весенний. Съ самого утра всё одёты по лётному, женщины въ легких платьяхъ.

Въ 8 ч. отслужилъ о. Васильчакъ (днесь воскресенье) утреню и обѣдню передъ баракомъ.

Пишу Богдану въ Младой Болеславъ письмо.

3. мая. — День хорошей, теплый. Ожидаемъ прибытія генерала Бачинскаго. Говорятъ, что прибудетъ днесь вербовочная комиссія и что сначала она будетъ брать въ армію „добровольцевъ“, а потомъ и другихъ. Увидимъ, что и какъ будетъ.

Ходить слухъ, что со слѣдующей недѣли будемъ получать одинъ „комисьякъ“ даже на 8 человекъ. Плохо! Еще меньше бѣтъ давать будутъ. Масло стоитъ теперь 1/2 клгр. 1'60 кр.

Быль ген. Бачинскій со всѣми офицерами. Идеальный человекъ. Въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ швабская рѣчь намъ такъ надоѣла, что когда онъ заговорилъ съ нами по польски, это насъ очень приятно тронуло. Далъ распоряженіе, что венавистную рѣпу давать можно намъ только разъ въ недѣлю, не чаще, что водъ карантинъ можно отпустить по 1000 чел и карантинъ можетъ длиться только 10 дней. Сообщилъ намъ, что прибудетъ политическая комиссія (и днесь явилась) и допроситъ сначала одинокихъ женщинъ и старцевъ (свыше 60 лѣтнихъ), а потомъ также тѣхъ, которые первѣ другихъ были арестованы. Словомъ — за все время нашего пребыванія въ Талергофѣ, ген. Бачинскій первый явился какимъ то нашимъ ангеломъ хранителемъ. Никто еще никогда здѣсь не говорилъ такъ съ нами, какъ онъ, да и говоря съ нимъ, совершенно не чувствуешь, что имѣешь передъ собой австр. генерала.

Въ I дворѣ наши крестьяне плотно обступили генерала и, припадая къ его колѣнямъ, вопили: „смилуйтесь, пане генерале, зайдите до кухни и прикажите, нехай намъ дадутъ одну солону чисту воду, мы влинемъ лишь воду чѣмъ ту прокляту рѣпу!“ Послѣ этого онъ далъ вышеуказанное распоряженіе, что рѣпу можно дать только разъ въ недѣлю.

Адвокатъ д-ръ Крушинскій передалъ генералу свою жалобу на беззаконное дѣйствіе лагерной стражи, арестовавшей его и административнымъ путемъ наказавшей его такимъ образомъ, что 24 дня былъ продержанъ въ одиночномъ заключеніи. Жалоба была составлена такъ, что была адресована къ министру-президенту. Генеральъ взялъ ее съ собою. На вопросъ генерала почему жалобщикъ не заявилъ къ рапорту, д-ръ Крушинскій отвѣтилъ: „Это трудное и хлопотливое дѣло — надо просить профоса и другихъ господъ отъ полиціи, да и вообще въ такихъ случаяхъ лучше ужъ и не говорить съ ними!“ Заявленіе это подѣйствовало, повидимому, на полицейскаго чинушу удручающимъ образомъ, ибо вечеромъ, навѣрно по его порученію У. спрашивалъ о. Федора Крушинскаго не знаетъ ли онъ, что его братъ писалъ въ этомъ письмѣ. Тотъ отвѣтилъ, что братъ ему писима не читалъ.

Письмо къ Богдану днесь отправилъ.

На-дняхъ женщины изъ 10-го барака купались въ банѣ. Въ то время когда онѣ были совершенно раздѣты, вдругъ явившійся караульный солдатъ приказалъ имъ всѣмъ голымъ становить ся въ рядъ и въ тотъ же мигъ д-ръ Лянкеръ ихъ сфотографировалъ. А теперь эти снимки ходятъ по рукамъ между военными и это вызываетъ всеобщее возмущеніе у всѣхъ интернированныхъ и особенно у женщинъ, павшихъ жертвой этой издѣвательской продѣлки.

4. мая. — Телеснискій д-ра Дрогомирецкій, Сьокало и др. переходятъ въ бараки №№ 33 и 34 (т. наз. карательные — Strafbaracken). Въ четвергъ Телесницкаго должны уже допрашивать аудиторы. Жаль мнѣ Телесницкаго, моего Schlaßkamegad-a. Такимъ образомъ осталось теперь въ нашей кабинѣ только насъ двое: я и старый свать.

Я отнесъ о. Исайчику крестикъ, прося его начертать на немъ изображеніе распятаго Христова. Видѣлъ Ромка и Василя. Видѣлъ также Янка Онъ навѣрно 6 с. м. уѣдетъ — кажется въ Граць.

Послѣдствія визитовъ и распоряженій ген. Бачинскаго, уже сказываются. Все теперь въ движеніи. Уже 230 чел. такихъ, противъ которыхъ ведется слѣдствіе, переведены въ особые бараки (№№ 33 и 34). Подъ карантинъ днесъ уже прямо гонять, преимущественно крестьянъ, вопреки тому, что генералъ совѣтовалъ интеллигенціи отговаривать крестьянъ отъ намѣренія оставлять Талергофъ и переходить въ лагери Бѣженцевъ.

Выплачивали депозиты. Я получилъ всего 80 кронъ. Не хватило даже долги полатить.

Къ вечеру пошелъ дождикъ.

(*Особ. записк.*) Въ январѣ было заявлено нѣмой Сусаннѣ Кравецъ, что она свободна. Но не смотря на всѣ тщательные поиски во всѣхъ баракахъ, такой женщины не нашли. Установлено поэтому, что вѣроятно баба удрала изъ Талергофа. Впослѣдствіи, однако, выяснилось, что дѣло касается крестьянина Созонта Кравца. Имя Созонтъ показалося нѣмцамъ столь чуждымъ, что они его превратили въ Сусанну!

Предувѣдомлено о предстоящемъ прїѣздѣ людей изъ Theresienstadt-а 6 с. м., въ 7 ч. утра. Быть можетъ прїѣдетъ и Дизько. Поживемъ — увидимъ.

Все еще новые бараки строятъ, сажаютъ деревья. Построены и двѣ покойницкія (изъ кирпича). Бабы поютъ что то въ родѣ шпината и пересаживаютъ на другія грядки. Въ госпиталѣхъ теперь чистая постель и вообще все въ порядкѣ, но это только нынѣ, когда уже свыше 1300 покойниковъ „подъ сонами“ свидѣтельствууютъ и взываютъ о мщеніи къ Богу за прежнее хозяйничаніе полк. Шталлера.

5. мая. — Дождь падалъ всю ночь. Снилось мнѣ родина. Я будто очутился у воротъ въ Липицѣ. Вышла моя дорогая Тошка, но не узнала меня, а когда я поцѣловался съ нею, пала въ обморокъ. Я взялъ ее на руки и отнесъ въ комнату какъ ребенка, очень исхудалую. Тамъ же спало много дѣтей моихъ внучатъ. Нѣкоторыхъ, еще не уснувшихъ, я расцѣловалъ и уложилъ въ постель жену. Не помню, говорила ли мнѣ что

либо. Послѣ этого сна мнѣ днесъ невесело, находить уныніе, хандра.

Приказано намъ идти въ баню. Betehl!

Все жду я вѣсточки съ родины и трудно дожидаться. Ахъ, если бы я только узналъ навѣрно, что тамъ всё они живы и здоровы, какой радостный день былъ бы это для меня, какъ я былъ бы неизреченно счастливъ! Какъ я благодарилъ бы Господа!

На обѣдъ подана морская рыба, т. е. супъ съ рисомъ и плавающими въ немъ кусками рыбы. Наши „кохи“ (повара) не знали, какъ за это дѣло взяться, такъ привезли сюда изъ Граца повара и повариху и стряпали подъ ихъ руководствомъ. Предупреждаютъ насъ теперь, что вредъ будетъ насъ кормить рыбою, вмѣсто мяса.

6. мая. — Праздникъ св. Георгія. Утромъ прочиталъ акаеистъ св. Георгію, высказалъ благожеланія „свату“. Позже прочелъ „Правило“, пошелъ посѣтить Янка и поговорить съ нимъ по крайней мѣрѣ на „дштанцъ“ (разстояніи).

Не днесъ, а кажется завтра, долженъ прибыть новый транспортъ интернированныхъ изъ Theresienstadt а.

Прїѣхала „грацкая“ коммиссія (политическая). Есть и аудиторы. Телесничаго призвали днесъ къ допросу.

Былъ у меня Ромко. Недоумѣваетъ, зачѣмъ его — именно его одного изъ младшихъ — допрашивала „грацкая“ коммиссія. Бойтся, что возьмутъ его на военную службу.

(*Особ. записк.*) Желѣзнодорожники обращались повсюду въ Галичійскъ сверно съ нашими транспортами. Когда въ Рышевѣ остановился поѣздъ и изъ вагона вышелъ на платформу о. Козакъ, сейчасъ подошелъ къ нему одинъ желѣзнодорожный чиновникъ, и не говоря ни слова, далъ ему пощечину. Даже ведущій транспортъ комендантъ былъ пораженъ этимъ инцидентомъ и реагировалъ угрозою, что если кто изъ публики(!) дерзнетъ обижать арестованныхъ, то онъ, комендантъ, употребитъ предоставленныя въ его распоряженіе мѣры.

Днесъ одинъ крестьянинъ вырвался изъ Талергофа и доставшись на желѣзнодорожную станцію *Abtissendorf*, бросился подъ колеса налетѣвшаго поѣзда и моментально былъ убитъ. Опротивѣла жизнь бѣдняжкѣ! А вѣдь же у нашихъ крестьянъ самоубійства случаются такъ рѣдко.

Интернованы въ Талергофѣ по концѣ войны оо. Ясеницкій и Гелитовичъ и г. Лужецкій.

Говорятъ о предстоящемъ визитѣ *Generalstabsarzt-a*. Къ этому визиту уже дѣлаются приготовления и „порядки“ по баракамъ: открываются окна для чистки воздуха, выметаюгъ соръ и т. п., но — быть можетъ и напрасно, быть можетъ *Generalstabsarzt-a* не увидимъ, это бывало уже не разъ. Впрочемъ и эти визиты отбываются такимъ образомъ, что визитующій еле еле заглядываетъ въ баракъ, а обычно, почти по правилу, пройдетъ только по двору вдоль бараковъ и — это довлѣтъ.

Днесъ былъ у насъ завтракъ на славу: свать на свои именины купилъ ветчины и угостилъ насъ. Прилично позавтракали. Затѣмъ купилъ еще одну порцію и отнесъ Янку.

Телесничій доволенъ спросомъ у аудитора Ваничка (чеха). Надѣется на совершенное освобожденіе.

Былъ *Generalstabsarzt*, въ обществѣ нѣсколькихъ врачей. Вышелъ неприятный инцидентъ: онъ вошелъ въ кабину о. Ф. Р., гдѣ сидѣла тогда только одна женщина, именно его, о. Р.—го, жена, которая почему-то, не встала, когда онъ вошелъ. Видя это, онъ спросилъ *Zimmerkommandant-a*, д-ра Е. Вальничаго, кто она, и узнавъ ее фамилію, окликнулъ ее строго: „Можетъ быть вы бы встали? это возмутительно!“ — и проходя дальше по корридору, сказалъ: „Вы жалуетесь, что съ вами обращаются строго, а вотъ это показывается, что вы этого заслуживаете!“ Вотъ неприятность! Хотя еще неизвѣстно, почему, т. е., по какой причинѣ, она не встала, но въ общемъ находятъ ее виноватой, что она не встала, и этимъ вольно или неволью дала поводъ къ раздраженію.

Прибыла въ Талергофъ новая партія русскихъ военнопленныхъ въ 130 человекъ.

7. мая. — День хороший, теплый. Встали рано.

Прибылъ транспортъ нашихъ братьевъ-узниковъ изъ *Theresienstadt-a* около 1000 душъ. Есть, говорятъ, между ними и Дизько изъ Городища, но нельзя ни съ кѣмъ изъ нихъ видѣться, ибо они строго изолированы. Размѣщены во II дворѣ и пока что сносятся съ ними нѣтъ возможности. Я очень хотѣлъ бы узнать что-нибудь отъ Дизька, быть можетъ сообщилъ бы мнѣ кое-что о моей Липицѣ.

На 2 ч. дня, назначено лизолованіе барака. Приказано вынести всѣ вещи во дворъ.

Изъ прибывшихъ оо. Вас. Скобельскій и Н. Дуркотъ и нѣсколько крестьянъ помѣщены на одной половинѣ 34-го барака. При баракѣ, тамъ стоитъ поставленный караулъ, кажется, что они тамъ находятся въ *Einzelarrest-ѣ* (въ одиночномъ заключеніи). А ни подоить, ни разузнать ничего толкомъ невозможно.

Хотѣлъ я послѣ обѣда увидѣть Дизьку хоть издали, но нельзя. Весь II дворъ окруженъ „постами“, а они какъ бѣсноватые гонятъ всякаго, кто только издали пробуетъ повести разговоръ съ новоприбывшими.

Мнѣ удалось узнать только Пашкевича изъ Львова и Галушку, но они не узнали меня, а когда затѣмъ узнали меня, то весьма удивились, куда дѣвался мой животъ, да и моя борода совершенно измѣнила черты лица.

Янко подъ карантинномъ очень то скуеть и нудится.

Я и „старый“ навѣрно останемся здѣсь интернированными дальше, а Янка пустятъ на свободу или же конфинуютъ.

Можетъ быть, Дизько имѣтъ какія-нибудь извѣстія изъ Галичины отъ своихъ и передастъ бы мнѣ. Очень радъ бы узнать.

8. мая. — Пойду къ Дизьку. Караульные подобрѣли немного и теперь можно будетъ поговорить.

День хороший. На душѣ и тоска и скорбь по родинѣ.

Надѣ Дунайцемъ побили русскихъ и они отступили на 30 килом. на востокъ. Взятъ въ плѣнъ будтобы 30.000 человекъ.

Дизька нѣтъ въ Терезинскомъ транспортѣ, нѣтъ и о. О. Яворовскаго ни другихъ (ни Кульматицкаго изъ Городища). Слѣдовательно, ихъ увезли прямо изъ Львова куда-то въ другія мѣста, навѣрно въ Линць.

Прибылъ ген. Бачинскій. Выжидаемъ его, чтобы затронуть съ нимъ нѣкоторые вопросы. — Пришелъ къ намъ, но уладилъ лишь нѣкоторые личные вопросы (д-ра О. Крушинскаго) и заявилъ, что ему днесь некогда заниматься личными вопросами. Общаль прѣхать на слѣдующей недѣлѣ.

Узнали мы, что многіе изъ прибывшихъ еще въ Терезинѣ подписали легитимаци, коихъ вопреки ожиданію не отпустили, а привезли сюда, тутъ же они подвергнуты карантину.

Подтверждаются извѣстія, что русскія войска отступили за Рымановъ. Замѣтны опасенія, что Италия выступить противъ Австро-Венгрии. Въ сторону Италиі уже въ теченіе нѣсколькихъ дней отправляются многіе поѣзда, переполненные войсками. Не видать конца войнѣ!

Теперь обычно послѣ обѣда ложусь и сплю. До сихъ поръ я этого не дѣлалъ, но заставляютъ такъ дѣлать, ужасная скука томленіе духа, уныніе... Нѣтъ занятія, нѣтъ книгъ, нѣтъ ничего, ничего необходимаго для сносной культурной жизни, такъ доволенъ человекъ, что хоть сномъ убить время. Потому облегченно привѣствуемъ приближающуюся ночь. Ложимся въ 9 час. веч., а просыпаемся въ 5 час. утра.

Судья и офицеръ въ резервѣ Миронъ Мерена палъ на войнѣ.

Безголовые: Унававъ, что прибывшіе сюда изъ Терезина ок. 700 узниковъ, подписали еще тамъ легитимаци, ген. Бачинскій очень удивился, почему ихъ прислали сюда, а не отпустили тамъ еще. Немедленно произведена была ихъ сортировка, путемъ, которой были особо

размѣщены освобожденные, особо конфинированные, а особо интернованные.

Что только не дѣлаютъ съ несчастными людьми! Совсѣмъ здоровыхъ узниковъ, прибывшихъ изъ мѣстностей, гдѣ не было никакихъ эпидемій, помѣстили во II дворѣ, гдѣ были госпитали для тифозно больныхъ и выздоравливающихъ изъ тифа. Какое небрежное отношеніе къ человеческому здоровью и жизни. Вѣдь же можно быть почти увѣреннымъ, что новоприбывшіе наберутся тамъ тифа, ибо для отвращенія этого не

Свящ. о. Григорій Грыцькѣ, изъ Святого, у. Ярославъ.

предпринята никакія мѣры. И вновь будутъ установлены беззачетные карантинны, стѣсненія и ограниченія всякаго рода. Доколѣ же, о Господи, всѣ эти мученія, терзанія, издѣвательства!

Остались здѣсь русскіе военнопленныя (главнымъ образомъ поляки и евреи) и они (неизвѣстно, по собственнымъ ли побужденіямъ и соображеніямъ или же по наущенію со стороны), вызываютъ нашихъ людей на разговоры о войнѣ, о Россіи, и вообще на политическія темы, а затѣмъ на высказавшихся доносятъ нашимъ властямъ. Такой фактъ

былъ установленъ вчера. По поводу получаемыхъ теперь вѣстей съ фронта о побѣдахъ австрійскихъ войскъ надъ русскими, имѣли нѣкоторые изъ нашихъ людей высказаться сомнительно относительно достовѣрности этихъ извѣстій передъ военнопленными и скорбѣть. Здѣшнимъ нашимъ офицерамъ, какъ только имъ было доложено, это, самопонятно, не могло нравиться, и они дожили объ этомъ даже ген. Вачинскому. Въ виду этого ген. Вачинскій былъ къ намъ расположенъ холодно, тѣмъ болѣе, что былъ взволнованъ всей этой исторіей съ транспортомъ изъ Терезина и размѣщеніемъ его во II дворѣ. Нельзя, впрочемъ, никакъ полагаться на всѣ эти вѣсти и слухи, ибо здѣсь много врутъ, сознательно или несознательно, а есть немало и профессиональных лгуновъ.

9. мая — Съ утра дождикъ. Получилъ отъ Богдана карточку, помѣченную: Грацъ, 6/5. Я ожидалъ, что онъ уже навѣрно находится въ Младомъ Болесла въ, куда долженъ былъ отправиться уже 28 го апрѣля. Пишетъ, какъ обыкновенно, неясно, такъ что трудно узнать настоящее положеніе вещей. Пишетъ, что онъ комиссіей суперарбитровъ „daseinbeurlaubt“ (совершенно отпущенъ) и что поѣдетъ въ Чехію, а тамъ придя къ силамъ, будетъ работать въ фабрикѣ шрапнелей. Просить о присылкѣ денегъ, такъ какъ его башмаки износились, нужно ему также пальто, а вещи свои оставилъ на Уграхъ въ магазинѣ (вотъ, онъ былъ и въ Венгріи, такимъ образомъ узнаю я) и онѣ будутъ возвращены только по окончаніи войны. Я недоумѣваю, куда выслать ему деньги, не зная точно его адреса. Въ виду этого, пошлю ихъ его хозяйкѣ Шевчикъ. (Schevčík, Jungbölzlau, Rybnicnagasse 237), съ замѣткой, пусть она заблагоразсудитъ сама и или деньги отошлетъ ему въ Грацъ, или же вручитъ ихъ ему, когда къ ней возвратится. Отношенія между этой женщиной и Богданомъ сердечныя очевидно, такъ какъ она кормитъ его безвозмездно и пишетъ къ нему и газеты пересылаетъ въ Voitsberg (онъ самъ упоминаетъ объ этомъ въ письмѣ отъ 26 го апр.) Или быть можетъ, у этой женщины есть дочь

и она имѣетъ въ виду въ лицѣ Богдана приобрести зятя? Я, однако, серьезно беспокоюсь его здоровьемъ. Разъ его освободили отъ военной службы и то въ настоящее время, такъ — съ его катаромъ легкихъ — дѣло не обстоитъ хорошо. Боюсь, чтобы этотъ катаръ не сталъ причиною чахотки у Богдана. На войнѣ простудился и поидеть преждевременно въ могилу. Если бы былъ дома, такъ можно бы его еще пока есть время, спасти, а разъ дѣло запустится, будетъ плохо. Вотъ и радовался я, что онъ живъ, что освобожденъ отъ военной службы, а эту радость мою закрываетъ туманъ неизвѣстной развязки грозныхъ послѣдствій этого катара. Нѣтъ дня безъ облаковъ, словно nulla dies sine linea. Да будетъ воля Твоя, Господи!

Изъ бюро Тенгофа нѣтъ письма. Тоска. Янко все еще подъ карантинномъ и даже не знаетъ еще, когда уѣзжаетъ.

Противъ Телесничаго слѣдствіе приостановлено и онъ будетъ освобожденъ, но пока выйдетъ изъ Талергофа, ему надо будетъ жлать 3—4 недѣли. Разъ онъ выйдетъ, такъ, быть можетъ похлопоталъ бы въ Грацѣ и въ нашемъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что онъ лично знакомъ и съ комиссаромъ Смуклою и съ Ганкевичемъ и, слѣдовательно, могъ бы повліять на благополучное вырѣшеніе нашего дѣла. Рады бы мы перейти на собственный хлѣбъ, но даже относительно того не знаешь, будетъ ли лучше. Взаправду не знаешь, чего желать и просить. Въ нынѣшнихъ условіяхъ жизнь становится съ каждымъ днемъ и повсюду все тяжелѣй, все несноснѣй, невозможно предвидѣть, ни участь тѣхъ новыхъ осложненій, въ которыхъ можешь очутиться, живя на собственный счетъ. И здѣсь не живешь и тамъ существовать не сможешь. Вотъ и напрашиваются сами собой слова Спасителя: не вѣсте, чего просите!

Составилъ письмо къ г-жѣ Шевчикъ. Послалъ на ея руки 50 кронъ. Написалъ открытку Мирону Заяду въ Грацъ и спрашивалъ его, не знаетъ ли онъ, что-нибудь о моей семьѣ, и сообщилъ ему, что братъ его Ив.(анж) уже въ Га-

личинѣ. А Богдану не писалъ, такъ какъ не знаю его адреса.

Письмо г-жѣ Шевчикъ, Mladi Bole-
slav, Rolnicna ulice 237.

Thalerhof, 10/5--1915. — Gnädige Frau!
— Von Gottesvorsehung ist es so vorgekom-
men, dass mein Sohn in Ihrem Hause Ob-
hut gefunden hat. Ich habe von ihm am
Thalerhofe 2 Briefe und eine Karte erhal-
ten. Die Briefe waren nicht von ihm eigen-
händig geschrieben, und das wundert mich
warum? Die Karte hat er selbst eigenhändig
geschrieben, aber der Inhalt dieser Briefe
ist mir nicht ganz klar. Ich weiss nicht,
wie und auf welche Mittel durch die ganze
Zeit seines Urlaubes Bohdan gelebt hat.
War er vielleicht im Militärhospital gewe-
sen und wo? Jetzt erfahre ich, dass er
„dauernd beurlaubt wurde“, das heisst,
dass es mit seinem Lungenspitzenkatar
schlecht ist, dass er zur vollkommenen Ge-
sundheit nicht zurückkam. Das alles, selbst-
verständlich, quält mein väterliches Herz,
umso mehr, dass in jetzigen Verhältnissen
unsere Zusammenkunft (wenn ich ihn be-
suchen wollte) ausgeschlossen ist. Ich äng-
stige mich wegen seiner Gesundheit, und
vom Bohdan kann ich nicht die ganze
Wahrheit erfahren. Er ist noch kindisch,
schwer zum Schreiben, und schreibt er ein-
mal, so erfahre ich nicht viel davon. Ent-
schuldigen Sie, Gnädige Frau dass ich,
obwohl unbekannt, Sie mit meiner Bitte be-
lästige. Ich hoffe, Sie werden meine Bitte
nicht abschlagen wollen, die Bitte eines
Vaters, dessen Herz wegen der Gesudheit
seines Sohnes sorgenvoll ist. Er hat von
Graz (den 65) geschrieben und mich ihm
Geld zu senden gebeten. Er hat aber kei-
ne Adresse angegeben, darum sende ich
gleichzeitig 50 Kronen auf Ihre Adresse.
Bohdan braucht Geld (wie er schreibt), um
sich Kleider zu kaufen. Ich ersuche Sie
höflichst mir zu schreiben und die ganze
Wahrheit zu gestehen. Es ist besser das
Wahre zu wissen als sich mit falscher
Hoffnung zu täuschen.

Ich bleibe hochachtungsvoll

J. Maszczak,

(Талергофъ, 10/5 — 1915. — Мило-
стивая Государыня! — Божиимъ соиз-

воленіемъ сложилось такъ, что мой сынѣ
нашелъ въ Вашемъ домѣ приютъ. Я
здѣсь получилъ отъ него 2 письма и
одну открытку. Письма его не написаны
его рукою, и это меня удивляетъ. От-
крытка, правда, написана имъ, но содер-
жаніе писемъ мнѣ непонятно. Не знаю,
какъ и на какія средства жилъ Богданъ
все время своего отпуска. Находился-ли,
можетъ быть, въ военномъ госпиталѣ и
гдѣ? Теперь узнаю, что онъ „отпущенъ
совершенно“, значить, слѣдовательно,
что съ его катаромъ легкихъ плохо, что
онъ не совсѣмъ выздоровѣлъ. Все это,

Связъ о. Корнилій Сенякъ изъ Бережницъ кор.

конечно, терзаетъ мое отцовское сердце,
тѣмъ паче, что въ нынѣшнихъ услови-
яхъ наше свиданіе (если бы я желалъ
посѣтить его) совершенно исключено.
Безпокоюсь о его здоровьѣ, а отъ Бог-
дана я не могу достать полной правды.
Онъ еще ребенокъ, къ перепискѣ не
охотникъ, да и, разъ напишетъ, много-
го изъ этого не узнаешь. Простите мнѣ
Милостивая Государыня, что безпокою
Васъ моей просьбой, не будучи знакомъ.
Надѣюсь, что Вы не отвергнете прось-

бы отца, сердце котораго озабочено состоянием здоровья сына. Онъ писалъ мнѣ изъ Граца 65, прося о присылкѣ денегъ. Но не далъ адреса, и потому посылаю одновременно 50 кронъ по Вашему адресу. Богдану нужно денегъ — какъ писать — на покупку платья. Сообщите мнѣ, пожалуйста, всю правду. Лучше знать всю правду, чѣмъ обманывать себя ложной надеждой. Глубокоуважающій Васъ *И. Мацка*).

Lieber Herr Myron (Zajac).

Ich habe von Bohdan erfahren, dass Sie jetzt in Graz im Bewachungsdienst sind. Ich benutze diese Gelegenheit und schreibe Ihnen einige Worte. Ich bin seit 4-IX-1914 in Thalerhof interniert, mit den anderen, deren grosser Theil schon fort ist und in Steiermark hie und da auf eigene Mittel lebt. Haben Sie vielleicht eine Nachricht aus Galizien? Ich weiss gar nicht, was mit den meinigen geschehen ist. Ich habe Dosio und seine Familie in Lipica verlassen, sind sie bis jetzt noch dort, oder leben sie schon in Lemberg, weiss nicht. Ich habe durch Peters Tenhof Bureau in Bucarest am 1-IV geschrieben, aber bis heute keine Antwort erhalten. Mein einziger Wunsch ist zu erfahren, dass meine Familie gesund ist.

Ihr Bruder I. soll sich in Galizien befinden, wissen sie davon? Geben Sie mir eine Antwort.

Ich grüsse Sie herzlich

Johan M.

Дорогой Миронъ!

Узналъ отъ Богдана, что Вы находитесь въ Грацѣ, неся караульную службу. Пользуясь случаемъ, шлю Вамъ нѣсколько словъ. Съ 4|IX. — 1914. находясь въ Талергофѣ, интернованъ вмѣстѣ съ другими, большая половина которыхъ уже вышла и живетъ въ Сирин на собственные средства. Есть у Васъ какія-нибудь вѣсти изъ Галичины, быть можетъ? Я совершенно не знаю, что тамъ происходитъ съ моими. Я оставилъ Дозя съ семьей въ Липицѣ, живутъ ли они тамъ до сихъ поръ или уже во

Лвовѣ, не знаю. Писалъ я чрезъ бюро П. Тенгофа въ Бухарестъ 1|IV, но не получилъ отвѣта и по днесь. Мое единственное желаніе — узнать, что моя семья здорова.

Вашъ братъ И. будто находится въ Галичинѣ, знаете ли объ этомъ? Отвѣйте, пожалуйста.

Привѣтствую Васъ сердечно

Юлия М.

Такой случай рассказываетъ о Венгриновичъ: Исповѣдая во время эпидеміи больного въ баракѣ № 29, онъ, о. Венгриновичъ, видитъ и слышитъ, какъ вблизи плачетъ мать надъ сыномъ. Подошелъ къ нимъ дежурный солдатъ и записываетъ больного какъ покойника. Видя это, о. Венгриновичъ сказалъ, чтобы лежащаго оставилъ какъ есть, въ покоѣ, ибо быть можетъ, что онъ еще не умеръ. И дѣйствительно, нѣкоторое время спустя, о. Венгриновичъ еще его исповѣдалъ и только послѣ этого, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, больной скончался. Если бы не вмѣшательство о. Венгриновича, такъ навѣрно этого больного, еще живого, немедленно заколотили бы въ гробу!

Съ умершаго о. Апполлинарія Филлипповскаго сняли одежду и нагого, какъ многихъ другихъ, кинули въ гробъ и такъ похоронили.

Отмѣтитъ должень, что сестра милосердія Марія, съ кличкой „наша мама“, прекрасная душа, и ухаживаетъ за больными съ материнскою нѣжностью и любовью. Можно сказать, что въ Талергофѣ хорошихъ было трое: сестра Марія, Weiss и Opfermann, фиреръ, командированный на кладбищенскую службу, ведущій списки усопшихъ и занимающійся ихъ погребеніемъ. И капитанъ Strick былъ не плохой, но нервный человекъ, онъ былъ обойденъ при повышеніи и затѣмъ взятъ на фронтъ.

Адресъ Опферманна: Joseph Opfermann, Wien, XVI Bezirk, Redtenbacher-gasse, № 10, I, 18.

Посѣщалъ я новоприбывшихъ изъ Терезина. Разговаривалъ съ о. І. Зарикимъ изъ Козлова. Онъ рассказалъ

ми историю Дизька Бачинскаго изъ Городища и передать адресъ его на- стоящаго мѣстопробыванія: Weyerburg im Niederoesterreich, L. P. Eggendorf im Thale. Говорилъ, что Дизько никакихъ вѣстей изъ дому отъ родныхъ не по- лучааетъ. Здѣсь находятся и д-ръ Ив. Гриневецкій и д-ръ В. Антонецъ и др. Они въ лучшемъ видѣ чѣмъ мы. И одеж- да на нихъ лучше и бѣлье чище и ю- мора у нихъ больше чѣмъ у насъ. Здѣсь о. Зарицкій остается какъ интернирован- ный до конца войны.

Я отправилъ открытку Дизьку и жду его отвѣта.

Мойсей Слободецкій, 33 лѣтъ, изъ Дубковецъ, у. Скалатъ, въ жару выбѣжалъ изъ барака и вѣроятно выбрался за ворота. Постовой оклик- нулъ его, но онъ не остановился. Раз- дался выстрѣлъ и поцѣдилъ его въ рамя. На другой день въ Грауцѣ скончался не- счастный.

Интернациональное бюро: Dr. Linde in Bukarest, calea Victoriei № 60.

10. мая. — Въ первомъ дворѣ былъ ген. Бачинскій. Дозволено намъ читать газеты которыя будутъ продаваться въ кантинѣ. Вотъ новое завоеваніе, кото- рымъ мы ему обязаны.

Видно, что многіе будутъ конфи- нованы, а зачѣмъ, нельзя знать. Я не стараюсь, не хочу дѣлать по своей волѣ, чтобы впослѣдствіи не пенять на себя самого. Пусть они сами дѣлаютъ себѣ со мной, что имъ заблагоразсудится, тогда и приму это какъ рѣшеніе судьбы. Да будетъ воля Твоя, Господи. Я, спо- коенъ. Ничего не желаю, лишь Господа ежедневно прошу, чтобы прочее время живота моего мнѣ въ мирѣ провести и въ покаяніи скончати. Читаю Св. Писа- ніе. Никогда оно еще, кажется, такъ сильно не захватывало меня, какъ те- перь здѣсь, никогда имъ такъ глубоко не былъ тронутъ и такъ душевно-ра- достно не наслаждался, какъ теперь. Оно мнѣ теперь крѣпость, здоровье и побѣда.

Составилъ письмо къ адв. д-ру Ив. Добрянскому во Львовѣ и пошло чрезъ бюро д-ра Линде въ Бухарестъ. Прила- гаю 14 „интернациональ-шейн“-овъ. Лишь

бы только письмо не пролежало чрезъ- чуръ долго здѣсь въ конторѣ.

Розошлась вѣсть, что будто 4 че- ловѣка изъ новоприбывшаго Терезин- скаго транспорта заболѣли и что ихъ взяли въ изолированные бараки подѣ обсервацію. Вотъ и выходитъ наружу вся бестолковщина относит. постановле- нія при ихъ приѣмѣ. Новоприбывшихъ по- мѣстили въ госпитальныхъ баракахъ ти- фозно больныхъ. Въ баракѣ № 16 пе- ребывали до послѣдняго дня реконва- лесценты и неизвѣстно, сдѣлана ли была тамъ въ послѣдній день дезинфекція или

Свящ. о.Пантелеймонъ Скорморовичъ изъ Дыняскъ.
(снимокъ изъ конфискаціи въ Ибелбахъ).

нѣтъ. Былъ генераль-врачъ, но не об- ратилъ вниманія на то обстоятельство, что новоприбывшихъ здоровыхъ людей помѣстили въ неподходящихъ баракахъ, напротивъ же генер. Бачинскій это за- мѣтилъ. И теперь, чего добраго, вспых- нетъ, не дай Богъ, какая-то эпидемія, пойдетъ опять карантинъ и т. п., и снова жизнь станетъ совершенно невыносимой.

11. мая. — Стужа. Телесницкій вернулся вчера въ нашъ баракъ, и опять мы сидимъ втроемъ. Янку еще находится подь карантинномъ. Всѣ уѣзжающіе обьязаны отбыть 10-21-дневный карантинъ, хотя эпидемія и прекратилась.

Вчера явились здѣсь 2 уполномоченныхъ отъ польскихъ легионеровъ въ россійской Польшѣ, чтобы здѣсь между русскими поляками набирать добровольцевъ. Созвали всѣхъ ихъ, т. е. свыше 140 чел., говорили имъ патриотическія рѣчи и въ результатѣ заявили 3, но такъ какъ изъ-за оживленныхъ разговоровъ не спохватились записать себѣ ихъ фамилій, то днесь не могутъ ихъ отыскать. Наконецъ одного изъ нихъ поймали, но допрошенный, онъ днесь уже отказался.

Должны были быть призваны къ подписыванію своихъ легитимаций наши терезинцы, вдругъ, однако, надослѣла изъ Терезина телеграмма, извѣщающая, что одновременно отсылаютъ 600 людей (подписывающихъ легитимации) въ Талергофъ.

Изъ терезинцевъ 12 чел. днесь вышли на свободу.

Испортился колодець и потому и баня перестала дѣйствовать, вслѣдствіе чего и терезинцы ушли, не купавшись.

Газеты пишутъ, что министръ финансовъ во Франціи предложилъ парламенту вотировку военного бюджета лишь на 3 мѣсяца. Это знаменательно. Пишутъ также въ газетахъ, что 8-го с. мая русскій царь послалъ верховному главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу благодареніе и золотую саблю за военные подвиги и „за взятіе Галичины“. Между тѣмъ та побѣдная и блестящая для австрійскихъ войскъ битва, въ которой русская армія была совершенно разбита и Австро-Венгрии достались огромные трофеи, состоялась 2-го с. мая. И вдругъ послѣ такого страшнаго пораженія русскихъ армій Николаю Николаевичу такіа похвалы и отличія. Ну, и разбирайтесь въ такихъ сообщеніяхъ!

Писалъ недавно кто-то изъ Америки, — и у насъ письмо это читали — что долго намъ уже не придется то-

миться, ибо Австрія вынуждена просить мира. И какъ это цензура такое письмо пропустила?

12. мая. — День пасмурный и холодный. Ген. Бачинскій снова въ Талергофъ. Дозволено намъ читать газеты и вотъ теперь всякій, кто купилъ себѣ въ кантинѣ газету, можетъ ее читать публично, на виду всѣхъ. До сихъ поръ читали мы газеты скрытно. М—къ былъ поставщикомъ грацкихъ газетъ и грабилъ людей ужасно, беря за то, что далъ бараку прочесть одинъ н-ръ газеты, 40—60 гелл.

Вчера вечеромъ около 200 чел. терезинцевъ отпушены и днесь отпускаютъ еще другихъ.

Ген. Бачинскій приказалъ, чтобы отпускаемыхъ не передерживать по 20 дней подь карантинномъ, а выпускать ихъ на свободу скорѣе. Благодаря его вмѣшательству, настало замѣтно повсюду большое движеніе.

Цѣна на мясо поднимается вверхъ каждый день на 30 кронъ на метриц. центнарь, до того ужасная дороговизна.

Франко Горянский пошелъ подь карантинъ. Былъ у меня и просилъ дать ему взаймы денегъ. Далъ 3 кроны.

Читалъ польскую брошюру, розданную здѣшнимъ полякамъ: Wydawnictwo organizacji narodowej, Nr. 5. „Co każdy polak o terazniejszej wojnie wiedzieć ma i co ma czynić?“ Могли бы лучше написать—больше патетически.

Я служилъ вечерню съ литією передь баракомъ.

13. мая. — Вознесеніе Господне. Въ арестѣ плотники работаютъ. Тутъ по праздникамъ и воскресеньямъ работаютъ днемъ какъ въ будни, особенно до полудня. Была отслужена утренняя, а затѣмъ литургія. Былъ на разговорѣ съ о. Романомъ Крыжановскимъ (изъ Небылова), потомъ пошелъ къ Янку, который на своемъ карантинѣ ужасно скучаетъ.

Василь Мартынюкъ днесь распустился, его зовутъ, его погоняютъ подь карантинъ.

Телесницкій узналъ, что онъ отпускаецъ на свободу, съ примѣчаніемъ

въ документъ: sich fern von dem Operations-terrain halten. Замѣтка эта озлобила его.

Я увидѣлъ, что въ Abtissendorf цвѣтутъ черешни, деревья покрыты густой зеленью, весело, чудно, а въ душахъ и сердцахъ нашихъ тоска, уныніе, боль и печаль. Улетаешь мыслями на родину, припоминаешь себѣ до мелочей свое родное село, свой садочекъ, какъ роскошно онъ расцвѣлъ, и вздыхаешь: Господи, доведется ли намъ еще быть тамъ и въ такую вотъ пору? Блаженни вси уповающи на Господа.

Гдѣ справедливость? Всѣ освобожденные и конфинированные должны отпращиваться на мѣста своего будущаго пребыванія на свой собственный счетъ. Значить такъ: арестовали и привезли всякаго сюда, продержали нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи, убѣдились наконецъ въ твоей невинности и говорятъ: убирайся отсюда и плати желѣзнодорожный билетъ себѣ самъ!

На обѣдъ была подана рѣпа Вотъ и праздникъ Вознесенія ознаменовали рѣпою.

Получилъ письмо отъ Богдана, помѣченное: 12 — V. Такъ разминулись, видно, наши письма — я выслалъ къ г-жу Шевчикъ 50 кронъ и письмо 11 — V. Богданъ уже въ Младомъ Болеславѣ. Пишетъ, что въ Грацѣ видѣлъ Качалу и Мирона Заяца. Сообщаетъ, что былъ у врача и онъ посовѣтовалъ ему совершенно воздержаться отъ работы въ фабрикѣ до полного выздоровленія легкихъ. Въ виду этого спрашиваетъ, какъ ему теперь быть, откуда достать средства на жизнь, если не сможетъ зарабатывать себѣ на фабрикѣ, значить, смогу ли я ему посылать деньги на содержаніе? Въ прежнее время, конечно, я могъ бы, но въ нынѣшнихъ условіяхъ это почти невозможно. Выдачи части депозита приходится ждать у насъ свыше 2 мѣсяцевъ. Въ настоящее время у меня этотъ депозитъ составляетъ всего 300 кронъ. Конгруи не выплатили еще за мартъ, апрѣль и май. Потому я желалъ бы выйти отсюда на конфиншанъ, тогда у меня будутъ деньги въ карманѣ и я буду въ состояніи посылать Богдану правильно по 70—80 кронъ ежемѣсячно,

а въ случаѣ нужды занялъ бы у Янка.

Раздумывая надъ своимъ положеніемъ, я попалъ на мысль дѣйствовать чрезъ судью Величковскаго. Я просилъ Телесницкаго, — онъ съ нимъ знакомъ — чтобы поговорилъ въ моемъ дѣлѣ и попросилъ его помочь. Телесницкій охотно согласился и обѣщалъ это сдѣлать.

Былъ днесъ у Янка и сообщилъ о полученіи письма Богдана.

Послѣ обѣда вышелъ я снова, желая явиться передъ комиссіей. Но случилось такъ, что я не пошелъ, но за то познакомился съ д-ромъ Ганкевичемъ. Поговорилъ съ нимъ довольно долго и вынесъ хорошее впечатлѣніе. Онъ посовѣтовалъ мнѣ внести прошеніе объ освобожденіи, приведя всѣ моменты и аргументы, говорящіе въ мою пользу. Внесу завтра. Помогите, Господи!

Телесницкій пошелъ подъ карантинъ и будетъ свободенъ уже чрезъ 3 недѣли (но не скорѣе).

14. мая. — День чрезвычайно теплый. „Грацкая“ комиссія все время засѣдаетъ. Послѣ обѣда и я пошелъ туда, но внутри не заходилъ, за то имѣлъ возможность познакомиться ближе съ д-ромъ Ганкевичемъ, вышедшимъ изъ комнаты на дворъ. Продолжался разговоръ о моемъ положеніи. Онъ сказалъ, что обо мнѣ переговоровъ съ нимъ и „Янко изъ Ходорова“, но что моя „табула дуже засмарована“. Въ концѣ разговора совѣтовалъ все таки подать надлежаще мотивированное прошеніе.

Вечеромъ пронеслась надъ Талергофомъ страшная гроза съ громами и молніями. По баракамъ чрезъ бумажную крышу лилась на насъ вода. Къ намъ пришелъ ночевать о. Феодосій Дуркотъ. Телесницкій подъ карантинномъ, такъ снова остались мы вдвоемъ со сватомъ.

15. мая. — И облачно, порой дождь, и холодно. Запрещено, однако, топить въ печкахъ, также курить въ баракахъ (а лишь на дворѣ), во избѣжаніе пожара. Многіе священники, особенно лемки, но также изъ жидачскаго и жолковскаго уѣздовъ, интернованы. Гово-

рять, что здѣсь интернованными останутся около 1000 чел.

Я — въ виду того, что желаю послать Богдану деньги правильно, чтобы онъ не былъ вынужденъ, не оправившись еще отъ болѣзни, работать въ фабрику на свое содержание, — хочу выйти на конфинацію, ибо здѣсь не распоряжаю своими деньгами, хранящимися въ депозитъ въ Граффъ. Не знаю удачи ли.

Женѣ о. Р. надоѣло, что мы ежедневно служимъ въ корридорѣ аканѣисты или молебны. Ее это раздражаетъ, она истеричка. Въ виду этого, я мужъ придумалъ такой выходъ: предложилъ мнѣ и о. Венгриновичу, чтобы мы служили въ прачешной (въ сѣняхъ). Вотъ иерей достойный своей жены и она достойна его!

Есть священники, поведение которыхъ вызываетъ возмущение и соблазнъ. Не участвуютъ въ нашихъ богослуженіяхъ священники, оо. М. М., К., Р. К., А. Б. Производитъ это ихъ поведение, удручающее впечатлѣніе на другихъ священниковъ и на крестьянъ. Чего только мы здѣсь, въ Талергофѣ не насмотрѣлись!

Стади печь хлѣбъ въ нашей пекарницѣ. Берутъ лушпу (шелуху) съ картофель, полощутъ, варятъ и добавляють къ хлѣбу. Получается плохой хлѣбъ, несъѣдобный, съ ячменными колѣшечками и мякиной.

16. мая. — Праздникъ Ѳеодосія Перчерскаго. Именины двухъ моихъ доро-

гихъ Ѳеодосіевъ. Мысленно шлю имъ мои самыя горячія благопожеланія. Да подастъ мнѣ Господь милость и радость еще ихъ увидѣть живыми и счастливыми и пожать въ своихъ объятіяхъ.

Получилъ письмо (отъ 15-V) отъ Мирона Заяца изъ Voitsberg. Пишетъ, что вся моя семья въ Липицѣ здорова. Ахъ, и сказать не въ силахъ, какую великую радость принесло мнѣ это письмо. Слава Тебѣ Господи! Сообщаетъ, что у Сони родился сынъ (значить, другой внучекъ у меня), что Дозьо находится въ Липицѣ. Теперь я спокоенъ.

17. мая. — Власти приказали огласить распоряженіе министра вн. дѣлъ о холерѣ. Вотъ и надвигается на наши головы новое бѣдствіе. Опять паника, угроза новой эпидеміи. Только что успокоились было, немного послѣ прекращения тифозныхъ заболѣваній, а тутъ, вотъ, подкрадывается куда болѣе страшный врагъ — холера.

Газеты приносятъ вѣсть, что австрійскія войска заняли въ Галичинѣ г. Самборъ.

(На этомъ Дневникъ о. І. Машака прекращается. Авторъ въ концѣ мая 1915 г. былъ переведенъ въ горизонтную тюрьму въ Вильнѣ и тамъ затѣмъ выстуналъ въ т. н. „Вильножскіе процессы“, какъ одинъ изъ главныхъ обвиненныхъ. Дальнѣйшія его записки о заключеніи въ горизонтъ находится будто бы у другихъ бывшихъ соучастниковъ — поиски за ними въ ходу).

Дополненія, объясненія и поправки къ Дневнику о. І. Машака, получен. уже послѣ отпечатанія отдѣльныхъ листовъ.

Стр. 1, 2-ая строка заголовка и въ др. мѣстахъ Дневника мѣстность „Липица дольная“ должна быть названа каждый разъ: Липица горная, уѣздъ Рогатинъ.

Стр. 5, I столбецъ, 6—8 строки снизу: „Разстанусь съ Янкомъ (сыномъ) и незнаю, гдѣ потомъ найду его“ — должны гласить: „Разстанусь съ Янкомъ (зятцемъ) и т. д. о. Іоаннъ Потерейко, настоятель прихода Мельничъ, вождѣ Журавна, зять автора

Дневника, о. Іоанна Машака изъ Липицы горной. Отнести должно это объясненіе и ко всѣмъ другимъ упоминаніямъ въ Дневникѣ о Янкѣ.

Стр. 10, II стол., строка 10 сверху: Алекс. Полянка — должно быть: Алекс. Полянскій.

Стр. 12, II стол., строка 4 снизу: „Ромко за мной ухаживаетъ“ — подразумѣвается Ромко (Романъ) Кобринскій, нынѣшній почтовый чиновникъ въ Дрогобычѣ.

Стр. 14, I стол., строка 9 сверху: „Днесь пришелъ Василь* — подраз. Василь Мартынюкъ, церк. дякъ изъ Липицы горной. Тамъ же строка 14 снизу: „Вечеромъ Янко и свать подогрѣли* и т. д. Свать — это Юрій Потерейно, отецъ Янка, мѣщанинъ изъ Куликова.

Стр. 16, I стол., строка 6 снизу: Илько Гепаль — должно быть: Илько Геналь.

Стр. 22, II стол., строка 2 снизу: „недозрѣвають* — должно быть: подозрѣвають.

Стр. 23, I стол., упомянутыя лица: Петро К. и др. — крестьяне изъ Липицы горной, именно: Петро К. = Петро Камбъ Мартынюкъ (не Мартыновъ), Франко Горянской (не Горянка), Илія Геналь (не Топаль), фамилий которыхъ разобратъ также въ другихъ мѣстахъ не было возможно.

Стр. 28, I стол., строка 12 сверху: (одна фамилія нечет.) — это была фамилія: Н. Красицій.

Стр. 28, II стол., строка 13 сверху: „жена о. Лесчеты* — должно быть жена о. Аегеты.

Стр. 30, I стол., строка 23 снизу, изъ-за нечеткости нѣкоторыя фамиліи приведены неточно, итакъ: Доджа — д. б. Дзѣоба, Галаревичъ — д. б. Гиляевичъ.

Стр. 31, II стол., строка 5 снизу: у насъ заболѣлъ Непоть тифомъ — т. е. Непоть Дроботъ, православный священникъ изъ Буковины.

Стр. 38, I стол., строка 17: „Красицій со Славкомъ и.. (нечет.) левичемъ* — названъ свьящ. о. Илевичъ, зять о. Николая Красицкаго.

Стр. 43, I стол., строка 6 снизу: Laiss сказалъ, что... — т. е. Laiss, капиталь, нѣмецъ, писмоносецъ.

Стр. 47, I стол., строка 21 снизу: „Но съ о. Діонисіемъ*.. — сещи о. Діонисій Бачинскій, наст. прихода въ Городищѣ в. Золочева.

Стр. 48, II стол., строка 2 сверху: опечатка *egnes* — должно быть *eques* (конь).

Стр. 59, I стол., 2-ая строка снизу. „Получилъ письмо отъ Янка Машака*. Братанокъ (сынъ брата) автора Дневника, о. Іоаннь Машакъ, сынъ о. Іосифа Машака.

Пребываніе въ Талергофѣ В. Р. Ваврика.

О своемъ арестованіи и пребываніи въ Терезинѣ и Талергофѣ

Василій Романовичъ Ваврик*) сообщалъ слѣдующее: „Объявленіе войны застигло меня во Львовѣ, гдѣ съ

каждымъ днемъ все выше подымался военный паеостъ: шли разгульныя, хаотическія манифестаціи и разгромы рус-

*) В. Р. Ваврикъ родился 21-го марта 1889 г. въ селѣ Ясницѣ, нинѣшнѣ Боронскаго уѣзда. Нѣмецкую гимназію окончилъ въ Бродяхъ; въ 1912 г. записался на юридическій факультетъ львовскаго университета. Въ 1914 г. былъ арестованъ и вывезенъ въ Терезинъ, черезъ годъ былъ отправленъ въ проклятый Талергофъ. Осенью 1915 г. былъ взятъ въ армию и весной 1916 г. изъ Словакіи пошелъ съ 20-ой маршевой ротой австрійскаго 80-го полка на итальянскій фронтъ, въ Альпы, на верхъ Слама, гдѣ лѣтомъ былъ взятъ въ плѣнъ. Весь годъ пробывалъ въ разныхъ мѣстностяхъ Італіи. Весной 1917 г. съ помощью русскаго посла Гирса, получивъ свободу, уѣхалъ во Францію и поступилъ добровольцемъ въ русскій корпусъ, сражающійся противъ нѣмцевъ. Черезъ Англію и Ледовитый океанъ переѣхалъ въ Петроградъ въ то время, когда клонилась къ паденію власть Керенскаго. Въ Ростовѣ на Дону поступилъ въ южнорусскую Добровольческую армию, былъ дважды раненъ, провизведенъ въ чинъ капитана, и въ 1920 г. изъ Крыма эвакуировался въ Сербію, откуда переѣхалъ въ Закарпатскую Русь и въ Ужгородѣ сталъ редакторомъ „Русскаго Православнаго

ских обществ; по улицам проходили группы перевязанных селян. Стало жутко и тѣсно; я уѣхалъ къ матери на село, въ Манаевъ, Зборовскаго уѣда, думая, что у нея, жившей далеко отъ деревни въ лѣсу, найду покой и убѣжище.

Съ большимъ трудомъ, на каждомъ мостикѣ задерживаемый заставляли австрійскихъ солдатъ, я прѣѣхалъ домой и нашелъ мать съ тремя невѣстками въ переполохѣ; онѣ плакали, рассказывая мнѣ объ ужасахъ творимыхъ кругомъ. Я сразу понялъ, что попалъ въ матню, изъ которой могъ меня спасти развѣ налетъ казаковъ; но такого не было, несмотря на то, что селеніе лежало вблизи русской границы.

Затѣмъ въ одинъ критическій день бѣжала вся деревня, я одинъ остался на весь Манаевъ; ни плачь матери, ни увѣщанія невѣстокъ не склонили меня бѣжать въ глубь Австріи, ибо я зналъ, что въ ней не найду пощады. Трое мучительныхъ сутокъ я провелъ въ пустой полосѣ, между двумя арміями.

На четвертый день, среди ошеломляющей тишины полей, я выбрался въ путь къ мѣстечку Залозцамъ, полагая, что оно уже находится въ русскихъ рукахъ. Однако я узналъ отъ скрывшихся

въ ямахъ людей, что русскій форпостъ ночью оставилъ мѣстечко и австрійцы вошли въ него. Я бѣжалъ обратно домой, готовый пасть жертвой на каждомъ шагу.

Подъ вечеръ возвратились моя мать, такъ какъ австрійцы пустили утку, что ихъ авангардъ вошелъ побѣдоносно въ Кіевъ. На слѣдующій день утромъ въ нашу хату вошли жандармы и староста села, опрокинули всѣ чемоданы и сундуки, забрали всю мою корреспонденцію и рукописи и, не разрѣшивъ передѣлаться, посадили на подводку и вывезли въ Зборовъ, гдѣ посадили въ арестантскую конурку, вмѣстѣ со священникомъ Іоной Пелехатымъ изъ Ница. Русскіе наступали. Изъ Зборова всѣхъ, такимъ же образомъ, какъ я, арестованныхъ жандармы, перевязали цѣпями и спѣшно вывели на желѣзнодорожную станцію. Ахъ, какая это была дорога! И плевки, и камни, и самочинные напады, и издѣвательства, какихъ еще міръ не видѣлъ, чередовались съ наглою силой. Во Львовѣ навѣрно не одинъ изъ нашей группы лишился бы жизни, еслибы не собака будка, куда настъ, сколько влѣзло, вогнали. Въ тюрмѣ св. Бригиды когда столица Галицкой Руси переживала агонию послѣднихъ судорогъ, мученія узниковъ лились тяжелымъ, непосильнымъ

Вѣстника". Въ 1921 г. поступилъ въ пражскій университетъ им. Карла, окончилъ философскій факультетъ въ 1925 г. Въ началѣ слѣдующаго года предложилъ ученую диссертацию, за что получилъ дипломъ доктора по славянской филологіи. Послѣ этого вернулся во Львовъ; нѣкоторое время былъ редакторомъ „Русскаго Голоса“, а въ настоящее время является редакторомъ „Временника“ Станиславскаго Института и научно-литер. сборника „Галицко-русской Матицы“. Изъ литературныхъ его работъ приводимъ лишь тѣ, которыя появились отдельными оттисками: *Трембита* (сбор. стиховъ), Ужгородъ, 1921; *Стихотворенія* (сбор. стиховъ), Филадельфія, 1922; *Красная горка* (сбор. стиховъ), Львовъ, 1923; *Карпатороссы въ коринѣвскомъ походѣ*, Львовъ, 1923; *Народная пѣсня о Романѣ, князѣ галицкомъ*, Львовъ, 1924; *Подъ шужѣ Салгиря*, Львовъ, 1924; *И. Ѡ. Гололицкій*, Львовъ, 1925; *Иванъ Науковичъ, просветитель Галицкой Руси*, Львовъ, 1926; *Калининъ срубъ*, Львовъ, 1926; *Въ водоворотѣ*, Львовъ, 1926; *Литературное творчество В. А. Дядицкаго*, Львовъ, 1927; *Народная пѣсня въ повѣсткахъ П. В. Гоголя*, Львовъ, 1928; *Извергъ*, Львовъ, 1928; *Одна невеста — двухъ жениховъ*, Львовъ, 1928; *Чорные дни Станиславскаго Института*, Львовъ, 1928; *Изъ Богданъ Черемха умираетъ за правду*, Львовъ, 1929; *Въ борьбѣ за свободу русской земли*, Львовъ 1929; *Народная словесность, и селянск. поэты*, Львовъ, 1929; *Основные черты дѣятельности П. П. Шаравенча*, Львовъ, 1929; *Галицкая литература „Слова о полку Игоревѣ“*, Львовъ, 1930; *Справка о русскомъ движеніи въ Галичинѣ*, Львовъ, 1930.

стономъ, а за черными воротами производились смертныя казни на спѣхъ и на то, чтобы навести ужасъ на всю вязницу.

Власти опасались за себя, и нѣсколько до занятія Львова русскимъ отрядомъ, онѣ вывезли насъ въ закрытыхъ вагонахъ, подъ усиленной стражею въ Терезинъ, что лежитъ на Огрѣ, у Лѣтомѣрицъ, напротивъ Рудогоръ, въ военную крѣпость (malá pevnost), окруженную рвами и водою. Сквозь рѣшетки вязницъ насъ (выше одной тысячи) встрѣтили чешскіе политическіе узники. Въ одной темницѣ сидѣлъ виновникъ объявленія войны, Гаврило Принципъ, убійца Фердинанда и его жены, 19-лѣтній, смуглый юноша. Не смотря на то, что нечистъ, голодъ, придирательства ключниковъ давили немилосердно, все таки умъ требовалъ пищи. Тяжело было сидѣть безъ занятія; поэтому я сталъ писать рукописные листки п. з. **„ТЕРЕЗИНСКАЯ ВОШЬ“** съ рисунками, изображающими наше тюремное житье-бытье. Листки шли изъ рукъ въ руки, вызывали громы смѣха и подражанія.

Весной 1915 г. отдѣльныхъ узниковъ перебросили въ Талергофъ возлѣ Граца, гдѣ вливался своей тираніей Чировскій, поповичъ и оберлейтенантъ въ резервѣ. И тутъ снова, не теряя времени, я принялся за рукописный журнальчикъ п. з. **„ТАЛЕРГОФЪ ВЪ КАРРИКАТУРАХЪ“** что бы какъ говорить латинская пословица, per satyram castigare порядки Талергофа: это были стихи, маленькія пьесы, повѣсти, шутки, анекдоты и жанры изъ жизни лишенныхъ всякаго права. Я увлекся работой до того, что по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ углу барака надъ сбитымъ изъ досочекъ столикомъ. Каррикутуры спѣшно расхватавались, и обходили весь Талергофъ, вызывая численные толки. Теперь только сознаю, какъ страшно рисковалъ, пуская въ курсъ свои сатиры, которыя могли легко попасть въ руки властей, высмѣянныхъ безпощаднымъ образомъ. Кромѣ каррикутуръ, у меня было нѣсколько тетрадокъ записокъ, которыя я передалъ на храненіе кривому студенту Дмитрію

Басевичу изъ Поздьячъ, когда уходилъ въ армію. Все это гдѣ-то затерялось, но я вѣрю, что еще многое изъ моего матеріала сохранилось у многихъ нашихъ людей. Въ настоящее время я прихожу къ убѣжденію, раздумывая о томъ, что было въ Терезинѣ и Талергофѣ, что наибольшими его смѣльчаками были сумасшедшіе, Сильвестръ и Степанъ, которые безъ стѣсненія могли показать

Др. В. Р. Вавриекъ.

языкъ цинику Стадлеру и плонуть, при варыѣ смѣха многотысячной толпы, въ слѣдъ безстыжому Чировскому. Теперь только кошмаромъ во снѣ отзываются объ вязницы; Терезинъ часто мнѣ снится мертвецкой, наполненной сырмъ, удушливымъ воздухомъ, а Талергофъ является въ видѣ змѣя, который, какъ когда-то Лаокоона съ его дѣтьми, окуталъ своимъ упругимъ тѣломъ пропадающую въ мукахъ массу людей.

Предательство на два фронта.

(Сообщение свящ. о. Александра Гелитовича изъ Коссова).

Весной 1915 г. выѣжая изъ Талергофа въ тюрьму во Вѣнѣ, бл. п. о. Гавриилъ Гнатышакъ изъ Криницы, собралъ своихъ ближайшихъ друзей и сказалъ такъ:

„Богъ знаетъ, переживу ли я то, что меня ждетъ, потому прошу васъ выслушать терпеливо то, что вамъ расскажу.

Меня арестовали и вывели въ тюрьму окружного суда въ Краковѣ. Чуть только закрылась за мной дверь тюремной камеры, какъ предо мной явился молодой, незнакомый мнѣ мужчина и, присмотрѣвшись мнѣ хорошо, спросилъ:

— Вы о. Гнатышакъ изъ Криницы?

— Такъ. — отвѣчаю — а почему спрашиваете?

— Очень удивляетъ меня то, что вы еще живы, ибо, поскольку себя припоминаю, васъ и многихъ другихъ „наша высокая рада“ приговорила къ смертной казни.

Сказавъ это, онъ оборотился и не говорилъ ничего больше.

Я сейчасъ понялъ, кто онъ такой: значитъ „украинскій“ провокаторъ и здѣсь меня преслѣдуютъ!

Отъ времени до времени онъ подходилъ ко мнѣ и очень интересовался, какъ меня арестовали, допрашивали ли и т. д. Самъ же вель себя такъ, какъ если бы не былъ арестованъ. Вынималъ изъ кармана какія-то записки, что-то писалъ и своимъ поведеніемъ такъ мнѣ досадилъ, что я наконецъ спросилъ его, кто онъ такой.

— Я — отвѣтилъ онъ — называюсь А. Г.—вичъ, адвокатскій конципиентъ изъ города Т. долго я здѣсь пребывать не буду, всего нѣсколько дней, какъ разъ составляю заявленіе въ команду, чтобы меня сейчасъ освободила, такъ какъ, попалъ я между васъ по ошибкѣ.

Но прошла одна недѣля, вторая, истекъ даже мѣсяцъ, а его не выпускаютъ. Сталь унылымъ, задуманнымъ. По цѣлымъ днямъ и ночамъ мѣриль тихими шагами комнату туда и назадъ, часто останавливался предо мною съ выраженіемъ глшительности на лицѣ, какъ будто желая что-то сказать, но сейчасъ отворачивался и молчалъ дальше.

А между тѣмъ пришли вѣсти, что русскія войска приближаются къ Кракову. Извѣстіе это сильно его обезпожило. Однажды вечеромъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Отче, вижу, что „москали“ такъ возьмутъ Галичину, а намъ „украинцамъ“, трудно будетъ выдержать. Прошу васъ, если счастливо вернемся, не помнитъ худого, простите меня, и не представляйте меня въ черномъ свѣтѣ передъ „москлями“, а я со своей стороны, если бы судьба захотѣла, чтобы заволодѣла Украина, буду помнить о васъ.

Вотъ какъ! — думаю себя — начинается исповѣдь кающагося грѣшника. Стаю ласковымъ и спрашиваю Скажите, пожалуйста, теперь точно, кто же то приговорилъ меня еще до войны къ смертной казни?

Онъ подумалъ немного и затѣмъ сталъ рассказывать такъ: Еще въ 1912 году была создана „наша рада“ во Львовѣ, въ засѣданіи которой много говорилось о возможности нынѣшней войны и постановлено составить списокъ всѣхъ „москвофиловъ“, чтобы въ подходящій моментъ всѣхъ ихъ арестовать и повѣсиль. Поручено это дѣло мнѣ. Я въ качествѣ торговаго агента разъѣзжалъ весь годъ по Галичинѣ, изъ города въ городъ, отъ села къ селу, разспрашивалъ нашихъ людей про всѣхъ опасныхъ „москвофиловъ“ и точно записывалъ такой списокъ въ нѣсколькихъ примѣрникахъ (экземплярахъ) я и предложилъ „нашей

радѣ. Она разслѣдовала и отмѣтила наиболѣе опасныхъ, приговаривая ихъ тѣмъ самымъ къ смерти. Одинъ примѣрникъ послала военной командѣ, а другой въ св. Юрь. — Нынѣ вижу, что Богъ судилъ иначе: не всѣхъ васъ повѣсили, а „москаль“ занялъ „украинску“ часть Галичины.

— Такъ, такъ! — говорю — „не такъ складось, якъ гадалось“, что же будетъ съ вашей Украиной?

— Отче, этимъ меньше всего мы беспокоимся. Подъ Украиной уже есть почва. Мы воспитали нашу молодежь въ украинскомъ духѣ, а наши женщины проникнуты любовью къ Украинѣ. Мы всегда использовали то, что служило нашимъ цѣлямъ и, если Россія нами завладѣетъ, мы станемъ лучшими „москалями“, чѣмъ вы. Мы постараемся захватить въ свои руки всѣ общества, всѣ вѣдомства, перейдемъ въ православие скорѣе васъ, ибо между вами, особенно, среди вашего духовенства есть немало противниковъ православія. Мы представимъ васъ какъ неблагонадежныхъ и пожертвуемъ нашими женщинами, которыя поймутъ свою задачу, проторять намъ путь въ средѣ высокшихъ чиновниковъ и привьютъ и имъ идею Украины такъ сильно, что въ благоприятное и подходящее время они сами намъ Украину создадутъ.

Вотъ вамъ его заявленіе. Нѣсколько дней спустя, когда русскія войска стали подходить къ Кракову, всѣхъ насъ погнали на железнодорожную станцію и тутъ я расстался съ тюремнымъ знакомцемъ, кающимся грѣшникомъ.

Богъ вѣдаетъ, вернусь ли я въ мою дорогую русскую, Галичину, такъ

прошу васъ удержите себѣ хорошо въ памяти то, что я вамъ теперь рассказалъ и постарайтесь въ будущемъ использовать*.

Выбавъ затѣмъ въ Вѣну, о. Гнатышакъ умеръ въ тамошней тюрьмѣ.

Свещ. о. Гаврилъ Гнатышакъ
изъ Крилицы.

Слышавшій же этотъ его рассказъ одинъ изъ нашихъ священниковъ, старый ветеранъ-патріотъ, упомянутый выше, записалъ себѣ и передалъ его такъ точно и въ такомъ же видѣ, въ какомъ здѣсь теперь приведенъ нами.

ЗАПИСКИ О ТАЛЕРГОФЪ

свѣщ. о. Генриха А. Полянскаго.

(Начало этихъ записокъ, именно объ арестованіи автора и вывезеніи вмѣстѣ съ другими арестованными въ Талергофъ, помѣщено уже въ 1 томѣ Талергофскаго Альманаха, въ отдѣлѣ: „Первый періодъ австрійскаго террора въ Галичинѣ — уѣздъ Добромильскій, с. Тарнавка. Изъ записокъ о. Г. А. Полянскаго“, стр. 47—49, продолженіе описанія этого мучительнаго путешествія гласить:)

Всю дорогу мы голодали до крайней потери силъ. Что бы съ нами было, если бы не добродушные солдаты, конвоирующие насъ и не захваченные случайно запасы нѣкоторыхъ узниковъ изъ нашей среды?

Большая бѣда была тоже въ томъ, что нельзя было, какъ слѣдуетъ, сидѣть и спать, и на сторону ходить. Намъ везли какъ не людей, а если мы и говорили кому, что бы сжалились надъ нами, какъ надъ людьми, то намъ отвѣчали: „Ihr seid keine Menschen; ihr seid verrätherische Hunde“ (вы — не люди, вы — предательскія собаки).

Насъ схватили, насъ не осудили, за нами никакой вины не нашли, а третируютъ насъ какъ не людей.

Когда прибыли мы на станцію Мирцушлягъ, то бросились на нашъ вагонъ какіе то два нѣмца (интеллигенты!) съ крикомъ: „Wo sind denn diese galizischen Russen, diese verfluchten Verräther, welche den Krieg auf unser Reich heraufberufen haben? Zeigen sie uns diese Verräther, wir wollen sie tüchtig durchhauen“. (Гдѣ же то эти галицкіе русскіе, эти проклятые измѣнники, которые накликали войну на нашу державу? Покажите намъ этихъ предателей, мы хотимъ порядочно изрубить ихъ).

Солдаты нѣмцевъ не пускаютъ въ вагонъ, но нѣмцы тиснутъ такъ, что солдаты, не желая употребить оружія, не въ состояніи имъ доступъ къ намъ загородить. Видя угрозу намъ, выступилъ нашъ нотаріусъ, г. Телишевскій, и сказалъ нѣмцамъ образумивающее слово: „Geehrte Herren! Was wollen sie von uns? Sie kennen uns nicht, wir kennen euch nicht. Aus welchem Grunde nennen sie uns verrätherische Hunde. Wir sind ja nicht verurtheilt. Wir alle wissen nicht,

warum man uns verhaften hat und ebendahier in Steiermark, wo wir unter den hochkulturellen Deutschen eine ruhige Aufnahme hoffen, will man uns durchhauen. Geehrte Herren! Zeigen sie durch ihr Benehmen, dass hier in Steiermark wirklich ein kulturelles Volk sich befindet“. (Уважаемые господа! Чего вы отъ насъ хотите? Вы насъ не знаете, ни мы васъ. На какомъ основаніи вы прозываете насъ предательскими собаками? Мы не приворожены. Всѣ мы не знаемъ, почему мы арестованы, и какъ разъ здѣсь, въ Сірии, гдѣ мы ожидали спокойнаго пріема высококультурными нѣмцами, насъ хотятъ изрубить! Уважаемые господа! Покажите вашиму поведеніемъ, что здѣсь, въ Сірии, въ самомъ дѣлѣ живутъ культурные люди).

Вслушавъ это, нѣмцы успокоились, а затѣмъ извинились за свою грубую выходку и оставили насъ въ покоѣ.

Конвоирующему насъ офицеру было именно въ Мирцушлягѣ сообщено изъ Вѣны, что долженъ насъ доставить въ Талергофъ, въ какую-то мѣстность за Грацемъ, — послѣдней же нашей станціей будетъ Абтиссендорфъ.

Мы ѣхали высоко надъ уровнемъ моря; путь нашъ шель между высокихъ горъ — вѣчно зеленыхъ, подъ прекрасными вилами, но и надъ глубокими пропастями, — природа была всюду волшебнo-чудная, но мы, политическіе узники, голодные, изнуренные и ослабленные, въ вагонѣ сбитые въ кучу, притытые горемъ и тоскою по свѣжимъ, вѣдущие на неизвѣстность судьбы, были не въ состояніи любоваться этой величавостью и красою Альпъ.

Было это двадцатаго сентября. Мы приближались къ Грацу; городъ лежалъ

предъ нами какъ на ладони. Изъ всѣхъ товарныхъ вагоновъ видѣли горожане по четверо солдатъ и вѣроятно думали, что ѣдутъ армія на войну, такъ вотъ, изъ оконъ городскихъ домовъ привѣтствовали насъ платками, но когда прибыли мы на станцію Грацъ, то стали сыпаться на насъ ураганъ прокляновъ, прозвищъ, ругни и всякихъ найсквернѣйшихъ словъ, а уже найчаще это

Приблизившись къ мѣсту нашего вынужденнаго пристанища, мы увидѣли нѣсколько десятковъ палатокъ, а передъ ними стоявшихъ нашихъ дорогихъ братьевъ и сестеръ, такихъ же ни въ чемъ неповинныхъ какъ и мы, печально на насъ глядящихъ и ни словечка намъ на привѣтствіе непосылающихъ изъ боязни передъ туть же около нихъ стоящимъ карауломъ.

Ссылные въ Тешельдорфъ (Каринтія).

1. рядъ: Н. Пашковский — матуристъ, Н. Н. — почтальонъ, Н. Бургель — бухгалтеръ, Нездрона — учен., Василій Кляико — юристъ, Нездрона — учен., Нездрона — учен.
2. рядъ: Н. Н. — служ., Андрей Серфанъ — юристъ, о. Коистъ, Февель (†), о. Григорій Максимовичъ, г-жа Зацерковная — жена чинов. под., о. Василій Романовскій, г-жа Чертежнская — жена свящ., о. Іоаннъ Демявичъ, г-жа Нездрона и ея дочь — учен.
3. рядъ: Кишка — почт. чин., Чубатый, Жукъ — учит. семин., Н. Козаевъ — чинов., Н. Фарюнгъ — учитель, Марія Нездрона — учен., д-ръ Влад. Коллчичевичъ, дръ Осипъ Гукевичъ, Серединскій (†), З. Мохвацкій — поваръ.

„verrätherische Hunde“. Въ Абтиссендорфѣ велѣли намъ высьсть и становить въ ряды по четверо. Конвой солдатъ въ 200 человекъ обступилъ насъ и затѣмъ сталъ гнать — въ несчастный Талергофъ. Мы шли пѣшкомъ, съ нашими вещами, кто съ легкими, кто съ тяжелыми, два километра.

Насъ, новыхъ узниковъ, привели передъ длинную палатку и велѣли въ ней размѣститься въ четыре ряда. Въ палаткѣ должно было помѣститься 200 лицъ.

Въ палаткѣ мы застали уже нѣсколько лицъ. Они получили уже по вѣзанкѣ соломы на свое ложе (на голой землѣ),

насъ же вызвали, чтобы сейчасъ шли и мы съ солдатами за соломою. Одни изъ насъ, разумѣется, пошли за соломою, другіе же остались смотрѣть за вещами.

Поскольку было возможно, размѣщались мы, свои около своихъ, плотно другъ возле друга, вообще же все таки нашілись мы въ чрезвычайномъ смѣшанномъ и неподобранномъ обществѣ, ибо жандармы и войска арестовали людей не по какой либо винѣ, а только по подозрѣнію въ шпіонствѣ и предательствѣ,—всею Австрією овладѣлъ животный ужасъ передъ предательствомъ и шпіонствомъ.

Надъ нами стояли солдаты-нѣмцы, простые и явно и крайне на насъ озлобленные люди, нѣсколько капраловъ и фельдбелей, нѣсколько лейтенантовъ, подпоручиковъ, одинъ рыжебородый капитанъ и одинъ полковникъ, а также нѣсколько врачей. Всѣ они были частью нѣмцы, частью же евреи.

Всѣ эти наши новые владыки бо- ялись насъ также, ибо кто-то имъ крайне недолго и скверно представилъ и описалъ насъ, а народъ сосѣднихъ селъ и города Граца былъ и недавно на насъ, русскихъ, еще и потому озлобленъ, что именно Грацкій полкъ былъ недавно на фронтѣ русскими войсками въ пухъ и прахъ разбитъ.

Если входилъ къ намъ, въ палатку, офицеръ, кое-что намъ объявлять, то входилъ въ сопровожденіи 6-10 рядовыхъ, ибо кто-то доложилъ о насъ полковнику, что мы очень беспокойный элементъ, самые отчаянные смутьяны, чуть не разбойники. Изъ-за этого держали насъ всѣ солдаты, насъ стерегущіе, очень строго, а отъ капраловъ, офицеровъ, а даже отъ рядовыхъ слышали мы постоянно рѣзкія слова: „*ruhig! schweigen! nichts widerreden! wir haben den Befehl für den mindesten Ungehorsam sie niederschossen zu lassen*“ (смирно! молчать! не возражать! намъ приказано за малѣйшее ослушаніе васъ разстрѣлять).

Изнеможенные мы четверо сутокъ очень скудно питались, два километра шли обремененные вещами, и были неказанно голодные, а къ вечеру дали

намъ ѣсть — по одной варехѣ тминнаго супа и по куску хлѣба!

Наставала ночь, надо было ложиться спать, и тутъ слѣдовало бы выйти изъ палатки сдѣлать свою неизбѣжную потребность въ нужнику! Какъ же это совершить? Намъ ни одному несвободно и носа показать изъ палатки, а менѣе чѣмъ двадцать лицъ не поведетъ солдатъ къ примитивному импровизованному нужнику, къ длинному рву, надъ которымъ поставлены перила, чтобы на нихъ сядились другъ возле друга мужчины съ одной стороны, а женщины съ другой. Приличіе не было уважено совершенно, — а необходимость неотвратима. Тяжело было и горько, ничего не подѣлаешь. Терпи и переноси издѣвательства надъ собой!

Если кому, днемъ или ночью, безусловно надо было выходить, то долженъ былъ звать столько другихъ, чтобы ихъ было двадцать, и, разумѣется, жертвовали собой одни для другихъ и шли, чтобы не доводить до скандаловъ.

Для меня была при общемъ бѣдствіи, мучительна еще и возня съ моею больною ногой,—я долженъ былъ по крайней мѣрѣ дважды въ сутки дѣлать перевязки, конечно на глазахъ всѣхъ сосѣдей. Счастье мое, что сжалились всѣ надо мною и по возможности помогали мнѣ.

Слѣдующаго дня послѣ нашего прибытія въ Талергофъ, былъ нашъ русскій праздникъ, Рождество Богородицы, день весьма и всячески печальный, конечно, безъ какого бы ни было богослуженія и еще къ тому дождливый! Правда, дождь сквозъ холстъ на насъ не падалъ, но какъ только подулъ вѣтеръ по холсту, то осыпала насъ роса порядочно.

Какъ душно и жарко и смрадно было въ палаткѣ, можно себѣ представить. Мы набирали смѣлости и жаловались на это обстоятельство приходящимъ офицерамъ. Изъ боязни передъ эпидеміей, больше для себя, чѣмъ ради насъ, повелѣно намъ всѣмъ попарно (zwa - a - zwa — это по стирійски) раздѣемъ ходить вокругъ палатки въ продолженіи получаса. Мы, несчастные, рады были и этому.

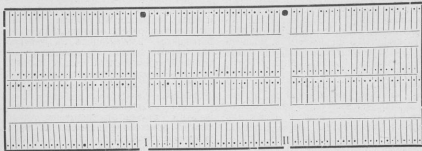
Ночью освѣщала всю палатку крайней нужденно одна керосиновая лампа (фонарь).

Погода давали намъ вѣсть три раза днемъ; утромъ и къ вечеру, по варехѣ тминнаго супа, къ обѣду мясного супа съ крупой и понемногу фасоли или картошки, а на сутки по половинѣ солдатскаго ржаного хлѣба. Нѣсколько разъ въ недѣлю давали и по куску мяса, иногда въ замѣнъ за тминный супъ давали черной солдатской кофе, который одни любили, иные пить не могли, ибо вредно влялѣ на почки.

По вѣсѣмъ палаткамъ установили офицеры изъ среди насъ, интернированныхъ, распорядителей-надзирателей (Zim-

Въ палаткахъ, конечно, печей не было, въ баракахъ, построенныхъ изъ досокъ подъ зиму 1914/15 изъ однихъ полудноймовыхъ досокъ, подъ слѣдующія зимы изъ добавочныхъ другихъ стѣнъ, были печки. Напервую зиму по двѣ желѣзныя печки на баракъ, въ мѣстахъ, гдѣ начертаны „●“, на вторую-же и третью зимы, были даны кирпичныя печки.

Въ мѣстахъ I и II были входы и выходы: вѣсѣбляя мѣста отъ I и II, это корридоры по голой землѣ между спальными мѣстами. Спальныхъ мѣстъ на соломѣ, постеленной на голой землѣ, на травнику или на перепаханыхъ „загонахъ“ (полосахъ) было, какъ видно, четыре ряда. Отъ мокрой земли стала

Планъ бараковъ

merkommendant-овъ), которые должны были насъ имѣть въ спискахъ, за наше присутствіе отвѣчать, за хлѣбсмы ходить (съ другими, по очереди) и пищу раздавать.

Странно отбывались наши завтраки, обѣды и ужины! „Садитесь на мѣста!“ — кричалъ распорядитель, а тихонько-спокойно: и держите „шальки“ или „декли“ (т. е. солдатскіе жестыя котелки или только крышки отъ нихъ) или какую-то иную посуду, что кто могъ имѣть и получить. О ложкахъ и вилкахъ, ножахъ, надо было какъ-то самому заботиться. Размѣщеніе наше въ палаткахъ, а позднѣе въ баракахъ покажетъ вышепомѣщенное начертаніе.

солома скоро мокрою. Первой зимой солому съ очень малыми изъятіями вовсе не смѣняли, такъ и водворились въ нашей средѣ всякія болѣзни, а прежде всего ревматизмъ и тифъ, а такъ какъ загнивались на насъ и въ соломѣ стада вшей, то и одолѣло насъ неслышанное бѣдствіе.

Вездѣ, гдѣ видны на рисунокѣ точки, были во время сна наши головы.

Съ нашими вещами (съ бѣльемъ, платьемъ и съ пищевою посудою, а дальше съ сапогами и башмаками и туалетными приборами), имѣли мы сначала много хлопотъ, ибо не было ихъ гдѣ положить и сохранить, а между набранымъ въ неволю народомъ всякаго ро-

да находилось немало случайных и профессиональных воров, а также проститутки (потаскушки).

Мы, т. е. духовная и мирская интеллигенция, мужчины и женщины, жаловались на обращение с нами наравнѣ съ всякаго рода людьми грубаго нрава, но намъ отвѣчали злорадно: „Hier giebt es keine Intelligenz; hier sind Internierte, — uns sind hier alle gleich, — wir dürfen auf niemanden Rücksicht nehmen.“ (Здѣсь никакой интеллигенціи нѣтъ; здѣсь одни интернованные, — для насъ всѣ здѣсь равны, — никому никакого снисхожденія мы оказывать не смѣемъ).

Нѣсколько мѣсяцевъ терпѣли мы (т. е. вся интеллигенція) еще больше нравственно и духовно чѣмъ физически.

Для тяжкой и грубой работы набирали военная старшина изъ среды интернированныхъ нарочно не людей изъ простонародья, къ такой работѣ съ дѣтства втянутыхъ и привычныхъ, но именно лицъ изъ интеллигенціи, особенно священниковъ и дамъ. Моему брату, бл. п. О., уже старому и очень заслуженному душпастирю, велѣли носить для какой-то каменщицкой работы воду и гашеную известь, а также принести и относить туда и сюда (съ другимъ человѣкомъ) очень длинную лѣстницу; инымъ священникамъ (православнымъ изъ Буковины, ходящимъ постоянно въ рясахъ) велѣли ежедневно привозить изъ далекаго колодезя для всѣхъ воды въ большой бочкѣ, прикованной къ телѣгѣ, нѣсколько разъ въ день; младшимъ священникамъ велѣли вмѣстѣ съ мужиками забираться послѣ завтрака къ шелушению картошки къ обѣду (въ этой работѣ былъ мой сынъ Б. цѣлую седмицу); инымъ священникамъ велѣно собирать со двора всякій соръ не чѣмъ инымъ, только руками. Одному еврею велѣлъ однажды постовой солдатъ (надзиратель) набрать въ тачки соръ и отвезти въ яму — всѣ удивились этому приказу, ибо въ общемъ съ евреями обращались не плохо, но сейчасъ выяснилось дѣло: постовой велѣлъ старшему іерею, о. В. Гр. П. безусловно на соръ на тачкахъ сѣсть, а еврею велѣлъ соръ со священникомъ

отвезти и этотъ же соръ съ іереемъ въ яму выбросить. Приказъ былъ точно исполненъ, если бы не было повинности, непременно были бы штыкъ въ работѣ, — апелія была только къ Богу.

Однажды вызвалъ солдатъ нѣсколькихъ нашихъ русскихъ дамъ, слабыхъ, интеллигентныхъ и высокообразованныхъ (въ ихъ числѣ и жену врача, д-ра М. изъ Б.), на весь день стирать солдатское грубое и очень грязное бѣлье. Какъ онѣ, рыдая, ни просились, чтобы оставить ихъ въ покоѣ, что для такой работы никакъ не годятся, ничего не могло, — съ плачемъ какъ могли такъ и стирали цѣлый день. Трудно и перечислить и представить всѣ эти издѣательства надъ нами.

Всѣ варварства со стороны славящихся своимъ „культуртрегерствомъ“ нѣмцевъ, ощущали мы глубоко, но то, что испытали отъ своихъ, отъ лицъ превратившихся, изъ русиновъ въ „украинцевъ“, и отъ прихожанъ-селянъ, то ужъ совсѣмъ подошло подъ привѣсть (изреченіе), которая говоритъ: „наибольшее болитъ человѣка, если укуситъ его своя домашняя собака“.

Всѣ мы, русскіе священники (а было насъ въ Тал. много), настояще дѣлатели въ Христовомъ вертоградѣ, жертвовавшие собой для процвѣтанія Церкви и блага народа, вездѣ самоотверженно старались замѣнить нужденныя, малая бѣдная церкви въ большія и каменная и изящно внутри и навнѣ украшенныя; мы старались всячески поднести славу и велелѣніе нашего прекраснаго восточнаго обряда, введеніемъ всеобщаго церковнаго, стройнаго пѣнія; мы потрудились вѣрно просвѣтить нашъ народъ проповѣдями и наукою въ церквахъ, въ школахъ и въ читальняхъ; мы старались поднять его нравственно и экономически, путемъ отрезвленія его, основанія народныхъ крамницъ и торговлей, и организаціей кредитныхъ Обществъ, а дальше и основаніемъ и содержаніемъ буръ и пансіоновъ, народныхъ домовъ и пожарныхъ командъ — мы подняли народъ на значительно высокой культурный уровень, а теперь, когда австрійское бѣснованіе завело насъ, русскую интеллиген-

цію, и наше, будто къ лучшему преобразованное престопаодіе, сюда, и мы теперь отъ него должны бы заслужить себѣ вѣрную дружбу въ недолѣ, на то, чтобы совокупно терпѣть, себя взаимно утѣшать и вмѣстѣ геройски выносить всѣ ниспадающія на насъ униженія, поруганія и досажденія, съ изумленіемъ увидѣли мы, что многіе изъ нихъ, враждебно къ намъ относятся и даже досаждаютъ намъ всячески. Только малая лучшая часть нашихъ прихожанъ осталась намъ вѣрною, понимая хорошо, что терпѣть вмѣстѣ съ нами за народъ, за обрядъ, за народную русскую рѣчь, за русскую исторію, за правду, за идею. Мы думали себѣ, что наши селяне и мѣщане дѣйствительно уже просвѣщены, а теперь тутъ оказалось, что въ сердце, въ умъ, въ душу его просвѣщеніе еще не проникло, а когда настало на нихъ гоненіе и бѣдствіе, то они кликнули: „Вотъ куда завели насъ священники! вотъ, что вышло изъ привлеченія насъ въ русскія Общества и къ любви Руси! Не лучше ли было бы намъ быть „украинцами“, поляками или даже жидами? Тогда не томилась бы мы по Арстаду и здѣсь въ Талергофѣ, и никто не именовалъ бы насъ „зрадниками“ (предателями).

Со временемъ, однако, замѣчали и убѣждались такіе безхарактерные селяне и мѣщане, что безмысленно гово-

Свящ. о. Георгій Полянскій*) изъ Галичины — авторъ евангеліа.

рять, ибо видѣли, что приводились въ Талергофъ и „украинцы“, и поляки и жида даже, — видя это, они успокаива-

*) Свящ. о. Георгій Афанасьевичъ Полянскій, выдающійся галицко-русскій писатель и обществанный дѣятель и народный организаторъ.

Сынъ священника о. Афанасія и Меланіи, рожд. Венгрияновичъ, Полянскійхъ. Родился въ Лопушанкѣ Лехновой, турчанскаго уѣзда, въ Галичинѣ, 16-го ноября 1847 г. Посѣщалъ народную школу и первые классы гимназіи въ Самборѣ, а высше (съ VI кл.) въ Дрогобычѣ, находясь въ первой подъ сильнымъ вліаніемъ М. А. Качковскаго, а во второй — д-ра Николая Ив. Антоновича.

Видѣвъ якимъ зрѣлости въ 1871 г., посѣщалъ богословскій факультетъ во Львовѣ (3 года), а окончилъ его (4 ый г.) въ Перемышлѣ. Послѣ бракосочетанія съ Іоанной Калужницкой, сестрой извѣстнаго профессора университета въ Черновцахъ, Емиліана Іероним. Калужницкаго. въ 1875 г., былъ въ томъ же году рукоположенъ въ іереи и исполнялъ душпаствырскія обязанности поочередно въ качествѣ сотрудника, администратора, и, наконецъ, настоятеля прихода въ селѣхъ Турчанщини, Перемышльщини, Саноччини и Добромильщини, всегда и повсюду проявляя чрезвычайную энергію и развивая кипучую и успѣшную дѣятельность въ области народнаго просвѣщенія, организаціи чтенія О-ва им. М. Качковскаго, крамницъ (лавки), сберегательныя кассы (кредитныя О-ва) и драматич. кружки, постройки новыхъ церквей и „Народныхъ Домовъ“.

Писать началъ уже на гимназическую скамь (стихотворенія) и сталъ затѣмъ однимъ изъ самыхъ плодотивныхъ писателей Галичины, подъ воздѣйствіемъ М. Кач-

вались, но то, что они намъ вначалѣ дѣлали, трудно было перенести и забыть: мы убѣдились, что въ годину такихъ испытаний и гонений далеко не на всю общность народныхъ массъ можно надежно полагаться.

Для лучшаго пониманія вышесказаннаго приведу еще вотъ что: Для всѣхъ насъ интернованныхъ открыла наша команда двѣ кантины, одну для продажи молока, другую для продажи хлѣба. Передъ обѣдъ кантины (лавочки) ставали каждый день длинные ряды (по два — два а-два), подъ надзоромъ солдата-нѣмца. Долгое время намъ священникамъ невозможно было ставать въ эти ряды, — насъ ругали, недопускали или выпихивали — свои люди!

И въ тѣхъ случаяхъ, когда велѣла намъ команда ставать въ очередь утромъ, въ полдень и вечеромъ, снова два а-два, для получения супа или иного кушанья, то не хотѣли намъ крестьяне оказывать ни первенства, ни уваженія!

Къ этой неприязни селянъ и мѣщанъ къ намъ подстрекала ихъ еще и наша команда, ибо когда дерзали мы просить объ отдѣльномъ для насъ помѣщеніи и освобожденіи насъ отъ работъ, намъ безусловно слишкомъ тяжелыхъ и непосильныхъ, мы вѣдь никогда ихъ не совершали да и физически были не въ силахъ совершать, то снова отвѣчала намъ команда, что непризнаетъ никакой интеллигенціи, ни священниковъ, ни чиновниковъ, ни дамъ, ни барышень, только однихъ интернованныхъ предателей, почему и одинаково со всѣми обращаться обязана.

Но пришелъ мартъ мѣсяць. Команда наша хотѣла употреблять селянъ для работъ въ полѣ и между бараками, ибо надо было садить капусту, бураки, морковъ и картошку, а кромѣ того вытрамбовать хорошія дороги между бараками. Селяне, однако, заупрямились и не хотѣли работать, хотя обѣщали имъ добавку хлѣба и по 10 геллеровъ въ день. Наша команда, посоветовавшись другъ съ другомъ, прислала разъ утромъ къ намъ одного оберлейтнанта. Офицеръ этотъ пригласилъ всѣхъ насъ, священниковъ, во дворъ передъ себя и произнесъ намъ настоящую проповѣдь, не хуже какого нибудь катедральнаго весьма вышколеннаго іезуита-проповѣдника, на тему, что мы, будучи по званію предводителями народа, имѣемъ на него вліяніе, такъ вотъ, слѣдуетъ намъ и теперь употребить все свое вліяніе на образумленіе селянъ въ необходимости заняться этими работами, чтобы пріобрѣсти себѣ больше къ пропитанію и чтобы устранить невыносимую грязь между бараками.

Когда офицеръ свою рѣчь окончилъ, взялъ слово старенькій, сѣдоголовый священникъ, о. А. Юркевичъ, и сказалъ: «Хорошо промовили вы, господинъ оберлейтнантъ, къ намъ и мы хотѣли бы исполнить ваше желаніе, но пока-что мы этого сдѣлать не можемъ, не по нашей неохотѣ, а только по винѣ самой команды, которая, съ самаго начала нашего здѣсь пребыванія, не только все вліяніе, но и почетъ намъ отобрала и хуже всѣхъ простыхъ людей насъ унизила, и потому именно мы и не беремся вліять на селянъ, ибо они

ковскаго и Ивана Наумовича. Былъ сотрудникомъ почти всѣхъ русскихъ изданій Галичины и нѣкоторыхъ изданій въ Закарпатской Руси, написалъ, кромѣ статей, много повѣстей и рассказовъ изъ жизни гал.-рус. народа и интеллигенціи.

Былъ арестованъ въ началѣ войны, 6-го августа 1914 г., австрийскими жандармами и солдатами и отвезенъ въ аресты въ Добромилѣ, черезъ недѣлю перевезенъ вмѣстѣ съ другими арестованными русскими священниками, интеллигентами и крестьянами, въ военную тюрьму въ Перемышлѣ, гдѣ томился 5 недѣль въ строгаишемъ заключеніи а затѣмъ оттуда вмѣстѣ съ нѣсколькими тысячами другихъ арестованныхъ, прибылъ 2-го декабря въ Талергофъ. Пробывъ въ его аду и вообще въ заключеніи 33 мѣсяца, былъ 7-го мая 1917 г. освобожденъ и 10 мая того же года, вернулся въ свою Тарнаву и на свой въ концѣ опустошенный приходъ. Съ половины 1929 г. живетъ священникомъ эмеритомъ въ г. Самборѣ.

не повиновались бы намъ. Прежде пусть команда привернетъ намъ наше должное уваженіе и наше значеніе, а тогда сможемъ мы удовлетворить ваше желаніе*.

Рѣчь о Юркевича одобрили всѣ мы. Поручикъ, ничего уже больше не сказавъ, ушелъ, но въ послѣдствіи ста-

ли лучше съ нами обращаться, и, хотѣя мы специально къ селянамъ не обращались съ призывомъ, принялись они за всякую работу между бараками и въ полѣ къ общей пользѣ, ибо видѣли въ этомъ свою выгоду.

Подробности жизни въ Талергофѣ.

Живо-живо, и даже очень спѣшно стронились бараки для интернованныхъ, которыхъ прибывало все больше и больше. Бараки строились по плану военного инженера, который ходилъ по Талергофу, въ мундирѣ лейтенанта, все время мрачный, понурый, чрезвычайно строгій, намъ очень неприязненный. За нимъ ходилъ всегда большой песь-булдогъ. Офицеръ занимался не только постройками, но и всѣми порядками, для работы былъ чрезвычайно строгъ, часто ихъ „швабскимъ“ образомъ бранилъ и клялъ. Многие офицеры изъ команды мѣнялись, но онъ пробылъ между нами все время отъ начала до конца. Только въ 1916 году, лѣтомъ не видѣли мы его 4—5 недѣль, ибо однажды впалъ онъ въ такую страшную ярость, что его на мѣстѣ схватилъ параличъ. Всѣ думали, что будетъ уже „по немъ“, но онъ, очень крѣпкая натура, вызлился. Unkraut verderbt nicht,*) (сорная трава не исчезаетъ).

Плана построения Талергофа мы не видѣли, но когда были они готовы (лагерь), то имѣла видъ городишка.

Всѣ Талергофъ-лагерь имѣлъ вотъ какой видъ: (см. планъ лагеря на стр. 100-ой).

ПОЯСНЕНИЕ: Всѣ бараки начертаны такъ: это жилища насъ интернованныхъ; ихъ было больше, чѣмъ я начерталъ, въ каждомъ были по два вхо-

да; — Три барака съ дверьми, преимущественно со двора по двумъ сторонамъ противоположнымъ, обозн. II, это бараки для лицъ обоего пола числящихся свыше лѣтъ 65. Въ баракѣ съ н-ромъ II, обиталъ я съ марта 1916 года съ о. Волошинскимъ отъ Городенки, съ о. Русинякомъ изъ Лемковщины, съ о. Величковскимъ изъ Загоречка и съ о. Петромъ Дуркотомъ изъ Добрусина, а когда оо. Волошинскій и Русинякъ уѣхали, то пришелъ на ихъ мѣсто о. Решетыло изъ Магерова и аптекаръ изъ Яблонова Котлярчукъ. Съ тѣми былъ я уже до конца. Бараки начертанные какъ здѣсь, это были бараки для карантинниковъ, для лицъ прибывавшихъ или выывавшихъ. Стоящіе бараки имѣли такой фронтной видъ: (см. стр. 101).

Всѣ бараки были крыты папою (толемъ) и часто мазаны теромъ.

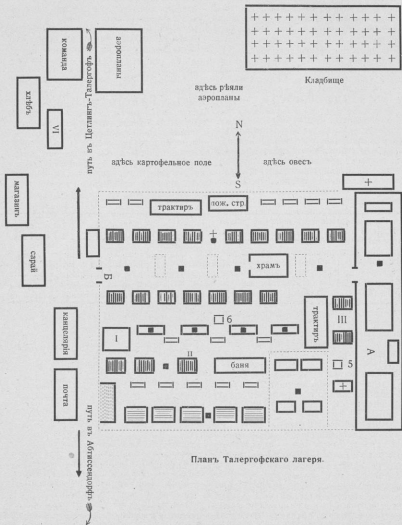
Всѣ меньшія зданія обозначены точками, эти были на главной улицѣ, ближайшіе къ кухнѣ, перенесены въ 1915 году за бараки на мѣста обозначены такъ: Кухонь съ временемъ было построено большее число.

Гдѣ поставилъ я знаки , тамъ вколочены были насосы, — здѣсь были колодези для всѣхъ.

Всѣ мѣста назначенныя; это были подъ крышами цементная отхожя (съ половины 1915 года). Какіе были они сначала, почти цѣлый первый годъ, скажу ниже.

Всѣ бараки при н-рѣ III были подземны (какъ бы сутерены), крытые землею и папою, — эти были несноснѣйшіе, и ихъ было большее число.

*) Какъ оправдывается это изреченіе въ жизни людей, покажетъ слѣдующая исторія: Одинокого лихого человѣка, пьяницу, побили неаппутку въ корчмѣ хловы, — вызлился; повзе, въ 1915 году, побили его бабы порядочно, — вызлился; въ началѣ 1917 года побили его тяжело три брата, — вызлился; — въ 1918 году поколодь его смертельно быкъ, — вызлился!

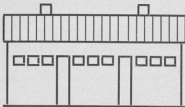
Гдѣ была церковь (собственно костѣль), два трактора, пожарная стража, то позначилъ я словами; зданія позначенныя крестиками — это были покойниція.

Знакъ + указываетъ, гдѣ стояла каланча, на ● ней громадный котелъ, большой резервоаръ доставляющій воду въ бараки, но не во всѣ.

Зданіе это былъ какой-то магазинъ; зданіе возлѣ числа 5 и 6, были помѣщенія для карауловъ (для „вахы“).

Мѣсто, въ которомъ вписана буква „А“, было плотно огорожено высокими досками; всѣмъ намъ интернированнымъ не было свободно туда ходить, а въ построенныхъ въ немъ трехъ баракахъ и сидѣли тѣ, которые были под-

одноэтажномъ домѣ обиталь; въ немъ вписалъ я слово „команда“. Зданіе, въ которомъ вписанъ н-рѣ VI, это была наша первая кантина, куда первой осенью и зимой, могли мы подѣ карауломъ двухъ солдатъ ходить купить себѣ хлѣба, булочки, чаю, кофе, сахара, шоколада, какао, соли, лука, колбасокъ, колбасъ, ветчины, свинины (именуемой Kaiserfleisch), чеснока, свѣчъ, спичекъ и табаку. Менѣе чѣмъ 20 лицъ не могло насъ въ кантину идти, и то должны мы были точно соблюдать военный порядокъ (zwa-a-zwa), а поступать передъ окномъ по одному, по очереди, сохрани Господи, чтобы кто кого опередилъ. Иногда случалось, что пришли 2—3 и 4 компаніи интернированныхъ обоего пола и всякихъ сословій, по 20, 30 и 40 лицъ,

а) бараки интернированныхъ.

в) бараки для карантинныхъ.

вергнуты уголовному слѣдствію, и тѣ, которые, по приговору къ аресту въ Грацѣ, еще не могли туда сейчасъ быть переведены.

За воротами „Б“ путь, ведущій къ ближайшей желѣзнодорожной станціи „Абтиссендорфъ“ и къ нашей новой почтѣ „Цетлингъ-Талергофъ“ (Zettling-Thalerhof).

За этимъ путемъ, противъ воротъ „Б“, стояли два барака (гораздо лучше построенные, и на комнаты раздѣленные), въ этихъ зданіяхъ помѣщался почтовый складъ для насъ, канцелярія для военныхъ чиновниковъ (офицеровъ и подофицеровъ), подѣ начальствомъ полковника, который съ капитаномъ и офицерами, а также съ парохомъ (о. Карпякомъ) для насъ назначеннымъ, въ этомъ

такъ надо было долго выжидать и тоже нельзя было перебѣгать компаніи компанію.

Купля съ приключеніями.

Мнѣ случилось однажды передъ кантиною такое: Я находился во второй компаніи, — съ боку стояла третья.

Когда уладила первая компанія свою куплю, хотѣла подступить моя (вторая) подѣ кантину, но солдатъ отъ третьей велѣлъ своей компаніи подступить. Я дерзнулъ сказать, что наша компанія пришла раньше, и что должны мы теперь приступить къ кантинѣ. На это примѣчаніе крикнулъ солдатъ третьей компаніи грозно: „Schweig!“ sonst bekommst du eine Ohrfeige“ (молчи! иначе

получишь пощечину). Я, конечно, умолк, наш солдат за наше и свое право не постоял, так, что вследствие этого настоялись мы до изнеможения.

Кантиярка (и́мка) смотрѣла на насъ, какъ на предателей, какъ на враговъ державы, а собственно какъ на враговъ и́мцевъ, и открыто, громко и вызывающе это высказывала.

Кантиярка повышала цѣну на товары ежедневно*, а иногда и въ тотъ же самый день. Напримеръ брала однажды у одной компании за головку чеснока по 6 гел., у слѣдующей уже по 10 гел. Кто такъ не платилъ, не получалъ уже ничего больше. Собирала она отъ насъ великіе капиталы и богатѣла очевидно скоро. На это жаловались интернованные много, ибо ужасъ, какъ плохо стояли наши карманы. Черезъ двѣ недѣли остался и я безъ копѣйки. Еще черезъ двѣ недѣли привезли въ Талергофъ и моего сына. За себя я еще до теперь не уронилъ ни слезы, но увидѣвъ передъ собою сына, іерея и катишита, отца четверыхъ дѣтей, я горько заплакалъ и сказалъ: „Сыну! и ты здѣсь?“ — „А кто же я? А развѣ я хуже батюшки? Если достойны вы здѣсь быть, то радуюсь, что и я этого удостоился“. О! какъ ободрили меня эти слова! Какъ горячѣй сталъ я сына любить. После долгой паузы, спросилъ я сына: „Есть ли у тебя какія деньги?“ — „Я взялъ съ собою 180 кор.“ — „Дай же мнѣ въ займы 20 кор.“ — Онъ далъ мнѣ этихъ 20 кор. О какимъ богачомъ я себя чувствовалъ!

Интернованный священникъ изъ Лемковщины, о. Александръ Сѣлецкій, зная, какъ обдираетъ кантиярка всѣхъ, сказалъ разъ объ этомъ капитану, у котораго какъ-то былъ въ милости. Капитанъ вѣроятно сдѣлалъ кантияркѣ упрекъ. Сейчасъ слѣдующаго дня пришелъ о. С. передъ кантину, а кантиярка знала его уже, ибо часто покупалъ всякое для себя и для другихъ. „Sie bekommen nichts mehr von mir. Sie sind ein Verräther und haben auf mich geklagt!“ (Вы у меня ничего больше не получите. Вы — предатель и жаловались на меня). По-

слѣ этихъ словъ повалился о. А. С. на землю и—скончался отъ разрыва сердца!..

Вотъ что должны мы были непременно испытывать и переносить!

Гангары какъ жилища.

Передъ домою команды стоялъ громадный домъ и помѣщеніе для аэроплановъ (все это именовали гангарами*) Первые транспорты нашихъ интернированныхъ жили именно въ этихъ гангарахъ, а между ними мои братья, мой зять, д-ръ Михаилъ Людкевичъ изъ Перемышля, о. Вл. Волошиновичъ изъ Шавнаго съ сыномъ, о. Игн. Мохнацкій изъ Войтковы и мн. др. По переведеніи всѣхъ изъ гангаровъ въ бараки, стали строить въ гангарахъ аэропланы, и съ того времени видѣли мы ежедневно упражненія летчиковъ на равнинѣ за проволочными оградами и въ воздухѣ надъ ними и нами съ трехъ часовъ утра до поздней ночи. Неприятный шумъ и шорохъ и гулъ аэроплановъ слушали мы все время нашего пребыванія. Мы должны были часто видѣть и то, какъ аэропланы падали и разбивались, — иногда побились смертельно или убились и летчики.

Еще примѣчу о „шопѣ“ (сарай), въ которой многие интернованные по 2, 3, 4 и 6 недѣль томились, гдѣ жилъ и я съ сыномъ, съ о. Моцѣбовичемъ старшимъ, съ о. Кушнѣромъ, который черезъ 2 дня умеръ, съ г. Лукашевичемъ изъ Вышатичъ, который съ трудомъ двигался на костыляхъ и былъ очень боленъ и глухъ (и его привезли сюда!) и тоже черезъ пару недѣль умеръ.

Несмытый срамъ на державу за это интернованье людей ни въ чемъ повинныхъ и за такое звѣрское обращеніе съ ними.

Еще укажу на зданіе „магазинъ“, гдѣ держался для многихъ изъ насъ нужды ради (чтобъ не ходили люди нагіе и босые) складъ бѣлья, платья, обуви

* Собственно именуются „гангардами“ (Hangards) каменные зданія для войскъ въ нововременныхъ крѣпостяхъ.

и покрываль, и о домѣ на хлѣбѣ, за которыми долгое время должны были ходить всѣ по очереди, мужики, бабы, господа и госпожи и нѣжные барышни, въ хорошее и нехорошее, въ теплое и морозное время.

Кладбище.

А за равниною для разбѣга и размаховъ аэроплановъ назначила команда мѣсто подъ кладбище, на которомъ за 30 мѣсяцевъ похоронено нашихъ братьевъ и сестеръ (ихъ меньше) около 1700 лицъ! Легли тамъ: д-ръ М. Людкевичъ, о. Кушнѣръ, о. Шандровский, о. Полошиновичъ, о. Малинякъ, о. О. Полянский, оо. Александръ и Несторъ Полянскіе, о. Николай Гмитрыкъ, о. Іер. Куновскій, д-ръ Дорыкъ, о. Дроботь, дьякъ Никол. Стыранецъ и ми. др. доблестныхъ нашихъ патриотовъ. Вѣчная имъ память!

Жизнь въ баракахъ.

Со временемъ перевели всѣхъ насъ изъ гангара, изъ палатокъ и изъ „шопы“, въ готовые бараки и, вотъ, началась въ нихъ наша заточническая жизнь, такъ очень далеко отъ своихъ, подъ терроромъ военной команды, при скудныхъ, сумбурныхъ и лживыхъ извѣстіяхъ о войнѣ.

Намъ не было свободно много ходить по двору; намъ нелегко доводилось ходить въ др. бараки къ своимъ знакомымъ, чтобы другъ другу радовать или чтобы другъ другу въ чьмъ-нибудь помочь. Насъ всегда подозревали въ злонамѣренности и считали насъ крайне вредными и опасными людьми. А между тѣмъ, всѣ мы, заточники, оказались ввиду всего начальства спокойными и корректными и, кроме того, — за малыми исключениями — заключенные были, т. е. оставались и здѣсь людьми набожными и богомольными. Между нами находились и два интеллигентныхъ англичанина. Одинъ изъ нихъ, познакомившись съ нами и присмотрѣвшись намъ, оказывалъ намъ симпатіи и дружбу, жалѣлъ насъ крѣп-

ко и говорилъ: „Вы, русскіе, удивительный народъ. Васъ здѣсь такъ много и всѣ вы такъ ужасно угнетены, загнаны и прижаты, и все же здѣсь — только тихіе богомольцы! Думаете ли вы, что вы себѣ этимъ положеніе и долю поправите? Никогда! „На похиле дерево и козы скачутъ!“ — былъ смыслъ его рѣчи. Если бы было здѣсь насъ столько, сколько васъ, мы бы всего этого варварскаго террора и часа нестерпѣли!“

Намъ горько доставались и комомъ въ горлѣ ставали всѣ куски хлѣба, всѣ

Крестыиникъ Меодій Васильевичъ Грининъ изъ Яблоницы подл.

завтраки обѣды, и ужины. Иногда приказывали намъ сидѣть преспокойно на своихъ логовищахъ съ посудой и ждать въ совершенномъ молчаніи подавняія одной варехи какого-то постнаго, а то и по-истинѣ отвратительнаго кушанья; иной разъ велѣли намъ ставать на дворѣ возлѣ барака, zwa-a zwa, для получения кушанья, и сохрани Господь, чтобы кто-нибудь другъ друга опередилъ. Поплатился бы! Все такое обращеніе съ нами было для насъ крайне унижительно и оскорбительно. Но что было дѣлать?

Весьма печально проходили намъ все дольшими ставшіе вечера и ночи, ибо бараки освѣщались скудно, только двумя керосинными лампами, но мы и за это благодарили Бога, ибо въ неосвѣщенныхъ баракахъ было бы гораздо хуже.

Наши ночлеги первой осени и первой зимы были и жалки и опасны, ибо мы спали плотно другъ возлѣ друга, чаще всего не раздѣваясь и обуви не снимая, и при томъ здоровые возлѣ больныхъ, а больныхъ, то червонкою, (поносомъ), то тифомъ, то маляріей, и даже чахоткою, постоянно бывало много. Мы спали — это надо помнить — на одной истертой соломѣ, постеленной на мокрой землѣ!

При всемъ этомъ бѣдствіи всѣхъ насъ обѣда страшная нужда — миллионы вшей. Мы, правда, переводили два раза въ день старательное ихъ гоненіе-избѣженіе, но вся наша борьба съ ними оказывалась безуспѣшной, онѣ удивительно живо вновь появлялись. Онѣ то и разносили заразныя болѣзни съ однихъ узниковъ на другихъ, по всемъ баракамъ.

Смерть и похороны.

Было первой зимой немало такихъ случаевъ, что изъ интернованныхъ, ложившихся вечеромъ спать, утромъ нѣкоторые уже не просыпались. Если же кто въ баракѣ умеръ, то сейчасъ клали его въ самый примитивный гробъ и выносили на дворъ подъ баракъ, гдѣ покойникъ и лежалъ до похоронъ, которые отбывались скоро, — черезъ 8-10-12 часовъ по смерти.

Только немногимъ удавалось получить изъ Граца лучшіе гробы и быть похороненными торжественно. Изъ упокоившихся въ Талергофѣ священниковъ, напимѣръ, бѣдный и несчастный о. Несторъ Александровичъ Полянской, умершій въ больницѣ(!) на тифъ, злбно варварски былъ больничнымъ персоналомъ на разсвѣтѣ дня, только въ одномъ бѣльѣ и въ наскоро и грубо сколоченномъ гробѣ, съ иными бѣдными покой-

никами, забранъ и отвезенъ на кладбище и въ отсутствіи кого бы ни было изъ своихъ и безъ похороннаго отпѣванія похороненъ! Въ этомъ виноваты трусливая команда лагеря и чудовищно трусливые больничные врачи.

Что касается вшей, то были онѣ истреблены только тогда, когда уже была намъ построена баня, а въ ней паровой дезинфекціонный аппаратъ, нагреваемый чрезвычайно сильно. Всякое бѣлье, платье и всякія покрывала сдавались въ этотъ аппаратъ и получались обратно уже съ совершенно убитою масою вшей.

Въ началѣ 1915 года, были назначены и передѣланы два барака сначала (№ 14, а позже № 13) въ больницу, но когда лѣтомъ того г. прибыла коммиссія изъ Вѣны осмотрѣть Талергофъ, то генераль, глава коммисіи, сказалъ, что похожи эти больницы скорѣе на нужный магазинъ, но не на больницу. Послѣ этого были построены значительно лучшія больницы въ мѣстѣ, гдѣ я отмѣтилъ на планѣ.

Изъ-за тифа вышло не лишь то несчастье, что умерло повально столь много людей, но еще и другое, а именно то, что все платье заболѣвшихъ тифомъ крестьянъ, ихъ домашнее дьянное или конопляное бѣлье, ихъ сѣраки и кожухи, ихъ обувь, и вообще ихъ вещи, ими самими сдѣланныя, и потому и крѣпкія и драгоцѣнныя, были сожжены, а имъ было взаменъ выдано самое дрянное, ничтожное и тандетное (плохого качества). Такъ ограбленные люди остались въ буквальномъ смыслѣ слова нагими!

Не могу обойти молчаніемъ еще и того печальнаго обстоятельства, что больныхъ тифомъ больничная прислужка обкрадывала, особенно крестьянъ, которыхъ не-кому было взять въ защиту и опеку, ибо въ бараки тифозныхъ больныхъ и тифозныя больницы, никому изъ насъ не было позволено ходить.

Жаль было смотрѣть и на реконвалесценто́въ: они ходили около своего барака въ одномъ бѣльѣ, заверну-

тые одъялами или кожами, худые и блѣдныя какъ тѣни и голодные до обморочнаго состоянія. Имъ подавали ѣсть только „юшку“ (жидкости). Мало кто изъ реконвалесцентоу получалъ уградской по стакану молока или по куску булки.

(„послешь вонъ, послешь! а то сейчасъ оборвешь по мордѣ!“) Но я не убоился; я поставился къ караулу остро: „Я не принимаю такихъ словъ; мнѣ нельзя говорить „marsch“, я старый священникъ“. Въ этотъ моментъ прибѣжалъ капралъ и спросилъ, въ чемъ дѣло. Я ему по-

Группа ссыльныхъ въ Würmsdorf ad Pöggstall: о. Григорій Стеценъ изъ Ставкице, о. Іоаннъ Сованскій изъ Волоща, о. Іоаннъ Лозинскій изъ Голына и Иванъ Макс. Пашевичъ изъ Львова (снимокъ сдѣланъ 6-го февр 1916 г.)

Меня просилъ однажды мой любимецъ, Стефанъ Фърко, чтобы доставить ему стаканчикъ молока и хотьбы одну булку: и этого нашего разговора караульные не замѣтили. Но когда я ему желаемое уже доставилъ, налетѣлъ на меня караульный съ крикомъ: „marsch! marsch! bekommst gleich a Watschl

снилъ, онъ записалъ мое имя, посмотрѣлъ пристально и ушелъ, но къ рапорту меня не вызывали.

Удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ.

Всѣ наши опасно больные требовали исповѣди, св. причащенія и св.

едеопомазанія, но изъ всего этого получали только исповѣдь, а это потому, что не было у насъ церкви ни третины. У нѣкоторыхъ священниковъ правда, имѣлся свой іерейскій молитвословъ, нѣсколько священниковъ и дячковъ успѣли привезти съ собою и „изборники“, но только и всего. Знаю случаи, что нѣкоторымъ священникамъ и дячкамъ успѣли забрать съ собою, будучи арестованными, молитвословы, выдирали ихъ жандармы изъ рукъ и бросали ихъ въ ровъ. Поименно могу сказать, что жандармъ, который велъ о. Юркаевича изъ Липы, изъ тюрьмы на вокзалъ, увидѣвъ по пути у него іерейскій молитвословъ, его у него выхватилъ и бросилъ въ ровъ! Вотъ сторожъ закона и благочестія въ архика톨릭ескомъ государствѣ „его апостолческаго величества“ Франца Іосифа! Кромеъ того, что не было для насъ церковныхъ книгъ, не имѣли мы и церковныхъ ризъ. Съ начала нашелся эпитрахиль только у Владимира Аванасьевича Венгриновича и еще у кого то; ручной крестъ нашелся у о. Феодора Сапуна, а только значительно поздѣе дали себѣ нашимъ русскимъ дамамъ сшить эпатрахи: о. Богданъ Полянскій, о. Юліанъ Гумецкій и о. Василій Курилло.

Самопожертваніе о Владимира Венгриновича и врача д-ра Владимира Могильницкаго.

Духовную помощь оказывали заболѣвшимъ заточникамъ нѣсколько священниковъ, но совсѣмъ отдался имъ къ услугамъ и на всѣ случаи о. Влад. Аѳ. Венгриновичъ. Его и призывали сами солдаты, стоявшіе на „вахвахъ“ подъ бараками съ тифозными больными, къ исповѣдыванію больныхъ. Такъ велось это долго, но наконецъ заболѣлъ и онъ тифомъ и чуть не сошелъ со свѣта. Оправившись отъ тифа, долго хворалъ онъ реконвалесцентомъ. Къ выздоровѣвшему о. Влад. Аѳ. Венгриновичу, многіе шли благодарить его за самоотверженность и поздравить его съ выздоровленіемъ. Нашъ извѣстный стихотворецъ-самоучка Федоричка написалъ и вручилъ ему хорошее благодарственно-привѣтственное стихотвореніе.

Кромѣ о. Влад. Аѳ. Венгриновича, заслужился для больныхъ тифомъ презирадно и д-ръ Влад Могильницкій изъ Бучача. Когда свирѣпствовала пошесть тифа во всю, когда заболѣлъ этой опасной болѣзью и умеръ даже военный врачъ, тогда свершилось для насъ столь опасныхъ для державы заточниковъ великое чудо: австрійскую „ваху“ убрали отъ насъ изъ баракровъ совсѣмъ (караулы остались только внѣ ограды талергофскаго лагеря), а намъ объявили автономію, назначая всѣхъ „циммеркомандантовъ“ нашими, за насъ отвѣтственными настоятелями. Объявляя намъ на 6-8 недѣль автономію, намъ сказали: „Попробуемъ съ вами; хотимъ узнать, какіе вы люди; если поведете себя хорошо и безупречно, будемъ и мы для васъ иными“.

Какой хитрый выкрутъ придумали швабы! Врачамъ, д-ру В. Могильницкому, д-ру Дорыку, д-ру Войтовичу, д-ру Цѣханскому (Тѣханскому), д-ру Прислонскому и д-ру Добби, предоставили полную власть заботиться о больными. Д-ръ Дорыкъ, единственный сынъ о. Феодора, за короткое время заразился тифомъ и умеръ, д-ръ В. Могильницкій занялся тифозными такъ усердно, что также заболѣлъ тифомъ и чуть не умеръ, но милосердный Богъ сохранилъ его при жизни; судьба надъ нимъ и нами сжалась, видно, ибо онъ оказался въ Талергофѣ и по выздоровленіи просто незамѣнимымъ до конца. Военные врачи были собственно только чиновниками для больныхъ, дѣйствительнымъ же врачемъ для нихъ былъ только д-ръ Могильницкій.

Для иллюстраціи самоотверженности д-ра Могильницкаго, приведу такой случай:

Однажды, когда еще не были построены бани, вышелъ приказъ отъ команды, чтобы шли изъ семейственаго барака купаться въ пару гдѣ то за гангаромъ (къ моему счастью не былъ я тамъ ни разу) всѣ женщины. Всѣ боялись этого купанья, ибо была эта баня черезчуръ ужъ примитивна и многіе въ ней простуживались, а также нѣкоторые сводили свое платье ни на что, — при-

слуга обращалась съ купающимися безпощадно. Уже вышло из барака нѣсколько десятковъ женщинъ изъ интеллигенціи; онѣ ставали вождѣ солдата, который долженъ былъ ихъ конвоировать, zwa-a-zwa, no, по счету солдата, не вышла еще одна барышня. Дамы объясняютъ солдату, что въ этомъ случаѣ эта барышня не можетъ идти купаться, но солдатъ идетъ въ баракъ и выгоняетъ плачущую дѣвицу прикладомъ на дворъ. Всѣ дамы и мы, повиходившіе изъ бараконъ мужчины, возмущены поведениемъ солдата, но не можемъ ничего помочь, ибо за неповиновение и за вмѣшательство можетъ солдатъ стрѣлять и штыкомъ проколоть. Но вдругъ является изъ барака посѣщившій д-ръ Могильницкій (онъ жилъ въ сем. баракѣ съ женою и сыномъ) и рѣзокъ говоритъ солдату (по нѣмецки): „Эта г-жа не пойдетъ купаться, ибо я, врачъ, запрещаю ей идти“. Солдатъ зналъ, что д-ръ Мог. является врачомъ, но повиноваться долженъ онъ былъ только полковому врачу, а не интернированному д-ру Могильницкому, услышавъ рѣзкое слово д-ра М-го, всѣ за него безпокоились, думая, что сейчасъ пробьетъ его солдатъ штыкомъ, но, слава Богу, вышло иначе: солдатъ присмирѣлъ и отпустилъ барышню въ баракъ.

Наше житье-бытье въ Талергофѣ.

Помню, осенью 1914 года приближался день 14-го октября н. ст., день именинъ цѣсаря Франца Юсифа I. Полковникъ пригласилъ нѣсколькихъ „цимеркомендантовъ“, чтобы посовѣтоваться съ ними относительно торжественнаго богослуженія за благоденствіе старика-юбиляра. По всему замѣтно было, что власти очень усердствуютъ, чтобы эти именины были отразднованы особенно торжественно.

Приглашеніемъ занимался о. Коломеецъ, рослый мужчина и умѣющій въ обществѣ ловко обращаться. Его избрала себѣ команда посредникомъ между собой и нами. Свою службу исполнялъ

Раскажу еще и второй случай: По разнымъ причинамъ не было нѣкоторое время дозволено переходить изъ барака въ баракъ. Но въ одномъ баракѣ лежавшій въ высокой горячкѣ мужикъ, сорвавшись, вылетѣлъ изъ барака и спѣшилъ въ сосѣдній баракъ. Видя это, солдатъ кричалъ „halt! halt!“, но когда больной на это не обращалъ вниманія, выстрѣлилъ въ него, однако промахнулся и только прострѣлилъ стѣну въ баракѣ и ранилъ смертельно на колѣняхъ стоящаго иного здороваго мужика. Призвали сейчасъ врача д-ра Могильницкаго. Онъ осмотрѣлъ несчастнаго мужика, но мужикъ два часа спустя скончался. Пулю, которая убила мужика, нашель кто-то по другой сторонѣ барака и далъ ее — говорили—д-ру Могильницкому.

Команда вызывала д-ра Могильницкаго нѣсколько разъ къ протоколамъ, дѣлали даже у него обыскъ, и требовали возвращения пули, но д-ръ Могильницкій сказавъ, что пулю бросилъ гдѣ-то, держался этого слова до конца и несмотря на всякія угрозы, пули не отдалъ, а, можетъ быть, и дѣйствительно бросилъ ее. Что было на самомъ дѣлѣ, я не узналъ.

По выздоровленіи д-ра Могильницкаго отъ тифа, шли къ нему многіе поздравлять и благодарить его.

о. Коломеецъ вплоть до поступленія подъ карантинъ, чтобы выѣхать куда-то на конфинацію. Но изъ-подъ карантина онъ не только не выѣхалъ на конфинацію, но и остался въ Талергофѣ на всегда, ибо расхаживая со всякими докладами по всѣмъ баракамъ и занимаясь списками всѣхъ интернированныхъ (спящими и выбывающихъ), онъ заразился тифомъ и умеръ. Тяжело вспоминать... А, впрочемъ, да проститъ милостивый Господь!

Программа была такая: Интернированный о. духовникъ львовской духовной семинаріи, о. совѣтникъ и папскій

шамбеланъ, 83-лѣтній старикъ, о. Дольницкій, всѣмъ намъ ободритель и образецъ терпѣнія и постоянного моленія, долженъ былъ служить литургію въ сослуженіи нѣсколькихъ священниковъ, добрыхъ пѣвцовъ, о. Тиховичъ долженъ былъ составить пѣвческій хоръ, чтобы пѣли по нотамъ, хотя и безъ нотъ, а долженъ былъ заняться о. Корн. Сеникъ устройствомъ престола, эстрады для пѣвцовъ и распределеніемъ мѣстъ стоянія для всѣхъ христіанскихъ интернованныхъ, чтобы стояли на своемъ мѣстѣ дамы, а иномъ мѣстѣ мужчины интеллигенты, а дальше всѣ сельяне и сельянки, а разумѣется гдѣ-то вблизи престола и военные. Признать надо, что о. Сеникъ, бывший сеймовый депутатъ, стройный мужчина и знающій весь обиходъ, справился со своей задачей отлично. Пѣвческій хоръ обратилъ на себя общее вниманіе полковника и всей его свиты, ибо набрали въ хоръ такихъ пѣвцовъ, что каждый изъ нихъ, самъ даже бы могъ быть управителемъ хора.

Когда окончилось торжество, въ своемъ словѣ о. Корнилій Сеникъ (на нѣмецкомъ языкѣ) сказалъ во всеуслышаніе приблизительно слѣдующее: „Heute ist ein Fest im ganzen Reich zum Namenstag des glorreich regierenden Jubilaten Kaiser Franz-Josef des I. Alle Völker Osterreichs beten inbrünstig für Seine Gesundheit und wünschen ihm vom ganzen Herzen Alles Beste und ein ruhmvolles Beenden des begonnenen Krieges; dasselbe wünschen auch wir, alle hier versammelten, wir, russische und polnische Unterthanen des Jubilaten Franz-Josef des I. Wir alle hier versammelten bitten Euere Exzellenz, Herr Oberst, unsere herzlichsten Wünsche Seiner Majestät dem Kaiser gütigst zu Wissen geben“.

(Сегодня, во всемъ государствѣ, торжество тезоименитства славноцарствующаго юбиляра Франца Іосифа I. Всѣ народы Австріи молятся набожно за его здравіе и всѣмъ сердцемъ желаютъ ему всего наилучшаго и славнаго окончанія начатой войны. Этого желаемъ также всѣ мы, тутъ собранные, русскіе и польскіе подданные юбиляра Франца Іосифа I. Всѣ мы, здѣсь собранные, просимъ ва-

ше превосходительство, господинъ полковникъ, довести милостиво до свѣдѣнія его величества наши сердечнѣйшія желанія).

Прознесеніе этого благожеланія было принято полковникомъ и прочими офицерами безъ всякаго примѣчанія, выразительное названіе „russische Unterthanen“ не представилось имъ на этотъ разъ чѣмъ-то неумѣстнымъ, но всѣ „украинцы“, услышавъ эти слова, лютились несказанно и хотѣли непременно высылать депутацію къ полковнику съ жалобою на о. Сеника. Почему не исподнили мазепы этого своего намѣренія и рѣшенія, не знаю.

Наканунѣ нашего Рождества Христова, въ сочельникъ, послѣ св. вечера, служились въ трехъ баракахъ, для нашихъ бѣдныхъ заточниковъ, вечерни, повечерія и всенощныя, а кромѣ этого постарались устроители о соблюденіи предписаній нашего обряда и обычая, также и о „кутѣбѣ“ (пшеницѣ съ макомъ и медомъ), — она лежала на импровизованномъ тетраподѣ, а всѣ наши, участвовавшіе въ богослуженіи, шли по очереди къ блюду и брали ложечкою понемногу кутѣи, чтобы по крайней мѣрѣ такимъ образомъ припомнить себѣ нашъ Святъ-Вечеръ. Правда, еще и то долженъ здѣсь отмѣтить, что просфоры были раздроблены и всѣмъ приступающимъ къ кутѣбѣ розданы!

За все время моего пребыванія въ Талергофѣ, переселялся я изъ барака въ баракъ по всякимъ поводамъ 17 разъ. Еще когда я жилъ съ сыномъ и о. Ѳ. Сапруномъ въ VIII баракѣ находился тамъ тоже и о. Решетилловичъ, рьяный мазепа и депутатъ парламента, но не долго: „украинскіе“ депутаты, д-ръ Кость Левицкій и др. ходили усердно и живо во Вѣннъ всюду, куда слѣдовало, ходатайствуя объ освобожденіи и о. Решетилловича, и, конечно, его освободили. Однажды къ вечеру, при тускломъ свѣтѣ, висящей лампы, вошелъ къ намъ въ баракъ полковникъ съ нѣсколькими офицерами и спросилъ громко: „Wo ist hier der Reichsrathsabgeordnete, Pawel Reszetyłowicz?“ — „Hier bin ich“, отвѣтилъ о. депутатъ и представился пол-

ковнику. — „Sie sind ganz frei. Morgen früh reisen sie ab; machen sie sich reisefertig“. Слѣдующаго дня распрашавшись со всѣми въ баракѣ краткимъ „будьте здоровы“, уѣхалъ о. Решетилевичъ, давъ всѣмъ „украинцамъ“ обѣщаніе скоро выдobyть всѣхъ ихъ изъ Талергофа — или какъ многіе изъ насъ это мѣсто нашего заточенія называли „Teufelhof-a“ (чортъвъ дворъ). И началась послѣ этого оживленная работа внутри и внѣ Талергофа, съ цѣлью освобожденія „украинцевъ“. Между нами былъ главнымъ „махеромъ“ въ томъ дѣлѣ о. Ст. Макарь изъ Новаго Мѣста, а въ Грацѣ нѣкій д-ръ Ганкевичъ, кажется зять д-ра К. Левицкаго. Во время этого движенія стали записываться на „украинскую листу“ у о. Ст. Макара, намъ уже извѣстные мазепы, но также кое-кто изъ нашихъ, селяне и интеллигенты даже, желая, во что бы то ни стало, хоть бы и этимъ путемъ, вырваться и высвободиться изъ Талергофскаго ада, на жизнь въ Гминдѣ, или въ Ст.-Андрѣ, или гдѣ бы то ни было, на конфинацію.

Роль мазепъ.

Когда находился я уже въ IV баракѣ, какой-то „украинецъ“ намъ кликнулъ: „Кто изъ панівъ хоче выйти изъ Талергофа, най впишеться сейчасъ у мене на укр. листу, то выйде“.

Съ возмущеніемъ откликнулся хоромъ цѣлый баракъ: „Нѣтъ здѣсь между нами такихъ, вонъ съ предложеніемъ! Дастъ Богъ, выйдемъ отсюда и безъ вписыванія себя на укр. листу.“

Агитаторъ вышелъ съ длиннымъ носомъ.

Передъ праздникомъ св. о. Николая извѣстили всѣхъ насъ, что прѣдетъ въ этотъ день д-ръ Ганкевичъ въ Талергофъ, съ той цѣлью, чтобы пожилыя лица ему представлялись для освобожденія себя изъ Талергофа. И дѣйствительно прѣхалъ д-ръ Ганкевичъ съ какимъ-то другимъ господиномъ. Стали всякіе люди тиснуться въ барачокъ, гдѣ освобождающая комиссія начала дѣйствовать, о. Макарь отдѣльныхъ лицъ впускать и выпускать. Увидѣвъ меня,

между стоящими на дворѣ, о. Ст. Макарь былъ настолько внимателенъ, что впустилъ меня въ канцелярію и шепнулъ въ ухо: „Впишитесь, отче, на листу д-ра Мих. Короля изъ Жовквы“ (зналъ о. М., что я никакъ на „украинскую листу“ не впишусь). Ставъ передъ комиссію, спросилъ меня д-ръ Ганкевичъ вопервыхъ, какъ я называюсь, а затѣмъ какой я партіи? Я отвѣтилъ: „Я не емь челоувѣкъ какой-то партіи, я членъ галицко-русскаго народа“. — „Такъ?! То идите себѣ, идите! Мы знаемъ васъ добре

Свящ. о. Іоаннъ Савчинъ, законоучитель гимназіи въ Перемышлѣ.

не отъ нынѣ!“ — И я пошелъ, зная уже, что меня не выпустятъ, но радъ все таки, что меня знаютъ не отъ нынѣ, хотя и не съ хорошей стороны въ мазепинскомъ смыслѣ, т. е. въ бессмыслии. Спасибо и за это.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого прочли „циммеркоманданты“ по баракамъ, что въ такой-то день отъѣдутъ изъ Талергофа на свободу, такіе-то „украинцы“, — и назвали около 120 фамилій разъ, а затѣмъ вѣскольکو разъ еще извѣстное количество ихъ на иные дни.

Стали мазепы въ телячьѣмъ восторгѣ намъ, русскимъ, на досаду, собираться къ отъѣзду. И ударилъ часъ отбытія. Нѣкоторые изъ нихъ прашались съ нами даже словами: „дай Богъ и вамъ скоро отсюда выбратися“, но, когда вышли всѣ съ багажемъ за ворота, чтобы пѣшкомъ пойти на станцію Абтиссендорфъ, то и кликнули намъ громко съ дикимъ злорадствомъ: „А бодай-бысте, москвофилы, всѣ тутъ пропали!“ Послѣ этого запѣли они свое „Ще не вмерла Україна“...

Всей осенью и зимою, появлялись въ Талергофѣ аудиторы, то на площади посреди бараковъ, то гдѣ-то въ баракѣ, чтобы допрашивать интернованныхъ, за что они въ Талергофъ попали. Меня не допрашивали тамъ уже ни разу, напротивъ, 15 ноября пришелъ офицеръ Лайсъ (Lais) на площадь раздавать почту и многихъ о чемъ-то освѣдомлять, онъ и прочиталъ нѣсколькимъ десяткамъ интернованныхъ вѣсть, что военная прокуратура признала ихъ совсѣмъ невиновными, — между прочими прочитанными фамиліями была и моя. Я весьма обрадовался, ибо думалъ, что наконецъ, выпустятъ меня на свободу, но г. Лайсъ добавилъ въ концѣ сообщенія еще слова: „Aber aus uns unbekannten Gründen bleiben Alle freigesprochenen auf unbegranzte Zeit hier“. (Но по невѣдомымъ намъ поводамъ, всѣ освобожденные останутся здѣсь на неопредѣленное время). Вотъ, какъ моментально убита была моя радость! Позже узнали мы, что освобождение интернованныхъ изъ талергофскаго заточенія зависитъ не отъ военной прокуратуры, а отъ д-ра Ганкевича и его конторскихъ помощниковъ, стоящихъ подъ командою „украинскихъ“ верховодовъ во Вѣнѣ. — Кромѣ извѣщенія о невиновности, отдалъ мнѣ г-нъ Лайсъ и пакетъ со всѣми бумагами, которые забралъ мнѣ, было, жандармъ во время обыска и арестованія. Какъ опечатали оба мы, т. е. я и жандармъ, нашими официальными печатями пакетъ тогда, такъ невскрытымъ и непрочитаннымъ отдала мнѣ его прокуратура, ко-

торая, повидимому, этихъ бумагъ не хотѣла видѣть и не видѣла.

Допросы.

Съ нѣкоторыми интернованными производились допросы очень интересно и замѣчательно. Примѣра ради упомяну о нѣкоторыхъ. Одну крестьянку изъ Надворной (а можетъ быть изъ села отъ Н.) спросилъ прокуроръ: „Вы изъ которой партіи?“ — „Я отъ коровъ“ — отвѣтила баба. — „Какъ же отъ коровъ?“ — спросилъ удивленный аудиторъ. — „Ну такъ, прошу пана „сендзого“: я служу въ дворѣ, то тамъ дѣлимъ всѣхъ слугъ на партіи, одна при коняхъ, друга при воллахъ, еще инча при безрогахъ (свиньяхъ), а я при коровахъ и яловнику“. — На такой простой отвѣтъ улыбунулся аудиторъ и отпустилъ бабу.

Иную крестьянку отъ Бродовъ (лѣтомъ 1915 года) спросилъ аудиторъ: „На васъ донесено, что вы впустили въ свою хату „москалей“. Почему сдѣлали вы это?“ — Крестьянка съ крайнимъ волненіемъ ему отвѣтила также вопросомъ: „А пощо впустили австрійски вояки „москалей“ до Галичины?“ — Аудиторъ мотнулъ только головой безпомощно и отпустилъ ее.

Однажды, былъ я допрошенъ по дѣлу обвиненнаго о. Северіана Ильницькаго. При допросѣ помогали аудитору адвокатскій конципіентъ изъ Дрогобыча. Аудиторъ спросилъ меня: „Что вы скажете о томъ, что о. Ильницькій основалъ въ своемъ приходѣ читальню О-ва им. Мих. Качковскаго?“ — „Скажу только, то, что это хорошо; ничего преступнаго въ этомъ не было, я имѣлъ у себя тоже такую читальню; — ихъ было въ Галичинѣ около тысячи“ — отвѣтилъ я. — „Такъ? — И вы говорите это такъ смѣло?..“ — „И почему же мнѣ объ этомъ не говорить смѣло? Вѣдь я, о. Ильницькій и всѣ прочіе, мы получили разрѣшеніе на основаніе читальни О-ва им. М. Качковскаго, отъ намѣстничества во Львовѣ чрезъ старства, на бумагахъ. Самовольно и тайно мы этого не дѣлали“. — На эти мои слова примѣтилъ адвокат-

ский конципиентъ (офицеръ): „Ja, ja, an Allem ist die Lemberger Statthalterei schuldig“. (Да, да, во всемъ этомъ виновно львовское наместничество).

Чрезвычайно характерны были допросы совѣтника суда Богдана Б. Дѣдицкаго, надсовѣтника суда Влад. Литинскаго и секретаря старства въ Сянокъ г. Андрея Бугеры.

Первыхъ двухъ, узнавъ, кто они, спросилъ аудиторъ: „Когда были вы именованы совѣтникомъ и надсовѣтникомъ суда? — „Въ июнѣ 1914 года“. — „И сейчасъ по повышеніи въ чинѣ, васъ арестовали? Удивительно! Въдѣ же для повышенія по службѣ, признали васъ совершенно лойяльными. Нѣтъ никакой послѣдовательности въ дѣлопроизводствѣ галицкихъ верховодовъ Идите; вы, господа, черезъ недѣлю будете свободны“. Такъ и вышло.

Между нами въ Талергофѣ было еще одно замѣчательное лицо, славный мужъ, д-ръ Николай Антоневиъ, выслуженный учитель гимназии, писатель и широкоизвѣстный сеймовый депутатъ. Сколько молодежи воспиталъ онъ! Какимъ славнымъ и любимымъ педагогомъ былъ онъ, и все же очутился въ Талергофѣ и пробылъ тамъ свыше пяти мѣсяцевъ! Насъ, учениковъ его, было много съ нимъ въ Талергофѣ, мы очень жалѣли его. Онъ претерпѣлъ много въ талергофскомъ аду физически и нравственно, пока его освободили. Онъ, правда, не авансавалъ такъ быстро, какъ чиновники суда; его вообще какъ славно-извѣстнаго русскаго патриота политиканы не любили и боялись, хотя и высоко почитали, но все таки ему въ лойяльности безречномо, только законнымъ путемъ шедшему, не должно было случиться такого преслѣдованія, гоненія и униженія, какимъ онъ былъ подвергнутъ. Если бы не Талергофъ, д-ръ Н. Антоневиъ въ 1919 г. еще не умеръ бы; въ Талергофѣ несомнѣнно здоровье его пошатнулось, несмотря на то, что былъ по своей русской природѣ, весьма твердъ и выносливъ. Д-ръ Людкевиъ не смогъ заточенія перенести. Не вы-

несъ униженія, оскорбленій и заточничества и вскорѣ умеръ въ Талергофѣ.

Андрей Бугера предсталъ предъ аудиторомъ въ чиновничьемъ мундирѣ, съ крестомъ заслуги на груди, ибо такъ одѣтымъ арестовали его 2-го августа 1914 г., когда выходилъ въ парадной формѣ изъ церкви.

— Вы кто такой? — спросилъ аудиторъ.

— Я служилъ 12 лѣтъ въ арміи. Въ чинѣ фельдфебеля поступилъ я на службу въ староствѣ, секретаремъ старства служилъ я 28 лѣтъ. Теперь я въ отставкѣ съ пенсіей, съ крестомъ заслуги за вѣрную службу, и здѣсь, въ Талергофѣ!

— Удивительно, какъ съ вами поступили. Идите. Постараемся, чтобы вы вышли скоро отсюда.

Черезъ нѣсколько недѣль были всѣ они отпущены на свободу, хотя не въ одно время, ибо и не въ одно время, впрочемъ, ихъ допрашивали.

Патриархъ заключенныхъ о. Домницій.

Необыкновенная исторія вышла и съ арестованіемъ о. Домницкаго, духовника львовской дух. семинарии и папскаго шамбелана, 83-лѣтняго старика, лойяльнѣйшаго подданаго, быть можетъ, боате чѣмъ министр-президентъ и болѣе папскаго, чѣмъ кардиналь-примась. Его арестовали мадыарскіе солдаты, гдѣ-то недалеко востро-русской границы и вымучивъ его порядочно, посадили на пушку и везли его на ней привязаннаго далеко, въ какую-то команду, которая затѣмъ и доставила его въ Талергофъ.

И была-жъ у какихъ то тамъ верховодовъ совѣтъ продержатъ старика-ветерана, столь заслуженнаго и много воспитавшаго въ Талергофѣ, до половивы зимы! Гдѣ онъ ютился, какъ сидѣлъ и какъ спалъ! Самый видъ и состояніе этого старика выжимали изъ глазъ слезы. Но при всемъ этомъ униженіи какъ бодро, крѣико, безропотно, примѣрно и назидательно онъ держался! Священники оо. Мащакъ изъ Липицы, Петръ Подгорецкій и другіе, ко-

торые наиболее к о. „патріарху“ помѣщались, читали вмѣстѣ съ нимъ ежедневно громко все Правило, а часто и Параклисъ ко Пресв. Богородицѣ, а какъ только требовалось богослуженія для всѣхъ (вечерни, утрени, литургіи и параклиса), то онъ шелъ служить начальствующимъ.

Наконецъ пришло и о. Дольницкому освобожденіе изъ Талергофа. Многіе интернованные пришли его прощать къ воротамъ, — всякій радъ былъ ему въ чемъ нибудь прислужиться, а оо. Машакъ и еще кто-то (и я нѣсколькими словами) произнесли старику трогательные прашальныя и благодарственныя рѣчи, за чудный примѣръ терпѣнія и неуладанія духомъ.

Паденіе религіозности.

Я замѣтилъ, что многіе изъ заточниковъ часто, долго и съ усердіемъ молились, но и немало было такихъ, которые проводили свои дни прямо таки безбожно.

Въ 8-омъ баракѣ помѣщались около меня отецъ съ тремя сыновьями. У нихъ было много денегъ, и вотъ они купали много всякихъ съѣстныхъ припасовъ, готовили и „смажили“ (жарили), и 6—8 разъ въ день ѣли. Но о молитвѣ они забыли совсѣмъ! Однажды утромъ въ баракѣ было такъ неспокойно, что я и сынъ лишь съ трудомъ могли молиться. Подумавъ, сказала я громко: „Братія - заточники! Великое постигло насъ горе, не слѣдуетъ намъ заводить ссоръ и браниться, вотъ, лучше всѣ успокойтесь и молитесь Богу о снятіи съ насъ тяжелаго креста“. Послѣ этого утихло въ баракѣ, но отецъ трехъ сыновей сказалъ съ яростью въ голосѣ: „Миѣ и моимъ сыновьямъ не надо молиться. Насъ везли жандармы восемь миль, съ закованными въ кандалы руками, пусть же это униженіе замѣнить всѣмъ намъ молитвы на весь годъ“. Отецъ и сыновья — рьяные „украинцы“, расчитывавшіе, конечно, на совсѣмъ иную участь. Отецъ этотъ, освободившись вмѣстѣ съ сыновьями изъ Талергофа, поселился съ ними во Вѣнѣ. Ма-

зепинскіе верховоды пригласили однажды и этого отца на свои совѣщанія. Когда пришла бывшая на очереди точка совѣщаться о томъ, кого слѣдовало бы освободить изъ Талергофа, предложилъ кто-то изъ менѣ завзятыхъ и враждебныхъ всему, что русское, чтобы освободить всѣхъ Полянскихъ, которые „будь-шо-будь, все же оказались самоотверженными дѣячами для народа“. Услышавъ это, отецъ трехъ сыновей, вскочилъ какъ ошпаренный и сталъ уѣзжать на Полянскихъ, какіе-де они опасные, такъ что не лишь упало предложеніе, но и еще было рѣшено придержать ихъ въ Талергофѣ до конца. Такъ Полянскіе и выдержали въ Талергофѣ до конца, до 7-го мая 1917 года! Пусть и радуется этотъ отецъ-„добродій“.

Общія молитвы и богослуженія.

Переселившись изъ 8-го въ 4-ый баракъ, замѣтилъ я, что здѣсь интеллигенція и сельные были почти всѣ наши, русскіе; циммеркоменлантомъ былъ о. Влад. Вахнянинъ. Посовѣтовавшись съ оо. Сапруномъ, Кузыкомъ и сыномъ, представилъ я о. Вахнянину, что слѣдовало бы извѣстить всѣхъ товарищей недоли о томъ, что ежедневно и точно въ 6 ч. утра и 9 ч. вечера будетъ кто-то, давъ знакъ рукоплесканіемъ, громко, во всеуслышаніе, молиться, читать молитвы: „Отче нашъ“, „Богородице Дѣво“, „Подъ твою милость“ и „Ослаби, остави“. И о. Вахнянинъ сейчасъ согласился и извѣстилъ о такомъ постановленіи сожителей.

Благодаря этому нововведенію, значительно окрѣпъ духъ всѣхъ заточниковъ въ баракѣ. И въ др. баракахъ, узнавъ о нашемъ новомъ порядкѣ, люди ввели себѣ его также. Вообще общія молитва поинтересовалась всѣмъ несказанно, на жалъ, однако, видѣли мы и такихъ нашего обряда людей, которые на время молитвы, будто бы неспросыпаясь, даже головы изъ-подъ одеяла не показывали! А какъ стали мы, т. е. нѣкоторые священники, по баракамъ подъ воскресенія и праздникі, т. е. наканунѣ

и въ воскресенья и праздники, служить вечерни, утрени и литургии, а даже акафисты и парастасы, то мы были вынуждены видѣть такихъ бездушниковъ, что, сидя въ баракѣ, не лишь не переставали курить папиросокъ, но и въ карты себѣ дальше играть! А на упреки и увѣщанія изъ-за такого ихъ нелѣпаго поведенія, они отвѣчали, что они здѣсь не кто иные, а только — заточники, вотъ все.

Да и не такія еще нелѣпости и дерзости говорили они, но не стану приводить здѣсь всего этого, а укажу только, что доходило до того, что многіе даже званіе свое отрицали, но какъ лишь приходилось идти на почту за жалованьемъ, то они сейчасъ къ нему признавались!

Лѣтомъ 1915 года достался я въ 31-ый баракъ. Съ перваго же дня сталъ я утромъ и вечеромъ для всѣхъ громко молиться, но уже на четвертый день я долженъ былъ переселиться въ XIII баракъ, ибо въ этотъ день утромъ, когда я сталъ молиться, меня проклялъ одинъ интеллигентъ(!) во всеуслышаніе: „А шлягъ бы тебе трафивъ за твою молитву!“ Вотъ до чего дошло это паденіе нравовъ. Есть, видно, люди на свѣтѣ, которые ни своего ни чужого

жого горя не ощущаютъ и, отвергая и удаляя отъ себя все высшнее, духов-

Свящ. о. Олимпій Авак. Полянскій*).

ное, божественное, служатъ только мамонѣ даже и тогда, когда занимаются

*) Свящ. о. Олимпій Ав. Полянскій — родился (сынъ о. Аванасія и Меланія изъ Венгриновичей) въ 1856 г. въ Яблонкѣ нижней, уѣздъ Турка, въ Галичинѣ. Гимназію посѣщалъ и окончилъ въ Самборѣ, богословскій факультетъ во Львовѣ и Перемышлѣ. Хиротонизованный въ іереи (послѣ бракосочетанія съ Мальвиною, дочерью о. Іоанна Гамзы) былъ священникомъ сотрудникомъ въ Вислоцкѣ горномъ, затѣмъ въ Хировѣ; овдовѣвъ рано и замѣнивъ сельское сотрудничество на городское, пробылъ 8 лѣтъ въ Перемышлѣ, гдѣ поработалъ много и успѣшно для русскаго дѣла подъ руководствомъ д-ра Николая Ив. Антоневича. Обладая недюжиннымъ проповѣдническимъ даромъ и умѣніемъ снисканія себѣ довѣрія и симпатій народа.

Ставъ наконецъ настоятелемъ прихода въ Юровцахъ, сяноцкаго уѣзда, о. Олимпій развернулъ энергичную дѣятельность въ Сяночинѣ, въ контактѣ и согласованно сотрудничая по просвѣщенію и организаціи тамошняго русскаго крестьянства и мѣщанства съ такими видными народными дѣятелями, какъ оо. Генрихъ Полянскій, Ѳ. Калужняцкій, Осипъ Москаликъ, Сѣкержинскій, д-ръ Искрицкій, нотаріусъ Кокуровичъ и др., помогая въ работѣ сяноцкой филіи О-ва им. М. Качковскаго, основанія кредита. О-ва „Бескиль“, директоромъ котораго сталъ впоследствии, приобрѣтеніи „Народнаго Дома“ въ Сяночкѣ и т. д.

При читальнѣ въ Юровцахъ имѣлъ же основанный и руководимый любительскій драматическій кружокъ ставилъ съ большимъ успѣхомъ рядъ пьесъ, въ ихъ чи-

науками или когда извлекают себя пользу из своих наук. Весьма печальное явление.

Постройка церкви.

Отсутствие церкви в лагерь да-лось всем нам, вѣрующим и къ Богу стремящимся, особенно больно. Намъ, почему-то не давали возможности устроитъ в лагерь свою церковную жизнь, какъ слѣдуетъ.

Еще в ноябрь 1914-го года распорядилась наша команда, чтобы быть построены храмъ — собственно костель, ибо безъ царскихъ вратъ, иконостаса и пр.—для вѣрныхъ гр.-кат. обряда, но все-таки католиковъ. Для не католиковъ же, именно для православныхъ, позволилъ полковникъ построить баракъ съ иконостасомъ и однимъ престоломъ въ пресвитеріи, даже съ небольшимъ куполомъ. Костель для насъ уже былъ покрытъ черепицами, но вдругъ была работа приостановлена съ момента, какъ вспыхнула эпидемія тифа. До весны ничего по постройкѣ не дѣлалось,—за это время послужилъ незаконченный костель складомъ домовинъ (гробовъ) съ умершими интернованными. Были такие дни, что уставлены были по срединѣ храма по 5—8 и 10 гробовъ!

Весною не было уже пошести, и мастера принялись за завершение постройки храма. Въ концѣ мая 1915 г. состоялось торжественное благословение его делегатомъ лат. епископа изъ Граца, весьма пышно, съ участіемъ всей нашей команды и всего насъ стерегущаго войска, и въ присутствіи всѣхъ насъ. На окончаніе торжества пѣлъ нашъ хоръ подъ регентствомъ о. Петра Дуркота, державный гимнъ „Боже буди покровитель“, по нѣмецки и по русски.

слѣ и о Олимпіемъ написанную и весьма популярную трагедію п. а. „Великомученица Варвара“. Писаль о. Олимпій много, подписываясь чаще всего псевдонимомъ „Весгорьевъ“, статьи, песни, стихотворенія, помещаемыя въ гал.-рус. изданіяхъ. Состоялъ продолжительное время вице-маршаломъ и маршаломъ съюдной уездной земской управы. Несмотря на это, все таки въ августѣ 1914 г., когда вспыхнула война, былъ австрийскими жандармами арестованъ и вывезенъ въ Талергофъ, въ которомъ — какъ извѣстно изъ печатаемыхъ здѣсь записокъ его брата Генриха — и скончался и похороненъ со многими другими на извѣстномъ кладбищѣ „подъ соснами“.

Намъ, несчастнымъ заточникамъ, отдали этотъ костель въ пользованіе. Хотя въ немъ многое было далеко не такъ устроено, какъ полагается въ русской церкви, все же мы возрадовались несказанно тѣмъ, что сможемъ служить Литургіи, а по крайней мѣрѣ, что будемъ присутствовать на св. Литургіяхъ, если кто будетъ намъ служить. Самопонятно, что радовались мы и служенію вечерень, утрень, молебновъ, акафистовъ и парастасовъ въ церкви, ибо, хотя служили мы эти богослуженія и по баракамъ, то все таки служеніе ихъ тамъ было далеко не то, что въ церкви.

Настоятель прихода.

Но увы! Какъ же не легко давалось намъ служеніе св. Литургіи! Намъ объявлено, что будетъ служить Литургію и прочія богослуженія только поставленный для насъ „парохъ“, о. Ярославъ Карпякъ, окончившій богословскія науки въ Римѣ и тамъ рукоположенный, прослужившій одинъ годъ миссіонеромъ въ Канадѣ, а появившій въ Талергофъ на постъ „пароха“, какъ бѣженецъ, съ поста катихизатора при „вѣдѣловой“ школѣ въ Дрогобычѣ. Несомнѣнно о. Карпякъ, рукоположенный только въ 1906 г., ставъ нашимъ настоятелемъ, получилъ особую инструкцію, какъ съ нами, столь для державы опасными людьми, поступать. И оказался, о. Ярославъ К. „päpstlicher als der Papst selbst und österreicherischer als Erzösterreicher“. (болѣе папскимъ, чѣмъ самъ папа и болѣе австриякомъ чѣмъ австриецъ). Полковникъ постарался достать для насъ, правда, одну чашу съ дискосомъ, звѣздою и ложечкою для причащенія вѣрныхъ, фелонъ, эпитрахиль, наравкицы, поясъ, напелчникъ и стихарь принятаго въ нашей церкви кроя, но о цер-

ковныхъ книгахъ велѣлъ намъ самимъ заботиться.

Равнодушіе ординаріатовъ.

Всѣ три наши епископскіе Ординаріата забыли о насъ совершенно, имъ даже совѣтъ не было, ни желательно ни интересно, узнать, какъ обстоитъ дѣло съ нашей духовной жизнью въ заточеніи, какъ или кѣмъ удовлетворяютъ наши религиозныя нужды.

Выходили курьезы. Такъ нпр. о-цъ Ярославъ попросилъ кого-то въ Вѣнѣ о присылкѣ Службника (Литургикона). И, вотъ, прислали друзья нашей Церкви и нашего народа малый Литургиконъ, свѣжо въ Вѣнѣ на малой машинѣ отпечатанный — фонетиконо! На самый видъ такого литургикона охватилъ насъ великій жаль и досада на ничѣмъ неоправданную, безпричинную и бессмысленную ненависть нашихъ Австріей и пруссаками испеченныхъ „украинцевъ“, даже къ стариннымъ и полного уваженія достойнымъ церковнымъ книгамъ. Къ счастью огорчился этимъ фонетическимъ Литургикономъ и о. Ярославъ, — употребленіе такого Литургикона переходило вѣроятно границы его инструкцій, — и отправленъ былъ этотъ литургиконъ обратно въ Вѣну. Черезъ нѣсколько дней прислалъ намъ прелатъ, о. Дольнишій, изъ Граца, свой малый Литургиконъ и, вотъ, началъ служить Литургію о. Ярославъ по воскресеньямъ и праздникамъ, съ начала только одинъ, а черезъ нѣсколько недѣль съ двумя-тремя священниками безбородыми (такіе казались ему все таки подалеже право-и-цареславія). Въ усердіи и вышкolenности о. Ярославу по исполненію душпастьрскихъ обязанностей, согласно римскому воспитанію и полученнымъ инструкціямъ, отказать нельзя было, но голоса къ пѣнію и проповѣдническаго дарованія у него не было. Да у него не было и здоровья, котораго вдобавокъ беречь не умѣлъ. Черный кофе пилъ слишкомъ часто, курилъ слишкомъ много и одѣвался, идя служить зимнею порою, такъ же, какъ и лѣтомъ, по модецки, словомъ, шеголялъ и — умеръ.

Принудительныя моленія.

Послѣ каждой Литургіи и вечерни или молебна велѣлъ о. Карпьякъ пѣть „Боже буди покровитель“. И народъ пѣлъ, ибо какъ же было не пѣть. Одни, можетъ быть, пѣли думая, что это поможетъ кое-что къ выходу изъ Талергофа, а иные, просто, „страха ради юдейска“.. Вѣроятно пѣлось это „Боже буди покровитель“ повсюду и денно и ночью, и во всей австрійской державѣ, ибо требовала этого державная политика, но къ чему было все это? Въ 1918 году Австрія разсыпалась! Въ польской газетѣ „Depsza Lwowska“ помѣстилъ кто-то къ сообщенію о распаденіи Австріи такія слова: „Австрія велѣла всегда и всюду молиться и служить Литургіи за свою цѣлость и за свое величіе, а что ей помогли эти молитвы и Богослуженія? А неумолимый рокъ готовилъ ей неминуемое распаденіе“. На такія слова не могу не возразить: Молитвы и Литургіи за цѣлость и величіе Австріи были бы ей навѣрно спасительны, если бы совершались онѣ не какъ „за панщину“, не по принужденности, не такъ, чтобы надо было бояться за немоленіе, непѣніе „Боже буди покровитель“ и за неслуженіе предписаннымъ молебновъ о сохраненіи и благополучіи цѣсарскаго дома, не изъ боязни быть обвиненнымъ въ нелояльности, а только если бы возносились и совершались отъ искренняго и благодарнаго сердца всѣхъ гражданъ, за твореніе имъ добра и правды. Но именно этого не испытали, ни чехи, ни словаки, ни хорваты, ни словенцы, ни дальматинцы, ни сербы, ни румыны, ни италіанцы, ни галицко-угорско-буковинскіе русины. Ко всѣмъ этимъ своимъ вѣроноподаннымъ народамъ относилось австрійское правительство крайне враждебно и вопіюще несправедливо. Въ Австріи добро и правда давались всецѣло только нѣмцамъ, а послѣ нихъ покровительствовало австр. правительство преимущественно евреямъ, дальше благоволило мадярямъ ну и полякамъ.

Бородатые священники стали энергично требовать разрѣшенія служить ли-

тургии и въ концѣ концовъ добились этого права. Но пока это наступило, многие священники шли только къ исповѣди и св. причащенію. Въ томъ же, въ сущности похвальною дѣлѣ, поступали одни священники, какъ подобало ихъ достоинству, иные несоответственно: одни старались приступать къ св. причащенію въ эпитрахили вмѣстѣ со священникомъ, служащимъ Литургію при престолѣ, иные, стоя на колѣняхъ вмѣстѣ съ мірянами.

Богослуженіа.

Какъ только допущены были служить Литургію и бородатые іереи, оказалась крайняя необходимость имѣть второй литургиконъ большаго формата, чтобы можно было по немъ читать издали (были два служебника жолковского изданія, но они изъ-за слишкомъ малыхъ буквъ были очень неудобны), такъ, вотъ, принялись два молодыхъ священника, о. Богданъ и о. Константинъ Пеленскіе, написать печатными большими буквами Литургію Іоанна Златоустаго, и написавъ ее и переплетши, отдали къ общему употребленію. А такъ какъ было очень неудобно служить проскомидію при жертвенникѣ изъ большаго и малаго литургикона, то написалъ я печатными буквами «проскомидію» и умѣстилъ надъ жертвенникомъ. И стало служить Литургію по трое и по пятеро священниковъ одновременно. Фелоны и прочія ризы нашлись скоро, ибо ревностные священники жертвовали охотно на покупку нужныхъ церк. ризъ, а о. Богд. Полянскому, прислалъ шуринъ его, священникъ изъ Прелукъ, одинъ фелонъ съ прочими частями.

Со временемъ достались намъ еще два литургикона, одинъ малый болѣе ранняго изданія, и одинъ большой — новѣйшаго Ставропигійскаго изданія. Послѣдній привезъ намъ о. д-ръ Жукъ изъ Вѣны, дѣйствительный нашъ парохъ, ибо о. Карпьякъ, какъ выяснилось, былъ только его замѣстителемъ.

Постепенно налаживалось служеніе Литургіи и прочіхъ богослуженій, съ помощью ревнителя о. Василія Курилы, совсѣмъ какъ слѣдуетъ, и могло

происходить съ 5 ч. утра (а въ великіе праздники даже съ 3 ч. утра) до самаго полудня, въ теченіе трехъ четвертей часа и по 8-ми священниковъ вмѣстѣ, если столько ихъ къ служенію записывалось.

Служилось, разумеется, наибольшее „читанныхъ литургій“. По воскресеньямъ и праздникамъ служилась съ 9 ч. утра всегда поемая, соборная литургія. Въ такой поемой литургіи были начальствующимъ всегда о. Карпьякъ, по его заболѣніи и смерти, о. Зарыцкій, а по отпущеніи его на конфинацію, о. Курдыдикъ, — всѣ безбородые. Если явился къ намъ о. Жукъ, или присланный имъ о. Лигеугубскій, то начальствовали они и проповѣдали. Священникамъ оо. Зарыцкому и Курдыдику не было разрѣшено произносить проповѣди, но о. Курдыдикъ, иногда оповѣщая и объясняя кое-что о праздникахъ или постахъ, дерзалъ, размахнувшись на рѣчь характера проповѣди.

Замѣчательный былъ одинъ случай съ фелономъ и эпитрахилью тѣхъ священниковъ, которые пріѣхали къ намъ въ Талергофъ вмѣстѣ со многими мірянами обоего пола изъ тюрьмы въ Терезіенштадтѣ. Такъ какъ было между всѣми нами, заточниками, и множество православныхъ, — насъ не хотѣли или боялись называть православыми — то они постарались о полученіи разрѣшенія на постройку особой, православной часовни. И они построили себѣ, стараніемъ братьевъ Кисѣлевскихъ, Діонисія и Юліана, іерея и мірянина, часовню, а съ помощью большихъ мастеровъ, плѣнныхъ русскихъ солдатъ, снабдили и украсили они часовню хорошимъ иконостасомъ и престоломъ. Не имѣя съ начала церк. ризъ, брали они секретно наши фелонъ и эпитрахиль, привезенныя изъ Терезина: Конечно, о. Карпьякъ не зналъ о томъ, что выдавались иногда фелонъ и эпитрахиль изъ нашей церкви православному оо. Кисилевскому или Гудимѣ къ употребленію въ ихъ часовнѣ. Но однажды встрѣтилъ о. Карпьякъ кого-то несущаго эти ризы въ нашу церковь. „Откуда ты эти несешь?“

— спросил о. Ярославъ. — „Изъ православной часовни? — отвѣтил несущій. „Какимъ образомъ?“ — „Мы заняли эти ризы къ нашему богослуженію“, — сказала несущій, — „Такъ? То отнеси ризы обратно въ часовню; я не позволю ихъ больше употреблять въ нашей церкви“.

Какой фанатизм — говорилось въ лагерь — уже будто и ризы пропитаны „схизмою“. Удивительное опасеніе, смѣшное даже!...

Буковинскіе православные служили себѣ въ своей миловидной (особенно внутри) часовнѣ всѣ богослуженія, кромѣ св. Литургіи, ибо всѣ ихъ старанія получить отъ своего архіерея изъ Черновца все нужное къ служенію св. Литургіи, кончились ничѣмъ.

Чтобы могли иногда буковинскіе православные причащаться, привозилъ имъ изъ Граца (кажется изъ сербской церкви о. Преличъ) освященные дары сюда въ Талергофъ и передавалъ ихъ о. Кисѣлевскому, а онъ сохранялъ ихъ въ кивотѣ на престолѣ.

Живописцы и др. художники.

Костель, служившій намъ церковью, умѣло и красиво расписалъ какой-то живописецъ изъ Граца, хорошо же и почти артистически живописали православную часовню два лица, именно: окончившій въ Черновцахъ богословіе г. Васильевичъ, женатый, но еще не рукоположен-

ный, и о. Р. И. При семъ долженъ я замѣтить, что терроръ привелъ въ Талергофъ и нѣсколько человѣкъ, настоящихъ художниковъ изъ которыхъ укажу троихъ, т. е. о. Кулика, известнаго

А. Г. Винничукъ, б. уакивъ австрійськихъ военныхъ тюремъ въ Венгрію,^{а)} нынѣ директоръ видаательства „Хуторъ“ въ Прагѣ, Чехословакія.

выставленными картинами на львовской выставкѣ и двоихъ вышеупомянутыхъ. Въ Талергофѣ о. Куликъ былъ недолго и

а) А. Г. Винничукъ, родился въ с. Князьѣ, у. Сياتинь (Покутье).

Въ 1914 г. вышелъ по мобилизаціи на войну въ качествѣ прапорщика запаса и уже 21-го августа 1914 г. былъ арестованъ военными властями въ Мостахъ велъ въ штабѣ 2-ой кавалерійской дивизіи, по указанію главной ставки австрійской арміи. Основаніемъ для ареста послужилъ доносъ „Комитета украинскихъ офицеровъ“ въ 3-мъ артил. полку въ Перемишлѣ, во главѣ съ нѣкимъ Мыгайлюкомъ, преподавателемъ „украинской“ гимназіи въ Черновцахъ.

Обвиненіе гласило: „государственная измена по отношенію Австро-Венгріи и — руссофиловство“.

По арестованіи былъ вмѣстѣ съ судьей д-ромъ Вл. Решетиломъ заключенъ въ военную тюрьму во Львовѣ, а затѣмъ при эвакуаціи Львова вывезенъ военно-полевымъ судомъ въ Венгрію и томился въ тюрьмахъ въ Мукачевѣ, Бестерцахъ, Колошварѣ и Будапештѣ. Военное слѣдствіе противъ него было, въ концѣ концовъ, прекращено, и въ маѣ 1916 г. онъ былъ освобожденъ.

не занимался художественными работами, но о. И. и г. Васильевичъ, были въ заточеніи до конца (до 7-10 1918) и произвели за это время много прекрасныхъ вещей. А о. И. и г. Васильевичъ рѣзали очень много, и то удивительно искусно и красиво; занимались еще этикетъ и мн. др., а именно: о. Константъ Полянскій, о. Гудима, о. Чертежинскій, о. Копыстянскій, о. Чекалюкъ, одинъ карликъ (быль), о. Богданъ Полянскій и др. Но живописаніемъ, писаніемъ портретовъ, занялся о. И. на болѣе широкую скалу, а живописаніемъ иконъ для церкви и для частныхъ лицъ потрудились много и успѣшно, именно двое: о. И. и г. Васильевичъ.

Плащаницу для насъ на Великій Пятокъ, плащаницу для православной церкви, и наѣстныя иконы для той же церкви, написалъ о. Р. И. преизрядно, а мы, бѣдные заточники, имѣли свое удовольствие уже въ томъ, что могли обнести плащаницу вокругъ церкви въ Вел. Пятокъ и что могли ея устроить себѣ Божій гробъ.

Вышивальщицы.

Если сказали я выше о произведеніяхъ нашихъ художниковъ рѣзъбярей и живописцевъ, то было бы несправедливо не высказаться съ признательностью о многихъ нашихъ женщинахъ за то, что принялись съ большимъ усердіемъ многое шить и вышивать, не жалѣя ни прилѣжнаго труда, ни хлопотъ, ни издержекъ. Прекрасныя вещи производили онѣ, дамы и дѣвцы, женщины изъ интеллигенціи, мѣшанства даже изъ селянства. Забѣчательные по красотѣ и изящности вещи выносили изъ рукъ г-жи Байковой, г-жи и двухъ красавицъ Раставецкихъ, дѣвцѣ Куцѣй, Лаврышъ, г-жѣ Созанской, Чубатой, нѣсколькихъ дѣвицъ-патріотокъ изъ Галича, дѣвицъ изъ Костровецъ отъ Сянока и мн. др. Презрительному нашему защитнику, поручику Осташевскому, бѣлому ворону въ средѣ поляковъ, вышили и пожертвовали наши русскія дамы на память большую скатерть, полотенце и салфетки, такъ красиво, художественно, что хоть на вы-

ставку ихъ подавай. Г-жа Байкова сшила намъ при содѣйствіи барышни Лаврышъ и два фелона съ эпитрахильями, воздухомъ и покровцами, а также стихарь.

Подобно уже вышеупомянутымъ потрудились такъ въ Талергофѣ и многія другія, просто, чтобы только время не шло даромъ, и чтобы тоска по своимъ не разрывала сердца.

Пѣвцы и пѣвицы.

Тутъ годится также высказаться о нашихъ пѣвцахъ и пѣвицахъ, относительно нотнаго пѣнія вообще и нашего церковнаго пѣнія въ частности.

Въ Талергофѣ нашли такіе извѣстные уже пѣвцы и управители хоровъ, какъ студентъ Галушка, Теофилъ Подолинскій, оо. Петръ Дуркотъ, Юрій Генсерскій, Іосифъ Тиховичъ, студентъ Левъ Держко, о. Казиміръ Дутковскій, о. Богданъ Полянскій, Орестъ и Романъ Копыстянскіе, судья Ивануса, прав. свящ. о. Гудима, студентъ Юрій Вл. Подошиновичъ, одинъ слушатель богословія изъ Черновецъ, котораго фамиліи не помню, дѣвцы-пѣвицы изъ Буковины, дѣвица Лаврышъ, д-ца Сушкевичъ изъ Стебника, одна замужная крестьянка изъ Гуцульщины, дѣвица Ева Соболевская изъ Костровецъ, съ племянницею Анною Н. (сопранисткою) и мн. др.

Одни изъ нихъ пѣли иногда, во время праздничной литургии, въ нашей церкви (но не женщины) по нотамъ, иные въ православной часовнѣ—почти всегда.

Пѣнія выходили чудныя по стройности, колоритности и мощности. Одни слышала я въ церкви и восхищался, другія на пробахъ (во время репетицій). Къ сожалѣнію, бывали нѣкоторые студентъ-пѣвцы въ церкви только тогда, когда пѣлъ хоръ по нотамъ (они любили давать концерты), — впрочемъ же они церкви не знали и въ заточеніи, и въ горѣ.

Нравственная испорченность.

Во всей огромной массѣ интернованныхъ въ Талергофѣ за время 30 мѣсяцевъ, когда бывало насъ иногда по 8, 9 а то и 10 тысячъ, а иногда по мень-

ше, 4, 5, 6, и 7 тысяч, а в самое последнее время может быть только 3.000 лиц, как же разочаровались мы и стыдились за поведение некоторых наших людей! Мы думали, что будут всё глубоко чувствовать свое арестование и заточничество, и что именно и покинут всякие свои дурные навыки и позорные поступки, но вышло иначе. Того, правда, никто из умных и благородных людей не жалел, чтобы кто-нибудь упал духом и предался отчаянию, но и того не надбавлялись мы, чтобы кто-нибудь там дальше вел жизнь свою грёшно, или чтобы кто-нибудь, кто дома жил порядочно, в Талергоф испортился и попал на порочный путь. Но увы, было немало таких, которые продолжали свое существование и в Талергоф, а некоторые порядочные здесь уже сбились с правого пути на безпутство.

Нам, конечно не казалось странным то, что взялись некоторые учиться игре на цитре, или что арестованная и в Талергоф привезенная барышня из Львова, ученица игры на скрипке из консерватории, содерживавшая себя и в прежней жизни уроками игры на скрипке, привезла сюда с собою и скрипки и ноты (с нею привезла в Талергоф и мать её). все это в порядке вещей, но чтобы иные, женаты, отцы оставленных в Галичинг детей и бывшие там на важных постах, тут покупали себе скрипки, флейты, виолончели, и чтобы, составив себе оркестр, играли (хотя бы и трудная и хорошая арія) вблизи самой церкви, и именно в то время, когда в церкви служилась вечерня или молебень, это уже представлялось нам не только безтактным, но и соблазнительным и оскорбляющим всякое приличие и религиозная чувства.

Такого рода развлечения нельзя было называть иначе, как только „Galgenhumor“-ом, но на людей религиозных и хорошей нравственности, благовоспитанных и образованных, такой Galgenhumor производил крайне тягостное впечатление.

„Ни ёвши, ни пивши, скачи, дурню, ошалёвши“, — музыкававшие плохо жилились и — плохо лежали-стали, и проказничали, просто, съ дури и убийственной скуки.

Когда 5 мая 1917 г. извещено нас о том, что пойдём всё из Талергофа, увидёшь я, что кто-то, мужчина хорошаго общественного положения, отец детей, которых можно бы ставить хоть бы и сейчас под венец, громко пёл и мальчишески плясал.

Я говорю ему: „Что дёлаешь, человек? Не шалёй!“

— „Не шалёю, — говорить, — но радуюсь, ибо, вот, дають свободу“, и дальше подпрыгивает.

Я говорю ему, что всё рады тому, что выйдут наконец из неволи, но никто не поест и не пляшет, вдь же и там, в Галичинг, будто на свободё, но не гаразд, не рай, только нужда и горе, а кромё того и нёт дома своих — они Бог вёсть гдё.

Въ моментъ когда сіе пишу, у меня есть вёдомость, что пёвший и плясавший тогда в Талергоф за свободу, въ большой нуждё съ семей живеть теперь. Сегод-я, вот, уже 24 н. ст. января 1919 г., а свободы в Галичинг ни мира ни благополучія нёт, — только домашняя война, идуть грабежи и убийства, всюду голодъ, плачь и рыданіе. Стало быть, уронивший тогда свое достоинство и безумно плясавший, застал на родинё иную пляску...

Въ одномъ баракё жили между прочими, одинъ священникъ съ женою и дётьми. Жена и дочь этого священника своимъ поведениемъ все время заточенія ставили своего мужа, респ. отца, священника, взаправду въ неловкое положеніе: онё не были въ состояніи между собою и къ своему мужу (отцу) священнику, говорить иначе какъ только, по польски. Онё не являлись ни разу на богослуженіяхъ, служимыхъ по баракамъ, а также ни разу въ церкви. Мнё пришлось однажды заговорить съ ними серьезно по этому поводу. Спросивъ ихъ, почему онё, русскія по происхожденію, дочери русскіхъ священни-

ковъ, вскормленныя и содержающіяся русскимъ хлѣбомъ, живя на приходствѣ въ русской громадѣ, говорятъ всегда лишь по польски, такъ онѣ отвѣтили: „Мы такъ привыкли говорить славна, и отвыкнуть отъ этого не можемъ (вѣрнѣе не стараемся, не хотимъ), но несмотря на то, мы, може, лучшія русинки чѣмъ тѣ, кто говорятъ по русски“.

Я говорю имъ, что онѣ,—дочь и жена русскаго священника—онѣ все таки даже не читаютъ и не пишутъ по русски, и что это весьма печально, а одна изъ нихъ отвѣтила: „Въ этомъ мнѣ не было и нѣтъ никакой надобности!“

Затѣмъ съ удивленіемъ я просилъ мать и дочку, почему онѣ, въ неволѣ, на богослуженіяхъ никогда не бывають, а онѣ отвѣчаютъ: „Мы и дома никогда въ церкви не бывали“.

— „Что говорите? Возможно ли это? Я знаю, что церковь ваша близехонько приходскаго дома“.

— „Да, это вѣрно, но мы не выносимъ запаха церковныхъ свѣчъ и каддила“, сказали онѣ.

— „Но вѣдь же часто въ церкви свѣтятся немного свѣчей и не часто кадятъ“.

— „Можетъ быть, что такъ оно и бываетъ, но мы этимъ не интересовались“.

Я былъ пораженъ открытіемъ такой картины, изъ нашихъ приходовъ, въ какомъ-то медвѣжемъ углу.

По прибытіи заточниковъ изъ Терезіенштадта.

Еще въ мартѣ 1915 года до насъ доходили слухи, что будутъ привезены къ намъ въ Талергофъ заточники изъ Терезіенштадта (Терезина). И дѣйствительно прибыли они къ намъ весною, въ количествѣ около 400 лицъ. Ихъ не помѣстили въ карантинныхъ баракахъ, ибо было ихъ слишкомъ много, но имъ предоставила команда нѣсколько нашихъ бараковъ между церковью и баней. Разумѣется, что бараки съ терезинцами обвели кордономъ (провоолокой и солдатами), а намъ нельзя было съ ними даже издали разговаривать, но мы все

таки разговаривали съ ними и подавали имъ даже съѣстные припасы — это зависѣло отъ расположенія духа и бдительности карауловъ: между ними находились иногда хорошіе люди, особенно чехи.

Братское отношеніе чеховъ.

Когда пришлось мнѣ забирать еще зимою изъ карантина моего двоюроднаго брата, іерея Александра, умершаго отъ желтухи, чтобы заняться его похоронами, сказалъ мнѣ караульный (чехъ): „Почему вы, батюшка здѣсь?“

— Потому, что я заявлялся русскимъ, — отвѣтилъ я.

— „Знаю объ этомъ и объ этомъ не спрашиваю, но почему дали вы себя арестовать и сюда привезти; вы должны были заблаговременно бѣжать и скрыться“, — сказалъ онъ. На это его простодушіе, тронувшее меня до глубины души, въ отвѣтъ пояснилъ я ему, что арестовали меня такъ скоро по объявленіи мобилизаціи, что не было времени и подумать о бѣгствѣ, а впрочемъ, я, какъ душпаствырь, и притомъ не чувствовавшій за собой никакой вины, и не бѣжалъ бы, все равно — пастырю нельзя оставлять свою паству, — такъ пристойнѣе мнѣ, что меня силою взяли.

Въ сентябрѣ 1915 года поѣхалъ я съ др. интернованными въ Граць, въ судъ, въ качествѣ свидѣтеля, для подачи показаній по завѣщанію двоюроднаго брата Александра. Къ 8 лицамъ представили двухъ солдатъ конвойныхъ, капрала (чеха) и рядового (словенца). Какимъ-же вѣжливымъ конвойнымъ оказался для насъ капраль-чехъ! Какъ онъ понималъ насъ! По сложеніи свидѣтельства, а было уже около 12 ч. дня, просили мы капрала, чтобы завелъ насъ въ хороший ресторанъ обѣдать. — „Конечно,—сказалъ онъ,—я поведу васъ въ хорошо мнѣ извѣстный ресторанъ, гдѣ хозяинъ и хозяйка — чехи, они будутъ вамъ очень рады, когда я имъ скажу, кто вы“,—сказалъ братъ чехъ и повелъ насъ. Хозяева приняли насъ дѣйствительно очень сердечно. Мы заказали хорошей обѣды для себя и для конвой-

ныхъ, а послѣ обѣда сказала я шепотомъ капралу: Оставьте здѣсь словенца съ моими товарищами и будьте столь добры со мною пройти по Грацу за покупками. — „Хорошо; я радъ послужить вамъ, отче; я пойду съ вами безъ „гвѣра“ (ружья). Черезъ три часа отходить нашъ поѣздъ въ Талергофъ, два часа, значить, можемъ ходить по городу“, — сказалъ братъ-чехъ.

И мы пошли оба, — я видѣлъ всю среднюю часть города и купилъ кое-что для себя и для другихъ.

Но возвращусь къ терезинцамъ. Наконецъ-то выпустили ихъ изъ подъ карантина, или лучше сказать — сняли съ нихъ карантинъ, и, вотъ, пошли мы къ нимъ, а они къ намъ. И кого только не нашли мы между ними! Моего брата, виднаго народнаго дѣятеля въ Туркѣ и въ турчанскомъ уѣздѣ и о. Мих. Петровскаго, вице-маршала турчанск. земско-уѣздной управы, и о. Романа Чайковскаго, замѣстителя депутата въ вѣнское парламентъ, и г. Курыловича, и ред. „Прикарпатской Руси“ д-ра Ивана Льв. Гриневецкаго, и врача д-ра Влад. Антоневича и д-ра Цюка, д-ра Винницкаго, г-жу Матковскую, г-жу Ольгу Байко и многихъ мн. др., самыхъ видныхъ и славныхъ нашихъ патриотовъ, интеллигенцію и сельянъ (обоего пола), а между ними и о. Василя Ив. Скобельскаго и о. Киричинскаго, и мн. др.—и не перечеть всѣхъ.

И что мы отъ нихъ узнали! Чего только они не пережили и не перенесли также!

Въ Терезинѣ (въ давней крѣпости) говорили имъ, что выйдутъ оттуда, но куда, того не сказано имъ даже тогда, когда, разставшись съ крѣпостью, вошли уже въ вагоны. Только ѣдучи уже въ южномъ направленіи, сказали имъ конвоирующіе ихъ солдаты, что пришесть приказъ отставить ихъ въ Талергофъ (vulgo въ „Тайфельгофъ“). Услышавъ это, опечалились наши терезинцы ужасно, ибо слышали о нашемъ здѣсь пребываніи много нехорошаго. Во всей державѣ и внѣ ея предѣловъ уже пошла нехорошая слава о Талергофѣ. Какъ ни

старалась наша команда скрыть передъ міромъ свою надъ нами безчеловѣчность, всеже распространилась вѣсть объ этомъ адѣ крошѣшнемъ всякими окольными путями въ свѣтѣ далеко и широко, даже во Франціи, Англии, Россіи и Италіи. За границами Австріи, читая въ газетахъ о Талергофѣ, люди думали себѣ, что описанія о безчеловѣчномъ обращеніи съ нами преувеличены, но я только могу и долженъ здѣсь сказать одно: что всѣ бѣдствія наши въ Талергофѣ не только не даются представить преувеличенно, но всѣ описанія выходятъ крайне недостаточными и слабыми въ смыслѣ яркости и полноты. И я не въ состояніи нарисовать даже приблизительно той кошмарной картины, которую представлялъ собой проклятый Талергофъ.

Кто-то изъ нашей команды представилъ въ министерствѣ войны въ Вѣнѣ устройство Талергофскаго лагеря и порядки въ немъ такъ привлекательно, что прѣхавша въ Талергофъ коммисія съ цѣлью его осмотра и поселенія въ немъ инвалидовъ. Какъ же ужасно разочаровалась коммисія! Она не только не признала Талергофа подходящимъ мѣстомъ для инвалидовъ, но высказалась, что оно не могло бы служить даже помѣщеніемъ для собакъ.

И въ этотъ Талергофскій лагерь попали наши терезинцы, которымъ братья-чехи старались сдѣлать ихъ пребываніе въ крѣпости по возможности сноснымъ, несмотря на предписанную строгую дисциплину и суровѣйшій тюремный режимъ.

Когда выходили наши терезинцы еще въ Терезинѣ на прогулку, то встрѣчавшіе ихъ чехи сердечно ихъ привѣтствовали, восклицая: „На-здартъ, братья-русове!“

Терезинская команда помнила симпатично о нашихъ заточенцахъ въ праздники Рожд. Христова, Богоявленія и въ свѣтлые дни Пасхи, и всячески облегчала имъ удовлетвореніе своихъ религиозныхъ нуждъ и соблюденіе родныхъ обычаевъ. Не удивительно, поэтому, что,

бдучи въ Талергофъ, многіе жалѣли, что Терезинъ оставили.

Въ многомъ измѣнилась наша жизнь въ Талергофъ съ прибытіемъ такого множества новыхъ нашихъ узниковъ. Они казались болѣе бодрыми и крѣпкими духомъ и подняли у многихъ изъ насъ упавшій, было, духъ, хотя и терезинцы поняли, что всѣмъ русскимъ нечего надѣяться. Война сложилась тогда для Антанты плохо, но и центральнымъ державамъ появилась новая угроза: Италия объявила имъ войну.

Генераль Бачинскій.

Еще пока разскажу о событіяхъ въ Талергофѣ по прибытіи терезинцевъ, долженъ упомянуть о благоволившемъ къ намъ генералѣ Б а ч и н с к о м ъ, котораго назначило министерство смотрѣть за нами, заточниками, въ Талергофѣ.

Зима 1914-15 г. была намъ страшна, но и вмѣстѣ съ тѣмъ очень нудна, ибо карали насъ не только за табачное куреніе, но и за чтеніе газетъ и книгъ. Запрещеніе курить было совершенно справедливо, ибо мы жили въ тонкихъ деревянкахъ, на солодѣ (до Пасхи 1915 г.); если бы вспыхнулъ пожаръ, пошли бы всѣ бараки съ дымомъ въ теченіи часа, а тогда съ нами что было бы?

Но страстные курильщики, не только мужчины, интеллигенты и мужики, но и дамы, всячески тайно доставали себѣ табакъ, платили дорого и курили скрытно, даже въ своихъ логовищахъ, подъ одѣялами! О хлѣбѣ-кушаньѣ такъ не спрашивали, какъ о табакѣ! Кого поймали караулы на табачномъ куреніи, забирали все и доносили на кару, въ видѣ ареста, привязыванія на улицѣ къ столбу, или заковыванія въ кандалы. Несмотря на все это, люди тратились, выносили всѣ кары, и все-таки курили. Я видѣлъ однажды, какъ поймалъ караульный сѣдоглаваго интеллигента какъ дѣлалъ себѣ въ „капшукъ“ (кисетѣ) изъ турецкаго табака папироску. Караульный хотѣлъ капшукъ съ табаккомъ отобрать, интеллигентъ не давалъ, тогда солдатъ побилъ прикладомъ старика по рукамъ такъ сильно, что 8—10 дней бы-

ли руки опухлыя. Черезъ нѣсколько дней—смотрю, старикъ, скрывшись, куритъ,—неисправимый!

Въ томъ, однако, что нельзя было намъ подѣ карою ареста или кандаловъ читать, дѣлалась намъ самая большая обида.

Но явился въ мартѣ 1915 г. на смотръ лагеря генер. Бачинскій. Шелъ онъ въ сопровожденіи полковника и офицеровъ главной улицей, всѣ мы должны были стоять передъ бараками. Кто изъ нашихъ интеллигентовъ хотѣлъ приблизиться къ генералу.

Одинъ офицеръ крикнулъ: Zurück! zurück! Nicht gestattet!“ (Назадъ! назадъ! не позволено!)

На это генераль: „Warum nicht gestattet? Darum bin ich ja hier, damit die Internierten in ihren Bedürfnissen sich an mich wenden. Kommen Sie, mein Herr, näher, und sagen Sie gerade heraus, was Ihnen am Herzen liegt.“ (Почему не позволено? Я же на то и здѣсь, чтобы интеллигентамъ ко мнѣ обращались. Пожалуйста, господинъ, сюда ближе и скажите просто, что вамъ на сердцѣ.)

Тогда подошелъ Н.Н. и пожаловался на запрещеніе чтенія книгъ и газетъ.

— Ist es wahr, Herr Oberst, dass man hier nicht lesen darf? (Правда - ли, господинъ полковникъ, что здѣсь нельзя читать?)

— Ja, sie sind ja verdächtige Leute. (Да, они вѣдь подозрительные люди.)

— Aber was wenn auch verdächtige Leute, aber immer Leute, und dazumal intelligente. Von heute an, wer nur will, darf alles lesen, was in der Zensur war. (Такъ что изъ того, что подозрительные люди, но все же — люди, и притомъ интеллигентные. Отъ сегодня, кто только хочетъ, можетъ читать все, что лишь прошло черезъ цензуру.)

Насъ озарила радость: мы доставали множество книгъ и всякія газеты. Я прочелъ отъ того дня по 7-5 1917 г. очень много и написалъ 10 повѣстей и 10 новеллъ. Даромъ время не прошло.

Терезинцы привезли съ собою много книгъ и мы у нихъ брали ихъ для

прочтения. Многие покупали себе учебники французского и английского языков, грамматики и словари, русские и иные, и учились прилежно; время сходило легче. Гимназисты покупали себе школьные книги и стали приготавливаться к экзаменам.

Из терезинцев прибыли уже те, которые в Талергоф с такими приписками въ документах тамошней команды, что могли выйти на конфинацию, и действительно затѣмъ вышли.

До прибытия наших терезинцевъ вышли изъ Талергофа уже многие изъ узниковъ, интеллигентовъ и крестьянъ, первые куда-то на конфинацию (въ Турахъ, Вольфсбергъ, Гросс-Флоріанъ, Гнасъ и инья мѣста), вторые куда-то на работы или въ Гминденъ. На ихъ мѣсто привезено множество лицъ изъ Галичины, русскихъ, поляковъ и евреевъ, за то, что во время русской оккупации жили по человѣчески съ русскими. Вотъ вамъ и преступленіе!

Терезинцы иначе относились къ нашей командѣ чѣмъ мы, значительно смѣлѣе, а подражая имъ, осмѣливались и мы.

Издѣвательства Чировскаго.

Но дали намъ новаго настоятеля, поручика, д-ра Чировскаго, изъ Бродовъ, рынаго мазепу, съ виду только гладкаго и „масенькаго“. Охъ, онъ зналъ ужъ какъ за насъ братья — хуже чѣмъ въ солдатнѣ!

Утромъ въ 6 ч. должны были безусловно всѣ вставать, въ 9 ч. вечера ложиться спать. Сколько разъ пришель Чировскій на осмотръ утромъ или вечеромъ, а засталъ кого подъ одѣяломъ (особенно женщинъ), то срывалъ одѣяло, грубо выкрикивая, и поднимались крики и плачь, ибо часто матери съ маленькими дѣтьми, которая ночью не давали имъ спать, засыпали утромъ, а это, ужасъ, какъ раздражало Чировскаго. Пошла жалоба отъ женщинъ къ полковнику, ну, и позже уже одѣялъ не срывалъ.

Какъ то въ іюнѣ 1915 г. пришель приказъ, чтобы всѣ мужчины въ такомъ

и такомъ возрастѣ предстали передъ военной комиссіей къ набору. Всѣ удивились: Verräther овъ будутъ брать въ солдаты! Но что дѣлать! Приказъ, такъ приказъ. Начался наборъ рекрутъ, наборъ очень твердый и энергичный; брали молодыхъ и старшихъ, годныхъ и негодныхъ, ибо оказалась большая нужда въ солдатахъ для отправки на новый фронтъ, — италянскій, а въ дѣлнѣйшей перспективѣ еще и румынскій! Правда, русская армія оставила Галичину и Буковину и Варшаву, но она не была уничтожена, она все-таки осталась и то нѣсколько миллионная...

Рекрутскій наборъ и слово „russisch“.

Пришла очередь набора солдатъ и изъ интеллигенціи, молодежи и старшевозрастныхъ. И что тутъ оказалось? Почти вся къ набору вызванная интеллигенція записывалась при переключкѣ какъ русская (russische Nationalität); между набранными были доктора правъ, тѣ оправдывались тѣмъ, что у нихъ на докторскихъ дипломахъ вписано: „Nationalität: russische“. Вотъ и возникъ сейчасъ конфликтъ: команда приговорила всѣхъ, которые записывали себя русскими, къ 21-дневному аресту, а затѣмъ и къ „anbinden“ по два часа!

И пошли наши за это въ арестантскіе бараки. Одинъ сѣдоглавый священникъ, двухъ сыновей котораго посадили за „russisch“ подъ арестъ, просилъ полковника о разрѣшеніи подавать имъ нѣсколько лучшую пищу. Полковникъ сказалъ: „Für diese Bitte haben auch Sie drei Tage Arrest“. (За такую просьбу и Вамъ три дня ареста).

И бѣдный старикъ действительно просидѣлъ три дня въ заключеніи.

Обо всемъ этомъ происшествіи какъ-то узналъ генер. Бачинскій. Явился онъ снова въ Талергофъ. Ровно въ полдень идетъ онъ вмѣстѣ съ полковникомъ и офицерами главного улицею вдоль бараковъ и встрѣчаетъ случайно большую массу крестьянъ-рабочихъ, идущихъ съ поля въ бараки къ обѣду. Въротно у генерала былъ разговоръ съ офицерами о словѣ „russisch“, ибо вне-

запно остановился и велѣлъ остановить всю массу рабочихъ. Одного мужика въ одномъ изъ первыхъ рядовъ спросилъ генераль: „Ты изъ Галичины?“

— Изъ Галичины.

— Ты полякъ?

— Нѣтъ, я—русинъ.

Какъ того мужика, такъ, проходя вдовѣ рядовъ рабочихъ, онъ спрашивалъ еще нѣсколькихъ человѣкъ, и всѣ они отвѣчали: я—русинъ.

Наконецъ обратился генераль къ офицерамъ и сказалъ: „Da sehen Sie, meine Herren, die rechte Wahrheit; alle diese aus Galizien nennen sich „rusini“, Russen, deswegen hat sich so auch die asseutierte Intelligenz schreiben lassen“. (Такъ видите, господа, сущую правду: всѣ изъ Галичины называютъ себя „русинами“, русскими, потому и взятая въ армію интеллигенція такъ себя велѣла записать).

Такъ понималъ дѣло генераль, но маэпа Чировскій, не признавая этого, все бѣсновался.

Что дальше говорилъ генераль объ этомъ, мнѣ неизвѣстно.

И много нашихъ неустрашимыхъ патриотовъ поалою въ строгую тюрьму за это слово „russisch“, и почти всѣ затѣмъ были поочередно привязываемы къ столбамъ, и подвѣшиваемы на нихъ, почти половина изъ всѣхъ нихъ не выдерживала наказанія: падали въ обморокъ.

А что было съ ними въ полкахъ! Марка „aus Thalerhof“ была для нихъ осужденіемъ къ преслѣдованіямъ. Имъ прикрѣплялись позорные значки на шапкахъ или на рукавахъ, повышеіні никакихъ не получали, въ боевой огонь должны были идти первыми, если же не пошли бы, то отъ стоявшей сзади за ними команды имъ пуля въ спину!

Большимъ счастьемъ было для насъ то, что только въ одной части бараковъ велъ надзоръ г. Чировскій. Но онъ, хотя рыанный маэпа и большой врагъ интернованныхъ, за хорошія деньги былъ — заочно усерднымъ помощникомъ нѣкоторымъ интернованнымъ въ ихъ стараніяхъ освободиться изъ Га-

лергофа, и въ такихъ случаяхъ уже безъ различія ихъ національности или политическихъ убѣжденій. Кто далъ ему секретно 200, 400, 600 и 1000 кронъ (а то и выше), того онъ съ помощью „украинской комисси“ въ Грацѣ вырывалъ изъ Талергофскаго ада. Долгое время ему это удавалось, но, наконецъ, все таки ножка поскользнулась и онъ завершилъ свое талергофское поприще колоссальнымъ скандаломъ. Его арестовали, посадили въ Грацѣ въ тюрьму и отдали подѣ судѣ. За его нечестное, неофицерское дѣло, за взяточничество и за освобожденіе тѣхъ, которыхъ онъ прежде ухитрился и успѣвалъ сажать въ тюрьму и подвергать наказаніямъ и оскорбленіямъ, его осудили на деградацію въ рядовые и на служеніе въ арміи въ первыхъ рядахъ италянскаго фронта, а былъ онъ женатъ и у него были дѣти.

Носилъ волкъ, понесли и волка.

Если въ этой главѣ говорилъ я о нашей радости по поводу разрѣшенія читать книги и газеты, то съ прискорбіемъ долженъ я высказать и ту горькую правду, что именно въ Талергофѣ имѣли мы случай познать, какъ нѣкоторые нѣкогда въ гимназіи и въ университетѣ учились, для просвѣщенія ли себя и для общаго блага, или же только для хлѣба. Немало мы тамъ узнали такихъ, которые недолго въ школахъ учились, не окончили гимназіи и университета, а все же любили книги доставать и читать, иные же съ университетскимъ образованіемъ прямо отворачивались отъ всякаго чтенія. И не то еще: они послѣ сдачи университетскихъ экзаменовъ, такъ таки дальше ничего никогда не читая, въ научныхъ спорахъ, будучи невѣждами, не только не давали себя разубѣдить, но на приведеніе документальныхъ данныхъ еще и гнѣвались.

Зашелъ, было, однажды въ одной кабинѣ споръ о томъ, который городъ больше, Станиславовъ ли, или Коломыя. Одинъ, окончившій университетъ, утверждалъ, что рѣшительно по всѣмъ признакамъ Коломыя больше Станиславова. Я былъ противоположнаго мнѣнія, но меня закричали, и я умоляю, но пошелъ

принести Белекера, принесъ и показалъ всѣмъ имъ документъ, что Станиславоу будетъ значительно больше. И что же изъ этого получилось? Еще больше теперь на меня стали кричать, говоря: „Ты очень невѣжливъ; ты все на своемъ хочешь поставить; Белекеръ—это не документъ; мы стоимъ при своемъ мнѣніи: Коломыя больше“. Такъ какъ всѣ въ заключеніи лишены возможности и средствъ къ переведенію доказательствъ въ аргументаціи, то можно себѣ представить, до какихъ курьезовъ такіе споры иногда доходили.

Всякія напасти и непріятности.

За все время нашего пребыванія въ Галергофѣ сколько напастей и непріятностей испытали мы!

Въ первомъ году, отъ сентября 1914 г. до сентября 1915 г., считала насъ поставленная надъ нами команда послѣдними людьми на свѣтѣ, бродягами, и ни въ чемъ намъ не довѣряла.

Однажды полковникъ приказалъ произвести обыскъ во всѣхъ баракахъ и у всѣхъ за деньгами, за большими суммами, не отданными въ депозитъ командѣ. На обыскъ шель капитанъ, оберлейтенантъ и лейтенантъ, въ обществѣ рядовыхъ съ заряженными ружьями. Мы всѣ должны были стоять, не шевелясь, возлѣ своихъ логовищъ (кроватьями въдѣлѣ мѣста нашихъ помѣщеній никакъ назвать нельзя и „берлога“ название еще слишкомъ деликатное; наши мѣста для лежанія, и сидѣнія и спанья были хуже тѣхъ, что для собакъ*)—и никуда не выходя. И мы были вынуждены отдавать въ депозитъ всѣ наши запасы денегъ (кромѣ какихъ нибудь 10—20—50 кр.). А затѣмъ были мы вынуждены черезъ нашихъ комматныхъ настоятелей ежемѣсячно по 20—50—100 кр. выпрашивать (выключивать).

Иной разъ было приказано снова быть каждому на своемъ мѣстѣ, ибо будутъ поиски за какими-то уворованными деньгами, кольцами, серьгами, бѣльемъ и платьемъ.

Еще иной разъ данъ былъ приказъ находиться на своихъ берлогахъ, ибо будетъ ревизія за скрытыми револьверами, браунингами, пулями, порохомъ, — совѣтъ у команды была нечистая, такъ боялась и того, чего не было и быть не могло.

Ревизіи бывали, но никогда ничего не нашли, кромѣ нашихъ собственныхъ денегъ.

Еще бывалъ терроръ и ревизіи за переметными письмами и за табакомъ, а иногда и за укрытымъ топливомъ (необходимо нужнымъ для семействъ, для пригрѣтія молока, чайку, кофе), и за самоварами и примусами!

Было очень много непріятностей и скандаловъ изъ-за воровъ и проституттокъ, помѣщенныхъ, очевидно, нарочно въ баракахъ, и изъ-за спанья. Женщины старались отдѣляться отъ другихъ капами, пледами, но что иногда творилось — ужасъ!

Одинъ еврей (ахъ, эти евреи! никто на насъ такъ усердно жандармамъ и полицейскимъ не указывалъ, какъ евреи; никто насъ везомыхъ въ тюрьмы и въ мѣста заточеній такъ не оплевывалъ, и насъ такъ не безчестилъ, какъ евреи; они были на насъ по-истинѣ дивольскими доносчиками) выпросилъ себѣ комнатку-сепаратку. И зачѣмъ? А, вотъ сталъ онъ въ лагерѣ посредникомъ по профессіи между проститутками и требующими ихъ! Такимъ парамъ отступалъ онъ свою сепаратку. Команда этого будто и не видѣла.

Въ первомъ году выходили странныя исторіи съ провизорическими нужниками. Выкапывали длинные рвы, давали вдоль рвовъ круглыя перила, чтобы на нихъ садились узники и эти рвы съ перилами возлѣ всѣхъ бараковъ безъ всякаго прикрытія и служили отхожими для лицъ обоюдо пола, для интеллигенціи и простонародья.

*) Вслѣдствіи отъ Пасхи 1915 г., стали намъ по баракамъ выдѣлывать и ставить „причи“ (нары) и давали намъ на эти нары соломенника (тѣофяки); потому мы съ того времени уже не лежали такъ плотно другъ возлѣ друга, какъ прежде.

Рвы эти засыпывали рабочіе часто землеко, доколь рвы не закрылись со-сѣмъ; послѣ этого копали новые рвы.

Однажды вывелъ караулъ 20 лицъ садиться на перила надъ рвомъ. Они сѣли и—о горе! перила перегнулись въ сторону рва, и всѣ 20 лицъ очутились въ мерзкой грязи! Ужасъ. Плакать хотѣлось надъ бѣдняками.

Но солдаты, которые возлѣ палатки на главной улицѣ все время просиживали, чтобы смѣнять караулы, узнавъ о „прыжкѣ“ несчастныхъ въ ровъ, цѣлую недѣлю смѣялись надъ „событіемъ“, показывали подобными вывертасами на своей скамьѣ, какъ интернованные падали въ грязь и безъ удержу радовались. Вотъ люди! Подъ конецъ 1915-го года построены были порядочныя цементныя отхожія.

Еще слѣдовало бы мнѣ описать здѣсь въ одной главѣ множество горькихъ и странныхъ исторій, которыя я узнавалъ отъ товарищей по недолгъ (обо-его пода), исторіи ихъ арестованія, заключенія по арестамъ и тасканія ихъ въ товарныхъ вагонахъ или на платформахъ въ мѣста заточенія, но этому посвящу, если Богъ позволитъ, особый трудъ.

Дамонловъ мечъ и надѣ „освобожденными“.

Выше уже было сказано о томъ, что и интернованнымъ кое-кому изъ нашей партіи удавалось какъ-то выходить изъ Талергофа еще зимою и лѣтомъ 1915-го года, а позже также. Многимъ изъ нашихъ, которымъ судилось выйти изъ Талергофа въ Гминденъ, не повелось тамъ хорошо; ихъ узнавали какъ членовъ О-ва им. М. Качковскаго, ихъ всячески тамъ бранили, а многихъ, на которыхъ были сдѣланы доносы (своими на своихъ!) возвращали снова въ Талергофъ. Смотрите, какихъ имѣли мы опекуновъ! Одинъ интеллигентъ, освободившись изъ Талергофа сталъ жить въ Вѣнѣ (Ѳ.С.), но не долго онъ тамъ жить; такъ злобно надѣбдали ему тамъ знакомые „украинцы“, что онъ по нуждѣ переселился куда-то въ Моравію.— Проф. Труша изъ Ст. взяли какъ офи-

цера въ армию, въ Грацъ; тамъ доносъ сдѣлалъ на него жидъ, и отдали его обратно въ Талергофъ, гдѣ пробылъ до мая 1917 г.

Злоупотребленія на почтѣ.

Всѣ мы, талергофцы, терпѣли много весь первый годъ изъ-за бѣды, вызываемой задержкой посылокъ. Не знаемъ, кто, собственно,—виновникъ этихъ почтовыхъ беспорядковъ, наше ли ближайшее начальство, или же почтовые чиновники.

Всѣ интернованные хотѣли, разумеется, къ своимъ писать часто и отъ нихъ часто получать извѣстія, но увы, наши письма и письма къ намъ гдѣ-то совсѣмъ пропадали. Но когда въ мартѣ 1915 г. дозвелось нашимъ свыше 150 чел. поступить подѣ карантинъ, чтобы вырваться изъ Талергофа, то случилось карантинникамъ что-то невѣроятное: многимъ изъ нихъ вручено всякихъ писемъ (открытокъ и др.) по 15—20 штукъ. Вотъ и выяснилась злота нашего начальства. Наша канцелярія всю переписку задерживала, а теперь—не стыдились всю ее выдать. Когда вышли одни, освободившіеся изъ-подъ карантина, на свободу, а пришли многіе другіе, то и имъ давали корреспонденцію, собранную за всю зиму. Какая безчеловѣчность!

Лѣтомъ 1915 года принялся было, на нѣкоторое время за продажу всякихъ товаровъ одинъ инженеръ, полякъ, очень милый и вѣжливый человѣкъ. Черезъ пару недѣль закрыли канину, почему? Пошелъ инженеръ и др. подѣ арестъ. За что? За то, что передалъ онъ и др. черезъ гостей, посѣщающихъ насъ изъ Граца или изъ иныхъ мѣстностей, письма на Грацкую почту. Слѣдовали допросы. Инженеръ, допрошенный, почему дерзнулъ подать письмо не черезъ почту „Цеттлингъ-Талергофъ“, отвѣтилъ: „Я писалъ уже много писемъ къ женѣ правильно, но отвѣта не получалъ, такъ, вотъ и выслалъ я инымъ путемъ письмо. Прошу этому не удивляться; къ женѣ я всякія дороги буду искать, чтобы только съ ней переписаться. Если считаете это преступлені-

емъ, я кару приму, но писать къ женѣ буду такъ снова, какъ мнѣ удастся*.

Инженера и др. за почту арестованныхъ, выпустили и не карали. Въ 1916—17 году шли письма, денежные посылки и пакеты живѣе и правильнѣе, но съ посылками съѣстныхъ припасовъ отъ родныхъ къ намъ, вышла новая и пренеприятная бѣда, вызванная дороговизною и голодомъ: на почтѣ стали изъ пакетовъ выбирать сыръ, масло, солонину, колбасы, ветчину, хлѣбъ, крупу, сушеные фрукты и иное. — или все или до половины. Мы тамъ въ Талергофѣ голодали, наши тянулись съ послѣднего, чтобы намъ кое-что послать, а незваные благодѣтели безнаказанно наше добро похищали!

Наша команда часто списывала наши потери изъ посылокъ, но пользы отъ этого не было.

Голодь.

Посылки съѣстныхъ припасовъ въ 16 и 17 г. были намъ несказанно желанны, ибо тогда канины хлѣба уже не продавали, а казарменного хлѣба давали намъ очень мало и то недоброкачественного кукурузно-ржаного, или ржано-ячменного, или ржаного съ примѣсью меленаго тополя или иного какого-то дерева.

Въ трактирахъ тотъ, у кого были деньги, могъ до половины 16-го года покупать съѣстные припасы всякіе и кусокъ хлѣба, но съ половины 16-го года

и въ трактирахъ давали къ мясу только картошку, капусту или фасоль, хлѣба

Владиміръ Яковлевичъ Трушъ б. преподаватель и впоследствии директоръ гимназіи въ Станиславовѣ, галицко-русскій общественный дѣятель и народный организаторъ, галерговецъ, (узнаваемый въ дневникѣ о. І. Мащаха и Завлесаха о. Г. Полянского) *)

же не давали. Торты подавались всегда послѣ оубѣда какъ пирожное, а хлѣба не было!

*) Владимиръ Яковлевичъ Трушъ родился 21-го апрѣля 1869 г. въ Золочевѣ, тамъ окончилъ начальную школу и гимназію.

Будучи студентомъ философскаго факультета львовскаго университета, отстаивалъ въ университетѣ права русскаго литер. языка, состоялъ въ 1890 г. секретаремъ, а затѣмъ нѣскольколѣтнимъ председателемъ студент. О-ва „Академическій Кружокъ“ и принадлежалъ къ партіи такихъ рѣшительныхъ и неустранимыхъ борцовъ и пионеровъ въ дѣлѣ полного приобщенія Галицкой Руси къ общерусской культурѣ, какъ О. А. Мончаловскій, В. Э. Дудкевичъ, Ю. А. Яворскій и др. Принималъ всегда живое участіе въ общественно-народныхъ дѣлахъ и, пользуясь уваженіемъ и симпатіями въ кругахъ молодежи, съ успѣхомъ воспитывалъ ее въ русскомъ духѣ.

Въ началѣ войны (авг. 1914 г.) былъ австр. жандармами арестованъ и пробылъ долгое время въ Талергофскомъ узилищѣ, только въ маѣ 1917 г. изъ него освобожденный, даже во время конфинаціи претерпѣлъ много изъ-за доносовъ на него. Оказался послѣ войны однимъ изъ первыхъ будителей павшаго, было, народнаго духа

Съ осени 1916 по 7.5 1917 насталь въ Талергофѣ для безденежныхъ грозный голодъ. Потому и писали всѣ къ своимъ: „присылайте, Христа ради, что ѣсть“, свои присылали, а посылки не доходили!

На Пасху 1916 г. прислала мнѣ жена окорокъ въ 5 кг., но я его не видѣлъ! О. Ковало прислалъ кто-то 2 кг. сушеныхъ бѣлыхъ грибовъ, но въ посылкѣ ихъ не было!

Отъ голода померло въ послѣднемъ году много нашего селянства; команда питала ихъ самими юшками (пхлебками), мы не могли имъ дать ѣсть, ибо сами еле-еле жили, а своихъ такихъ у насъ не было, чтобы можно было отъ нихъ что-то получить, ибо большая часть Галичины и вся Буковина были снова русскими войсками заняты. Голодающие собирали всякіе кухонные отбросы на дворѣ и стѣдали ихъ жадно!

Большіе праздники и похороны.

Во всемъ свѣтѣ, кажется, не умѣютъ святковать (праздновать) Рождество Христово и Пасху такъ величаю, какъ на Руси, а также и похороны въ восточно-греческомъ обрядѣ гораздо величественнѣе похоронъ у другихъ христіанъ.

Когда приходилось намъ святковать наши годичные великіе праздники въ Талергофѣ, то невзирая на всякіе недостатки и трудности, мы старались все-таки соблсти многое самое существенное въ нашихъ обычаяхъ обрядахъ по елику возможно, конечно.

Рождественскій праздникъ въ первомъ году былъ убогъ, но хлѣба и булокъ и мяса еще можно было достать, ну и торты были еще дешевы, то по возможности всѣ старались запастись ими, чтобы съ своими подѣлиться и порадовать другъ друга, но праздникъ Пас-

хи вышелъ несказанно скуднымъ и печальнымъ; для большинства было угѣшеніемъ одно Божіе слово по баракамъ и пѣніе „Христосъ воскрес!“

Мнѣ пришлось служить пасхальную утреню и обѣдно въ пяти баракахъ и благословить тамъ пасхальные брашна. Но увя! когда посмотрѣлъ я на кровати мужиковъ, гдѣ они положили свои пасхальные яства, то невольно заплакалъ. У всѣхъ почти не было къ благословленію ничего больше какъ только кусокъ хлѣба и одно яйцо!

О, какъ жаль было мнѣ нашего крестьянства, мужчинъ и женщинъ, и у нѣкоторыхъ и ихъ дѣтей! Но какой крѣпкій духъ былъ у нихъ! Они въ заключеніе невинно взятые перенесли героически все это горе.

Но въ 1916 на 1917 годахъ видѣлъ я уже гораздо большее обиліе пасхальныхъ яствъ; кому то поприсылали кое-что лучшее родные, иные, получивъ значительныя деньги за воловъ, коровъ и лошадей, взятыхъ у нихъ для войска, кое-кого купили себѣ, и, вотъ, было всѣмъ отраднѣе.

Въ 16 и 17 гг. вышли наши праздники почти величаю, ибо была уже дерковь, а она была нашими нетолько по воскресеньямъ и праздникамъ, но и въ будни, утромъ и вечеромъ, по берега и за стѣнами, наполнена: въ богослуженіи и въ Божьемъ словѣ находили многіе отраду и угѣшеніе. Но были и такіе, которые не умѣли вести себя достойно, а лишь о томъ помышляли, чтобы ѣсть, пить, курить, въ карты играть, и безобразничать.

О, Господи! Горбатыхъ не выпрямить и могила, грѣшниковъ не исправить ни тюрьма, ни заточеніе, ни далекая чужбина, ни разлука со своими.

Особенно горестно было намъ

въ краѣ и принялся въ 1922 и въ 1923 гг. за восстановление русской политической организации въ Галичинѣ и сталъ первымъ председателемъ Русской Народной Организаци (РНО).

Особенно многимъ обязана ему Станиславовщина, въ которой неуспшно и энергично трудился съ 1899 г. въ теченіе свыше 30-ти лѣтъ, какъ попечитель двухъ русскихъ ученическихъ бурсъ, председатель „Русскаго Народнаго Дома“, директоръ банка „Самопомощь“ и др. О-въ и организаций. Умеръ 6-го іюня 1931 г. въ Станиславовѣ.

всѣмъ видѣть тамъ совершеніе похоронъ. Бѣдные безусловно были наши всѣ тѣ, которые шли въ могилы гдѣ-то на далекихъ фронтахъ, не вѣсть для кого и за что, но такихъ смерть косила въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ, смерть же заточниковъ, взятыхъ изъ дому, похищенныхъ отъ семействъ ни за что и вывезенныхъ такъ далеко, на чужбину, — большое горе и тяжелая печаль.

Облегчало сердечную боль осиротѣлыхъ родныхъ развѣ лишь то, что иногда оказывалось возможнымъ похоронить покойниковъ своими священниками, при полномъ отпѣваніи въ церкви и съ похороннымъ шествіемъ.

Что до умершихъ тамъ священниковъ и болѣе видныхъ лицъ изъ нашей интеллигенціи, надо сказать, что выходили ихъ похороны не такъ ужъ примитивно. Правда, невозможно было укладывать тѣревы въ гробы въ церковныхъ ризахъ и нельзя было держать ихъ хоть бы одну ночь въ церкви, но за то дозволено было хоронить ихъ въ порядочныхъ гробахъ и перевозить ихъ на кладбище даже въ сопровожденіи стройнаго хорового пѣнія. На такіе похороны являлись иногда гости даже изъ Граца, и они высказывались о нашихъ пѣвцахъ весьма признательно.

Освобожденіе изъ Талергофа.

Насталъ 1917 годъ. Печали, оскорбленій, обидъ и униженій испытали мы немало. Много-премного насъ перебивало, одни прибывали, другіе выбывали, наконецъ осталось насъ тамъ еще около 3.000 чел., особенно стойкихъ русскихъ, нѣсколько сотъ поляковъ, столько же, кажется, румынъ и евреевъ. Изъ этихъ 3.000 была тамъ большая половина съ самого начала.

Во время всего нашего тамъ пребыванія произошли въ мірѣ великія перемѣны: папа одинъ умеръ, новый насталъ; нашъ епископъ Константинъ въ Перемышлѣ упокоился, новаго еще не назначили; нашего митрополита Андрея вывезли на сѣверъ, а епископъ Григорій то управлялъ своею епархіею, то оставлялъ ее; нашъ цѣсаръ Францъ-Иосифъ I

умеръ, и сейчасъ же сталъ править новый императоръ Карлъ I, а война между тѣмъ охватила всю Европу и распространилась на Малую Азію, и лилась человѣческая кровь неповинно струями, рѣками, на сушѣ и на морѣ, оказалась вынужденно вмѣшаться въ войну и Америка, — она рѣшила за всякую цѣну подавить войну, и обо всемъ этомъ узнавали мы въ Талергофѣ только случайно и съ опозданіемъ изъ газетъ, а какая была въ нихъ правда, извѣстно было всякому.

Свящ. о. Евгений Ивановичъ Сьбигалевичъ изъ Белелуи, снятинскаго уѣзда, род. 1881 г., рукоположенъ 1905 г., жн., умеръ въ Талергофѣ.

Однако, что узнали мы какъ правдивый и ужасный фактъ, это то, что судили нашихъ наилучшихъ патріотовъ два раза военные суды за шпіонство, за измѣну цѣсарю, и приговорили ихъ къ смерти!

Зимою 1917 г., явился къ намъ талергофскимъ священникамъ, делегатъ изъ Вѣны, митратъ. Собравъ насъ въ церкви, сказалъ намъ: „Можетъ быть и выйдете отсюда, но такими, какъ васъ вижу, нѣтъ. По какому праву отрасли-

ли вы себѣ бороды и усы? Послѣ того, какъ ихъ сбреете, будутъ власти васъ иначе судить*.

На это сказалъ о. Р. Ч.: „Всѣ мы были безбородые, а насъ повезли сюда. Если мы отпустили здѣсь бороды, то не потому, чтобы уподобляться священникамъ въ Россіи, только нужны ради: насъ ведутъ караулы часто передъ судъ, для составленія всякихъ протоколовъ, такъ вотъ, мы съ бородами и въ штатскомъ платьѣ, чтобы не знала публика, кого солдаты ведутъ. Такого принятія мѣръ никто во зло вмѣнять намъ не можетъ*.

Я сказалъ делегату: „Кто васъ къ намъ послалъ, не интересовался нашею и всѣхъ нашихъ вѣрныхъ долею, ни нашими душевными нуждами. Какія перемѣны произошли въ епархіяхъ, объ этомъ насъ никто не повѣдомилъ. О смерти еп. Константина консисторія намъ тоже не сообщила“.

Делегатъ перерываетъ: „Объ этомъ могли вы узнать изъ газетъ“.

Я: На газеты полагаться нельзя. Больше года газеты читать намъ было запрещено, а недавно принесли газеты, что митрополитъ умеръ. Опроверженія жевъ нихъ не было. Должны мы вѣрить, что митрополитъ умеръ? Почему духовныя власти оставили насъ на произволъ судьбы? А изъ-за такой мелочи, какъ бороды, васъ къ намъ посылаютъ! Если борода что-то страшное, то почему митрополитъ ходитъ съ бородою и такимъ вездѣ на портретахъ мы его видимъ?

Послѣ этого делегатъ ушелъ.

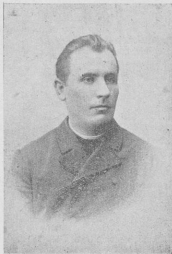
И такъ томилась мы дальше въ заточеніи, нашими духовными властями какъ-бы совсѣмъ забытые.

Но пошла молва, что молодой цѣсарь Карль хочетъ умилосердиться надъ нами.

Но что значитъ молва!
Spes alit, no spes и falit.

Около праздниковъ Пасхи сталъ бывать въ Талергофѣ чиновникъ, баронъ Райнлендеръ; онъ сказалъ, что дѣйствительно мы выйдемъ изъ Талергофа,

ибо дана почти всѣмъ амністія, но не смогутъ поѣхать въ Галичину, ибо не всѣ уѣзды освобождены отъ непріятеля, и проходитъ еще чрезъ нѣкоторые уѣзды боевая линія. Вотъ, для насъ радостная вѣсть. Мы стали ходить всѣ къ барону, чтобы узнать о своей судьбѣ. Я пошелъ тоже и уладилъ дѣло за себя, за сына и за двухъ братьевъ.

Свящ. о. Теофилъ Романовичъ Петровскій
изъ Рыкова, талерговецъ, род. 1853 г., рукоп.
1879 г., жен.

Черезъ нѣсколько дней велѣли намъ приходиться за маршрутами и легитимациями, а на 7-ое мая назначенъ былъ выѣздъ.

Всѣ мы интернованные зашевелились и радовались, что, наконецъ, оставляемъ мѣсто нашего заточенія. Но не всѣ радовались, ибо и не всѣ ѣхали въ Галичину, а многіе изъ тѣхъ нашихъ, которые ѣхали въ Галичину, знали, что не найдутъ своей семьи, ибо семьи ихъ бѣженцами жили еще гдѣ-то въ Росто-

въ на Дону или въ др. городахъ Рос-
си. Я и мой сынъ, мы радовались пол-
ностью, ибо мы ѣхали къ своимъ же-
намъ и дѣтямъ.

И 10-го мая были мы уже на мѣ-
стѣ у своихъ. Слава Богу! „Кто терпѣнъ,
той спасенъ!“ Мы вытерпѣли съ Божьей

помощью всю горечь гоненія и интер-
нированія, и вышли изъ Талергофа, не
переписываясь въ „украинцы“.

Генрихъ Поляскій.

(См. также: „Автобиографія о. Г. А.
Поляскаго“ въ жур. „Наука“ за II. и III.
кварт. 1931 г.)

Талергофская кантина подь судомъ.

Описанныя въ Дневникахъ Куриллы (въ III вып. Талергофскаго Аль-ха) и оо. Машака и Поляскаго въ этомъ выпускѣ злоупотребленія въ кантинѣ Талергофскаго лагеря завершились интереснымъ эпилогомъ въ уголовномъ судѣ въ Грацѣ. Ходъ и результаты относит. судебныхъ разбирательствъ представлены были въ грацкихъ нѣмецкихъ газетахъ.

Одинъ изъ б. талергофцевъ, бывший управитель народной школы въ Раков-
цѣ, нынѣ въ отставкѣ, *Матвей Теодоровичъ Квасникъ*, прислалъ намъ любезно для
использованія вырѣзку одного такого газетнаго сообщенія изъ залы суда въ Грацѣ,
именно изъ газ. *Grazer Tagblatt*, кот. здѣсь и приводимъ:

Gerichtssaal, Graz, am 17 Juli 1916.
Ausbeutung in einer Interniertenkantine!

Im Interniertenlager Thalerhof, wurden
in letzter Zeit die Insassen in der Kanti-
ne schandvoll ausgebeutet. Beim Rapport
beklagten sie sich über die ungebührlich
hohen Preise. So wurden für ein Kilogramm
Kartoffeln 36 Hel., für Äpfel 1 Krone, für
Mehl 1 K 80 h. für Zucker 1 K 80 h, für
Butter, die im Einkaufe 8 K 80 h kostete—
12 K verlangt.

Angeklagt sind die Kantinepächterin
Julie v. Duval, die Unterpächterin: Ve-
ronika de Thoma, ihr Geschäftsführer
Franz Maier, ferner die Bäuerin Pau-
la Kragl. Diese wurde aber freigesprochen,
weil sich die Angabe, sie hätte Kartoffeln
zu unzulässig hohen Preisen geliefert, als
ungerechtfertigt erwies. Die de Thoma ent-
schuldigte sich damit, daß sie an die Du-
val einen hohen Pacht zahlen mußte und
die Zufuhrkosten hoch waren. Auf den
Vorhalt des Richters Landesgerichtsrates
Dr. Plankensteiner, daß sie trotzdem nicht
so unverschämte hohe Preise verlangen dür-
te, erklärte sie daß ihr die Weiber für je-
des Kilogramm Kartoffeln, die Hand geküßt
hätten.

Richter: Umso trauriger, wenn sie
die Not der Internierten so ausnützten.

Auch der Angeklagte Maier antwortete
auf die Frage ob es wahr sei, daß er für einen
Laib Brot zwei Kronen verlangte. Ja —
die Internierten waren froh, wenn man
ihnen welches verkaufte. Richter: Wer die
Notlage armer Menschen so ausnützt, ge-
hört wirklich an den nächsten Baum ge-
knüpft zu werden.

Das Brot war um 80 h eingekauft
worden. Maier kaufte ferner Rum um 1 K
80 h für den Liter und verkaufte ihn im
kleinen um 12 K 80 h weiter, obwohl der
Ausschank verboten war.

Der Richter erkennt bei Duval und
Maier auf zu drei Wochen strengen Arrest,
verschärft mit einem Fasttage in jeder
Woche, gegen de Thoma auf 14 Tage
strengen Arrest und 500 K Geldstrafe.

In der Urteilsbegründung hob er
hervor, daß die Angeklagten einträchtig
zusammengehalten haben, um die schamlose
Ausbeutung der Internierten zu betreiben.
Ein Preis von 2 K für den Laib Brot steht
bisher einzig da. Deshalb mußte eine strenge
Strafe verhängt werden.

Въ переводѣ:

Изъ залы суда.

Граць, 17-го юля 1916 г.

Грабительство въ кантинѣ лагерьа для интернованныхъ.

Въ послѣднее время интернованные обитатели лагеря въ Талергофѣ обираются скандальнымъ образомъ. Въ рапортахъ жаловались они на непомѣрно высокія цѣны. Итакъ: взимались за кггр. картошки 36 гел., яблокъ 1 кр., муки 1 кр. 80 гел., сахаръ 1 кр. 80 гел., масла, покупаемаго по 8 кр. 80 гел., даже 12 кр.

Въ качествѣ обвиненныхъ выступаютъ: нанимательница кантины Юлія фонъ-Дуваль, подъ-нанимательница Вероника фонъ-Тома, ея приказчикъ Францъ Майеръ, а затѣмъ крестьянка Павлина Крагль. Послѣдняя была освобождена, ибо донесеніе, что будто она доставляла картошку по не допустимо высокимъ цѣнамъ, не подтвердилось. Обвиненная фонъ-Тома оправдывалась тѣмъ, что она вынуждена была платить слишкомъ высокую наемную плату г-жѣ Дуваль да и подвозъ продуктовъ обходился дорого.

На замѣчаніе судьи, совѣтника суды д-ра Планкенштейнера, что все таки она не должна была требовать столь безстыдно высокиихъ цѣнъ, она заявила, что женщины за каждый килограммъ картошки цѣловали бы ее въ ручку.

Судья: Тѣмъ печальнѣе что вы, пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ

интернованныхъ, такъ ихъ эксплуатировали.

Также обвиненный Майеръ, на вопросъ, правда-ли, что требовалъ за хлѣбецъ 2 кроны, отвѣтилъ: Да, интернованные радовались, когда вообще какой-нибудь имъ продавался.

Судья: Кто такъ используетъ бѣдственное положеніе несчастныхъ людей, дѣйствительно долженъ бы быть повѣшенъ на любомъ деревѣ.

Этотъ хлѣбъ покупался по 80 гел. за штуку.

Затѣмъ Майеръ покупалъ румъ по 1 кр. 80 гел. литръ, а продавалъ его по 12 кр. 80 гел., хотя продажа на выносъ была запрещена.

Судья приговорилъ фонъ Дуваль и Майера къ 3-недѣльному строгому заключенію, обостроному однодневнымъ постомъ каждую недѣлю, а фонъ-Тома къ 14-дневному строгому аресту и пенѣ въ 500 кронъ.

Въ обоснованіи приговора подчеркнута, что обвиненные дѣйствовали по сговору: чтобы сообщая грабить интернованныхъ безстыднымъ образомъ. Цѣна 2 кроны за хлѣбецъ — это что то доселѣ небывалое. Потому и приговоръ долженъ быть болѣе строгимъ.

О степени этой строгости въ данномъ случаѣ можно судить различно, но что эта строгость весьма и весьма запоздала, это ясно. Почти два года продолжалось это — какъ судья самъ называетъ — безстыдное обирание интернованныхъ арендаторами кантины съ дворянскими фамиліями (де, фонъ), пока австрійскія власти додумались привлечь ихъ къ этой „строгой“ отвѣтственности.

Отношение къ талергофцамъ высшихъ австр. властей и гнусная роль „украинск.“ партіи.

Въ Дневникѣ о. І. Машака особенно полностью и ярко представлены хлопоты, старанія, ходатайства и безпокойство талергофскихъ узниковъ, все время добивающихся у властей всевозможными путями и способами освобожденія изъ лагерного ада, или по крайней мѣрѣ разслѣдованія и разбора ихъ (мнимаго) „дѣла“. Но всѣ ихъ ходатайства, жалобы, прошенія, протесты и мольбы были напрасны и не удостоивались даже отвѣта. Въ полной неизвѣстности относительно своей дальнѣйшей судьбы, заключенные томилась долгіе мѣсяцы и годы и бились и терзались догадками, чѣмъ все это и — что самое главное — когда кончится.

Между тѣмъ тифъ и другія заразительныя болѣзни косили заключенныхъ десятками, сотнями и тысячами, а несмотря на все это, количество узниковъ въ Талергофѣ отнюдь не уменьшалось, но, напротивъ, все увеличивалось, ибо, по распоряженію властей, постоянно прибывали все новыя и новыя ихъ партіи (транспорты). Талергофскій лагерь сталъ, такимъ образомъ, какимъ-то не то пропускаемымъ, не то сортировочнымъ пунктомъ по отправкѣ несчастныхъ, сгоняемыхъ со всего Прикарпатя русскихъ людей (за исключеніемъ немногихъ освобождаемыхъ или отправляемыхъ на конфинацію), преимущественно, въ гарнизонныя и другія тюрьмы и чаще всего на другой свѣтъ, на вѣчное упокоеніе „подъ соснами“.

Сознавая свою правоту и все еще уповая и рассчитывая на справедливость австр. властей, русскіе узники все время обманывали сами себя предположеніемъ, что высшія власти плохо освѣдомлены о положеніи вещей въ Талергофѣ и о массовыхъ арестованіяхъ невинныхъ

людей и что, слѣдовательно, если бы только удалось поставить ихъ обо всемъ этомъ въ извѣстность, всѣ эти пытки распоряженіемъ свыше прекратились бы.

А между тѣмъ, по распоряженію этихъ самыхъ высшихъ властей въ Талергофѣ принимались столь крутыя мѣры по отношенію заключенныхъ и происходили столь прискорбныя явленія, что, повидимому, это мѣсто стало пунктомъ истребленія русскаго народа, а этотъ „долинный дворъ“ — Йосафатовой долиной русскою интеллигенціи и русскаго простонародья. Властями были они обречены на погибель отъ эпидемическихъ болѣзней, голода, холода, насѣкомыхъ, антисанитаріи и грязи, дикаго произвола и жестокой расправы съ ними со стороны лагерного начальства.

Прибывшая въ Талергофъ „украинская коммиссія“ д-ра Ганкевича освобождала „украинцевъ“, находящихся въ ея партійномъ спискѣ, или же тѣхъ, кто рѣшился бы у ней записаться „украинцемъ“. Кто не рѣшился отречься отъ своего русскаго имени и русскою національности, остался въ Талергофскомъ аду до конца, т. е. до роспуска этого лагеря весной 1917 г. Видно это особенно ясно изъ записокъ о. Генриха Полянскаго, который, вмѣстѣ со многими другими русскими узниками, оставался въ Талергофѣ по 7-ое мая 1917 г.

Чѣмъ руководились и что замыслили сдѣлать съ талергофцами высшія австр. рѣшающія сферы, оставалось для отрѣзанныхъ отъ внѣшняго міра нашихъ братьевъ и сестеръ страдальцевъ непроницаемой и мучительной тайной до конца ихъ заключенія. Нынѣ, однако, въ нашемъ распоряженіи находится подлинникъ одного такого тогдашняго официального австрійскаго документа, который

эту тайну разоблачает совершенно.

Въ этомъ документѣ, дѣйствительно какъ въ зеркалѣ, вѣрно отображается отношеніе австрійскихъ бюрократическихъ высотъ къ талергофскимъ мученикамъ и къ массовымъ арестованіямъ и расправамъ полиціи и солдатни съ невинными жертвами во всемъ Прикарпаты.

Документъ этотъ тѣмъ паче важенъ и замѣчательнъ, что изданъ былъ тѣми самыми высокими властями, отъ которыхъ всѣ эти безчеловѣчныя мѣропріятія исходили, и притомъ былъ

изданъ уже послѣ широчайшаго размаха ихъ палаческой дѣятельности, именно въ началѣ ноября 1914 г., т. е. когда и вдоволь насытились и полюбовались разстрѣлами и висѣльницами въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси, и въ тоже время заняты были вопросомъ, что дѣлать со многими тысячами арестованныхъ и интернированныхъ, для которыхъ — какъ видно и изъ этого документа — рѣшительно не хватаетъ въ тюрьмахъ и лагеряхъ мѣста.

Приводимъ его здѣсь полностью и на нѣмецкомъ языкѣ и въ переводѣ:

K. und k. Kriegsüberwachungsamt

Verschluss

K. U. A. 8896

An

die k. k. Statthaltere i

in

Wien, am 9. November 1914.

G r a z.

Aus verschiedenen Klagen und Beschwerden, namentlich aus Eingaben des Präsidiums des Ruthenenklubs ist zu schließen, das sich unter den aus Anlaß der militärischen Operationen in Galizien und in der Bukowina wegen politischer Bedenklichkeit in Gewahrsam genommenen und nach dem Hinterlande zur Internierung gebrachten Personen („Russophilen“) — da bei der Dringlichkeit der Maßnahmen weitgehende Erhebungen gewöhnlich nicht durchführbar waren — auch solche befinden, die nur infolge Mißverständnisse oder falscher Denunziationen mitbetroffen wurden.

Um nun die letzterwähnten Personen aus den Internierungsorten auszuscheiden, ist die sofortige Einleitung einer entsprechenden Aktion notwendig.

Dermalen befinden sich — soviel h. o. bekannt — internierte „Russophile“

Am Thalerhofe bei Graz	ca. 5.700,
Theresienstadt in Böhmen	ca. 890,
Schwaz in Tirol	ca. 40,
Kufstein in Tirol	ca. 50,
Niederösterreich und Oberösterreich	ca. 20,

Außerdem sollen auch noch bei einzelnen Landwehrgerichten — namentlich in Ungarn — angebliche „Russophile“ interniert sein, gegen die das ge-

richtliche Verfahren bereits eingestellt wurde, beziehungsweise mangels eines positiven Tatbestandes überhaupt nicht geführt wird und die nur wegen Zweifels bezüglich ihrer politischen Bedenklichkeit bisher weiter in Gewahrsam gehalten wurden, sonach gleichfalls in die Kategorie der vorerwähnten politischen Haeflinge gehören.

Da sich die meisten angeblichen Russophilen am Thalerhof befinden und auch die Abtransportierung der in anderen Internierungsorten befindlichen „Russophilen“ nach diesem Orte in Aussicht genommen ist, wird eine Untersuchungskommission eingesetzt, deren Aufgabe es ist, in raschester und verlässlichster Weise festzustellen, welche von den aus Galizien, bezw. der Bukowina nach anderen Orten behufs Internierung unter dem Verdachte der *russophilen* Gesinnung gebrachten Personen aus der politischen Haft zu entlassen wären.

Über die Entlassung selbst entscheidet die k. k. Statthalterei in Graz, an welche die Kommission ihre Anträge zu leiten hätte und an welche auch die Korrespondenz in dieser Angelegenheit zu richten wäre.

Die Kommission hätte zu bestehen: Aus einem älteren Beamten der Statthalterei in Graz als Leiter, ferner aus dem militärischen Kommandanten des Internierungslagers am Thalerhof und einem vom Militärkommando in Graz zu bestimmenden Offizier für den Justizdienst, dann aus zwei politischen, beziehungsweise Polizeibeamten der galizischen Statthalterei, die mit den Agenden der russophilen Bewegung vertraut sind. Der Kommission wird ein verlässlicher Vertrauensmann der ukrainischen Partei beigegeben, der die Kommission mit seiner Personalkennntnis zu unterstützen, eventuell auch wegen der weiteren Behandlung und Unterbringung der Freigelassenen vermitteln soll.

Die nötigen, die Zivilfunktionäre betreffenden Personalverfügungen werden vom k. k. Ministerium des Innern getroffen.

Die Grundlage für die Amtshandlungen der Kommission sollen insbesondere bilden:

- 1.) Die vom Präsidium der ukrainischen Partei vorgelegten Listen der verlässlichen Anhänger dieser Partei;
- 2.) die Feststellung, ob gegen die betreffenden Personen nicht noch eine gerichtliche Untersuchung im Zuge ist;
- 3.) die Feststellung, ob sie nicht in den Vormerkungen der Behörden als russophile Parteigaenger verzeichnet sind;
- 4.) die Feststellung, ob s'e nicht während ihrer Internierung zu mißliebigen Wahrnehmungen in politischer Beziehung Anlaß gegeben haben;
- 5.) eventuelle weitere Erhebungen, namentlich dann, wenn es sich um Personen handelt, die nicht ausgesprochene Anhänger der ukrainischen Partei sind, daher in den vorerwähnten Listen nicht vorkommen.

Wenn die sub 2, 3 und 4 erwähnten Voraussetzungen nicht zutreffen, und wenn sonst keine begründete Zweifel vorliegen, so wird der Nachweis der Nichtzugehörigkeit zur russophilen Partei dann als erbracht anzusehen

sein, wenn der betreffende Internierte in den erwähnten Listen des Präsidiums der ukrainischen Partei angeführt ist.

Aber auch bezüglich der übrigen nicht in diesen Listen angeführten Internierten hätte die Kommission auf Grund der vorzunehmenden Perlustrierung und namentlich auf Grund der einlangenden Gesuche und Beschwerden zu prüfen, ob eine weitere Internierung dormalen noch notwendig erscheint und eine Entlassung ohne Gefährdung der militärischen und gesamtstaatlichen Interessen erfolgen kann.

Die etwa nötigen Erhebungen werden durch direkten Verkehr der Kommission bezw. der Statthalterei in Graz mit in Betracht kommenden politischen bezw. Polizeibehörden, eventuell militärischen Stellen, auf kürzestem Wege zu pflegen sein. Die befragten Stellen haben die Antwort ungesäumt in der Regel telegraphisch zu erteilen, damit die etwa unschuldig betroffenen Personen nicht länger in Haft gehalten werden.

Was die an anderen Orten — nicht bei Landwehrgerichten — internierten, in die Kategorie der politisch verdächtigen Inländer gehörigen russophilen Ruthenen anbelangt, so sind zunächst die ohnedies wohl vorhandenen Listen dieser politischen Häftlinge unverzüglich der Statthalterei in Graz zu übermitteln (должно быть: übermitteln), welche, soweit als möglich, die weitere Amtshandlung durch die Kommission veranlassen und die Entscheidung treffen wird, als wie wenn sich diese Personen am Thalerhof befinden würden. Die etwaige Abtransportierung nach Thalerhof, soweit nicht schon früher die Freilassung verfügt wurde, erfolgt erst über besondere h. o. Weisung.

Bezüglich der bei den Landwehrgerichten noch in Gewahrsam befindlichen politisch Verdächtigen hat inzwischen das k. k. Ministerium für Landesverteidigung den abschriftlich mitfolgenden Erlaß vom 3. November 1914, Zl. 9651-V an die Landwehrgerichte gerichtet.

Da jedoch einzelne der dort genannten Gerichte in Ungarn aufgestellt sind, wird es manchmal zweifelhaft sein, welcher österreichischen politischen Behörde die aus gerichtlicher Haft entlassenen Personen zu überstellen sind.

Für diesen Fall wird verfügt, daß — insoweit es sich um „Russophile“ aus Galizien handelt — zunächst Listen der betreffenden gerichtlich nicht, bezw. nicht mehr verfolgten Personen samt den etwa vorhandenen Strafakten der Statthalterei in Graz übersendet und jene Personen, die von den Gerichten nicht ohnedies direkt auf freien Fuß gesetzt werden, vorläufig auf kurze Zeit zurückzuhalten wären, bis die Statthalterei in Graz, welche in dieser Beziehung mit der größtmöglichen Beschleunigung vorzugehen hat, auf Grund der Feststellung der Thalerhofer Untersuchungskommission den bezüglichen Landwehrgerichten die Verstaendigung zukommen läßt, ob die Freilassung auch aus der politischen Haft erfolgen kann oder nicht.

Diejenigen Individuen, die für weitere politische Internierung bestimmt erscheinen, sind dann nach Thalerhof zu instradieren; ihr Abtransport ist

rechtzeitig der Statthalterei in Graz zu avisieren und Transporte über 30 Mann auch der Zentraltransportleitung in Wien anzumelden.

Bezüglich der etwa bei der Landwehrgerichts-Expositur Besztercze in Gewahrsam befindlichen Russophilen aus der Bukowina hätte sich diese Expositur mit der k. k. Landesregierung in der Bukowina in das Einvernehmen zu setzen.

Den auf freien Fuß gesetzten Personen ist in *allen* Fällen von jener Behörde, in der die Internierung stattgefunden hat, eine Legitimation auszustellen, welche nebst der genauen Personsbeschreibung sowie die Unterschrift des Entlassenen die Bestätigung enthalten soll, daß der Betreffende als politisch unbedenklich aus der politischen, bezw. gerichtlichen Haft entlassen wird. Diese Legitimationen, welche in deutscher Sprache nebst einer polnischen und ruthenischen Übersetzung zu verfassen waeren, haben den Zweck, den Freigelassenen vor etwaigen neuerlichen Maßregelungen aus dem gleichen Anlasse, der zur ursprünglichen Internierung Anlaß gab, zu schützen.

Die Freigelassenen werden stets nach den gleichen Grundsätzen wie die Flüchtlinge aus Galizien und der Bukowina zu behandeln sein.

Die in Oesterreich entlassenen unbemittelten Ruthenen würden sonach — soweit eine anderweitige Versorgung unthunlich und soweit auch eine Unterbringung in Wolfsberg in Kaernten nicht mehr erfolgen kann — nach Bruck a. d. Leitha kommen.

Das kgl. ung. Ministerium des Innern wird zugleich um die Zustimmung (очевидно: Zustimmung) ersucht, daß die in Ungarn von den Landwehrgerichten auf freien Fuß gesetzten Personen auch dort nach den gleichen Grundsätzen wie die sonstigen Flüchtlinge aus Galizien oder der Bukowina behandelt werden.

Zugleich werden der k. k. Statthalterei die vom Praesidium des Ruthenenklubs h. o. vorgelegten Listen der internierten ukrainischen Parteigänger, für deren politische Verlaesslichkeit das genannte Praesidium die vollste Garantie übernimmt, zur weiteren Veranlassung übermittelt.

Ergeht an die k.k. Statthalterei in Graz, abschriftlich zur Kenntnisnahme an die Statthalterei in Wien, Linz und Biala, an die Landesregierung in Dorna Watra, an die Bezirkshauptmannschaften in Leitmeritz, Kufstein und Schwaz, an das k.k. Gericht des Militaercommandos in Munkacs, an die k.k. Landwehrgerichte, Expositur Iglo, in Marmaros-Sziget (очевидно: Sziget) und Besztercze, an die Militaercommanden in Graz, Leitmeritz, Munkacs, Pozsony 2 und Krakau, an das k.k. Ministerium des Innern, an das k.k. Ministerium für Landesverteidigung, an das k.k. Ministerratspraesidium und an den kgl. ung. Minister des Innern.

S c h l e y e r m. p. Fmt.

Praesidium der k. k. steierm. Statthalterei
eingelant am 10. November 1914, Pr. 2616/11.

Въ переводѣ:

Имп. и кор. военно-охранное вѣдомство.

Довѣрительно.

№ 8896.

Въ Имп. кор. Намѣстничество

въ Грацѣ.

Вѣна, 9-го ноября 1914 г.

Изъ разныхъ жалобъ и протестовъ, въ частности же изъ заявлений президіума рутенскаго клуба явствуетъ, что между лицами, арестованными изъ-за военныхъ дѣйствій въ Галичинѣ и Буковинѣ и эвакуированными для интернированія въ тылъ („русофилами“) — въ виду того, что по спѣшности мѣропріятій надлежащаго разслѣдованія производить было некогда — находятся и такія личности, кои попались только по недоразумѣнію или же ложнымъ доносамъ.

Съ цѣлью выдѣленія таковыхъ изъ мѣстъ заключенія необходимо начать соответствующія дѣйствія немедленно.

Въ настоящее время находятся — поскольку здѣсь извѣстно — интернированные „русофилы“:

въ Талергофѣ возлѣ Граца	ок. 5.700 чел.
„ Терезинѣ, въ Чехіи	890 „
„ Швацѣ, въ Тиролѣ	40 „
„ Куфштейнѣ, въ „	50 „
„ Нижней и Верхней Австріи	20 „

Кромѣ этихъ, кажется, находятся еще въ заключеніи также при отдѣльныхъ военно-ополченскихъ судахъ — въ частности венгерскихъ — такіе мнимые „русофилы“, противъ которыхъ судебное слѣдствіе уже приостановлено или же за неимѣніемъ никакихъ положительныхъ данныхъ вообще не ведется и которые содержатся до сихъ поръ дальше въ заключеніи только по сомнительнымъ соображеніямъ относительно ихъ политическаго образа мыслей и, слѣдовательно, такъ же точно принадлежать къ той же категоріи политическихъ узниковъ.

Такъ какъ наибольшее число предполагаемыхъ руссофиловъ находится въ Талергофѣ и имѣется въ виду также перевезеніе туда же и „русофиловъ“, интернированныхъ въ другихъ мѣстахъ, то назначается особая слѣдственная комиссія, заданіемъ которой будетъ установить скорѣйшимъ и надежнѣйшимъ образомъ, кого изъ лицъ, вывезенныхъ изъ Галичины и Буковины въ другія мѣста для интернированія по подозрѣнію въ *русофильскомъ* образѣ мыслей, слѣдовало бы освободить изъ политическаго ареста.

О самомъ освобожденіи рѣшало бы имп. кор. намѣстничество въ Грацѣ, къ которому комиссія должна бы направлять свои предложенія и къ которому должна бы также адресоваться вся переписка по этому дѣлу.

Комиссія должна бы состоять изъ: старшаго чиновника грацкаго намѣстничества какъ руководителя (предсѣдательствующаго), затѣмъ изъ военныхъ комендантовъ Талергофскаго лагеря интернированныхъ и одного офицера-судьи (авдигатора), котораго назначить военная команда въ Грацѣ, затѣмъ изъ двухъ политическихъ, resp. же полицейскихъ чиновниковъ галиційскаго намѣстничества, свѣдущихъ въ проявленіяхъ руссофальскаго движенія. Къ комиссії присоединяется надежное и довѣренное лицо (конфидентъ) украинской партіи, которое будетъ помогать комиссії своими личными свѣдѣніями и оказывать свои посредническія услуги также въ дѣлѣ и на случай дальнѣйшаго поступленія и обращенія съ лицами уже освобожденными.

Належащія, гражданскихъ чиновъ и личнаго состава касающіяся распоряженія издать имп. кор. министерство внутреннихъ дѣлъ.

Основаніемъ для исполнительныхъ дѣйствій комиссіи должны служить въ частности:

1) Президіумомъ украинской партіи предложенные списки надежныхъ сторонниковъ этой партіи;

2) выясненіе вопроса, не ведется ли еще судебное слѣдствіе противъ относ. лицъ;

3) выясненіе, не представлены ли (аттестованы ли) эти лица въ актахъ (записяхъ) властей какъ сторонники руссофильской партіи;

4) выясненіе, не дали ли эти лица какого-нибудь повода къ отрицательнымъ замѣчаніямъ въ политическомъ отношеніи во время ихъ интернированія;

5) возможныя дальнѣйшія разслѣдованія, въ частности въ такихъ случаяхъ, когда дѣло будетъ касаться лицъ, которыя не являются открытыми сторонниками украинской партіи и потому въ вышеуказанныхъ спискахъ не значатся.

Если подъ 2) 3) и 4) приведенныя предпосылки не находятъ примѣненія и если, впрочемъ, никакихъ обоснованныхъ сомнѣній нѣтъ, можно непринадлежность къ руссофильской партіи считать доказанной, если относительный интернированный находится въ означенныхъ спискахъ украинской партіи.

Но также относительно прочихъ, въ этихъ спискахъ не названныхъ интернированныхъ должна бы комиссія на основаніи производимой провѣрки и въ частности на основаніи поступающихъ прошеній и жалобъ установить, является ли нынѣ дальнѣйшая ихъ интернація нужной и можетъ ли наступить ихъ освобожденіе безъ ущерба для военныхъ и вообщегосударственныхъ интересовъ.

Такъ или иначе нужныя разслѣдованія комиссія или же грацкое намѣстничество должны производить путемъ прямого сношенія съ отно-

сительными политическими или полицейскими властями и незамедлительно. Опрошенные въдомства должны немедленно и по правилу давать отвѣты по телеграфу, дабы сколько-нибудь невинно пострадавшія лица не содержались дальше въ заключеніи.

Что же касается интернованныхъ въ другихъ мѣстахъ, — не при военно-ополченскихъ судахъ — включенныхъ въ категорію политически подозрительныхъ руссофиловъ-русинъ, то прежде всего слѣдуетъ и по-давно имѣющіеся подъ рукой ихъ списки безотлагательно переслать въ намѣстничество въ Граць, которое, поскольку это возможно, распорядитъ дальнѣйшее дѣлопроизводство черезъ комиссію или же вынесетъ постановленіе такъ точно, какъ если бы такія лица находились въ Талергофѣ. Перевезеніе ихъ въ Талергофъ въ случаѣ, если ихъ освобожденіе не было уже раньше распорядено, можетъ наступить только по особому указанію отсюда.

Относительно заключенныхъ при военно-ополченскихъ судахъ политически заподозрѣнныхъ имп. кор. министерство ополченія обратилось отношеніемъ отъ 3 ноября 1914 г. за № 9651 — V къ военноополченскимъ судамъ.

Въ виду того, однако, что таковые отдѣльные суды установлены въ Венгріи, иногда окажется сомнительнымъ, которой именно австрійской политической власти слѣдуетъ передать освобожденныхъ изъ судебного заключенія арестантовъ.

На такой случай дается распоряженіе, чтобы — поскольку дѣло въ галиційскихъ „руссофилахъ“ — списки такихъ изъ нихъ, которые ни судебнымъ порядкомъ, ни вообще никакъ не преслѣдуются, были пересланы вмѣстѣ съ возможно имѣющимися слѣдственными актами намѣстничеству въ Граць, а лица, которыхъ эти суды все таки не выпустили на свободу, были показаны на короткое время задержаны, пока грацкое намѣстничество, которое въ этомъ отношеніи должно дѣйствовать возможно наиспѣшнѣе, не сообщитъ относ. военно-ополченскимъ судамъ на основаніи разслѣдованій талергофской слѣдственной комиссіи, могутъ ли эти лица быть освобождены также изъ-подъ политическаго ареста или нѣтъ.

Тѣ арестанты, которые кажутся подходящими для дальнѣйшей политической интернировки, должны быть доставлены въ Талергофъ. О ихъ предстоящемъ перевезеніи должно быть заблаговременно предъупреждено грацкое намѣстничество, а о транспортѣ партій по свыше 30 человекъ слѣдуетъ докладывать также центральному эвакуаціонному въдомству во Вѣнѣ.

Относительно находящихся въ заключеніи при военной судебно-ополченской экспозитурѣ въ Бестерчѣ буковинскихъ руссофиловъ должна эта экспозитура войти въ сношенія съ политическими властями въ Буковинѣ.

Для лиц выпускаемых на свободу во всѣхъ случаяхъ та власть, при которой они были интернированы, должна выготовить легитимаци, въ которыхъ, кромѣ точнаго описанія личности и подписи освобождаемаго, должно заключаться подтвержденіе, что относительное лицо политически не заподозрѣно и изъ политическаго или судебного ареста освобождается. Эти легитимаци, которыя должны быть составлены на нѣмецкомъ языкѣ при польскомъ и малорусскомъ переводахъ, имѣютъ своей цѣлью защиту уже освобожденныхъ отъ возможныхъ новыхъ преслѣдованій по тому же поводу, по которому первоначально уже были арестованы.

Съ освобожденными слѣдуетъ всегда обращаться такъ точно, какъ съ бѣженцами изъ Галичины и Буковины.

Въ австрійской половинѣ освобожденные и неимущіе русины должны затѣмъ — поскольку поселеніе и устроеніе ихъ такъ или иначе въ Вольфсбергѣ въ Каринтіи уже невозможно — направляться въ Брукъ на р. Лейтъ.

Одновременно у венгерскаго кор. министерства внутреннихъ дѣлъ испрашивается согласіе на подобное же третированіе освобожденныхъ венгерскими ополченскими судами лицъ какъ и другихъ бѣженцевъ изъ Галичины и Буковины.

Одновременно имп. кор. намѣстничеству препровождаются предложенные здѣшнимъ президіумомъ рутенскаго клуба списки интернированныхъ сторонниковъ украинской партіи, за политическую благонадежность которыхъ названный президіумъ совершенно ручается, на дальнѣйшее распоряженіе.

Отправляется имп. кор. намѣстничеству въ Грацъ, въ копіяхъ для свѣдѣнія намѣстничествамъ во Вѣнѣ, Линцѣ и Бялой, красному (буковинскому) правительству въ Дорнѣ Ватрѣ, староствамъ въ Литмерицѣ, Куфштейнѣ и Швацѣ, имп. кор. военному суду въ Мункачѣ, имп. кор. ополченскимъ судамъ и ихъ экспозитурамъ въ иглѣ, Мармарошъ-Сиготѣ и Бестерчѣ, военнымъ командамъ въ Грацѣ, Литмерицѣ, Мункачѣ, Пошоны 2 и Краковѣ, имп. кор. министерству внутр. дѣлъ, имп. кор. ополченскому мин-ву, ц. к. президіуму совѣта министровъ и венгерско-му кор. министерству внутр. дѣлъ.

Ш л е й е р ъ, соб. р., фельдмаршаллейтнантъ.

Президіумъ имп. кор. Стирійскаго намѣстничества,

вошло 10-го ноября 1914 г., Пр. 2616/11.

Комментарии излишни. Критика и объяснение этого документа, впрочем, принадлежат истории. Здесь же теперь остается только указать на вытекавшие из него неизбежные и обусловленные им факты. Итак:

Во вступлении признается факт, что арестованы были и содержатся в заключении многие „руссофилы“ только „по недоразумѣнию или же ложнымъ доносамъ“.

Замѣчательно употребленіе терминовъ: „руссофилы“ и „украинцы“ (или „украинская партія“ и ея президіумъ). Первый изъ нихъ („руссофилы“) значитъ, какъ видимъ, то-же самое, что преступники, измѣнники, и потому обреченные на осужденіе, содержаніе въ заключеніи и логбиль, — второй („украинцы“), это все равно что синонимы: люди благонадежные, заслуживающіе безусловно полного довѣрія, а потому имѣющіе право и подлежащіе немедленному освобожденію, если по ошибкѣ или недосмотру были арестованы, и должнствующіе играть довѣрительную и полномочную роль въ дѣлѣ рѣшенія дальнѣйшей судьбы настоящихъ и мнимыхъ „руссофиловъ“. Здесь впервые въ австр. официальномъ документѣ употребляются термины „украинцы“ и „украинскій“ въ національномъ смыслѣ. Только во время войны Австро-Венгрія рѣшилась на это нововведеніе и рѣшилась самой себѣ на горе, отъ этого ей не поздоровилось. Но видно еще нѣкоторое колебаніе въ этомъ отношеніи: упоминается еще парламентскій „рутенскій клубъ“, фактически, какъ извѣстно, „украинскій“. За то совсѣмъ не определена національность ненавистныхъ „руссофиловъ“. Было бы ошибкой предполагать, что отсутствуетъ это определеніе потому, что преступниками - „руссофилами“ были люди разныхъ національностей. Отнюдь нѣтъ. Хотя въ талергофскомъ лагерѣ и содержалось извѣстное (сравнит. небольшое) количество интернированныхъ поляковъ, евреевъ и др., но въ документѣ подъ „руссофилами“ подразумеваются люди русской національности изъ Галичины, Буковины и

Угорской Руси. Что это несомнѣнно такъ, явствуетъ изъ сл. „русины“ дальше и изъ др. соврем. австр. оффиц. документовъ: въ частности, нпр., въ обвинительныхъ актахъ и приговорахъ I и II вѣнскихъ полит. процессовъ означены „руссофилами“ всѣ обвиненные, исключительно одни только русскіе галичане. Объясняется здѣсь эта странность тѣмъ, что хотя, ввиду признанія особой „украинской“ національности, тѣмъ самымъ требовалось признаніе русской національности (терминъ „рутены“ не могъ вѣдь идти въ расчетъ, ибо относился и къ русскимъ и къ „украинцамъ“), все же Австро-Венгрія, съ ослинымъ упрямствомъ, такъ и до послѣдняго своего издыханія не признавала наличія русской націи въ Прикарпатъяхъ. Въ этой разительной непоследовательности и нелогичности австро-венгерская бюрократія руководилась прямыми указаніями нашихъ „украинцевъ“, которые тогда уже да и нынѣ, сами отрехлись отъ русскаго имени, желаютъ и силятся, во чтобы то ни стало, лишить его русскихъ, и потому называютъ ихъ москвофилами, москалями, кацапами и др. под. прозвищами, только не русскими, въ печати и всякихъ заявленіяхъ, съ такимъ же ослинымъ упрямствомъ. Какъ панически трепетала Австро-Венгрія предъ русскимъ именемъ до самой своей постыдной кончины, можно судить по той жестокой расправѣ съ галицко-русскими студентами, которая была описана въ Дневникѣ Куриллы и запискахъ К. Чижъ въ III вып. Талергофскаго Альманаха, гдѣ 48 чел. были наказаны подвѣшиваніемъ къ столбу за то, что при рекрутскомъ наборѣ въ талергофскомъ лагерѣ назвали свою національность русской („tussisch“).

Въ комиссіи, заданіемъ которой будутъ постановленія объ освобожденіи или дальнѣйшемъ содержаніи въ заключеніи отдѣльныхъ „руссофиловъ“, должно служить своими личными свѣдѣніями, надежное и довѣренное лицо (конфидентъ) украинской партіи. О вывезенныхъ же изъ Галичины и Буковины узникахъ выразительно сказано, что

арестованы и интернованы они „по подозрѣнію въ руссофильскомъ образѣ мыслей“.

Пункты 1—5 документа показываютъ, что немедленно освобождались изъ заключенія сторонники „украинской“ партіи, фигурирующіе въ спискахъ, предложенныхъ президіумомъ этой партіи, но что безусловно содержались дальше въ тюрьмахъ и лагеряхъ заключенные сторонники „руссофильской“ партіи.

Названные „украинскіе“ конфиденты оказываютъ свои услуги, какъ видимъ, также „въ дѣлѣ и на случай дальнѣйшаго поступленія и обращенія съ лицами уже освобожденными“ (и находящимися уже на конфинаціи — добавимъ на основаніи данныхъ матеріаловъ). И дѣйствительно они, эти конфиденты, слѣдили и доносили и на конфинированныхъ и освобожденныхъ русскихъ.

Изъ документа видно, что то „безголовье“, которое царитъ все время въ талергофскомъ лагерѣ изъ-за все прибывающихъ новыхъ транспортовъ, для которыхъ тамъ не было ни мѣста, ни бараковъ, ни одежды, ни пищи, выходило изъ относительныхъ распоряженій высшихъ властей.

Если сообразить, съ какимъ удивленіемъ подчеркивалась въ этомъ распоряженіи высшихъ австр. властей „украинская“ благонадежность и какое важное значеніе придавалось „партийнымъ украинскимъ“ спискамъ, то становится уже до нѣкоторой степени по-

нятнымъ то издѣвательское нахальство, то хамство, съ которымъ отдѣльные „украинскіе“ конфиденты представляли къ русскимъ узникамъ съ предложеніемъ записаться у нихъ въ „украинцы“ и добиться такимъ путемъ освобожденія. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ истиннымъ удовлетвореніемъ приходится отмѣтить, что крайне мало нашлось такихъ русскихъ узниковъ, которые поддались этому соблазну. Огромное ихъ большинство, почти всѣ, гнали этихъ нахаловъ вонъ, неустрашимо исповѣдая свою принадлежность къ Руси, и, держа въ тюрьмѣ, даже на процессахъ, передъ вѣнчницей и разстрѣломъ, русское національное знамя высоко, геройски перенесли всѣ тяжкія испытанія, всѣ страданія, до конца. За то, съ другой стороны, если учесть и взвѣситъ всѣ довоенные преслѣдованія русскихъ и покровительствованіе и поддерживаніе „украинцевъ“ со стороны властей, а затѣмъ военный терроръ по отношенію первыхъ и безпредѣльное довѣріе и благоговѣніе ко вторымъ, то какой безстыдной ложью и какимъ дѣвольскимъ цинизмомъ были всѣ эти „украинскія“ заявленія, въ печати, парламентѣ, на вѣчахъ и собраніяхъ въ краѣ и въ разныхъ переднихъ заграничій, о томъ, что къ „украинской“ партіи присоединяются многіе изъ-за „живучести, правды и чистоты украинской sprawy“ и вообще изъ идейныхъ побужденій!

Краткія записки изъ воспоминаній отдѣльныхъ узниковъ.

Бережанскій уѣздъ.

(Сообщеніе свящ. о. Гр. Качалы)*

Наше путешествіе въ Талергофъ длилось съ понедѣльника до пятницы вечеромъ.

*) Начало см. Тал. Альм., I. вып., стр. 33.

Послѣ оставленія вагоновъ пошлимы ускореннымъ шагомъ на талергофскую равнину. Многіе изъ насъ падали отъ усталости а задніе ряды проходили по упавшимъ, ибо никому не разрѣшалось посторониться изъ колонны, въ какую кто былъ опредѣленъ. Въ случаѣ несоблюденія этого приказа ударъ прикладомъ сшибалъ нарушителя этого порядка

съ ногъ и провинившійся попадалъ подъ ноги слѣдовавшихъ за нимъ. Подобный случай произошелъ со свящ. Чубатымъ изъ Жукова.

Двое сутокъ провели мы подъ голымъ небомъ. Не разрѣшалось разговаривать, ни двигаться съ мѣста. Люди лишались чувствъ, и падали отъ голода и жажды. Я лично какъ то голода совершенно не ощущалъ, не смотря на то, что ничего не ѣлъ, я забылъ о голодѣ, но

Свящ. о. Романъ Васильевичъ Кокотайло, с. Туринка, жолковского уѣзда, талергофецъ, род. 1875 г., рукоп. 1901 г., жен.

страшно томился жаждой, такъ что предполагалъ уже близкую смерть.

Тутъ былъ я свидѣтелемъ, какъ конвойные убили скованнаго въ цѣпи церковнаго старшаго брата изъ села Болотны. Фамиліи его не помню*).

Нѣкоторое время спустя я былъ посланъ за водой вмѣстѣ со свящ. о. Хиякомъ, кажется лемкомъ по происхожденію. Онъ то и дѣло съ непонятнымъ

для меня упорствомъ доказывалъ солдату, что мы невиновные. Однако солдатъ съ не меньшимъ упорствомъ подгонялъ насъ прикладомъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, выкрикивая: „Roscha“ (rascher-скорѣе).

Воду носили мы въ ушатѣ. Мой коллега былъ высокаго роста, я низкаго, вслѣдствіе чего ушатъ постоянно накренивался въ сторону и вода выливалась черезъ край. Это приводило въ ярость сопровождавшаго насъ солдата и онъ за убытокъ воды поминутно потчивалъ насъ прикладомъ винтовки.

Не помню сколько разъ мы обернули съ этой водой; вконцѣ концовъ я отъ изнеможенія упалъ на лѣстницѣ. Тутъ нашъ конвоиръ понялъ несурзность своего усердія и уволилъ насъ отъ дальнѣйшаго водоношенія.

Однажды были вызваны 195 человѣкъ и отправлены въ Градецъ на допросъ и судъ. Тамъ былъ я посаженъ въ камеру вмѣстѣ съ священниками: старенькимъ Билинкевичемъ, изъ Бурштинскаго района, Чубатымъ изъ Жукова, Томовичемъ, Пилищемъ, двумя молодыми Дуркотами и двумя словинскими священниками — всего 18 челов. Только 27 го октября я былъ оправданъ (freigesprochen, aber nich freigelassen — оправданъ, но не освобожденъ), и переданъ подъ надзоръ гражданскихъ властей, но фактически былъ я обратно водворенъ въ Талергофъ, въ баракъ №-6, гдѣ я проживалъ до весны 1915 года.

Дальше жилъ я три года въ Градцѣ, а весной 1918 года благолучно вернулся домой.

Свящ. Григорій Качала.

Самборскій уѣздъ.

I.

(Сообщеніе свящ. Іоанна Шемердяка*).

Послѣ мытарствъ въ галицкихъ тюрьмахъ, мы очутились въ Талергофѣ.

На второй или третій день послѣ пріѣзда дали мнѣ и свящ. о. І. Ольшан-

*) Смюри „Временникъ“ на 1925 г. „Звонаръ Матвій“!

*) Другія сообщенія объ арестованіяхъ и пр. см. Талергоф. Альм. I. выд. стр. 125-131.

II.

(Сообщение Антона Бачинского*.)

скому из Хирова работу: велѣли чистить лопатами отхожія мѣста, устроенныя на ладъ походныхъ военныхъ отхожихъ.

Жизнь въ палаткахъ и ангарахъ, надѣюсь, опишутъ другіе, я вспомню лишь нѣсколькими словами о своихъ родныхъ и близкихъ.

Вмѣстѣ со мной арестовали въ Гуменцѣ моего шурина Ѳому Петр. Витшинскаго, старшаго жел.-дор. ревизора въ Станиславовѣ. Изъ Гуменца былъ онъ вывезенъ въ станиславовскій острогъ Дуброву, а оттуда доставленъ въ Талергофъ раньше меня, и былъ назначенъ надсмотрщикомъ въ 4 омъ баракѣ. Затѣмъ оклеветанный однимъ полякомъ, былъ посаженъ полковникомъ Штадлеромъ въ одиночную камеру на недѣлю.

Не знаю, много ли найдется такихъ семействъ, которыя пострадали бы столько во время всемірной войны сколько мы. Въ Талергофѣ было насъ четыре брата: Іоаннъ Шемердякъ изъ Гуменца, Василій изъ Старога Самбора, Ѳеодоръ Шемердякъ, съ двумя сыновьями, и Петръ Шемердякъ, съ сыновьями, Григоріемъ и Львомъ, и отчимомъ, Дмитріемъ Волчкомъ изъ Старога Самбора.

Ѳеодоръ Шемердякъ и Дм. Волчикъ умерли въ Талергофѣ. Семья Василія Шемердяка, состоявшая изъ четырехъ лицъ, опасаясь участи постигшей ихъ отца, отступила съ русскими войсками и пропала безъ вѣсти, а сынъ его Владиміръ, погибъ добровольцемъ въ арміи Колчака. Самъ отецъ Василій, вернувшись прибитый горемъ изъ Талергофа, умеръ въ 1919 году.

Пятый братъ, Андрей Шемердякъ, вернувшійся изъ Кіева, былъ посаженъ мѣстными мазепинцами въ Перемышльскую тюрьму.

Когда я вернулся изъ Талергофа, не засталъ дома никого изъ своихъ родныхъ. Мои также бѣжали въ Россію, откуда вернулись въ 1918 году, за исключеніемъ двухъ сыновей, студентовъ Осипа и Евгенія. Первый погибъ въ арміи Врангеля, второй въ арміи Колчака.

Н. Ш.

Послѣ четырехнедѣльнаго карантина мой отецъ, Іосифъ Бачинскій, былъ помѣщенъ въ Талергофскіе баракаки. Тамъ встрѣтился онъ съ г-жей Байко, д-ромъ Цюкомъ, г. Мудрѣмъ — всѣ

Свящ. о. Петръ Яневъ, наст. прихода въ Гнилой, пч. Борня, у Турка на Стрыѣ, талергофецъ, род. 1869 г., рукопол. 1896 г., жен. Снимомъ сдѣланъ сейчасъ послѣ освобожденія изъ Талергофа, 14 февраля 1917 г., и перешоа на конфинацію. Арестованъ былъ въ началѣ войны, до мая 1915 г. пробылъ въ Тереннѣ, въ Чехіи, отъ мая 1915 г. до февраля 1917 г., въ талергофскомъ лагерѣ. Отъ 14. февраля 1917 г. по 29 сентября 1917 г. былъ на конфинаціи въ Passau bei Weitz. Когда съ конфинаціи вернулся на родину, то со своей роскошной бородой ходилъ въ с. Гнилой ровно только 21 день, ибо на эту бороду былъ сдѣланъ доносъ въ старство а по его приказу она „лягла голову“.

изъ Самбора — и съ свящ. о. Куцѣмъ изъ Лѣнины.

Пока были деньги, отцу жилось сносно. Позже его положеніе сильно осложнилось. Харчи ухудшились качественно и количественно, а съ сокраще-

* См. объ арестованіяхъ Талергоф. Альм. I. вып. стр. 129-131.

ниём до минимума казеннаго продовольственнаго пайка, пришлось посылать ему изъ дому посылки.

Въ Талергофѣ промучился отецъ два года. Стараніями родныхъ былъ онъ освобожденъ 27 апрѣля 1917 года.

Отецъ вернулся домой совершенно больной. Перенесенныя имъ физическія и моральныя страданія свели его въ могилу 7 апрѣля 1919 года,

А. В.

III.

С. Ленина, Самборскаго уѣзда.

(Сообщеніе свящ. Даниіла Куцѣя*)

8 сентября, остановился нашъ эшелонъ въ Вадовицахъ. Изъ поѣзда, привѣтствуемые яростными криками мѣстныхъ жителей, собравшихся на вокзалѣ, подъ тучей бросаемыхъ на насъ камней, мы были отправлены въ вадовицкую тюрьму. При входѣ въ нее тюремный сторожъ, стоя въ дверяхъ, билъ каждого интернированнаго, входящаго въ тюрьму, по головѣ. Въ тюрьмѣ построили всѣхъ въ коридорѣ и подали воду.

Вдругъ выступаетъ передъ нами фельдфебель-украинophile съ назидательной рѣчью и, ругая насъ измѣнниками и виновниками войны, указываетъ на кучу патроновъ, лежавшихъ въ коридорѣ, которые по его словамъ были назначены для нашего разстрѣла. Онъ обратился съ призывомъ къ находившимся съ нами крестьянамъ, рассказать во время слѣдствія все, о чемъ говорили имъ въ церкви бунтовщики священники.

Только 12 сентября эшелонъ выѣхалъ изъ Вадовицъ и направился на западъ.

Было насъ всего четыреста человѣкъ, по большей части изъ Сяноцкаго, Стрыйскаго и Дрогобычскаго уѣздовъ.

Везли насъ двумя поѣздами, изъ которыхъ одинъ направился въ Вольфсбергъ, въ Каринтію. Тутъ мы простояли двое сутокъ въ какомъ-то старинномъ зданіи, по слухамъ, бывшемъ іезуитскомъ монастырѣ, а оттуда мы были отосланы въ Талергофъ.

Я ѣхалъ все время со своимъ сыномъ Николаемъ. Въ Талергофѣ пріѣхали мы вечеромъ 17 сентября. Намъ на встрѣчу вышелъ отрядъ солдатъ съ зажженными факелами. Мы выгрузились и, построившись въ два ряда, пустились въ извѣстный потомъ адъ. Нѣмецкому „pfui“ не было конца, а „храброе австрійское воинство“ весь путь подгоняло насъ прикладами.

Въ Талергофѣ были мы размѣнены въ палаткахъ по 30 человѣкъ въ каждой.

По истеченіи мѣсяца прибыла въ Талергофъ свѣжая партія арестованныхъ изъ Старосамборскаго и Турчанскаго уѣздовъ, а среди нихъ моя жена, дочь Ярослава и второй сынъ, Левъ. Они были арестованы по доносу войта с. Вел-Лѣнины, Андрея Бучковича, и писаря-украинофила Ивана Герича; остальные мои дѣти, одно 8-ми, другое 10-ти лѣтъ, были оставлены дома на произволь судбы.

Всѣ мы переболѣли въ Талергофѣ, гдѣ младшій сынъ, Левъ, умеръ и тамъ же похороненъ.

С. Залуце, Снятинскаго уѣзда.

(Сообщеніе Залучанъ*)

Въ Талергофѣ жили мы не лучше и не хуже другихъ русскихъ галичанъ. Перенесли тотъ же голодъ и холодъ и тифъ, тѣ же солдаты и офицеры издѣвались надъ нами, и были мы свидѣтелями общаго горя и недолги нашихъ земляковъ.

Уѣзжая изъ Талергофа, мы оставили изъ нашихъ односельчанъ подѣ талергофскими „соснами“: Костика Соло-

* Начало описанія арестованія и путешествія см. Талергоф. Альм. I. вып., стр. 127-8.

* Объ арестованіяхъ и пр. см. Талергоф. Альм. I. вып. стр. 138-40.

вана, его сына Ивана, Юрія Вирстюка, Никиту Нагорняка, Прокофія Ерійчука, Николая Болетинюка, М. Гуньку, Григорія и Николая Кобевокъ.

Всѣ умерли отъ тифа.

Двумя словами слѣдовало бы вспомнить и о нашихъ предателяхъ, которые дали первый толчокъ къ арестамъ залучанъ. Жандармъ Пушкарь понесъ жестокую смерть изъ рукъ петлюровцевъ, а Димитрій Гоянъ кончилъ на висѣлицѣ.

С. Курьповъ, Станиславовскаго уѣз.

(Сообщеніе свящ. Луки Корвцага,*)

Мы прибыли въ Вѣну въ товарныхъ вагонахъ, а затѣмъ были отправлены въ пассажирскомъ поѣздѣ на станцію Herzogenburg, возлѣ St. Poelten. Послѣ сортировки молодые были помѣщены въ Walpersdorf, а старики и женщины въ Willensthal.

Двадцать пять дней ждали мы дальнейшей отправки, а въ Талергофѣ получили мы 2-го октября.

Тяжело приходилось мнѣ въ Талергофѣ съ четырьмя дѣтьми, въ лѣтней одеждѣ, безъ гроша въ карманѣ.

Трудно было дожидаться разслѣдованія дѣла и суда, ибо въ первую очередь пропускались украинofilы, по ошибкѣ заподозрѣнные въ русскости, а также тѣ, кто страха ради отрелись отъ своихъ убѣждений и вписались на македонскую листу. Меня съ дѣтьми заподозрили въ шпионствѣ, доказательствомъ сего должны были быть частыя посѣщенія дѣтьми Галича.

Послѣ разслѣдованія дѣла и доказанной невинности мнѣ предложена была конфинація, отъ которой я по скудности матеріальныхъ средствъ отказался и только послѣ взятія на военную службу старшихъ сыновей Александра и

Ярослава, я выѣхалъ съ младшимъ сыномъ и дочерью въ St. Peter am Ottensbach, гдѣ, къ моему счастью, встрѣтился съ зятемъ, Эммануиломъ Поддѣсецкимъ, настоятелемъ прихода изъ Утѣховичъ, возлѣ Перемышлянъ.

Тамъ прожилъ я съ дѣтьми, въ семьѣ зятя до осени 1917 года, а по полученіи разрѣшенія, вернулся въ Галичину.

Л. К.

С. Лядское Шлях., Толмачскаго уѣз.

(Сообщеніе свящ. о. Юсіафа Кустыновича*)

Въ Талергофѣ прибылъ я изъ Терезина 7-го мая 1915 года.

Тутъ жизнь моя переѣбилась къ лучшему, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что я очутился среди своихъ людей, подъ опекой сына и друзей. Но увы! Здоровье моего сына Юліана, подорванное непосильными лишеніями, свело его въ могилу октября 13-го дня 1915 г. Похороненъ мой сынъ „подъ соснами“, въ могилѣ №-1421. Тяжелой была наша разлука.

Въ Талергофѣ узналъ я впервые о принудительномъ введеніи Грегорианскаго календаря въ Станиславовской епархіи.

Веломню еще о другомъ сынѣ, Авросіи Юс. Кустыновичѣ, нынѣ желѣзнодорожнымъ контролерѣ въ Kitalyhaza, въ Чехословакии. Въ 1915 году былъ онъ арестованъ и посаженъ въ Teufelsturm во Вѣнѣ, какъ заподозрѣнный въ шпионствѣ. Послѣ оправданія, былъ онъ отправленъ на русскій фронтъ и тамъ вскорѣ тяжело раненъ. Затѣмъ, послѣ излеченія, побывалъ на италянскомъ фронтѣ, откуда благополучно вернулся домой.

*) Начало сообщенія см. Талергоф. Альм. I. вып. стр. 147-8.

*) Начало см. Талергоф. Альм. I. вып. стр. 152.

С. Комарники, Турчанскаго уѣзда.

(Сообщеніе Теодора Комарницкаго-Павловича*).

Путешествіе изъ Ужгорода (Унгвара) въ Талергофъ продолжалось цѣлую недѣлю.

Въ первый день получили мы на обѣдъ по одному яичку, на второй день по два яичка, а пять сутокъ ѣхали безъ пищи и воды. Въ вагонахъ ѣхали стоя, въ убійственномъ воздухѣ и смертельно изнеможеніи.

Въ Талергофъ прибыли мы ночью. Когда высѣли изъ вагоновъ, окружили насъ солдаты съ фонариками и, построивъ въ четверки, погнали въ талергофскіе бараки.

Какой-то интернированный старикъ послѣ двухъ шаговъ упалъ замертво на дорогѣ. Прискочившій солдатъ толкнулъ его ногою, приказывая встать и идти съ другими, но разглядѣвъ бездыханный, холодѣющій трупъ, выкрикивая проклятія, отступилъ отъ покойника.

Утромъ получили мы котелки, кофе и хлѣбъ, въ полдень обѣдъ, а вечеромъ кофе безъ хлѣба. Такъ жилось два съ половиной мѣсяца.

Днемъ и ночью лежали мы въ страшной грязи на стертой соломѣ. Въ баракахъ, въ которыхъ мы размѣстились, хранились раньше аэропланы.

Въ новыхъ баракахъ, куда мы были переведены уже зимой, было хуже. Вѣтеръ и дождь проникали сквозъ щели въ помѣщеніе, замораживая узниковъ, одѣтыхъ по большей части въ лѣтнюю одежду. Въ баракахъ развелось такое множество насѣкомыхъ, что лагерь былъ похожъ на большой муравейникъ. Одного больного нашли однажды подъ утро мертвымъ. Его обѣли вши сплошною массою, даже ротъ былъ полонъ насѣкомыхъ.

Массовыя заболѣванія тифомъ уно-

Талергофецъ, о. Василій Стрѣльцевъ, настоятель прихода въ с. Вербовцѣ, у. Теребовля, род. въ 1877 г., рукопол. въ 1904 г.

сили ежедневно по нѣсколько десятковъ жертвъ, которая отвозились интернированными на кладбище „подъ соснами“.

Начиная съ марта мѣсяца, ухудшилась пища, за то санитарныя условія перемѣнились къ лучшему. Были получены бѣлье и верхняя одежда. Одежда отдавалась еженедѣльно къ дезинфекціи и мы сами купались въ банѣ. Каждую недѣлю замѣтно уменьшалось количество паразитовъ, а тѣмъ самымъ и узники чувствовали себя лучше. Подъ конецъ выдавался хлѣбъ съ отрубями. Такъ прожили мы въ нуждѣ до конца августа.

Въ августѣ былъ я отправленъ въ Гминдъ. Изъ Гминда однихъ пускали на свободу, другихъ выслали обратно въ Талергофъ.

Я прожилъ въ Гминдѣ еще три съ половиной мѣсяца, а затѣмъ благополучно вернулся домой.

Ө. К

* Начало сообщенія, именно съ арестованія и путешествія въ Унгваръ см. Талергоф. Альм. I. вып., стор. 154-5.

I. ..... Verchluss

E. O. A. 5826

An
die k. k. Statthalterei
in

Wien, am 9. November 1914.

.....

Aus verschiedenen Klagen und Beschwerden, namentlich aus Eingaben des Präsidiums des Ruthenenklubs ist zu schließen, daß sich unter den aus Anlaß der militärischen Operationen in Galizien und in der Bukowina wegen politischer Bedenklichkeit in Gewehrweg genommen und nach dem Hinterlande zur Internierung gebrachten Personen („Russophile“) — da bei der Dringlichkeit der Maßnahmen weitgehende Erhebungen gewöhnlich nicht durchführbar wären — auch solche befinden, die nur infolge Mißverständnisse oder falscher Deuminationen mitbetroffen wurden.

Um nun die leistungswürdigen Personen aus den Internierungsorten herauszuheben, ist die sofortige Einleitung einer entsprechenden Aktion notwendig.

Dermalen befinden sich — soweit h. o. bekannt — internierte „Russophile“

II.

5.) eventuelle weitere Erhebungen, namentlich dann, wenn es sich um Personen handelt, die nicht ausgesprochene Anhänger der ukrainischen Partei sind, daher in den vorerwähnten Listen nicht vorkommen

Wenn die sub 2, 3 und 4 erwähnten Voraussetzungen nicht zutreffen, und wenn auch keine begründete Zweifel vorliegen, so wird der Nachweis der Nichtangehörigkeit zur russophilen Partei dann als erbracht anzusehen sein, wenn der betreffende Internierte in den erwähnten Listen des Präsidiums der ukrainischen Partei angeführt ist.

Aber auch bezüglich der übrigen nicht in diesen Listen ange-

III.

Zugleich werden der k. k. Statthalterei die von Präsidium des Ruthenenklubs h. o. vorgelegten Listen der internierten ukrainischen Parteimitglieder, für deren politische Verlässlichkeit das genannte Präsidium die volle Garantie übernimmt, zur weiteren Veranlassung vorgelegt.

Ergibt an die k. k. Statthalterei in Graz, abschriftlich zur Kenntnisnahme an die Statthalterei in Wien, Linn und Biele, an die Landesregierung in Borna Waurs, an die Bezirkshauptmannschaften in Leitmeritz, Kufstein und Schwaz, an das k. k. Gericht des Militärbezirks in Bukares, an die k. k. Landesobergerichte, Expositur Igla, in Hermannstadt und Boerstersee, an die Militärkommanden in Graz, Leitmeritz, Bukares, Posenomy 2 und Krakau, an das k. k. Ministerium des Innern, an das k. k. Ministerium für Landesverteidigung, an das k. k. Ministerpräsidentium und an den kgl. ung. Minister des Innern.

S c h l e s s e r m. p. Falt.

Präsidium der k. k. österreich. Statthalterei
eingelangt am 10. November 1914, Nr. 2616/77

Подлинникъ и форма рас- поряженія.

Снимки документа, помъ-
щенного на стр. 134—137
сего выпуска.

Означенное распоряже-
ние военно-охраннаго вѣ-
домства написано приня-
тымъ тогдашнимъ (1914
года) австрийскимъ канце-
лярскимъ машиннымъ пись-
момъ на обыкновенной,
вдвое сложенной бѣлой пи-
счей бумагѣ, въ размѣрѣ
34×21 см., т. е. на 1½ лл.
Текстъ написанъ на 1—5
(пагин.) страницахъ, послѣ-
дняя (6-ая) пуста.

Повидимому, это одинъ
изъ экземпляровъ, тогда
строго секретно разослан-
ныхъ имп. и кор. военно-
охраннымъ вѣдомствомъ
всѣмъ подданнымъ и въ
концѣ текста означеннымъ
властямъ.

Въ значительно умень-
шенномъ видѣ тутъ помѣ-
щено клише съ 3 части
документа, именно: про-
тивъ I. начало его (1-ая
стр), закон. сл..... „Russophi-
le“; противъ II. съ 3-ей
стр. 5. пунктъ инструкторн
комисси и законч. сл.....
nicht in diesen Listen an-
ge;— и противъ III концъ
текста со словъ: zugleich
werden... до конца.

Одинъ изъ священниковъ, неволенныхъ въ Талергофскомъ лагерѣ къ непосильной физической работѣ.

(Душпастьрь-просвѣтитель о. Теофиль Соневицкій).

Свящ. о. Теофиль Ив. Соневицкій, настоятель прихода въ Тудоровѣ, уѣздъ Копычинцы. (Снимокъ сдѣланъ въ 1915 году въ Вѣнѣ, послѣ освобожденія изъ Талергофа).

о. Теофиль Ив. Соневицкій, с. Тудоровъ, у. Копычинцы.

Родился 10-го августа 1857 г. въ селѣ Пасъчной, возлѣ Станиславова.

Происходя изъ извѣстной русской и патриотической священнической семьи Соневицкихъ, образованный и воспитанный въ русскомъ духѣ, долгое время до войны трудился успѣшно какъ просвѣтитель и воспитатель прежде всего и особенно своихъ прихожанъ въ селахъ Станиславской епархіи.

Арестованъ былъ австр. жандармами на приходствѣ 21-ю августа 1914 г., по доносу мѣстнаго „украинца“ Ивана Ганчарика, перевезенъ въ Станиславовъ и посаженъ тамъ подъ арестъ въ гарнизонномъ арестномъ домѣ, въ которомъ просидѣлъ 10 дней.

Страшнѣйшими и описнѣйшими особенно были переходы арестованныхъ партіями, подъ конвоемъ, въ тюрьму и изъ тюрьмы на железнодорожную станцію, ибо одичалая толпа бросалась на арестованныхъ, метала въ нихъ камнями и чѣмъ попало, все порываясь всѣхъ ихъ убить, а железнодорожники, какъ послѣдніе уличники, крича, ругали ихъ всевозможными непечатными прозвищами и бранью.

Вмѣстѣ съ другими узниками былъ вывезенъ 1-го сентября 1914 г. въ Талергофъ. Первые 4 сутокъ пробылъ тамъ подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ, переноса днемъ жару, ночью холодъ, жажду и голодь и сплошныя надругательства и насильства стражи. Потомъ былъ помѣщенъ въ пустомъ, т. е. лишенномъ какой бы то ни было домашней утвари, гангарѣ, въ которомъ находился до конца октября, сидя или лежа на истертой и протухлой соломѣ.

Затѣмъ о. Ѳ. Соневицкій очутился въ почти такомъ же пустомъ IV баракѣ и оставался въ немъ уже долго, заставленный исполнять ежедневно тяжелую и непосильную физическую работу: носить въ кухню мѣшки съ картошкой, вѣсомъ въ 50 килогр. и больше и др. съѣстные припасы, набирать изъ глубокаго колодезя и носить воду, возить въ тачкахъ камни и т. п. Лагерная стража обращалась съ нимъ грубо и немилосердно. Однажды солдатъ-нѣмецъ ударилъ его сильно прикладомъ

штыва и отъ этого удара старикъ-священникъ долго не могъ оправиться.

Только въ концѣ февраля 1915 г. былъ освобожденъ изъ Талергофа и 1 марта перѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и жилъ дальше подъ полицейскимъ надзоромъ.

Послѣ войны вернулся на своей при-

ходъ въ Тудоровъ гдѣ душпастврству-еть и нынѣ.

(Объ арестованіи его старшаго брата, также священника, настоятеля прихода въ Скоповкѣ, толмачскаго уѣзда, см. Талергофскій Альманахъ I. выпускъ, стр. 151).

Изъ дневника свящ. д-ра о. Тита Мышковскаго,

профессора львовск. университета, имѣ писаннаго со дня его арестованія.*)

Луги, 10. февраля (ст. ст.) 1915, вторникъ.

Въ полдень снова прѣхалъ сводъ гусаръ, въ видѣ патруля, и многие изъ нихъ ночевали, грѣлись и нагрѣвали консервы въ нашей комнатѣ. То же приподнятое настроеніе духа по причинѣ

*) Военная разруха застала о. д-ра Мышковскаго въ горахъ долинскаго повета, въ деревнѣ Луги, гдѣ онъ пребывалъ на каникулахъ. Тамъ прожилъ онъ безъ особенныхъ потрясеній періодъ съ начала австрійскаго, а затѣмъ и русскаго владѣній. Но когда австрійцы снова заняли эту мѣстность 8. (21.) февраля 1915 г., сейчасъ, въ тотъ же день арестовали его, и наконецъ послѣ 20-дневнаго походнаго ареста конфинировали его, съ начала въ Ягрии (Eger, Erlau) на Угорщинѣ, а затѣмъ въ селѣ Файстену въ горахъ Сальцбурга. По рекламации львовскаго университета вѣнское центральное вѣдомство по военному порядку (Kriegsüberwachungsamt) въ мартѣ 1916 г. отменило его конфинацию и разрѣшило ему возвратиться во Львовъ, къ большому недоумѣнію и смущенію т. яв. украинцевъ.

Тогда для полученія разрѣшенія возвратиться въ Галичину нужно было прежде всего получить отъ министерства внутреннихъ дѣлъ свидѣтельство о благонадежности (Loyalitätszeugniss), а таковое жителямъ русской народности министерство давало только съ согласія и по порученію «Украинской Народной Рады», шатавшейся тогда въ Вѣнѣ. Но въ семь случаевъ центральныя власти какъ-то о.

удачъ австрійскихъ войскъ. Одинъ глупивый капралъ разсказывалъ, между прочимъ, какъ коло Перегинска отличились храбростію особенно боснійцы, а также венгерскіе кроаты, что боснійцы

д-ру Мышковскому дали разрѣшеніе на возвращеніе въ Галичину не только безъ согласія, но даже безъ вѣдома «украинцевъ». Не мало они были озадачены, увидѣвъ его въ Свѣтлое Воскресеніе въ церкви св. Варвары въ Вѣнѣ, гдѣ онъ прѣздомъ задержался на Пасху. Сейчасъ послали на него въ гостиницу полицейскую ревизію, чтобы провѣрить, есть-ли у него въ порядкѣ его личныя грамоты, по предписаніямъ военнаго положенія, а затѣмъ предполагалось недопустить его во Львовъ къ занятію своей должности въ университетѣ. Дѣйствіе готовили устроить «сизу». Слушатели - студенты богословія должны были «не принять» его въ университетъ. Только рѣшительное заявленіе директора полиціи, Райнлендера, что на военномъ положеніи безусловно недопустимы никакія публичныя буйства, и что всякая демонстрація, устроенная въ университетѣ студентами-богословами, сейчасъ повлекла бы за собою лишеніе демонстрантовъ льготъ духовнаго положенія (Klerikalverband), и что они безотлагательно были бы привлечены къ военной службѣ и отправлены на фронтъ, — удержало завазавшихся. Проф. д-ръ Мышковскій не встрѣтилъ въ университетѣ никакихъ препятствій.

отлично храбрый и бойкий народъ, но притомъ и заѣлый: когда однажды были взяты въ полонъ около 300 человекъ русскихъ, боснійцы хотѣли всѣхъ переколотъ, и перекололи бы, если бы имъ не было запрещено.

Другой разъ вели плѣнныхъ, около 20 человекъ, и встрѣтились съ боснійцами. Боснійцы, чѣмъ кто могъ, ударили плѣнныхъ и каждому изъ нихъ досталось порядочно. Когда босіецъ идетъ на штыки, а если проколетъ неприятеля, то сейчасъ заѣло и распоротъ его штыкомъ, помянуть известною славянскою грубо неприличною фразою его „русскую майку“ (мать). Какъ жутко было слышать такія вещи! О, дѣти Славы, дѣти Славы, — думалъ я, — подлые Sklav-ы, что будешь о васъ говорить исторія, особенно славянская!

Тотъ же капралъ рассказывалъ, что осенью ихъ полкъ былъ въ окрестности Турки, что тамъ по сторонѣ нашихъ людей оказалось много измѣны, отъ которой много страдали австрійскія войска, вслѣдствіе чего пришлось весьма многихъ (riesig viele) перевѣшать. Въ особенности рассказывалъ о какомъ-то мельникѣ, который вечеромъ зажегъ лампу въ верхней части своего дома и тѣмъ же далъ знакъ неприятелю, который сейчасъ и началъ палбу въ ту сторону. Мельникъ — говорилъ онъ — съ приторнымъ страхомъ прибѣжалъ къ нашимъ войскамъ, крича, что стрѣляетъ неприятель на его мельницу; но наши познакомились на его предательской затѣѣ, и уже на слѣдующій день утромъ онъ былъ повѣшенъ.

Много досадовалъ онъ (капралъ) на италіанцевъ (тогда еще не было войны съ Италіей). Утверждалъ, что какъ только окончится эта война, австрійцы тотчасъ справятся съ Италіей.

Мармарошъ-Сигетъ, 21. февраль (в. марта) 1915, суббота.

Въ арестѣ пограничной стражи.

Намъ сказали, что обратились въ министерство съ запросомъ, куда насъ отправить, и мы должны ждагъ до получения отвѣта.

Около полудня пришелъ къ нашему фельдвѣблю тотъ детективъ, который днемъ раньше осматривалъ мой молитвословъ, а оттуда зашелъ ко мнѣ. Рассказывалъ мнѣ, какъ много у насъ оказалось измѣнниковъ, священниковъ, адвокатовъ, судейскихъ чиновниковъ, что многихъ пришлось казнить, что въ одной деревнѣ недалеко (названія не помню) повѣсили священника, начальника громады и писаря его *) (сколько я понималъ, откуда-то изъ Галичины), что черезъ Мармарошъ-Сигетъ вели одного священника, скованнаго вмѣстѣ съ ламариною.

Въ Керешъ-Мезе — говорилъ — повѣсили мы пятерыхъ. Рассказывалъ, что одинъ Геровскій теперь состоитъ управителемъ Галичины, а другой состоитъ полномочникомъ при генералѣ. На его вопросъ, какъ вели себя казаки въ Галичинѣ, я отвѣтилъ, что такъ, какъ всегда, что были они и въ Мармарошъ-Сигетѣ, и навѣрно онъ ихъ видѣлъ. На это онъ сказалъ, что тогда его не было въ Мармарошъ-Сигетѣ, ибо русскіе наложили на его голову 20.000 кор. такъ какъ это онъ далъ починъ къ процессу Геровскихъ. Пришло мнѣ на умъ, не Дулишковичъ ли это (известный изъ процесса Бендасюка и тов. во Львовѣ), однако его интеллигенція не показывала этого, ни его наружность. Дулишковичъ былъ красивъ и щеголь, какъ я слышалъ отъ видѣвшихъ его во Львовѣ.

Свѣд. д-ра Т. Мишковскій

Примѣчанія:

Къ стр. 57 I. тома Талергоф. Альманаха.

Между дѣлами жолковского уѣзда читаемъ тамъ, что въ с. Липовицъ жандармъ застрѣлилъ крестьянина. Это случилось въ 1914 г. въ с. Липовицъ доли-

*) Пок. о. Корнилій Гумецкій, парохъ Спаса, Долинскаго повета, читавшій дневникъ о. д-ра Мышковскаго, прислалъ тушь на полѣ листа: Я видѣлъ фотографію этихъ трехъ лицъ въ Пильванѣ, у реципиента финансовъ.

скаго уѣзда, а не жолковскаго. Убитый крестьянинъ назывался Степанъ Сеневъ, жандармъ называется Григорій Лашекъ и живетъ какъ пенсіонистъ въ Долинѣ.

Къ стр. 141 II. тома Талергоф. Альманаха.
Внизу вмѣсто с. Петрова Воля должно быть: с. Петруша Воля.

о. Т. М.

Изъ записокъ о. Александра Гелитовича, настоятеля прихода г. Косова*)

Предлежащей запискѣ о Талергофѣ не лишнимъ будетъ, быть можетъ, предпослать краткую замѣтку о моихъ переживаніяхъ и положеніи до арестованія меня въ началѣ войны въ 1914 г.

Въ 1894 г. сталъ я настоятелемъ прихода въ г. Косовѣ (на Покутьѣ), гдѣ и засталъ еще въ 80-ые годы радикалами посѣянный и сильные корни уже впутившей бурьянъ безбожія, особенно въ средѣ мѣщанствѣ.

Пришлось съ этимъ зломъ энергично бороться и, конечно, подвергаться злостнымъ и оскорбительнымъ нападкамъ со стороны агитаторовъ-радикаловъ. На почвѣ этой борьбы въ мѣщанствѣ возникли два враждебныхъ другъ другу стана: одинъ продолжавшій стоять за церковь, Русь, завѣты предковъ и историческія традиции, другой — за безбожіе, „украину безъ хлѣба, попа и пана“, безсовѣстную демагогію и игру на низменныхъ инстинктахъ. Первый сосредоточивался съ 900-хъ гг. въ основанныхъ мною и адвокатомъ бл. п. д-ромъ Романомъ Юліанъ Алексевичемъ русскихъ организаціяхъ: читальнѣ О-ва им. М. Качковскаго и кредитнѣ О-вѣ, другой — въ мѣстномъ „Народномъ Домѣ“ и „Бесидѣ“.

Корыстолюбивые и слабохарактерные мѣщане поддались радикально-самостійнической агитаціи и желали выжить изъ города и священника и адвоката. Замѣчательно при этомъ и то, что, несмотря на свое серьезное обезпокоеніе наступательнымъ разлагательнымъ радикальнымъ движеніемъ, австрійскія административная власти все же предпочли стать на его сторону противъ русскаго, лояльнаго и мирно-консерва-

тивнаго, столь силенъ былъ животный испугъ передъ Русью въ предсмертной часѣ у обреченной уже тогда на гибель Австро-Венгрии. Видно это было, между прочимъ, и изъ позиціи, занятой жандармскимъ комендантомъ В. Тк., съ момента занятія имъ своего поста въ Косовѣ за 2—3 года до войны. Этотъ дѣйствительно неожиданный новый партизанъ „украинскаго“ радикализма, въ своей фанатической ненависти къ русскимъ и въ борьбѣ съ ними, нисколько не стѣснялся ни своими жандармскимъ мундиромъ, ни требованіями такта или простаго приличія. Приблизительно за годъ до войны, по всѣмъ воскресеньямъ и праздникамъ, онъ, вмѣстѣ съ семейю, ходилъ въ русскую церковь, по тогдашнему нахальному обычаю входилъ въ алтарь, садился тамъ на стулъ и не спускалъ глазъ съ совершающаго богослуженіе священника, неморгающимъ василисковымъ слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, словомъ, шагомъ и жестомъ, а когда священникъ, стоя въ царскихъ вратахъ, произносилъ проповѣдь, онъ, жандармъ, поднимался со стула, ставалъ тутъ-же за царскими вратами, возлѣ священника, чтобы не пропустить незамѣченнымъ ни одного сказаннаго въ ней словечка, чтобы все слышать, удержатъ въ памяти и донести начальству!

*) Свящ. о. Александръ Гелитовичъ (см. портретъ на стр. 71 сего выпуска), заслуженный галицко-русскій народный дѣятель, дѣятельный членъ многихъ галицко-рус. О-въ и организацій и ревностный организаторъ Коломышынны и Косовшынны, родился въ 1852 г., рукоположенъ въ іереи въ 1876 г.

Когда же въ июлѣ 1914 г. была объявлена мобилизація и пошли одновременно массовыя арестованія русскихъ, этотъ жандармскій комендантъ хвастливо увѣрялъ своихъ единомышленниковъ-радикаловъ: „Ажъ теперь попа побудетесь. Долго я слушалъ его наставленія, иногда и подчасъ длившіяся, а теперь я ему скажу всего только три слова: православіе, царствлевіе и москалефильство, и — будетъ по немъ“.

И когда затѣмъ въ августѣ почти всѣ въ косовскомъ уѣздѣ русскіе были арестованы, въ ихъ числѣ и сыновья и зять священника, этотъ комендантъ обратился къ старостѣ уѣзда съ просьбой о разрѣшеніи арестовать и священника. Но староста г. Вичковскій, знавшій ближе священника, не нашелъ возможнымъ и не видѣлъ никакой причины для арестованія и разрѣшенія на него не далъ. Въ концѣ августа, однако, комендантъ выступилъ со своимъ наглымъ домогательствомъ снова и закончилъ такой угрозою: *Jeśli pan starosta nie każe księdza aresztować, to ja go aresztuję na swoją odpowiedzialność, a pana starostę przedstawię przed komendą jako obrońcę moskalofila*. (Если вы, г. староста, не прикажете священника арестовать, то я арестую его на мою отвѣтственность, а васъ представлю командѣ, какъ защитника москвофила). Староста сдался, согласился и — я былъ арестованъ.

Но староста не скрывалъ того, что никакой вины за мной нѣтъ, что арестованъ я безпричинно, и что въ этомъ противозаконномъ актѣ онъ уступилъ подъ давленіемъ и угрозой коменданта. Вышедши изъ канцеляріи староста и встрѣтивъ меня, староста пригласилъ меня къ себѣ и сказалъ:

— *Niech ksiądz będzie gotów, bo będzie aresztowany, na naleganie komendanta żandarmerji, który mi powiedział... (какъ выше) i zagroził... a podziękować za to ma ksiądz swoim ludziom, ukraińskim radykałom, którzy przez tego komendanta nieustannie się tego domagali (Приготовьтесь, батюшка, ибо будете арестованы по настоянію жандармскаго коменданта, который сказалъ мнѣ... и при-*

грозилъ... а поблагодарите за это, батюшка, такі своихъ людей (прихожанъ), украинскіхъ радикаловъ, которые чрезъ этого коменданта безостановочно этого добивались).

Арестованъ былъ я 1-го сентября, раннимъ утромъ. По распоряженію старосты извожикъ заѣхалъ передъ мой домъ въ 4 ч. утра. Одинъ старшій, корректный жандармъ разбудилъ меня, велѣлъ мнѣ одѣться и сейчасъ же садиться съ нимъ на извожика, чтобы выѣхать изъ Косова, пока еще люди спятъ, и такимъ образомъ не дать оудачой черни случая и возможности проявить свои хулиганскія выходки. Я былъ доставленъ въ тюрьму въ Коломыѣ, гдѣ засталъ уже арестованными оченъ много русскихъ людей изъ всего округа. Нѣскольکو дней спустя мы были вывезены въ Угорщину, въ Шатмаръ-Немети, позже въ Мискольць, въ военную тюрьму, а въ первые дни ноября въ Талергофъ.

Въ талергофскомъ лагерѣ особенно зимой съ 1914 на 1915 г., наша жизнь была до послѣдней крайности невыносима и опасна.

Однажды вечеромъ шель я спокойно по серединѣ дороги между нашими бараками. Расхаживавшій тамъ, до зубовъ вооруженный постовой солдатъ вдругъ крикнулъ: стой! — и въ тотъ же моментъ съ протянутымъ штыкомъ бросился на меня, намѣриваясь проколотъ меня. Я инстинктивно отскочилъ въ сторону и только благодаря этому прыжку спасъ себя отъ изувѣченія или отъ смерти — солдатъ штыкомъ не досталъ меня.

Случай этотъ наглядно показавшій, какъ ни во что ставится лагерной стражей человѣческая жизнь узниковъ, особенно глубоко и на всю жизнь вѣззался мнѣ въ память.

Не менѣе разительнымъ и незабвеннымъ воспоминаніемъ на всегда въ моей жизни осталось жестокое наказаніе въ Талергофѣ нашихъ студентовъ (ок. 50 чел.) за то, что при рекрутскомъ наборѣ, лѣтомъ 1915 г., на вопросъ комисси, какой они національности, отвѣтили правдиво, что русской — *Russe*

или russische Nationalität. По наущению офицера-мазепинца Чировского, лагерной власти наказали всех этих студентов истязанием т. наз. anbinden, т. е. подвешиванием на столбу до обморочного состояния. В числе так там наказанных был и мой сын Ярослав, тогда уже адвокатский кандидат. Не могу передать, что я пережила тогда... После отбытия этого наказания он вместе с другими галицко-русскими студентами был включен в так зов. Strafkompagnie (караемую компанию) и отправлен на итальянский фронт. Раненый там во время боя шрапнелью, он скончался от ран в военном госпитале 10-го марта 1916 г.

Посылавшись из лагеря наших студентов, тот же Чировский принялся освобождать старшевозрастных узников — за взятки. Говорил им, что от него зависит освобождение из Талергофа и переведение их на положение конфинированных, но каждый желавший добиться этого, должен дать ему, Чировскому, не меньше 50—100 крон и выше. Потребовал высшей платы и от меня, но, когда я ему ска-

зал, что у меня больше нет, потороговавшись немного, удовлетворился и суммой 50 крон. Я ему ее уплатил и в результате перешел на положение конфинированного и в качестве такового поселился в м. Пассайль за Грацем (в Стырии).

Там пребывал я круглый год и затѣм вернулся в Косовъ, на свой приходъ.

Въ Косовѣ за время войны многое измѣнилось. Также измѣнилось, и къ лучшему, отношеніе прихожанъ ко мнѣ. Многие изъ нихъ, бывшихъ солдатъ австрійской арміи, попали въ плѣнъ въ Россію, жили въ ней и поѣздили продолжительное время, ознакомились ближе съ жизнью, бытомъ, обычаями русскаго народа, въ результатѣ этого ознакомленія измѣнили свои прежніе руссофдныя взгляды и убѣжденія и вернулись на родину другими, болѣе культурными людьми. Немало нашлось между ними и такихъ, которые не только навсегда разстались съ „украинскимъ“ радикализмомъ, но и стали убѣжденными, искренними русскими патриотами.

Свѣд. Александра Гельтовича.

Сообщеніе чуть ли не похороненнаго живымъ.

Талерговецъ, крестьянинъ Иванъ Михайловичъ Боднаръ изъ с. Ольшаницы, Толмачскаго у., изъ своихъ воспоминаній о Талергофѣ*) сообщаетъ слѣдующее:

Недостатокъ пропитанія и невозможная санитарная условія были причиною почти поголовнаго заболѣванія тифомъ интернированныхъ талергофцевъ.

Австрійскія власти злонамѣренно предоставили насъ въ Талергофѣ самимъ себѣ, позаботившись единственно объ

окруженіи сильной охраной внѣшнихъ загражденій Талергофскаго лагеря. Десятки ежедневныхъ смертныхъ случаевъ были обычнымъ явленіемъ въ лагерѣ.

И я заболѣлъ тифомъ. Теченія своей болѣзни я не помню, а изъ разсказовъ знакомыхъ я узналъ, что я былъ уже положенъ могильщиками въ гробъ для отправки на кладбище, и только слѣпой случай спасъ меня отъ погребенія за живо. Могильщикамъ хотѣлось воспользоваться моею жилеткой. Снимая съ меня такуюю, одинъ изъ могильщиковъ сильно рванулъ жилеткою и отъ толчка я пробудился отъ омертвенія и открылъ одинъ глазъ. Счастье хотѣло, что возлѣ

*) Его сообщеніе объ арестованіи его и др. изъ Толмачины см. „Талергофскій Альманахъ“, II. вып., стр. 30.

гроба стояли мои знакомые; увидѣвъ, что я еще живъ, знакомые подняли крикъ, а сконфуженные могильщики не замедлили отнести меня въ жилеткѣ обратно

въ лагерь, воспользовавшись только нѣсколькими сотнями коронъ, припрятанными въ карманѣ жилетки.

Крестъ, Иванъ Мих. Боднаръ.

Краткая записка б. приговореннаго къ смертной казни.

Въ виду того, что полученныхъ отъ Луки Константиновича Старицкаго*) подробныхъ записокъ использовать уже для этого выпуска не удалось, приходится ограничиться покаместъ помѣщеніемъ его слѣдующей краткой записки:

Вспоминая незабываемый Талергофъ, не стану описывать ни тѣхъ лишений, которыя пришлось претерпѣть въ продолженіи долгихъ дней моего заключенія, ни надругательствъ уличной толпы и власть имущихъ надъ беззащитными. Вкратцѣ только упомяну имена тѣхъ товарищей недоли, съ которыми вмѣстѣ страдалъ. Я ободрялъ себя тѣмъ, что наше несчастье будетъ искуплено радостью оставшихся дома родныхъ, радостью освобожденія русскаго Прикарпатья уже наступавшей арміею Державной Руси.

Въ послѣднихъ дняхъ августа отправлены были мы изъ Львовской тюрьмы въ Талергофъ, но уже черезъ десять дней перевели меня съ партией въ 200 человекъ въ военную тюрьму въ Градцъ. Послѣ 5-тимѣсячнаго заключенія оставили меня въ Вѣну, гдѣ уже сидѣли г.г. Марковъ, Буликъ, Черлюнчакевичъ, Куриловичъ, свящ. Винницкій. Поименованныя лица сидѣли въ такъ зв. дьявольской башнѣ, гдѣ и я былъ помѣ-

щенъ, какъ разбойникъ, въ темной и холодной камерѣ. Здѣсь провель я другихъ пять мѣсяцевъ.

Въ первыхъ числахъ іюля 1915 г. перевели меня въ общую камеру, между воровъ и дезертировъ, гдѣ просидѣлъ круглый годъ, а послѣ, по настойчивой просьбѣ земляковъ, перешель съ разрѣшенія начальства, по полученіи обвинительнаго акта, въ общую камеру во второмъ этажѣ.

Здѣсь встрѣтился я съ д-ромъ Буликомъ, Цуркановичемъ, священниками Богатырцемъ, Мащаконъ, Станчакомъ, Раствецкимъ, Дуркотомъ, Гнатишакомъ, Сеникомъ, Винницкимъ и г. г. Мохначкимъ, Трохановскимъ, Громосякомъ, Миляничемъ, Вислоцкимъ, Андрейкомъ, д-рами Гасаемъ, Сѣкаломъ, Цюкомъ, свящ. о. о. Прислопскимъ и Гадиюкомъ.

Разбирательство наше началось 4. сентября 1916 г. и длилось до 3. февраля 1917 г., а закончилось моднымъ тогда приговоромъ къ смертной казни 17-ти человекъ.

Послѣдовавшая вскорѣ послѣ приговора амнистія освободила насъ отъ страшнаго, незаслуженнаго наказанія, и мы были отправлены на итальянскій фронтъ защищать австрійскихъ палачей.

Послѣ полуторальтнаго пребыванія на фронтѣ я вернулся счастливо къ своей семьѣ, въ Знесень, возлѣ Львова.

Л. К. Старицкій.

*) Объ арестованіи его и др. изъ Знесеня возлѣ Львова см. Талергофскій Альманахъ, вып. I, стр. 85—86.

Свидѣтельство одного изъ священниковъ, сравнительно рано освобожденныхъ.

(Сообщеніе о. Феодора Мерены изъ с. Рѣлника, Кроснянскаго уѣздъ*).

Мы приѣхали въ Вѣну вечеромъ 26 сентября 1914 г.*)

Персоналъ питательнаго пункта Краснаго Креста на вокзалѣ встрѣтилъ насъ горячимъ чаемъ и кофе въ предположеніи, что нашъ эшелонъ прибылъ съ фронта. Но послѣ краткой размѣшки, узнавъ отъ вагоновожатыхъ и конвоя, кто мы такіе, отказалъ намъ затѣмъ даже въ холодной водѣ. Поѣздъ нашъ былъ оцѣпленъ войскомъ, занавѣси на окнахъ были спущены и намъ строжайше приказано не выглядывать изъ вагоновъ, такъ какъ: „Wer nur wagt hinauszu schauen, wird auf der Stelle erschossen werden“ (кто только осмѣлится выглянуть, будетъ застрѣленъ на мѣстѣ).

Въ такомъ положеніи находились мы, безъ пищи и воды, въ теченіи 22 часовъ и только 27 сентября, въ 5 час. полудни, нашъ поѣздъ двинулся дальше, а 28 сентября, въ 7 часовъ утра, мы очутились въ Талергофѣ.

По пути изъ Кросна, въ Галичинѣ, и до Талергофа, въ Штирии, встрѣчавшее насъ населеніе было къ намъ враждебно настроено. Только въ Силезіи и Моравіи населеніе охотно продавало намъ съѣстные продукты. Крестьяне, какъ болѣе практичныя, съумѣли припрятать часть своихъ денегъ во время арестованія, потому и сейчасъ могли воспользоваться продаваемымъ продовольствіемъ, интеллигенція же, вполнѣ довольная тюремной администраціи, сдала всѣ свои наличныя таковой на храненіе и въ результатъ осталась безъ гроша въ карманѣ и, конечно, потеряла возможность запастись пищею по пути слѣдованія.

*) Сообщеніе автора объ арестованіи его и др. въ кроснянскомъ уѣздѣ см. Талергоф. Альм. вып. I, стр. 37—38.

Въ Талергофѣ были мы размѣщены по большимъ ангарамъ. Казенная пища, въ началѣ весьма непривлекательная и въ недостаточномъ количествѣ, пополнялась нами позже покупками на собственный счетъ. Именно деньги, отобранныя у насъ въ моментъ арестованія, были намъ тутъ возвращены.

На другой день послѣ приѣзда въ Талергофъ скончался въ соседнемъ отдѣленіи за стѣною благочинный о. Кушнѣръ. Онъ былъ первымъ, котораго хоронили въ деревянномъ гробѣ, сколоченномъ на скорую руку изъ тонкихъ досокъ.

На тяжелыя физическія работы наряджались въ первую очередь священники. Конвойные узнавали ихъ по бритымъ бородамъ, потому каждый изъ насъ для предохраненія отращивалъ усы и бороду.

Свѣжіе эшелоны прибывали въ Талергофъ почти ежедневно. Нашъ транспортъ нашлся уже въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Къ моменту его прибытія была уже построена часть бараковъ; прибывавшіе раньше нашего были принуждены по нѣскольку сутокъ ночевать на дворѣ въ слякоти и холодѣ, не смѣя переступить обставленную штыками границу.

Изъ ангаровъ были мы переведены въ палатки, а послѣ дезинфекціи, въ новые бараки. Тутъ было просторнѣе, удобнѣе, хотя морозъ доходилъ порой до 28 градусовъ. Бараки были длиной въ 50, а шириной въ 12 метровъ, а помѣщалось въ нихъ по двѣ съ половиной сотни жильцовъ. Во время перемѣны температуры вода лилась изъ потолка на наши головы, въ результатъ чего весь баракъ покрывался плѣсенью, а подстилочная солома совершенно прогнила. Были случаи, что во время морозовъ

волосы интернированных примерзали к стѣнѣ. Подобныя происшествія случались съ г-жей Дьяковой и священникомъ Федьевымъ изъ Мшанца. Въ цѣломъ Талергофѣ не было въ баракахъ для интернированныхъ ни одного стула, ни одной скамейки.

Интернированные были совершенно изолированы отъ внѣшняго міра. Г-жѣ Прислопской, нарочно прѣхавшей изъ Галичины, не было разрѣшено повидаться съ отцомъ, г-жѣ Шандровской не разрѣшено принять участіе въ похоронахъ мужа. Письма изъ лагеря не высылались, присылаемые въ лагерь не доручались. Мое заказное письмо, сданное въ лагерномъ почтовомъ отдѣленіи, было мною обратно получено по истеченіи 7 недѣль съ примѣчаніемъ: wegen Kriegslage unbestellbar, zurueck. (По обстоятельствамъ военного времени не доставимо — обратно).

Въ Талергофѣ находились люди разныхъ сословій и возрастовъ. Были тамъ священники, пралаты, адвокаты, судьи, доктора, преподаватели, частные и государственные чиновники, учителя, крестьяне, мѣщане, псаломщики, писатели, студенты, актеры, военные судьи, военные священники — всѣ русскіе галичане, за исключеніемъ незначительнаго процента румынъ, цыганъ, евреевъ, поляковъ, мазинцевъ и 3 блудницъ изъ Перемишля. Не было польскихъ ксендзовъ. Впрочемъ уже 10 декабря явился одинъ въ Талергофъ; это былъ російско-подданный графъ, ксендзъ Замойскій.

По возрасту Талергофская публика была также весьма разнообразна, начиная почти столѣтними стариками (пралатъ Дольницкій 94 л.) и кончая грудными младенцами.

Въ отхожіе мѣста интернированные сопровождался конвоемъ. Не было

тутъ различія между мужчинами и женщинами. Естественныя потребности управлялись по командѣ, а не успѣвавшихъ справляться прокалывали штычками. Такимъ образомъ были заколоты 2 человекъ, а 17 ранены, между ними одинъ адвокатъ. Интернированные украинифилы находились подъ опекой адвоката Ганкевича, зятя извѣстнаго добреннаго австрійскаго правительства, Костя Левицаго. И дѣйствительно скоро они были освобождены и оставили лагерь.

Не предвидя конца страданіямъ, нѣсколько человекъ изъ нашей среды рѣшили подать прошеніе папскому нунцію въ Вѣнѣ и имп. Францу Іосифу о нашемъ положеніи и объ ускореніи разсмотрѣнія дѣла талергофцевъ. Отъ папскаго нунція не послѣдовало никакихъ надеждъ относительно нашего освобожденія. Тамъ были заняты въ то время (пишу на основаніи тогдашнихъ слуховъ) пропажей важныхъ римскихъ документовъ по установленію въ г. Луцкѣ униатскаго епископства.

Бумага посланная нами въ надворную канцелярію, возымѣла нѣкоторое дѣйствіе. Администрація прекратила издѣвательства, а полковникъ Стадлеръ вызывалъ даже къ себѣ на аудіенцію подписавшихъ бумагу.

На 12 декабря былъ назначенъ докладъ всѣмъ, кто былъ старше 60 лѣтъ, а 14 декабря я былъ признанъ невиновнымъ. Получивъ 17 декабря паспортъ съ отмѣткой „von Galizien und Bukowina fernzubalten“ (держать подальше отъ Галичины и Буковины) я былъ окончательно освобожденъ и поселился на жительство въ Градецъ, а домой вернулся въ маѣ мѣсяцѣ 1917 г.

Солж. Феодоръ Мерепа.

РАДА МУЗЕЮ
ЛЕМКІВСКОЙ КУЛЬТУРИ
В ЗИДРАНОВІ
38-454 ТИЛЯВА

Содержаніе III. выпуска Талергофъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

	Стр.
Предисловіе къ III. выпуску	III
Жизнь въ Талергофѣ	
Сообщеніе Ил. С. Гошовскаго изъ Станиславова	1
Изъ дневника о. Григорія Макара	4
Сообщеніе Вас. Поворозника	10
„ свящ. о. Антонія Бучко	11
„ г. Крыжановскаго	12
Ивана А. Васюты	14
Воспоминаніе Ю. Н. Кисѣлевскаго изъ Коломыи	17
Феофілаъ Вас. Курилло: Дневникъ лемка изъ Талергофа (съ 14 сент. 1914 по 22 авг. 1915)	22—98
Его-же: Июль и августъ 1915 г. (оконч. дневника)	118
Лемковщина въ Талергофѣ (списокъ)	98
Дневникъ покутянина (А. Я. Бабинъ)	112
Дневникъ священника изъ Самборщины (о. Стефана Березскаго)	138
Екатерина Яникъ о смертной казни своего мужа Андрея	142
Талергофскій узникъ изъ Сокальщины	143
Лемковскіе священники	144
Окружное письмо намѣстника Галичины (М. Бобржинскаго)	145
Одиное заключеніе и подвѣшиваніе гал.-русскихъ студентовъ и др. лицъ (изъ записокъ инж. К. В. Чижа)	149
Изъ думъ Талергофскихъ узниковъ (В. А. Саврукъ)	154

Содержаніе IV. выпуска Талергофъ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Предисловіе къ IV выпуску	III
Дневникъ о. Іоанна Машака (съ 3-го дек. 1914 г. по 17-ое мая 1915 г.)	1—87
Пребываніе въ Талергофѣ В. Р. Ваврика	87
Предательство на два фронта	90
Записки о Талергофѣ о. Генриха Полянскаго	92—131

Талергофская кантина подь судомь	стр. 131
Отношеніе къ талергофцамъ высшихъ австр. властей и гнусная роль „украинской“ партіи	133—143
Краткія записки изъ воспоминаній отдѣльныхъ узниковъ:	
Бережанскій уѣздъ (о. Гр. Качала)	143
Самборскій уѣздъ (о. Іоаннь Шемердякъ)	144
— Антона Бачинскаго	145
— о. Данила Куцѣя	146
Снятинскій уѣздъ	146
Станиславскій у. (о. Лука Корвацкій)	147
Толмачскій у. (о. Іос. Кустыновичъ)	147
Турчанскій у. (Феодоръ Комарницкій-Павликовичъ)	148
Факсимиле-снимка австр. документа	149
Одинъ изъ священниковъ, неволненныхъ въ Талергофскомъ лагерѣ къ непосильной физической работѣ (о. Феофилъ Соневицкій)	150
Изъ Дневника проф. ун-та о. д-ра Т. Мышковскаго	151
Изъ записокъ о. Александра Гелитовича	153
Сообщеніе чуть ли не похороненнаго живымъ	155
Краткая записка б. приговореннаго къ смертной казни (Л. К. Старицкаго)	156
Свидѣтельство одного изъ священниковъ, сравнительно рано освобожденныхъ (о. Феодоръ Мерена)	157

РАДА МУЗЕЮ
ЛЕМКІВСКОЙ КУЛЬТУРИ
В ВИНДРАНОВІ
38-454 ІІІЛІАВІ

Цѣна 5 злот.
Заграницу 1 долларъ.